ГЕРМАН РАУШНИНГ

ГОВОРИТ ГИТЛЕР
ЗВЕРЬ ИЗ БЕЗДНЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Герман Адольф Рейнгольд Раушнинг, нем. Hermann Adolf Reinhold Rauschning (1887 - 1982), немецкий политический деятель, музыкальный критик и писатель-политолог. В 1933/1934 являлся президентом сената Свободного города Данцига. В связи с трениями с нацистами был вынужден покинуть этот пост. С 1939 года проживал в США.

Герман Раушнинг был вхож в ближайшее окружение Гитлера. Разочаровавшись в нацизме, этот бывший сподвижник фюрера в 1940 году опубликовал в Лондоне книгу "Говорит Гитлер"(Hitler Speaks), которая почти полностью состоит из дословно воспроизведенных речей в узком круге посвященных — случай в практике тайных обществ редчайший, — и вслед за ней в 1941 году "Зверь из бездны" (The Beast from the Abyss), — название последней говорит само за себя. В своей книге Г.Раушнинг обличает антихристианское мировоззрение Гитлера и его слепую веру в магическую силу и оккультизм.

- ГЕРМАН РАУШНИНГ
  - От издателя
  - ГОВОРИТ ГИТЛЕР
    -
    - 1. БУДУЩАЯ ВОЙНА
    - 2. ВЕЧЕР И УТРО НА ОБЕРЗАЛЬЦБЕРГЕ
    - 3. ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА И НОВАЯ ГЕРМАНСКАЯ АРИСТОКРАТИЯ
    - 4. АНТИХРИСТИАНИН
    - 5. РАЗГОВОРЫ ЗА ОБЕДЕННЫМ СТОЛОМ
    - 6. "ДА, МЫ ВАРВАРЫ"
    - 7. КОФЕ С ПИРОГАМИ
    - 8. ОБОГАЩАЙТЕСЬ!
    - 9. ПОСЛЕ ВЫХОДА ИЗ ЛИГИ НАЦИЙ
    - 10. ГИТЛЕР РАСКРЫВАЕТ СЕКРЕТЫ СВОЕЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
    - 11. ОПАСНАЯ ИГРА
    - 12. НА ВОЛОСОК ОТ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
    - 13. НОВЫЙ ПОРЯДОК И НОВАЯ ЭКОНОМИКА
    - 14. ДИКТАТОР ЛИ ГИТЛЕР?
    - 15. ЧЕРНАЯ И БЕЛАЯ МАГИЯ
    - 16. ЧЕЛОВЕК В КРУГУ ПЕРЕМЕН
    - 17. ОРЛИНОЕ ГНЕЗДО
  - ЗВЕРЬ ИЗ БЕЗДНЫ

- На борту "Мейфлауэра"[14]
- Мировая революция
- Покушение на безопасность
- Пророки и пропагандисты
- Смятение
- Революция только начинается
- Универсальный характер революции нигилизма
- Революционная инфекция
- Типичная слабость старых режимов
- Сущность этой войны
- Пределы военной эффективности
- Дорога к новому миру
- Соблазн Британии
- Зондирование Соединенных Штатов
- Кое-что еще о технике Гитлера
- Новая элита
- Несменяемость современной элиты
- Россия и борьба за монополию
- Сотрудничество
- Новая социальная база
- Прогресс и варварство
- Хвала компромиссу
- Новая реальность
- Путь к варварству
- Силы регресса
- Двойной аспект социализма
- Признание революции
- Новый абсолютизм
- Разрушенное единство
- Между хаосом и тиранией
- Несоразмерные средства
- Политические соблазны современности
- Левиафан
- Обольщение Левиафаном
- Аталия
- Все ли тщетно?
- Новые категории
- Величие и тяготы изгнания
- Тайна беззакония
- Разоблачение Левиафана
- Всемирный закон нигилизма
- Tristitiasaeculi
- Призыв к Синаю
- "Их роковой час"

- Цыпленок вылупляется из скорлупы
- Наследие пилигримов
-

ГЕРМАН РАУШНИНГ
ГОВОРИТ ГИТЛЕР
ЗВЕРЬ ИЗ БЕЗДНЫ

"Кто подобен зверю, и кто может сразиться с ним?"
Откровение Иоанна. Гл. 13; 4

"МИФ"
Москва, 1993

Составитель, автор предисловия — А. Егазаров.
Редактор — С. Воропаев.

ISBN 5—87214—017—7

Интеллигентный и литературно одаренный Герман Раушнинг был, как ни странно, главой Данцигского сената и состоял в ближайшем окружении Гитлера. Разочаровавшись в нацизме, этот бывший сподвижник фюрера опубликовал в Лондоне книгу "Говорит Гитлер", которая почти полностью состоит из дословно воспроизведенных речей в узком круге посвященных — случай в практике тайных обществ редчайший, — и вслед за ней "Зверь из бездны", — название последней говорит само за себя. Впервые на русском. Лучшая возможность заглянуть, наконец-то, в самую сердцевину фашизма.

©«МИФ» — составление, перевод, оформление, 1993 г.

От издателя

"Где тот историк, сумевший предсказать появление Гитлера!" — сокрушается Элиас Канетти в своей работе "Правитель и власть" [1]. — Даже если какой-нибудь особенно "честной" истории удалось бы изгнать из своей кровеносной системы глубоко въевшийся в нее яд преклонения перед властью, то, в лучшем случае, она сумела бы предупредить о возможности нового Гитлера. Но поскольку он явился бы в другом месте, и облик его был бы иным, то предупреждение было бы напрасным". Канетти, разумеется, прав, но явление Гитлера не единственный случай в истории, когда мир поражался слепотой. Впрочем, и сами историки нередко пели осанну "сверхчеловеку", находя свой цеховой интерес в появлении гигантов, становящихся у "шарнира времен". Анатом располагает лягушками, физик — приборами: у каждого специалиста своя кухня. У историков "горячие блюда" — поля сражений. Разве откажешь повару в котле? Лишь потом выясняется, что яства — Танталовы. Поздно. Съедено.

А как, чтобы не поздно? Здесь Канетти пессимистичен, хотя предсказания вовсе не дело историков. Здесь требуются пророки, ясновидящие, в крайнем случае — футурологи, механизированная ипостась древних сибилл. Обычно грозе предшествует тишина. Эта тишина не похожа на молчание дремлющей природы. На низкой неслышимой ноте звучат голоса предостережения. Так можно ли поверить, что никто не уловил отзвука гудящих под коваными сапогами мостовых. Невозможно, чтобы все поголовно оглохли. Если будущее отбрасывает свою тень в прошлое, кто-то ведь должен предвидеть грядущее затмение.

"Тысячи душ вырывает он из тысячи тел — и в пламени своих речей сплавляет их воедино. Вот стоят они — мужчины, женщины, дети, каждый сам по себе: смехотворная, жалкая картина! И вот он хватает их и мнет как глину, и создает из них Великое — единую мощную массу — огромного безумного зверя. Вот каково его творение, вот что он создает!.." — явно не без воодушевления рисует Г.Г.Эверс[2] картину нового творения. Конечно, Эверс не был профессиональным футурологом, астрологом или ясновидцем. Эверс — писатель. И, судя по всему, не первый, кто открыл свою душу оракулу. Вот еще один аккорд, уловленный задолго до Эверса его британским коллегой Артуром Макеном. Персонажи его повести "Белые люди"[3] рассуждают о том, что мы назвали бы метафизикой зла.

"Зло в своей сути вещь сокровенная, глухая, это не банальность, а жгучая страсть одинокой замкнутой души… Зло… целиком положительно, только находится оно на другой, темной стороне души. Можете поверить мне, что грех в истинном значении этого слова исключительно редок, и вполне вероятно, подлинных грешников еще меньше, чем настоящих святых".

"И тогда истинной природой греха будет…взять небо приступом, как мне кажется, — сказал Амброз. — Это просто попытка проникнуть в другие, высшие сферы запретным способом. Их немного, кто хотел бы проникнуть в иные сферы, высшие или низшие, дозволенным или недозволенным путем. Люди в своей массе находят удовлетворение в той жизни, какой они живут сами. Поэтому святых можно перечесть по пальцам, грешников же (в истинном смысле) — еще меньше…"

"Значит, в грехе есть что-то глубоко чуждое обычному порядку вещей? Вы это хотите сказать?"

"Верно. И святость требует величайшего усилия, но святость исходит из благих и понятных побуждений восстановить то экстатическое состояние гармонии, что существовало до Падения. Грех же — это попытка мгновенно достичь экстаза и познаний, целиком относимых к миру ангелов, и тот, кто пытается это сделать, становится демоном".

"Белые люди" написаны Макеном в конце XIX века. Упомянутый уже "Ученик чародея" Эверса — в XX-ом. Отзвук будущего столь отчетлив и мощен, что два с лишним десятилетия, разделяющие указанные произведения, нисколько не исказили его.

"Ничто не должно погибать, не прожив положенного срока".

"Даже зло?"

"Даже зло. Оно имеет свое право на жизнь — так же, как и все остальное. Мерзко лишь то, что мелко… Но дайте лишь ему вырасти, тому, что вы называете злом! И оно станет большим — а все большое — прекрасно", — читаем мы в том же "Ученике чародея". Если бы не исключительность дарования Эверса, фразу можно было бы счесть плагиатом.

Разумеется, Макен и Эверс не самые заметные фигуры в истории литературы[4], но разве это умаляет значимость их открытия Зла. Зла не в традиционном смысле *преступления* за черту Добра, а как чего-то *иного,* определенного из собственных побуждений, рассматриваемых в *своих* координатах, как целиком позитивные. Не исключено, что в творчестве этих авто в именно ницшеанская идея сверхчеловека оделась в мантии Греха.[5] Но Ницше никогда не выдвигал идею Зла, как чего-то самодостаточного. Пафос его Заратустры, отталкиваясь от

мещанского утилитаризма, скорее устремлялся к античности, где понятия Зла не существует вовсе, ибо Зло предполагает свободу выбора, а выбор под покровом всесильной судьбы был невелик. Хотя все же именно Ницше открыл дорогу неудовлетворенности культурой. Освальд Шпенглер[6] облек эту романтику протеста в логические формы, из которых следовало, что неудовлетворенность вовсе не мистический порыв, а результат конечности культурного зона. Открытия Шпенглера, собственно говоря, не относились к культуре, как к чему-то внешнему. Дальнобойная артиллерия, химический синтез, телеграф и математический анализ, — все эти составляющие западной парадигмы важны не сами по себе, а своим следом в сознании, если можно так выразиться, усредненного индивида. Бесконечное, на первый взгляд, умножение вещей и явлений, расширение границ воспринимаемого, по мнению Шпенглера, насыщает сознание до известного предела, до наполнения внутренней культурной парадигмы, существующей как праформа мышления. Дальше восприятия нет — ощущаемое разлагается и умирает в узнанном. Культура завершается апофеозом распада. Искусство, нерв культуры, первым реагирует на эти изменения. Что касается Европы, то, расправившись с живым в восхитительных конвульсиях модерна, оно устремляется в мир механизмов и абстракций, где все и так изначально мертво, дабы там и самому распасться на атомы направлений, течений и групп, ценностно определенных лишь в узком кругу посвященных.

Конечно, трудно поверить, что в Европе, только-только залечившей раны мировой войны, с радостью ждали новых катаклизмов. Автомобили, радио, телефон, кинематограф, — все взывало к наслаждению жизнью. Хотя наслаждались не все, имелись и некоторые издержки, в основном для проигравшей войну Германии. Пустяки: непомерные репарации и деньги, больше похожие на комиксы из-за быстро растущих нулей, карточки на хлеб и наглое торжество менял, непрерывно работающее правительство и полная неразбериха в стране, граничащая с неряшеством, а еще новый Вавилон — Берлин, где рядом расположились русские большевики и белогвардейцы, немецкие социал-демократы и нацисты. С одной стороны, инфляция разорила средний класс, с другой, правительство Веймарской республики предоставило рабочим социальные гарантии, право на забастовки, частичный контроль над предприятиями. Казалось бы, пролетариат, глина марксистов и социал-демократов, должен чтить своего демиурга. Но… первая политическая организация, в которую вступил Гитлер, называлась Рабочей партией, уже потом из нее выросла национал-

социалистическая, и тс же опекаемые социал-демократами рабочие незаметно, но как-то вдруг стали приходить на митинги нацистов. За души верующих шла отчаянная борьба. Дело доходило до драк. Из драк выросли штурмовики. А дабы не колотить своих, удальцов по охране митингов и шествий вырядили в коричневые рубашки и повязки на рукава, красные с белым кругом и свастикой в нем. А потом факела, ровные шеренги, твердый взгляд, плечом к плечу — сила. Обывателя это влечет. Мощь, красота. Левые Германии, скомкав марксистский миф о грядущем золотом веке в абстракции политэкономии и классовой борьбы, забыли о ритуале. Миф без ритуала превращается в сказку. Сказки забывают. А вот в Советской России товарищи шли верным путем. И будущий вождь Третьего Рейха не постеснялся заимствований. От врага — лучшее. В "Майн Кампф" Гитлер, конечно, об этом умолчал, но в тесном кругу, хорошему собеседнику — можно.

"Я многому научился у марксистов. И я признаю это без колебаний. Но я не учился их занудному обществоведению, историческому материализму и всякой там "предельной полезности". Я учился их методам. Я всерьез взглянул на то, за что робко ухватились эти мелочные секретарские душонки. И в этом вся суть национал-социализма. Присмотритесь-ка повнимательнее. Рабочие спортивные союзы, заводские ячейки, массовые шествия, пропагандистские листовки, составленные в доступной для масс форме, — все эти новые средства политической борьбы в основном берут свое начало у марксистов… Национал-социализм — это то, чем мог бы стать марксизм, если бы освободился от своей абсурдной искусственной связи с демократическим устройством", — говорил Гитлер Раушнингу.

Побежденных тешит героика. Комплекс неполноценности врачуется легендами о предательстве. И в старые мехи вливаются новые вина, и грядущими победами пьянятся сердца. "Массам нужны какие-нибудь фантазии — и они получают прочные, устойчивые формулировки", — признается Гитлер. Не публично, естественно. Для публики существует "Майн Кампф". Но в "Майн Кампф" не написано о том, чего на самом деле хочет Гитлер и что должен совершить национал-социализм. Эта книга для масс. Но у национал-социализма есть и тайное учение", — такими словами предваряет Герман Раушнинг книгу, нацеленную как раз на раскрытие этих тайн, далеко отстоящих от пропагандистских строк нацистской библии.

К сожалению, объем предисловия не даст достаточной палитры для того, чтобы отобразить политическую пестроту

послевоенной Германии. На эту тему написаны горы книг, как, впрочем, и о феномене самого Гитлера. Большинство из них, построенные на на скрупулезной константации фактов и весьма традиционном анализе, заняты объяснением *происшедшего*, того, *как* Гитлер реализовывал свои планы. А психопатия, бред, мания, человеконенавистничество, некрофилия в конце-концов,[7] — ложатся в основу его безумных замыслов. Немецкий народ в трактовке такого рода исследований также охвачен массовым безумием, каким-то сверхъестественным способом он обращается в податливую глину, из которой этот безумный гончар лепит своего Голема. Неудивительна реакция Повеля и Бержьс, озадаченных столь блестящим "снятием" проблемы. "Наши историки целомудренно облачают живую фантастику нацистской Германии в одежду механических объяснений. Но как же так? Разве Германия в дни зарождения нацизма не была страной точных наук? Разве повсюду в мире не уважали германскую методику и логику, научную строгость и честность?.. И вот в этой стране… в стране Эйнштейна и Планка появляется "арийская" физика! На родине Гумбольдта и Геккеля создают расовые науки наговорят о расах!" — восклицают авторы нашумевшего "Утра магов".[8]

Чего же на самом деле хотел Гитлер? Фромм, например, утверждает, что Гитлер был некрофилом. Конечно, не только в грубо-физиологическом смысле. Сублимация некрофилии в политику есть, по Фромму, мания порядка, вечности, законченности. Неподвижно только мертвое. Тысячелетний Рейх, застывший в своих институтах, ни что иное, как вечный труп. Внешне как-будто все выглядит так. Во *время оно* все происходит, затем — все повторяется. В такой культурный цикл замкнуты традиционные общества. [9] Но послушаем, что по этому поводу говорит сам Гитлер.

"Мы — Движение. Ни одно слово не выразит нашу сущность лучше. Марксизм учит, что мир изменяется в результате глобальных катаклизмов. Тысячелетний Рейх сошел с небес, как небесный Иерусалим. После этого всемирная история должна прекратиться. Развития больше нет. Повсюду воцарился порядок. Пастырь пасет своих овец. Вселенная закончилась. Но мы знаем, что не существует конечного состояния, не существует вечности — есть только вечные превращения. Только то, что умерло, свободно от превращений. Прошлое — неизменно. Но будущее — неистощимый и бесконечный поток возможностей для создания новых творений".

Занятно. Гитлер — даос? Цель — ничто, главное — движение? И все же западный телеологический архетип

мышления так просто в покос не оставит. Движение — куда, для чего? Канетти обзывает Гитлера "рабом превосходства". "Маниакальное стремление превосходить связано, как я показал в "Массе и власти",[10] с иллюзией *дальнейшего роста* (Выд. — Э.Канетти). Последнее же воспринимается как своего рода гарантия дальнейшей жизни". В этом пассаже к элементам психоанализа примешивается магия. Пока пирамида строится — фараон *должен* жить. Но жизнь вождя протекает не только под его физической оболочкой. В государствах древности и их рудиментах, традиционных обществах современности, власть и ее источник, бог-царь, были сакральны. Считалось, что жизненные функции монарха магически распространяются на жизнь государства. Теперь подобное ощущение своего тела получает название — паранойя. "Тело параноика — суть его власть, с нею вместе оно расцветет или съежится", — считает Канетти, находя подтверждение своим словам в факте того, что Гитлер старательно оберегал свои чувства от негативных впечатлений: он избегал смотреть на ужасные разрушения городов Германии, отмахивался от дурных вестей с фронта. Гитлер, несомненно, был параноиком. Но не параноиками ли были жрецы ацтеков, питая свое жестокое Солнце кровью пленников вместо того, чтобы искать выгоду в их эксплуатации? Раушнинг в этом вопросе метче. Гитлер — это "Зверь из бездны", он — "представитель иного мира, вырвавшийся в XX век из глубины веков". Где искать этот мир? Что ж, давайте посмотрим на свастику. Этот древний символ, загнутыми концами креста обозначал движение солнца. Есть свастика посолонь и обратная. Фашистское солнце восходит на Западе и катится на Восток. В этом можно искать скрытый смысл — обращение хода времен, или… это взгляд *оттуда,* из Зазеркалья, где левое оборачивается правым.

Здесь нам придется упомянуть оккультные увлечения Гитлера. У Раушнинга, утонченного интеллигента, воспитанного на классической немецкой философии, некоторые высказывания патрона вызывали недоумение. Раушнинг был далек от оккультных течений, пышно расцветших в начале века. Не то у Гитлера, эта тема его волновала всегда. Серьезность его отношения к магическому подтверждает, например, расправа над Штейнером, виднейшим представителем так называемой "белой магии".

Давайте на мгновение предположим, что Гитлер был адептом тайных наук. Мысль не новая. Упомянутые уже Повель и Бержье еще в 1960 году страстно отстаивал и это положение, причем основательно подкрепив его фактами. Вспомним ритуалы магии черной. В их основе всегда лежит жертва. И если в Средние Века

ведьмы жертвенного младенца покупали в трущобах Праги, рискуя при этом самим стать жертвами инквизиции, то век XX, уже встав одной ногой на почву гуманизма и "прав человека", сумел предоставить новоявленным сатанистам куда больше "сырья", швыряя на жертвенники целые народы и даже расы. Концлагеря, по мнению тех же Повеля и Бержье, преследовали не одни лишь практические цели уничтожения неполноценных. "Это жертвенники, где производятся массовые человеческие жертвоприношения, чтобы склонить благоволение могуществ к делу Черного Ордена… Чем были печи Освенцима для черных магов — пекарней кровавого теста, Ритуалом!!" — восклицают увлеченные исследователи, поражаясь собственным открытиям. В этой цитате появляются слова "Черный Орден". Имеется в виду СС. Для нашего читателя, знакомого с нацизмом по фильмам да разного толка обличительным книгам, СС — это нечто вроде обряженных в черную форму фанатичных убийц с руной грома в качестве опознавательного знака. Послушаем же замысел основателя Ордена, Адольфа Гитлера: "Я открою вам секрет, — говорил он Раушнингу, — я создаю Орден, — Гитлер говорил о Бургах, школах посвящения первой ступени. — Оттуда выйдут люди второй ступени человеко-бога. Человек-бог, великолепное лицо Существа, будет подобен иконе культа. Но есть и еще ступени, о которых мне не дозволено говорить".

Тайные общества. Что ж, история кишит подобными образованиями. У них были разные цели, но объединяло их одно: тайна, ритуал, посвящения и в большинстве случаев пирамидальная иерархия. Истинность тайных учений не оспаривалась, ибо они добывались в жестоких инициациях. Для непосвященных эти знания могли остаться пустяком даже будучи разглашенными, лишь адепты, знающие, *как* добываются тайны, могли быть уверены в их истинности. Все, разумеется, погубила мода. Ордалии, как у масонов, приобрели символический характер, а посему и знание, не закаленное испытаниями, быстро померкло и стало предметом тиражирования. И вот — век XX. Гитлер и еще одно заметное лицо в истории предпринимают грандиозную попытку восстановить смысл и значение тайных обществ, расширив их внешний круг до самых границ властных полей. В Германии первая ступень посвященности совпадает с границами нации, в многонациональном Советском Союзе черта, отделяющая посвященных от профанов, проходит по краям нового типа общности — советскому народу. Сакральное знание в первом случае опирается на миф о превосходстве арийской расы, во втором — на марксистские лозунги о роли пролетариата, как могильщика буржуазии и творца нового мира. В обоих случаях

исключительную роль играет Партия, руководящая и направляющая сила, это уже посвящение следующей ступени, далее круги сужаются: райкомы, обкомы, ЦК, Политбюро, и наконец — вершина пирамиды — вождь, формально как-будто бесправный, на деле же — всевластный. Партийная иерархия приходит на смену общественной. Любая светская карьера, не освященная партией, становится немыслимой, и в результате Партия, ничем, кроме взносов не обладая, владеет всем. "Поймите, собственность больше ничего не значит, — говорил Гитлер Раушнингу. — Наш социализм берет значительно глубже. Он не меняет внешнего порядка вещей, а формирует лишь отношение людей к государству, ко всенародной общности. Он формирует их с помощью партии. И я бы сказал точнее, с помощью Ордена… Они уже изменились. И здесь им не помогут ни имущество, ни доходы. Зачем нам социализировать банки и фабрики? Мы социализируем людей". Чем было чревато нарушение партийного табу? Кара, казалось бы, пустяковая, в худшем случае — отлучение. Да, с отступника всего лишь снимался покров благодати, даруемый Партией, но этот покров, подобно последнему одеянию Геракла, просто так не сходил, отлучать приходилось с кровью. Дали — взяли. Не снимается, кто виноват? Так осуществлялась селекция. С какой целью? Тут у наших вождей задачи были сходными. Созидался человек нового типа. Гитлер в 1937 году на открытии Дома немецкого искусства в Мюнхене определил его так: "Сегодня время работает на новый человеческий тип. Невероятное усилие должно быть сделано нами во всех областях жизни, чтобы поднять народ, чтобы наши мужчины, мальчики и юноши, девушки и женщины становились здоровее, сильнее и прекраснее…" Вспомним и советского "человека нового типа". Природный цикл в сотворении homo sapiens, считают наши вожди, завершен, дальнейшее развитие возможно только при участии нового мессии, который не искупляет, а поднимает природную незавершенку в лице человека до своего полубожественного статуса. Но у эрзац-богов есть один неустранимый изъян — они смертны и поэтому проверенный способ обновления через цепь смертей и рождений им недоступен. Сродное к сродному. Эрзац-боги используют эрзац этих главных таинств природы. Поэтому в инициациях и посвящениях мистерий двадцатого века слышен отзвук древних обрядов, использующих символизм смерти-воскресения. Очищаясь в клятвах и торжественных обещаниях, под гром барабанов, символизирующих присутствие Духа, в свете костров, сложенных из книг отторгнутого мира, где вместе с ложным знанием сгорает их эго, в факельном шествии приближаются к

своему новому рождению неофиты. И вот, вместо россыпи никчемных непостоянных "я" рождается единое и мощное "Мы", одно на всех — эманация демиурга. Так создается народ, который можно повести к концу Истории. "Есть ли что-нибудь счастливее национал-социалистического собрания, — воодушевленно восклицал Гитлер, — где все — и докладчики и слушатели ощущают себя единым целым? Это счастье единства. С такой интенсивностью его переживали лишь общины первых христиан". И отсюда любовь к молодежи: в юношах и девушках "я" еще не успело пустить глубокие корни. "Моя молодежь", — любил приговаривать Гитлер. Остальную, особенно образованную часть немецкого общества, объявили балластом. Другой вождь, Сталин, пошел несколько дальше германского, ритуал посвящения в новую жизнь для неподатливых, "попутчиков", он расширил ордалиями Гулага. Ордалии имели типично шаманский термин "перековка". Итак, начало новому миру положено, но в отличие от работы Природы, юная Вселенная создавалась в обратном порядке. От своего венца, человека, до новых космогоний в конце. "Наступает новая эпоха магического истолкования мира, истолкования с помощью воли, а не с помощью знания. Истины не существует — ни в моральном, ни в научном смысле", — набрасывает Гитлер контуры нового мировоззрения. Собственно говоря, мировоззрения как такового больше не существует. Мировоззрение и есть мир, управляемый волей. На "Эннеады" Плотина в Германии был большой спрос. Новый человек может все. В десятки раз перевыполнить план, изменить течение рек, воспитать пшеницу. Лысенковщина в СССР и горбигерианство в Рейхе конечно же не были обскурантизмом. В этих "науках", как и в алхимии, есть две цели: внешняя, пропагандируемая, и внутренняя — известная только посвященным. Манипуляция объектом в магических искусствах — только проформа для изменения самого манипулятора. Воспитывая пшеницу, современные чародеи на самом деле разливали в обществе эликсир уверенности — "наш человек" может все. Он не раб природы, а ее господин. Но вернемся к фюреру. Приписав себе искупительную роль, освобождающую массы от бремени совести и свободы выбора, не нуждался ли он сам в искуплении, до конца ли он веровал в свое избранничество, не руководили ли им иные силы, недоступные нашему восприятию? И неужели, как не раз декларировал этот бывший акварелист, его жизнь была воплощенным служением нации? Но Бразиллаш считает, что "… имей Гитлер в распоряжении народ, который более, чем немцы, годился бы на службу его высшей задаче, он не задумался бы выкинуть Германию на свалку"[11]. На пороге катастрофы Гитлер

и сам не скрывал этого. "Если войну не спасти, — говорил он Шпееру, — народ тоже должен погибнуть. Не нужно заботиться о том, что потребуется немецкому народу, чтобы влачить примитивное существование в будущем. Наоборот, все лучше уничтожить. Ибо народ оказался слабым, и будущее принадлежит исключительно восточному народу, как более сильному. Уцелели в борьбе только неполноценные, лучшие пали". Вот вам и национализм Гитлера — ширма! Как-будто можно ставить точку: Гитлер параноик и некрофил. Обещал своему народу господство и славу, не получилось — бросил, придавил, размазал. А может, бросили его самого? И вот он, словно забытый старшими ребенок стучится во все двери. С грохотом летит на пол посуда, он подходит к одной двери — слушает. Молчание. Вот он ломает игрушки — опять тишина. Мучает кошку — откликнитесь. Но в душераздирающие вопли животного не вклинивается ни единого звука ОТТУДА. Никто его не пытается остановить. Ему нужен *отклик,* свидетельствующий об ИХ присутствии. Отклик — заветная мечта всех жертводателей. Какой — не суть важно. А он, поверив ИМ, он заваливает Землю трупами, он приносит гекатомбы и тератомбы жертв, ни на день не остывают капища Освенцима и Бухенвальда, за короткое время он выдает столько гавваха,[12] сколько не дали все мучители мира за всю историю страданий, наконец, он отдаст на разрушение города Германии, устраивает новый потоп, истребляя при этом 300 тысяч берлинцев. И чем воздают ему — молчанием, словно и не было никогда эпифании темных могуществ. Теперь он должен умереть. И вера, что с ним умрет все, поколеблена. Вместо того, чтобы в посмертии воссесть одесную престола темных могуществ, его удел — обожженный труп и проклятия веков.

"Сомнения и страх сжимают горло. Он снова хрипит. Он болен. Он пробует свой пульс. Он испуган. Он весь потен. Он дрожит. Пророчество, последний гороскоп! Он упустил из виду предостережение!

Одиночество подавляет его. Он боится одиночества. Что-то ужасное скапливается вокруг него, когда он один. Он должен видеть людей. Он должен действовать. Ему нельзя думать. Только действовать!

Он идет к лифту".

Эти слова написаны Раушнингом за шесть лет до кончины Гитлера. Впереди еще будут победы: покорение Франции, бомбежки Лондона, беспримерный поход на Восток. Но уже тогда его парки соткали ему погребальный ковер, из которого в 45-ом советские разведчики извлекут обожженный труп невысокого человека, на шесть лет погрузившего мир в состояние ужаса.

Я далек от мысли убедить читателя в существовании оккультно-магических корней германского нацизма. Ведь мы не рассмотрели за неимением места ни экспедиции в Тибет, ни работы Аненербе, ни опыты на о.Пенемюнде. Действительно ли общался Гитлер с могуществами Шамбалы, был ли он их медиумом, обладал ли даром ясновидения? Повель и Бержье со страстью первооткрывателей положительно отвечают на этот вопрос. Им вторит некто Пруссаков, списавший у них добрую половину главы, посвященной нацизму.[13] Не все работы, эксплуатирующие эту тему, заслуживают доверия. Не стоит забывать, что рядом с Аненербе в нацистской Германии работали заводы Круппа и Мессершмита, а теории Горбигера соседствовали с разработкой атомной бомбы и реактивного движения. "Магический дух фашизма вооружился всеми рычагами материального мира", — предупреждают нас авторы "Утра магов".

Наше общество взрослеет. Поэтому охранительная магия против упырей типа "плохое — безобразное" должна уступить место взрослому беспристрастию. С Гитлера необходимо снять одежды, годные разве что пугалу. Зло, как было тонко замечено В.Соловьевым в "Трех разговорах", спрячет хвост под фраком, и прикроет копыта штиблетами, его посланцы будут умны и красивы и начнут карьеру с благодеяний. Вурдалаки будут распевать песни мира и дружбы, а суккубы начнут бороться за нравственность. И опять мы чего-то недоглядим, а когда будет поздно, затянем скорбные песни раскаяния.

Я далек от мысли, что две работы Раушнинга, собранные здесь, послужат нам предупреждением. Но нам повезло: во-первых, в том, что именно Раушнинга, утонченного аристократа и эрудита, Гитлер посвящал в свои планы, во-вторых, потому что глава Данцигского сената не поленился записать свои беседы с фюрером, в-третьих, оттого, что порвав с фашизмом и эмигрировав в Англию, он решился их опубликовать, и, наконец, в-четвертых, еще до полномасштабной войны в Европе, в "Звере из бездны" он указал на ее неизбежность и уличил общественность в патологической глухоте. "Перед нами зеркало, в котором мы должны узнать себя — искаженными, но с долей нашей собственной сущности. И это касается не только немцев. Гитлер — это проявление не одного лишь пангерманизма, а всей нашей пораженной слепотой эпохи", — пишет Раушнинг в 1939 году.

Быть может, кто-то, прочитав эту книгу, загорится желанием найти Зверя в его логове. Маленький совет на прощание: не ходите далеко, не ищите Зверя под мостовыми. Лучше подойдите к зеркалу, и на лице, удивленно глядящем на Вас из Зазеркалья, отыщите две маленькие черные точки.

Видите?..
Альберт Егазаров

ГОВОРИТ ГИТЛЕР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если Гитлер победит… Я полагаю, никто не имеет даже самого отдаленного представления о всемирном революционном перевороте, который произойдет после этого. Не в одной лишь Европе — во всем мире рухнут все внешние и внутренние порядки. Случится то, чего никогда не случалось прежде в истории человечества: всеобщее крушение Порядка как такового!

Сокрушить мир — вот цель недавно начатой войны. Гитлер убежден, что ему нужна лишь одна победоносная война, чтобы преобразовать всю Землю согласно своей воле. Безумная мысль. Но историческая сила, руководимая ложными творческими амбициями, способна, по крайней мере, на одно: превратить весь мир в руины.

В "Майн Кампф" не написано о том, чего на самом деле хочет Гитлер и что должен совершить национал-социализм. Эта книга — для масс. Но у национал-социализма есть и тайное учение. Оно преподается и разрабатывается в определенных кругах весьма малочисленной элиты. В СС, "Гитлерюгенд", в кругах политического руководства, во всех кадровых организациях есть слой обычных членов — и группа посвященных.

Только узким кругам посвященных известно, чего на самом деле хочет Гитлер, и что такое национал-социализм. Только в узком кругу Гитлер более откровенно высказывался о своих политических и социальных целях. Находясь в одном из таких узких кругов, я слышал все это из его собственных уст.

Если бы эти "Разговоры" были опубликованы еще полгода назад, меня обвинили бы в злобных измышлениях и клевете. Даже намеки, не говорившие ни слова по существу, возбуждали удивление и недоверие. Выпустив в свет "Революцию нигилизма", автор этих строк снова вынужден был выслушивать упреки, будто его утверждения противоречат тому, что ясно сказано в "Майн Кампф" о целях национал-социализма. В частности, относительно союза между национал-социализмом и Советской Россией. То, что я недвусмысленно сообщал об истинных целях Гитлера, никто не принимал всерьез, пока в национал-социализме видели только немецкое националистическое движение, которое борется против некоторых наиболее тяжелых условий Версальского договора.

Только сейчас мир созрел для того, чтобы увидеть Гитлера и гитлеровцев такими, каковы они на самом деле: апокалипсическими всадниками гибели мира.

Эти разговоры с Гитлером аутентичны. Они состоялись в последний год борьбы за власть и в первые два года (1933/34) господства национал-социалистов. Автор этих строк почти всегда делал свои записи непосредственно под впечатлением услышанного. Многие из них можно считать почти дословными. Здесь Гитлер в кругу доверенных лиц свободно высказывает свои истинные мысли, скрываемые от масс. Эти высказывания, конечно же, принадлежат человеку "ненормальному" в общепринятом смысле слова. Но какими бы дикими не казались его идеи, они несут в себе некий отзвук, который мы расслышали только теперь — отзвук демонического голоса разрушения.

Здесь один человек приводит к абсурду целую эпоху. Перед нами зеркало, в котором мы должны узнать себя — искаженными, но с долей нашей собственной сущности. И это касается не только немцев. Гитлер — это проявление не одного лишь пангерманизма, а всей нашей пораженной слепотой эпохи. Здесь один человек, весьма ограниченный, раб в глубине своих инстинктов, подобно Дон Кихоту, воспринимает буквально все то, что до сих пор было для прочих лишь духовным искушением.

Поэтому — если Гитлер победит — изменятся не только государственные границы. Исчезнет все, что до сих пор считалось смыслом и ценностью человечества. И поэтому война с Гитлером касается каждого. Это не европейская война из-за политических проблем. Это "Зверь из бездны" вырвался наружу. И мы все, к каким бы нациям мы не принадлежали, и немцы в том числе, именно немцы в первую очередь — связаны одной целью: закрыть эту бездну.

1. БУДУЩАЯ ВОЙНА

"Будущая война будет выглядеть совсем иначе, чем прошлая мировая война. Пехотные атаки и массовые кампании уже не представляют интереса. Больше не будем годами застревать в окопах по всему фронту. Я вам гарантирую. Это было вырождением войны". Взгляд Гитлера сделался пристальным, с маленькой остекленной веранды своего дома он смотрел на крутые склоны гор. "Мы будем действовать свободно — и снова обретем превосходство".

"Господин Гитлер, вы полагаете, что Германия подготовила секретные изобретения, которые способны сломать любое сопротивление, перед которыми не устоит даже французская "линия Мажино"?" — Альберт Форстер, гауляйтер Данцига, подмигнул мне — сейчас Гитлер усядется на своего любимого конька.

"Секретные изобретения заготовлены у всех армий. Но я сомневаюсь, что они имеют какое-либо значение", — ответил Гитлер. - Но это едва ли относится к нашим новым бронебойным снарядам". "И к применению электричества на войне — разве неправда, что оно создает принципиально новые возможности для атаки? — возразил Форстер.

А новые отравляющие газы, а бактериологическое оружие? Будут ли бактерии применяться в качестве оружия в будущей войне?"

"Народ, незаконно лишенный своих прав, может применять любое оружие, в том числе и бактериологическое". Голос Гитлера стал громче. "Я не испытываю угрызений совести и возьму то оружие, которое мне нужно. Новые отравляющие газы ужасны. Но нет никакого различия между медленной смертью за колючей проволокой и предсмертными мучениями пораженных газом или бактериями. В будущем народ восстанет на народ, а не армия на вражескую армию. Мы будет ослаблять физическое здоровье нашего противника, так же как мы ослабляем морально его волю к сопротивлению. Я думаю, впрочем, что у бактериологического оружия есть будущее. Мы еще не так далеко продвинулись, но уже производятся опыты. Я слышал, что они проходят успешно. Но применение этого оружия ограничено. Его значение — в истощении противника ДО войны. Наша основная война, впрочем, должна закончиться еще ДО начала военных действий. Я считаю, мы победим таким образом враждебную Англию. Или Америку".

"Мой фюрер, вы полагаете, что Америка снова будет

вмешиваться в европейские дела?" — спросил третий из нас, молодой командир данцигских штурмовиков.

"Мы в любом случае будем препятствовать тому, чтобы она снова делала такие попытки. Есть новое оружие, которое на них подействует. Америка уже давно стоит на грани революции. Мне будет легко вызвать в Соединенных Штатах мятежи и беспорядки, так что у этих господ будет достаточно хлопот с собственными делами. Нам они в Европе не нужны".

"Вы сказали, противник будет заражен бактериями еще до войны. Как это можно сделать, когда кругом мир?" — спросил Форстер.

"С помощью агентов, безобидных туристов, это все еще самое надежное средство, единственно действенное в настоящее время, — продолжал Гитлер. — Кстати, вам следовало бы иметь в виду, что пройдет несколько недель, если не больше, пока размеры эпидемии станут заметны. Очевидно, бактерии могут применяться и в разгар войны, а именно, когда сопротивление противника пошатнется".

Наша беседа коснулась некоторых подробностей будущей газовой и бактериологической войны. Мы сидели на тесноватой веранде дома Вахенфельд на Оберзальцберге. Великолепный волкодав Гитлера лежал у его ног. Над приветливым зеленым косогором по ту сторону долины мерцали силуэты гор. Волшебное августовское утро дышало той терпкой, напоминающей о близкой осени ясностью, что всегда бодрит в Баварских горах. Гитлер напевал мотивы из опер Вагнера. Мне казалось, что он рассеян, лишен внутреннего равновесия. Едва собравшись что-то сказать, он тут же погружался в угрюмое молчание. Впрочем, время было трудное: национал-социализм приближался к своему самому тяжелому кризису. Партия попала в отчаянное положение. Но в каждом слове Гитлера звучала твердая убежденность в том, что он скоро будет у власти и поставит немецкий народ перед лицом новой судьбы. Мы говорили об окончании первой мировой войны — о том, какой трагедией обернулись для Германии все ее победы.

"Мы не капитулируем никогда, — воскликнул Гитлер. — Может быть, мы погибнем. Но мы возьмем с собой весь мир. "Муспилли. Мировой пожар".

Он напел тему из "Гибели богов". Наш юный друг из СА прервал молчание: по его мнению, наши противники тогда имели превосходство в вооружении — именно поэтому война закончилась для нас столь неудачно.

"От вооружения ничего не зависит, все и всегда зависит от людей, — указал ему Гитлер.

"Однако же новые изобретения и более совершенное оружие решают судьбы целых наций и классов. Не из этого ли вы исходили, мой фюрер, когда только что сказали, что будущая война будет происходить совсем иначе, чем предыдущая? Новое оружие, передовая техника изменят сам ход войны. Они отправят всю стратегию на свалку. А Германия сейчас как раз имеет превосходство в вооружении и передовой технике".

"Нет, стратегия не изменяется. По крайней мере, из-за новой техники. Это не так. — Гитлер оживился. — Что изменилось со времен битвы при Каннах? Что изменилось в законах стратегии в средние века благодаря изобретению пороха? Я сомневаюсь, что технические новшества имеют значение. Не бывало еще технических нововведений, способных надолго изменить законы ведения войны. За каждым изобретением по пятам идет следующее, которое сводит к нулю воздействие предыдущего. Конечно, военная техника развивается и она еще создаст много новинок, пока не достигнет абсолютного верхнего предела разрушительности. Но все это может обеспечить только временное превосходство".

Адольф Гитлер — солдат Западного фронта, ноябрь 1914. Он уклонился от службы в австрийской армии, поскольку она была "негерманской". Но когда в августе 1914-го в войну вступила Германская Империя. Гитлер записался добровольцем в Мюнхене. Война была для него великим, решающим событием, но он едва ли мог поделиться своими чувствами с однополчанами. Они высмеивали его за недружелюбность, нелюдимый характер, за то. что он не принимал участия в обычных развлечениях и проводил целые часы в одиноких мечтаниях

Подошел Гесс, в то время личный секретарь Гитлера, который отлучился в начале беседы, "Очевидно, господам не совсем ясно, каким образом Германия в будущем избежит многолетней позиционной войны, если технических новшеств для военного дела столь ограничено, разъяснил Гесс. "А кто сказал, что я вообще начну войну, как те идиоты в 1914-м? Разве все наши старания не направлены как раз на то, чтобы этому помешать? У большинства людей просто нет фантазии. — Лицо Гитлера исказилось презрительной гримасой. — Они могут представить себе грядущее только в образах, взятых из собственного мизерного опыта. Они не видят ничего нового, ошеломляющего. Генералы тоже бесплодны. Они запутались в своих профессиональных познаниях. Творческий гений всегда находится вне круга специалистов. Я обладаю даром сводить

проблему к ее элементарной сущности. Из войны сделали тайную науку. Ее окружили торжественной суетой. Война — это самое естественное, самое повседневное. Война — всегда, война — повсюду. Ей нету начала, в ней нет перемирия. Война — это жизнь. Война — это любая борьба. Война — это древнейшее состояние. Вернемся к примитивным действиям тех же дикарей. Что есть война, как не коварство, жульничество, обман, как не атака и удар из засады? Люди убивают друг друга только тогда, когда они не могут найти другого выхода. Купцы, разбойники, воины — прежде все было едино. Есть расширенная стратегия, есть война духовными средствами. В чем цель войны, Форстер? Чтобы противник капитулировал. Если он это сделает, у меня будет возможность уничтожить его целиком. Зачем мне деморализовать его военным путем, если я могу сделать это другим способом, дешевле и лучше?">

И тут Гитлер развил перед нами основы своей военной стратегии, которые он затем многократно опробовал на практике. В то время это было необычное и не очень ясное учение. Было заметно, что он долго и тщательно занимался этим вопросом. Он ощущал себя новым великим стратегом, будущим полководцем — в новом и до сих пор неслыханном смысле этого слова.

"Если я возьмусь воевать, Форстер, то в один прекрасный мирный день я просто введу войска в Париж. На них будет французская форма. Они будут маршировать по улицам средь бела дня. Никто не задержит их. Они промаршируют к зданию Генштаба. Они займут министерства, парламент. За несколько минут Франция, Польша, Австрия, Чехословакия лишатся своих лидеров. Армия — без Генштаба. Все политическое руководство — в отставке. Возникнет небывалое замешательство. Но я уже давно связан с людьми, которые образуют новое правительство. Правительство, которое мне подходит. Мы находим таких людей, мы находим их в любой стране. Нам не приходится их покупать. Они приходят сами по себе. Их толкают к нам честолюбие и слепота, невежество и внутрипартийные склоки. Мы заключим мир прежде, чем начнем войну. Я вам гарантирую, господа: невозможное всегда выигрывает. Невероятное — надежней всего. У нас будет достаточно добровольцев, таких как наши штурмовики — молчаливых и готовых к самопожертвованию. Мы перебросим их через границу в мирное время. Конечно, никто из них ничем не будет отличаться от обычного туриста. Сегодня это кажется вам невероятным, господа. Но я буду проводить эту линию, шаг за шагом. Возможно, мы высадимся на аэродромах. Мы будем перевозить по воздуху не только бойцов, но и вооружение. Нас не остановит никакая линия Мажино. Наша

стратегия, Форстер, — уничтожать врага изнутри, чтобы он сам себя побеждал".

"Две недели назад, — прошептал Форстер, — он представил генералам в Восточной Пруссии новый план обороны от нападения Польши. Они приняли этот план. Гитлер — гений, он специалист во всех сферах".

Линсмайер, наш командир штурмовиков, попросил Гитлера сфотографироваться с нами. Мы встали и вышли на косогор перед домом. Гесс сфотографировал нас, с Гитлером в центре. Мы немного прошлись по дорожке, в то время еще узкой, сразу за домом уводившей в близлежащий лес. Я взглянул на гостиницу "У турков", стоявшую напротив. Там собрались постояльцы, они направляли вверх свои бинокли. Гесс указал на зеленый склон, увенчанный мягким округлым куполом. Здесь следует устроить посадочную площадку для самолетов, чтобы не спускаться каждый раз в долину на автомобиле. Кстати, Гесс недавно успешно участвовал в авиационном соревновании. Форстер заговорил с ним об этом.

"Впредь оставьте эти полеты, — сказал Гитлер. — Вам это ни к чему. Вы нужны мне, Гесс".

Гитлер снова вернулся к прежнему разговору. "В авиации мы, несомненно, будем лидировать. Она дает много возможностей. Мы будем иметь превосходство надо всеми. В этой области у нас только один серьезный противник: англичане. Славяне никогда не умели вести воздушные бои. Это мужское оружие, это германский способ борьбы. Я построю самый большой воздушный флот в мире. У нас будут самые отважные пилоты. Конечно же, у нас будет еще и большая армия".

"Вы введете всеобщую воинскую обязанность?" — спросил Линсмайер.

"Не просто обязанность, а всеобщую воинскую повинность, против которой Гинденбургова "обязанность содействия армии" — всего лишь необработанная заготовка. Нам нужны армии: не просто хорошо обученные спецподразделения, а массовые армии. Но мы будем использовать их не так, как в 1914 году. Как в "окопной войне" артподготовка проводилась перед фронтальной атакой пехоты, так в будущем, перед тем как задействовать армию, мы будем вести психологическое ослабление врага посредством революционной пропаганды. Враждебный народ должен быть деморализован и готов к капитуляции, его следует психологически вынудить к пассивности, и только потом можно думать о военных действиях. Как достигнуть моральной победы над противником еще до войны? Вот вопрос, который меня интересует. Кто сражался на передовой — тот не захочет новых

кровавых жертв, если их можно будет избежать. Хороши все средства, которые позволяют сберечь драгоценную немецкую кровь. Мы не побоимся даже разжигать революции. Вспомните сэра Роджера Кэзмонта и ирландцев в мировую войну. Во вражеской стране у нас повсюду есть друзья, которые помогут нам; мы знаем, как их приобрести. Смятение, внутренняя борьба, нерешительность, панический страх — вот наше оружие. Вы же знаете историю революций, — обратился Гитлер ко мне. — Всегда одно и то же: господствующие классы капитулируют. Почему? Потому что они впадают в пораженчество; у них больше нет воли. Революционное учение — вот секрет новой стратегии. Я учился у большевиков. Я не боюсь говорить об этом. Люди в большинстве своем всегда учатся у собственных врагов. Знакомы ли вы с учением о государственном перевороте? Займитесь этим предметом. Тогда вы будете знать, что делать".

Мы слушали его, и никто не знал, насколько близко мы все находились к осуществлению этих идей. Я думал об эксперименте с большевистскими вождями, который затеяло Верховное главнокомандование Германии в мировую войну. То, что тогда казалось импровизацией, призванной сделать врага небоеспособным с помощью революции внутри страны, теперь было систематизировано, сформулировано в виде общего правила.

Антисемитизм наиболее извращенно выразился в еженедельной газете "Штюрмер", издававшейся Юлиусом Штрайхером, гауляйтером Франконии.

Травля евреев, проводившаяся национал-социалистическим "Боевым листком", часто сопровождалась порнографическим подтекстом, как, например, в печально известных "Историях о ритуальных убийствах". Печатались с продолжением и выходили отдельным изданием "Протоколы сионских мудрецов", содержанием которых был вымышленный еврейский план завоевания мирового господства — то, что "Протоколы" были явной фальшивкой, не мешало их распространению в органах антисемитской прессы."Я никогда не начну войны, не зная наверняка, что деморализованный противник сразу рухнет от одного гигантского удара. — В глазах Гитлера блеснула непреклонность, он начал кричать. — Если враг внутренне деморализован, если он стоит на пороге революции, если ему угрожают народные волнения — тогда время пришло. Один единственный удар уничтожит его. Авиационные налеты неслыханной массированности, внезапные атаки, террор, саботаж, покушения, убийства лидеров, удары превосходящими силами по всем слабым местам обороны противника,

молниеносные, одновременные, без учета резервов и потерь — вот будущая война. Гигантский удар, сокрушающий все. Я не думаю о последствиях, я думаю только об одном.

Я не играю в войну. Я не позволю, чтобы "полководцы" командовали мною. Я САМ веду войну. Я САМ определяю момент, благоприятный для атаки. Такой момент бывает только раз. Я буду ждать его. С железной решимостью. И я не упущу его. Я приложу всю свою энергию, чтобы этот момент наступил. Вот моя задача. Если я добьюсь этого момента, я имею право посылать молодежь на смерть. Тогда я сберегу столько жизней, сколько можно сберечь.

Господа, мы хотим не играть в героев, а уничтожать противника. Генералы, несмотря на свои военные доктрины, хотят вести себя по-рыцарски. Они считают, что войны следует вести как средневековые турниры. Мне не нужны рыцари, мне нужны революции. Я положил учение о революции в основу моей политики".

Гитлер на мгновение прервался. "Ничто меня не испугает. Никакие так называемые нормы международного права, никакие договоры не удержат меня от того, чтобы использовать предоставившееся мне преимущество. Грядущая война будет неслыханно кровавой и жестокой. Но эта жесточайшая война, не делающая различия между военным и штатским, будет одновременно и самой милосердной, потому что она будет самой короткой. И вместе с полным применением всего нашего оружия мы ослабим противника психологической войной. Мы так же наверняка будем иметь революцию во Франции, как мы на этот раз НЕ БУДЕМ иметь ее в Германии. Будьте уверены. Я приду к французам как освободитель. Мы придем к маленьким людям среднего достатка как носители справедливого социального устройства и вечного мира. Ведь никто из этих людей не желает ни войны, ни великих подвигов. Но Я хочу войны. Мне годится любое средство. И мой девиз — не просто "не торговаться с врагами", а уничтожать их самыми откровенными средствами. Эту войну веду Я!"

2. ВЕЧЕР И УТРО НА ОБЕРЗАЛЬЦБЕРГЕ

Мы прибыли из Данцига: Форстер, Линсмайер и я. Было около полуночи, когда наш поезд пришел в Берхтесгаден. Гитлер прислал за нами автомобиль. Добрых двадцать минут мы взбирались наверх, пока не въехали на Оберзальцберг. Гитлер хотел принять нас еще ночью. Конечно, поездка оказалась весьма опасной.

Гитлер вышел нам навстречу. У него были гости — дамы.

Маленький, симпатичный, скромный дом. Гости сидели в небольшом зале, обставленном в баварском народном стиле и занимавшем всю ширину дома. У большой печки стояла простая полукруглая скамья. Висела клетка, в ней пищала испуганная птичка. Гесс поздоровался с нами. Нас представили дамам. Гитлер (хотя у него в доме никто не пил) предложил нам вишневый ликер. На высоте было довольно холодно. Жесткий горный воздух после жаркой летней дороги.

Тогда, в августе 1932, я видел Гитлера уже не в первый раз. К тому времени мне уже доводилось взглянуть в его знаменитые глаза. Но сейчас я впервые видел его в кругу близких ему людей. Хорошая мещанская компания на фоне гор и изысканно-крестьянского интерьера; такая обстановка часто встречалась до войны у средних слоев нашей буржуазии. Хлопчатобумажные занавески, так называемая крестьянская мебель — все какое-то мелкое, будто нарочно уменьшенное. Обрамление, едва ли соответствующее фигуре будущего освободителя Германии.

Как Гитлер воздействовал лично на меня? Этот вопрос мне задавали очень часто. Признаюсь, что чувства, которые он возбуждал во мне, были несколько двойственными. В этой обстановке великий народный оратор становился блеклым и невыразительным, как обычный немецкий мещанин. Все было очень симпатично, но ни один предмет не нес на себе отпечатка личности. Меня озадачило полночное общество перезрелых дам. Неужели ему действительно нужна религиозная преданность женщин, чтобы поддержать уверенность в себе?

В Гитлере нет ничего привлекательного. Сейчас это знает каждый. Но в то время еще была распространена легенда о его глубоких голубых глазах. На самом деле они не были ни глубокими, ни голубыми. Они глядели либо пристально, либо безразлично. Им не хватало блеска истинной одухотворенности. Акцент его глухого, чужеродного голоса неприятен для уроженцев Нижнего Рейна. Голос полнозвучный, но какой-то сдавленный, как будто заложен нос. Между тем, этот голос — пронзительный,

гортанный, угрожающий, беснующийся — стал известен во всем мире. Он воплотил в себе боль этих лет. Многие годы его будут воспринимать как символ безумного времени, и никто не сможет понять, каким образом этот голос мог очаровывать людей.

Очарование личности довольно своеобразная вещь. Я убедился на своем примере и на примере других, что такому очарованию можно поддаться лишь тогда, когда хочется ему поддаться. Я заметил, что Гитлер оказывал наиболее сильное воздействие на тех, кто был гипнабелен, с оттенком женственности в характере, или же, благодаря воспитанию и общественному положению, был склонен к раболепию и культу личности. Внешность и манеры Гитлера, определенно, ни в коей мере не способствовали повышению его личного обаяния.

Гитлер принял нас нарочито приветливо. Это было как раз после одного зверского убийства, в Верхней Силезии. Национал-социалисты среди ночи ворвались в дом своего политического противника и забили его до смерти. Рейхсканцлер фон Папен, который позднее вынужден был уступить Гитлеру в борьбе за власть, отдал суровые распоряжения относительно политических преступлений. Убийцы Потемпы были приговорены к смерти. Гитлер послал фон Папену скандально известную телеграмму с заявлением о солидарности с этими убийцами. Он одобрял их поступок, он называл их своими товарищами. Благодаря этому поступку Гитлер потерял благосклонность многих людей. Его звезда начала блекнуть.

Наша беседа вертелась вокруг недавних событий. Гитлер с негодованием говорил о борьбе национальной буржуазии против него. Он назвал ее истинным врагом Германии.

"Я распущу "Стальной шлем", — заявил он с уверенностью человека, который знает, что делает. ("Стальной шлем" был национальным союзом фронтовиков, фактически — боевым отрядом Немецкой националистической партии). Затем он принялся обличать политику Палена — лживую и преступную, по его мнению. Он коснулся смертных приговоров и назвал их насмешкой над чувством законности. Энергичность его тона показывала, насколько остро он осознает невыгодность своей позиции.

"Народ никогда не забывает таких кровавых приговоров, — сказал он. — В такое беспокойное время нация может простить все, что случается в открытом бою между двумя противоположными мировоззрениями. Если я дам штурмовикам свободу действий, если в уличных боях погибнет двадцать или тридцать тысяч немцев — нация переживет все это. Она перенесет такую утрату. Это будет похоже на гибель в открытом бою, на

полях сражений. Но ошибочный приговор, вынесенный хладнокровно и обдуманно, смертный приговор, вынесенный и приведенный в исполнение вопреки безошибочному правовому чутью народа, смертная казнь за поступок, совершенный под влиянием национальных чувств, как за банальное убийство — нация запомнит это навечно".

Признаюсь, что эти страстно преподнесенные аргументы произвели на меня впечатление, хотя сам я, как и большинство народа, видел в отвратительном убийстве Потемпы не что иное, как одно из наиболее мерзких пятен на коричневой рубахе, до сих пор считавшейся почетной униформой. Но как много ужасных убийств и пыток совершено с тех пор СА и СС! Не под влиянием национальных чувств, а просто ради собственного удовольствия, с жестокостью и трезвым расчетом. Я не знаю, вспоминал ли Гитлер впоследствии, вынося кровавые приговоры так называемым изменникам родины, свои же собственные речи о жестоком приговоре Папена. Очевидно, нет. Гитлер, как и большинство его истеричных гаулейтеров, вроде данцигского Форстера, живут со спокойной совестью, потому что изменяют свои мнения, не осознавая этого. Из лучших побуждений они отвергают свои прежние принципы.

"Папен еще ответит за это, я вам гарантирую, — сказал Гитлер. — И "Стальной шлем" свое получит. Я распущу их за то, что они исподтишка нападают на моих штурмовиков. Они унизились даже до союза с "Рот-Фронтом".

Время визита истекло. Вмешались дамы: не время так сильно увлекаться, Гитлеру предстоит бессонная ночь. Мы обменялись еще несколькими незначительными фразами. Гитлер высказал мнение, будто впечатления от путешествия на самолете однообразны, а путешествуя автомобилем, напротив, можно увидеть много новых очаровательных картин из жизни природы, крестьян и горожан. Он уговаривал нас возвращаться домой на автомобиле. Он лично уже пережил потрясение, увидев землю с высоты, и с тех пор полеты не доставляют ему удовольствия.

Гесс дал понять, что нам придется расстаться. Завтра беседа будет более обстоятельной. Он даст нам знак, когда говорить о наших просьбах. Гитлер проводил нас до дверей. Было далеко заполночь, ясно и свежо. Уже занималась утренняя заря. Мы с Линсмайером прошли несколько шагов до гостиницы "У турков". Форстер остановился в другом месте.

"Мы должны быть жестокими"

Следует признаться, что услышанное не дало мне легко уснуть. Может быть, в этом был повинен и непривычный горный воздух, который не сразу оказывает свое целебное воздействие на нас, жителей равнин.

Я разделял комнату с Линсмайером. Этот молодой командир СА был одним из многих симпатичных прямых и по-настоящему патриотичных молодых людей, которые посвящали себя нацистскому движению, руководствуясь исключительно благородными мотивами. Многие немцы бросились тогда в этот бурный поток с самыми лучшими намерениями, твердо веруя в необходимость своей жертвы — и как же неправы тс, кто сейчас не хочет ничего понимать и упорно красит все в черно- белый цвет! Они не понимают, что наша молодежь сознательно приносила жертву, отказываясь от беззаботной юности, которая живет сама собой и имеет право на такую жизнь.

Ближе к полудню мы получили известие, что Гитлер проснулся и желает беседовать с нами. Наш разговор начался с темы, прерванной вчера вечером. "Мы должны быть жестокими", — сказал Гитлер.

"Мы должны преобразовать совестливость в жестокость. Только так мы можем изгнать из нашего народа мягкотелость и сентиментальное филистерство. У нас уже нет времени на прекрасные чувства. Мы должны вынудить наш народ быть великим, если ему нужно исполнить свою историческую задачу".

"Я знаю, — продолжил он после паузы. — Я должен быть суровым воспитателем. Я должен приучить себя самого быть жестоким. Моя задача сложней, чем задача Бисмарка или кого-либо из прежних лидеров Германии. Я должен сперва создать народ — а уже потом могу думать о решении задач, поставленных в эту эпоху перед нами как нацией".

Каждому, кто близко знал Гитлера в годы борьбы, известно, что он по природе своей слезлив, очень сентиментален, склонен к бурным излияниям чувств и романтичен. Его рыдания при любом внутреннем кризисе были не просто нервными приступами. Слезливо-всхлипывающий тон его обращения к берлинским штурмовикам в момент, когда внутренний конфликт грозил расколоть партию, не был театральным — он был искренним. Поэтому как бы Гитлер не подчеркивал свою жестокость и неумолимость — его бесчеловечность все равно остается вымученной и искусственной. Эго не безнравственность прирожденного чудовища, которая, в конце концов, выглядит как природный фактор. Впрочем, в твердости и беспримерном цинизме Гитлера, кроме подавленного воздействия чрезмерной чувствительности, которая во многом ему препятствует, есть и

еще одна сила. Это стремление отомстить и взять реванш. Бесцельное и непонятное чувство, подобное страсти русских нигилистов заботиться об "униженных и оскорбленных".

Всеми своими мыслями Гитлер боролся в то время с искушением отклониться от собственноручно начертанного курса, отказаться от получения власти законным путем и добыть ее кровавой революцией. Ближайшие сотрудники все время настойчиво предлагали Гитлеру прекратить выжидать и заняться революционной борьбой. В себе самом он ощущал противоречие между революционным темпераментом, принуждавшим к страстным действиям, и политической искушенностью, подсказывавшей идти прочным путем политических комбинаций, чтобы потом "поквитаться со всеми". Нет никаких сомнений, что накануне осенних выборов 1932 года мы были близки к открытой вспышке национал-социалистической революции. Для партии это означало бы смерть. Восстание было бы жестоко подавлено войсками рейхсвера. В разговорах того времени снова и снова всплывала одна и та же мысль: "Коричневым батальонам — свободу действий!" Гитлер рисовал себе самому и своему окружению шансы внезапного захвата ключевых пунктов государственной и экономической власти. С особым интересом он останавливался на возможности развязать кровопролитные уличные бои, связанные с подавлением марксистского восстания. Насколько основательно были разработаны планы государственного переворота, показали действия нацистов летом того же года. Это было совсем не самоуправство партийных лидеров на местах. Все нити вели непосредственно к Гитлеру. Такие действия соответствовали его темпераменту, запросам его фантазии и его представлениям об историческом величии, которое будто бы недостижимо без кровопролития.

Здесь выразилась та же противоречивость чувств, которая недавно заставила фюрера Третьего рейха колебаться между желанием стать "величайшим полководцем всех времен" и необходимостью следовать уже однажды избранным путем "комбинирования, добыть власть хитрым маневром, коварством создать империю". Люди Гитлера упрекали его в том, что он упустил момент для решающего удара. И действительно, в 1932-м экономический кризис начал понемногу ослабевать. Приток в партию уменьшился. Соперники Гитлера усилились и стали обгонять его. Поставленный в трудное положение, лишенный всякой возможности действовать, Гитлер видел, как рушатся все его планы прихода к власти. Президентские выборы принесли его партии тяжелое поражение. С тех пор, как Папен пришел к власти, Гитлере ненавистью наблюдал как этот проклятый

соперник с легкостью и беззаботностью юного кавалерийского офицера преодолевает многочисленные политические препятствия, представлявшие особый интерес для Гитлера и его Борьбы. Например, Папен занял прусскую полицию и лишил прусских марксистов государственной платформы. А Гитлер, нетерпеливо и страстно жаждавший действия, вынужден был бездельничать и разыгрывать отпускника в Баварских горах, тогда как время шло, и Папен опережал его, осуществляя его же планы.

План в ящике стола

Кстати, о планах. Расспросы Гитлера о положении в Данциге касалась экономики. Я вспомнил о задаче, в то время поставленной Гитлером перед партией: составить программу трудоустройства населения. Дилетантство, с каким честолюбивые делопроизводители разных участков составляли рабочие планы, из которых затем должна была получиться единая программа по преодолению безработицы, вызывало большие сомнения в серьезности намерений партии. Вдобавок именно в это время два партийных эксперта по технико-экономическим программам, Федер и Лявачек вынесли на суд общественности (в лице партийных "собраний интеллигенции") свои экономические теории, весьма странные и отнюдь не убедительные; у экономистов они вызывали смех, у образованных членов партии — мучительное недоумение. Я спросил Гитлера (о его отношении к Федеру я тогда еще не знал), как же будет финансироваться эта экономическая программа? "Мне кажется, — сказал я, — что теория Федера означает не что иное, как финансирование с помощью инфляции."

"Почему же? — спросил Гитлер и недружелюбно посмотрел на меня. — Впрочем, финансирование меня не беспокоит. Дайте мне только волю. Убрать спекулянтов — и не будет никаких трудностей".

"Но ведь цены невозможно удержать, если финансировать трудоустройство таким образом, — решился я возразить. — Федеровские текущие счета тоже будут способствовать инфляции".

"Инфляция наступает, если ее хотят, — возмущенно отрезал Гитлер. — Инфляция — это когда не хватает дисциплины. Недисциплинированные покупатели и недисциплинированные продавцы. Я позабочусь о том, чтобы цены были стабильными. Для этого у меня есть штурмовики. Горе тем, кто будет повышать

цены. Нам не нужно никаких юридических оснований. Партия сама справится. Смотрите сами: в каком магазине штурмовики один раз наведут порядок — в другой раз там такого уже не случится".

Форстер удовлетворенно кивнул, такая экономическая дисциплина ему понятна.

"Впрочем, — продолжал Гитлер, — теории Федера и Лявачека меня не волнуют. Я обладаю даром сводить любую теорию к ее реальной сути. И в свое время я непременно это сделаю. Выдумками я бы ничего не добился. Не стоит требовать от этого Федера и его людей, чтобы их слова сбывались — даже если их санкционировала партия. Пусть они говорят, что хотят; когда я буду у власти, я позабочусь о том, чтобы они не наделали глупостей. Если кто-то возбуждает беспорядки, Форстер, сделайте так, чтобы он замолчал. Люди не умеют думать просто. Все им надо усложнить. А я обладаю даром упрощать, и тогда сразу все получается. Трудности существуют только в воображении!"

Он прервался. Пренебрежение Гитлера к Федеру в то время было мне еще в новинку. Это было интересно прежде всего как знак превосходства Гитлера над своим окружением. Гитлер, определенно, обладал даром упрощать и делал это — до какой-то степени — конструктивно. Подобно большинству самоучек, он имеет дар пробиваться сквозь стену предубеждений и традиционных мнений специалистов и при этом он вновь и вновь открывает ошеломляющие истины.

"И эти "капитаны индустрии" мне не указ. Тоже мне, капитаны! Хотел бы я знать, где их капитанский мостик! Они простые люди, дальше своего носа ничего не видят. Чем ближе их узнаешь, тем меньше их уважаешь". — Гитлер пренебрежительно махнул рукой. Форстер принялся взахлеб рассказывать о проектах трудоустройства населения, которые собраны в его гауляйтерстве так называемым инженерным подразделением на случай прихода к власти. Я заметил нетерпение Гитлера и добавил, что речь пока идет о "сыром" проекте, не хватает разработки в деталях. Мне кажется, что руководству следует расставить в проекте приоритеты, исходя из возможностей финансирования.

"Надо только поджечь запал, — возразил Гитлер. — Каким образом я это сделаю, не столь важно. Экономический оборот должен двигаться по кругу, а мы должны замкнуть этот круг, чтобы силы нашей экономят не вытекали за границу. Я могу легко добиться этого — как наращиванием вооружений, так и строительством жилых домов или поселков. Еще я могу дать безработным больше денег, чтобы они могли удовлетворить свои потребности. Тем самым я создам покупательную способность и

дополнительный оборот. Но все это — просто и совсем не сложно; мы сделаем это, чтобы наши люди обрели силу воли и не боялись некоторых неизбежных трудностей. И пусть профессора думают что хотят — я считаю, что это вовсе не тайное учение, а дело здравого рассудка и воли".

Заметно было, что Гитлер не придает большого значения планам трудоустройства. В эту пору полной бездеятельности они явно казались ему таким же развлечением, как фантазии о стройках, поселках, сельскохозяйственной мелиорации, техническом прогрессе.

Весь его "план в ящике стола", как и многое другое, был лишь средством для достижения цели. Это был сверкающий мыльный пузырь, а не плод серьезной работы. И даже сам фюрер не верил, что эти труды имеют какую-нибудь ценность. Он занимался ими ради пропаганды, для воспитательных целей и нимало не заботился об их результатах.

Таким образом, ни один план из его "стола" не рассматривался всерьез. Весь багаж, с которым Гитлер пришел к власти, состоял в его неограниченной уверенности, что он со всем справится; в примитивном, но действенном правиле: что приказано, то исполнят. Может быть, это правило скорей скверно, чем верно — но время идет, а дела все еще обстоят именно так.

За поведением Гитлера всегда стояли свобода от предрассудков и крестьянская хитрость, которую сейчас кое-кто склонен называть едва ли не великолепной. И при пустом "столе", по мнению Гитлера, все потом прошло просто замечательно. А приключившиеся трудности — это дурной умысел реакционеров, которые хотели саботировать выполнение его распоряжений. Трудностей, заключавшихся в самой сути дела, Гитлер не признавал. Он видел только не способность одних людей и злой умысел других.

Впрочем, ему действительно повезло с пустым "столом". Господин Шахт заполнил эту зияющую пустоту своими остроумными идеями. Нетрудно догадаться, что без этого "волшебника" самоуверенность Гитлера очень скоро получила бы несколько тяжелых ударов. А несколько лет спустя Гитлеру пришлось уволить Шахта — уж очень настойчиво тот требовал регулировать затратную экономику. Гитлер пытался "вразумить" его рассказами о своем счастливом прошлом: как когда-то, в годы борьбы за власть, Гитлеру случалось требовать денег у партийного кассира Шварца, а тот постоянно отвечал: "Господин Гитлер, в кассе ничего нет". Тогда Гитлер стучал кулаком по столу: "Шварц, завтра к утру мне нужна тысяча марок". И на другой день тысяча марок появлялась. "Откуда он их брал, мне

все равно".

Гитлер всегда не очень заботился о финансировании. Очевидно, в определенный период это было его сильной стороной. Все гауляйтеры подражали Гитлеру в этом. "Деньги у нас есть, в неограниченном количестве", — ответил мне Форстер, гауляйтер Данцига, когда я сказал ему, что финансирование его грандиозных строительных планов вызывает у меня опасения. Когда мы приехали к Гитлеру, Форстер интересовался в первую очередь техническими изобретениями.

"Господин Гитлер, — вступил я в беседу, когда Гитлер, погрузившись в свои мысли, вперил взор во что-то невидимое перед собой, — а что вы думаете о новых изобретениях? Можем ли мы рассчитывать на их революционный эффект? Ведь эти изобретения далеко не всегда требуют больших капиталовложений и далеко не всегда создают новые затратные статьи?"

"Мне кажется, — Форстер явно не мог уловить связи, — что техническая оснащенность всей нашей жизни поднимется еще на одну ступеньку, как это было в эпоху открытия паровой машины, возникновения электротехнической, автомобильной и химической промышленности, не так ли?"

Я полемизировал с мнением Лявачека, сказавшего, будто прошло время великих открытий, способных произвести переворот в жизни. Очевидно, поэтому он и пришел к своей непонятной теории о дешевом накоплении электроэнергии посредством электролитического производства водорода и к систематическому строительству водяных каскадов для производства дешевой электроэнергии.

"Инженеры — дураки, — грубо прервал меня Гитлер. — У них есть идеи, может быть, даже полезные, но что за глупость делать из них обобщения. Пусть Лявачек строит свои турбины, а не открывает новые статьи затрат для экономики. Не связывайтесь с ним. Я не знаю, на чем он помешан. Господа, все это чушь! Мир НЕ повторяется. Что годилось для XIX века, то уже не годится для XX. Открытия уже не случаются сами собой, как подарок судьбы. Сегодня все в наших руках. Мы можем рассчитать, когда и в каком направлении следует ожидать новых открытий. Открытия делаются постоянно. Наша задача — давать им ход. И вот тут наше слабое место: мы НЕ даем им хода. Мы упускаем возможности. Все дело — в силе воли. Сегодня уже нельзя полагаться на естественный ход событий. Богатым странам, у которых все есть, открытия уже не нужны. Зачем они им? Они для них неудобны. Они хотят сохранить свои заработки. Они хотят спокойно спать, эти богатые народы — Англия, Франция и

Америка. Здесь Лявачек прав — то, что прежде было игрой случая, теперь следует делать сознательно. Мы должны сами устраивать себе счастливые случаи. Мы это можем! Вот в чем значение "великих работ", за которые возьмутся государства, а не спекулянты и банковские жиды — эти заинтересованы сейчас только в том, чтобы не допустить ничего подобного. Поэтому мы, немцы, должны освободиться ото всех связей с ними. Мы должны сами встать на ноги. Но Германия, как она есть сейчас, не является биологически завершенной. Германия обретет завершенность лишь тогда, когда Европа станет Германией. Без власти над Европой мы зачахнем. Германия — это Европа. Я вам гарантирую: в Европе больше не будет безработицы. Наступит неслыханный расцвет. Мы не дадим миру спать. Мы поставим перед собой такие задачи, о каких весь мир сегодня и не мечтает. И мы их решим. Но нам нужна Европа и ее колонии. Германия — это только начало. Ни одно европейское государство не имеет отныне законченных границ. Европа — для нас. Кто добудет ее, тот определит лицо грядущей эпохи. Мы призваны. Если нам не удастся сделать это, мы погибнем, а все нации Европы придут в упадок. Со щитом — или на щите! Лявачек и Федер — болтуны. Их мещанские премудрости мне ни к чему!"

Гитлер остановился. Впервые я услышал что-то о его истинных целях. Признаюсь, что размах его перспектив тогда произвел на меня ошеломляющее впечатление.

Данциг, вольный город и политическое убежище

Дело, с которым мы приехали, касалось Данцига. От великих планов вам пришлось вернуться к менее прекрасной действительности. Национал-социалистическая партия в Данциге в то время находилась в тяжелом положении. В противоположность Германии партия была здесь не в оппозиции, а поддерживала, как самая сильная партия с 1930 года, правительство меньшинства, в котором лидировала Немецкая националистическая партия. С тех пор, как последние начали в более или менее откровенной форме бороться против национал-социалистов, Форстер стал требовать повторных выборов, но данцигский сенат возражал против этого. Тогда Форстер решил прекратить поддерживать правительство, чтобы создать ему трудности. Вопрос стоял в том, одобрит ли Гитлер правительственный кризис, согласуется ли с его политическими интересами существование национал-социалистической

оппозиции в Данциге. Вопрос, казалось бы, очень незначительный — значение его можно понять, лишь приняв во внимание общее положение партии в то время.

Первый вопрос, который задал нам Гитлер: "Имеет ли Данциг договор с Германией о выдаче преследуемых лиц?" Я не сразу понял и ответил, что у нас есть только взаимное соглашение о содействии судопроизводству. Гитлер разъяснил точнее: "Я имею в виду, должен ли Данциг по требованию Германии высылать германских политических деятелей, которые проживают в Данциге?" Я все еще не понимал, к чему он клонит. Я сказал, нет. У нас не практикуется высылка политических деятелей, если они не совершили уголовных преступлений. "Может случиться, — объяснил Гитлер еще точнее, — что мне придется перевести партийное руководство за границу. Обстановка для нашей партии очень скоро может ухудшиться. У меня может возникнуть намерение временно перебраться за границу, чтобы руководить оттуда. Мы в Германии можем попасть под такое сильное давление, что не сможем свободно работать. Мне приходится учитывать любую случайность; может быть, мне нужно будет внезапно покинуть Германию. Данциг был бы в этом случае чрезвычайно удобным местом, совсем рядом с Германией. Мое решение о повторных выборах в Данциге зависит от того, сможет ли Данциг гарантировать мне то, что мне нужно". Я ответил, что нынешнее правительство Данцига в любом случае едва ли может предоставить достаточные гарантии безопасности для политической работы партии, если она будет запрещена в Германии, хотя на высылку по политическим причинам тоже вряд ли стоит рассчитывать.

"Форстер, давайте подумаем, не лучше ли добиться хороших отношений с теперешним правительством Данцига, чем провоцировать выборы, которые все равно не дадут нам возможности самостоятельно составить новое правительство". Форстер медлил с ответом. "Когда вы сможете провести повторные выборы?" — спросил Гитлер. — "В конце осени", — ответил Форстер. Гитлер пожал плечами. "Для меня это слишком поздно". Последовала долгая беседа о возможных повторных выборах и о том, насколько возможно склонить нынешнее правительство терпимо относиться к штаб-квартире Гитлера в Данциге. Я не мог умолчать о том, что, если в Германии запретят партию и СА, то что-то подобное случится и в Данциге, потому что нынешнее правительство меньшинства получит повод удовлетворить свои претензии. В остальном оценка Гитлером существующего положения была для меня весьма неожиданной. Я слышал впоследствии, что Германское правительство

действительно решилось категорически запретить национал-социалистическую партию и только временно отложило запрещение по настоянию рейхсвера. Борьба нелегальной партии интересовала Гитлера, даже влекла его, поскольку он рассчитывал, что нелегальное положение даст ему новый стимул. Он мог бы вести ее беспощадно, еще более коварно. Гитлер давал понять своим "неукротимым силам", что он готов действовать в такой обстановке, и что запрещение партии должно очень скоро закончиться ее победой. Но ему нужна будет свобода действий. Ему нельзя будет находиться под надзором полиции.

Мы так и не пришли ни к какому решению. Превращение вольного города Данцига в убежище для вновь преследуемой, снова нелегальной национал-социалистической партии осталось в проекте. Мы не решили также, что делать, если правительство Папена предпочтет не запрещать партию. Сейчас, когда вокруг Данцига разразился всемирный политический кризис, можно найти определенную пикантность в том, что когда-то Гитлера особенно привлекал государственный суверенитет Данцига, и он намеревался использовать это положение для собственной безопасности.

Затем мы стали беседовать об опасном положении в Восточной Пруссии. Распространялись слухи о нападении Польши. Гитлер с явным злорадством высказался об обострении отношений с Польшей. Это, в общих чертах, соответствовало положению, недавно принятому им в Германии: там партия заявила, будто ей безразлично, нападет ли Польша на Восточную Пруссию, Данциг или Померанию. В любом случае она займет выжидательную позицию. Кроме того, Гитлер снова имел повод показать, что интересы его партии значат гораздо больше, чем интересы нации.

Потом мы заговорили о будущей войне, о тайном вооружении и оборонных мероприятиях Германии. Уже тогда Гитлер считал, что существует благоприятная возможность изолированной войны с Польшей. Особенно низкую оценку он давал польским солдатам. По его мнению, это были самые плохие солдаты, одного уровня с румынскими или итальянскими. Но он не желал начинать свое правление войной, пусть даже с Польшей. Он будет избегать всего, что способно обострить напряженность. Он даже готов, со своей стороны, заключить соглашение с Польшей. "Сперва нам нужно стать сильными. Все прочее приложится. Я буду двигаться постепенно, шаг за шагом. Два шага сразу — ни в коем случае. Запомните это, Форстер", — сказал он своему "младшему брату". Затем последовала уже упоминавшаяся беседа о военных перспективах.

Время прошло, наступил полдень. К нам снова подошел Гесс. Гитлер на минутку оставил нас одних. Мы рассматривали долину. Гесс рассказывал нам про окрестности, показал" место, где находился Зальцбург. Мы узнали, что Гитлер с неослабевающим гневом смотрит на границу, отделяющую его от родины. Стало ясно, что с Австрией его связывают не только политические и национальные интересы, но и очень сильные личные чувства.

Гитлер попрощался с нами. Он подарил нам на дорогу несколько мыслей о данцигской политике. Он сказал, что Данциг — это место с великим будущим. В германской Европе у него будут особые задачи. Здесь, на перекрестке естественных силовых линий, возникнет город-миллионер. Эта мысль противоречила всем распространенным мнениям, будто Данциг — умирающий город, своего рода живое ископаемое; впрочем, подробнее об ее истоках я узнал, повстречавшись в Мюнхене с одним немцем (никому не известным и очень рано умершим инженером) по фамилии Плайхингер. Он выложил мне то же самое мнение о грядущем Великом Данциге, будущем Антверпене Балтийского моря…

Мы попрощались с Гессом. Автомобиль уже ждал нас. Мы отправились в Мюнхен. Спустившись по склону Оберзальцберга, мы повстречали Геббельса — он как раз выходил из своей машины. Тяжелой деревянной походкой своих косолапых ног он принялся карабкаться по узкой тропинке, ведущей от основной дороги к домику Гитлера. Он плел свою прочную сеть, в которую однажды суждено будет попасться мухе по имени Германия.

3. ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА И НОВАЯ ГЕРМАНСКАЯ АРИСТОКРАТИЯ

Первый Коричневый Дом в Мюнхене представлял собой характерную смесь современной канцелярщины и вульгарной романтики. Металлическая мебель, канцелярские шкафы, тщательно подобранные картотеки — с одной стороны. Зал сенаторов, знамена, цветовая и прочая символика, отвратительные картины на стенах — с другой. Я имел случай просидеть несколько часов напротив одной из таких картин, слушая интимные излияния Гитлера и некоторых его советников.

Картина называлась "Триумф Движения", или что-то в этом роде. На бескрайней равнине огромная толпа людей, подобно воскресшим в Судный день, сквозь бурю и тучи двигалась навстречу сияющей в небесах свастике. Кошмарный кич, вагнеризованный национал-социализм; эта картина висела в так называемом Малом конференц-зале на втором этаже.

Круг людей, которых Даррэ пригласил сюда летом 1932-го, чтобы обсудить основные направления "восточной территориальной политики", был очень узок. Даррэ, самому младшему из будущих "рейхсляйтеров", составивших круг гитлеровского руководства, была предоставлена честь объяснить будущую восточную политику Германии. В общих чертах она уже была обрисована в книге Гитлера "Майн Кампф". Но без выводов относительно демографической и аграрной политики — в этой скромной историко-романтической картине для них не нашлось места, да и Розенберг тоже едва ли касался подробностей такого рода.

Имея сельскохозяйственное образование, Даррэ взялся за научно обоснованное внедрение в жизнь национал-социалистических расовых законов и расовой гигиены. Он намеревался составить большую и детальную картотеку наследственных биологических параметров нацистской элиты, прежде всего СС. С благословения Гиммлера он начал собирать родословные новой аристократии. Своего рода племенную книгу породы господ, планомерно создаваемой по тем же правилам, которые используются на племенных заводах.

Даррэ показывал мне шкафы со своими картотеками и большие бланки для карточек. Именно тогда Гиммлер распорядился, чтобы все члены партии женились только по особому разрешению. Согласие на брак выдавалось только после детального биологического исследования будущих супругов.

"Здесь рождается новая аристократия. Мы соберем наилучшую кровь, — сказал Даррэ, указывая на стальные шкафы картотек. — Как мы возродили старую ганноверскую породу лошадей из немногих чистокровных самцов и самок, так, путем вытесняющих скрещиваний лучших представителей германской крови, через много поколений мы возродим чистый тип нордического немца. Конечно, мм едва ли сможем очистить кровь всего немецкого народа. Но новая германская аристократия будет породистой в буквальном смысле слова". Я перелистывал большие квадратные бланки картотеки. "Я хотел бы, чтобы все мои сельские комиссары вступили в СС, — сказал Даррэ. — СС — это человеческий резерв, из которого мм будем выводить новую породу. Планомерно, руководствуясь сведениями биологической науки, мы будем делать то, что инстинктивно делала наследственная аристократия минувшей эпохи. В нашу промежуточную эпоху мы должны заменить инстинкт рациональными мероприятиями. В первую очередь мы будем привлекать крестьянство — по мере того, как оно проявляет остатки здорового инстинкта, признавая наше движение. Мы примем и старые аристократические семейства с хорошими генетическими данными — в той мере, в какой они сохранились в чистоте. Я представляю, как мы создадим "питомники аристократии", где новая аристократия, прочно укореняясь в земле, в то же время будет закаляться, выполняя задачу руководства среди чужих народов. То есть, эти "питомники" будут находиться среди иноязычных территорий нашего грядущего Рейха".

Даррэ, женившийся вторым браком на наследнице старинного дворянского рода из балтийских немцев, намеревался с помощью своих радикально новых взглядов на аграрную политику произвести революцию в мелкобуржуазно-социалистических понятиях партии о колониальной политике, и Гитлер, в то время стремившийся вовлечь в свою политику землевладельцев восточного берега Эльбы, относился к нему с большим пониманием. Доклад, который Гитлер намеренно поручил Даррэ, был о будущей восточной политике как основе для создания новой аграрной политики Германии и преодоления либерализма в демографической политике.

Кто-то из штаба Даррэ сделал доклад о пространственных задачах "восточной территориальной политики" (так Даррэ называл восточную политику). Он говорил о том, что должен возникнуть союз государств, начавший формироваться во время мировой войны. "В центре — железное ядро, государство-гигант; Чехия, Моравия, Австрия — его составные части; затем — венок

малых и средних несамостоятельных государственных образований — таков, согласно этому докладу, костяк Великого Рейха. Прибалтийские государства, средних размеров Польша, рассеченная на мелкие этнографические области и отделенная от Балтики, более крупная Венгрия, разобранные на составные части Сербия и Хорватия, уменьшенная Румыния, Украина, существующая в виде нескольких независимых частей, южнороссийские, кавказские государства — таким было будущее Федеративное государство, которое Германия должна была сделать фундаментом своей власти.

На северо-востоке — границы Финляндии, на юго-востоке — границы Георгии (Грузии). Все связано общими вооруженными силами, общей экономикой и валютой, общей внешней политикой. Однако все это останется эфемерной конструкцией, не имеющей будущего, — продолжал докладчик, — если не будет проводиться планомерная политика народонаселения и народоистребления. Да, именно народоистребления. Огромную опасность для белой нордической расы представляет высокая биологическая плодовитость восточных славян, которые, подобно всем неполноценным народам, восполняют недостаток качества избытком количества, то есть заставляют своих женщин чаще рожать. Аграрная политика большевиков после войны, то есть раздача крупных земельных владений крестьянам, угрожающе повысила их плодовитость. Поэтому стоило бы снова освободить славянских крестьян от земли, сделать их батраками, чтобы снизить их плодовитость. Следует передать сельскохозяйственные угодья преимущественно в руки немецкого господствующего класса. Только немцы должны быть крупными землевладельцами на всех восточных территориях. Крестьяне иноплеменного происхождения должны снова стать работниками, странствующими батраками (также и на землях Рейха) и неквалифицированными рабочими на промышленных предприятиях".

Следующий докладчик развил аграрно-политическую сторону проекта. Дело не в том, сказал он, чтобы осваивать земли внутри Германии. Это типичная уловка либералов, желающих отделаться от своих проблем. Колонизация — это всегда поселение на чужих землях, это завоевание новых пространств. "Идеи заселения, выдвигаемые этим Брюннингом и его шайкой, — преступны, потому что ориентируют немецкий народ на "китайский образец". Не внутренняя, а только истинная, завоевательная колонизация. Не хутора, а поселения гуфнеров, создание новых крупных землевладельцев!"

Уже предвоенная политика Пруссии в отношении восточной

марки отличалась полным непониманием этой большой проблемы — конечно, из-за того, что дух вильгельмовской эпохи был поражен либерализмом. И мы за это поплатились, получив прямо противоположный эффект: прирост славянского населения вместе увеличения германского элемента. Надо было решительно выступить против "аграрного большевизма" в нашей стране, против систематического разрушения крупных земельных владений. Следует снова сделать из карликовых подворий Западной Германии крупные крестьянские дворы, пригодные для применения упряжной вспашки и сельскохозяйственной техники. И еще следует вновь собрать воедино все Германские владения, раздробленные аграрными реформами в странах, порожденных Версальским договором. В Германии будет введен Закон о наследственных крестьянских дворах, который вынудит лишних наследников отправляться на восток и там становиться крупными землевладельцами. Мелкие хозяйства в Германии будут укрупняться, и, таким образом, население, занятое в сельском хозяйстве, будет рассредоточиваться. Реаграризация Германии будет происходить не в самой Германии, а на огромных подчиненных территориях, которыми овладеет национал-социализм на востоке. Немецкие батраки смогут, в определенной степени, сами стать хозяевами или получат места квалифицированных рабочих на промышленных предприятиях. Без создания определенной современной формы послушания или, если хотите, рабства, человеческая культура дальше развиваться не сможет. Только таким образом можно создать сельскохозяйственную продукцию с ценами мирового рынка — рано или поздно, мы должны это сделать.

Затем слово взял сам Даррэ. Он сказал, что первая задача — подорвать славянскую плодовитость. Вторая — создать и прочно укоренить немецкий класс господ. Вот внутренний смысл "восточной территориальной политики". Вместо горизонтального разделения европейских народов должно возникнуть вертикальное. Это обозначает не что иное, как призвание немецкой элиты стать классом господ в Европе, а затем и во всем мире. Даррэ сказал, что назвал бы эту элиту исконно германским словом "адэль" (аристократия). Однако, для того чтобы исполнить роль цвета немецкой нации, она должна не только обладать духовной, физической и политической выучкой, но быть биологически ухоженной и подвергаться планомерной и постоянной селекции. Иначе возникнет опасность, что среди чужих народов этот класс станет злоупотреблять своими исключительными социальными привилегиями и быстро выродится.

То же самое касается и нового социального устройства будущей Германии и Европы. Следует сознательно восстановить сословный порядок или, по крайней мере, иерархическую структуру. Но одной лишь Германии слишком мало для таких перемен — для них нужен весь континент, нужен весь мир. Эту гигантскую проблему нужно последовательно продумать. В то время как мы начнем создание здорового социального организма, следует любыми средствами ускорить разложение старого, отмирающего организма. Мещан следует искоренить так же, как и пролетариев. Но нужно учитывать и моральные последствия. Нужно осмелиться быть безграмотными, осмелиться быть язычниками. Образование и знания представляют определенную опасность для класса господ. С другой стороны, они же представляют большую опасность и для сохранения класса рабов. Идеал всеобщего образования давно уже устарел. Только когда знание снова приобретет характер тайного учения и перестанет быть общедоступным, оно вновь получит ту функцию, которую оно должно нести, то есть станет средством господства над людьми и природой. Таким образом, мы снова приходим к необходимости воссоздать кровную европейскую аристократию, которую национал-социализм противопоставляет международной "денежной аристократии" либералов.

Подобно германскому крестьянству, которое является вечным источником чистой немецкой крови и, в качестве такового, требует особой заботы, новую аристократию тоже следует навсегда обезопасить и уберечь от вырождения, подчинив ее строжайшим требованиям биологического отбора и особым образом укоренив в сельскохозяйственных угодьях. Значение восточнонемецких "юнкеров" состояло именно в том, что они были господами и едва ли не королями покоренного населения. Это выработало в них господские свойства. И поэтому прусские "юнкеры" всегда оставались одним из лучших типов немецкой нации, пока держались подальше от либерализма и еврейской заразы. Подобную задачу должна сейчас сознательно, в интересах всего народа, а не одного государства, взять на себя "новая немецкая кровно-земельная аристократия". И тем национал-социалистическим лидерам, которые не связаны с сельским хозяйством, тоже должно быть выделено поместье — их доля в клановых владениях. А в более отдаленном будущем только от этих аристократических родов, связанных с задачами немецкого господства над миром, произойдет политический прирост движения. Гигантские трудности стоят перед нами. Трудно будет своевременно преодолеть их, прежде чем наступит всеобщий распад.

Затем выступил Гитлер. "Партайгеноссен, все что мы здесь обсуждаем, должно остаться между нами. У меня есть основания полагать, что некоторые наши товарищи могут неверно это понять. Но Даррэ прав. Мы должны полностью стряхнуть скорлупки либерализма, которые мы, сами того не сознавая, таскаем на своих макушках. Многим из нас это очень трудно сделать. Ибо мы нахватались идей со всех кустов по обочинам нашего жизненного пути и уже не осознаем, откуда взялись эти идеи.

Все, что было сказано о нашей восточной политике, или "восточной территориальной политике", я, в общем, одобряю. Но, партайгеноссен, никогда не упускайте из виду следующий момент. Мы никогда не будем делать большую политику без прочного, стального силового ядра. Ядра из восьмидесяти или ста миллионов компактно поселенных немцев! Отсюда, моя первая задача — создать это ядро, которое не только сделает нас непобедимыми, но раз и навсегда обеспечит нам решающий перевес над всеми европейскими нациями. Если нам это удастся, все прочее будет относительно легко. К этому ядру принадлежит Австрия. Это само собой разумеется. Но к нему же принадлежит и Чехия, и Моравия, и западные области Польши — до определенной стратегической границы. К нему же принадлежат — и это нельзя оставлять без внимания — прибалтийские государства, в которых на протяжении столетии сохранялась тонкая прослойка немцев. Во всех этих областях сегодня проживают преимущественно другие нации. И наш долг — если мм хотим навеки основать наш Великий Рейх — устранить эти нации. Нет никакой причины, чтобы этого не сделать. Современная техника даст нам возможность относительно легко претворить в жизнь эти планы переселения народов. Впрочем, по сравнению с многомиллионными внутренними миграциями послевоенного времени наша затея — сущая безделица. Чешско-Моравский бассейн, восточные области, граничащие с Германией — все будет заселено немецкими крестьянами. Чехов мы переселим в Сибирь или на Волынь — мы определим для них резервации в новых государствах федерации. Чехов надо убрать из Центральной Европы. Пока они находятся здесь, они всегда будут очагом гуситско-большевистского разложения. И только в том случае, если мм хотим и можем этого добиться, я готов ответить за небывалые кровавые жертвы, которые понесет вся немецкая молодежь. Если нам придется заплатить такую цену, то я, не колеблясь ни мгновения, с полным сознанием приму на свою совесть гибель двух-трех миллионов немцев.

Другое дело, страны Прибалтики. Мы легко сможем

германизировать здешнее население. Это племена, которые расово близки нам, и которые давно бы уже стали немецкими, если бы предубежденность и социальная безграмотность балтийских баронов не препятствовали этому. В остальном проблемы границ как таковые меня мало интересуют. Если моя политика застопорится на них, то всем нам вскоре будет нечего сказать и нечем помочь немецкому народу. Но от глупейших сентиментальных тирольцев я все же избавлюсь. Я не думаю, что тирольский вопрос станет помехой для одного из основных направлении нашей политики — союза с Италией. За столетия своей несчастливой истории немецкий народ разросся повсюду, как дикое мясо. Я не дам сбить себя с толку и не буду совершать политических ошибок из-за этих уважаемых сувениров нашего прошлого. Иначе обстоит дело с Эльзасом и Лотарингией. Мы никогда от них не откажемся. Не потому что там живут немцы, а потому что эти и другое области так же нужны для завершения нашего ядра на Западе, как нужны нам Чехия на Юге и Польша, западная Пруссия, Силезия и страны Прибалтики на Востоке и Севере".

Гитлер продолжал: "Сомнений больше нет. На востоке и юго-востоке я буду действовать не по примеру генерала Людендорфа или чьему-нибудь еще, а согласно железному закону нашего исторического развития. Если Германия снова вооружится, то все эти народы сами по себе станут членами нашей федерации. Но речь идет не о том, чтобы создать мирную и уютную пан-Европу, с добрым немецким дядюшкой посредине, который позволяет своим иностранным племянникам приятно коротать годы учебы. Мы не станем выкармливать собственных могильщиков. Мы будем закладывать вечные политические и биологические основы германской Европы. Партайгеноссен, экономическое мышление для нас не самое важное. Конечно, нам нужна пшеница, нефть и руды этих стран. Но мы думаем о том, чтобы навеки установить наше господство и укрепить его так, чтобы оно продержалось тысячу лет. В этом нам не помогут ни политические, ни экономические договоры, на которые уповают Папен с Гугенбергом. Эти либералистические игрища окончатся банкротством нации. Сегодня мы стоим перед железной необходимостью создать НОВЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК. Только совершив это, мы решим великую историческую задачу, которая поставлена перед нами как нацией.

Бесклассовое общество марксистов — глупость. Порядок — это всегда иерархия. Но и демократические идеи насчет иерархии денежных мешков — тоже нелепость. Настоящие господа не выходят из хитрых купцов, разбогатевших на случайных

спекуляциях. Секрет нашего успеха в том, что мы снова ставим в центр политической борьбы право истинных господ на существование. Истинные господа возникают только тогда, когда возникает истинное порабощение. Не может быть и речи о преодолении неравенства между людьми — напротив, его следует углубить и, подобно всем великим культурам, с помощью непреодолимых барьеров превратить в закон. Никакого всеобщего равноправия не существует. Мы осмелимся не только сделать эту истину лозунгом нашего дела, но и сами исповедовать ее. Я никогда не соглашусь, чтобы другие народы были равноправны с немецким, наша задача — поработить иные народы. Немецкий народ призван дать миру новый класс господ.

Буржуазия сыграла свою роль. Сыграла окончательно, и не смущайтесь, если какие-то гальванические токи еще заставляют ее мертвые мускулы сокращаться. Но и у этих "исторически уполномоченных верхних слоев", у этого календарного дворянства, у этих выродившихся потомков древних аристократических родов осталась только одна задача — "красиво умереть". Своими смехотворными клубами и собраниями эти клубные господа и их прихвостни не остановят хода истории. Конечно, я не стал бы трогать тс места, где еще сохранилось истинное дворянство. Но где же оно? И если такое дворянство найдется, оно непременно признает меня. Нет, партайгеноссен, о возникновении новых "верхних слоев" не дискутируют. Их создают, и есть только одно средство для их создания: Борьба. Отбор нового класса вождей — вот МОЯ борьба за власть. Кто признает МЕНЯ, тот призван — уже потому что он меня признает и в зависимости от того, как он это проявляет. В том и заключается великое революционное значение нашей долгой, упорной борьбы за власть, что в ней родится новый класс господ, призванный руководить судьбами не только немецкого народа, но и всего мира.

Вместе с новыми господами возникает и новый социальный порядок — не путем умствования и экспериментирования, а благодаря одному единственному историческому деянию. Мы переживем революционный переворот, свергнув старую власть и установив новую. Но господа марксисты ошибаются, если считают, что на место юнкеров придет "новая руководящая сила общества". Это знак смехотворной трусости капитулирующей буржуазии, которая видит в лице пролетариев нечто вроде мистического мессии из нового учения о социальном спасении. Пролетарии в их сегодняшнем политическом значении — такой же симптом отмирания современного общественного устройства, как дворянство и буржуазия.

Я хочу сказать вам, партайгеноссен, о том, как будет выглядеть грядущий социальный порядок: будет класс господ — исторически сложившийся, созданный из различных элементов посредством Борьбы. Будет множество иерархически организованных членов партии. Они станут новым средним сословием. И будет большая масса безымянных, класс служащих, вечно немых — все равно, были они прежде представителями буржуазии или дворянства, рабочими или ремесленниками. Их экономическое положение и прежняя общественная роль не будут иметь ни малейшего значения. Все их смехотворные различия сольются в едином революционном процессе. Однако ниже их будет стоять слой порабощенных иноземцев, проще говоря — слой современных рабов. А на самом верху будет новая высшая аристократия, особо заслуженные и особо ответственные лидеры. Только так, в борьбе за власть и господство внутри народа и вне его, возникают новые классы — они никогда не возникнут благодаря конституции и правительственным декретам, как считают эти кабинетные грамотеи, вроде профессора Шпанна.

То, что сказал партайгеноссе Даррэ, я одобряю. Восток — наше большое поле экспериментов. Здесь возникнет новый европейский социальный порядок. И в этом большое значение нашей восточной политики. А в заключение я хотел бы сказать еще несколько слов. Конечно, в наш новый класс господ мы будем принимать и тех представителей других наций, которые имеют заслуги в нашей борьбе. Здесь я полностью согласен с Даррэ и Гиммлером. Но расово-биологическое — это всегда только ОДНА сторона процесса. Мы очень скоро выйдем за рамки нынешнего узкого национал-социализма. Партайгеноссен, мировые империи возникают на национальной основе, но эта основа очень скоро остается далеко внизу.

Таким образом, я прихожу к тому, что мы называем образованием или воспитанием. С тем, что называется всеобщим образованием, необходимо покончить, раз и навсегда — это так же верно, как то, что все обсуждавшееся здесь, никогда не омрачит мыслей простых партийцев. Всеобщее образование — это самый разлагающий и едкий яд, изобретенный либерализмом на свою же погибель. Для каждого сословия и для каждой его ступени существует только одно образование. Свобода образования — привилегия элиты и тех, кого она лично допустит к этой свободе. Весь научный процесс должен подвергаться строжайшему контролю и отбору. Знание — это орудие жизни, но не ее цель. Мы будем последовательны и даруем широким массам низших сословий благодарить неграмотность. Но сами мы освободимся ото всех гуманистических и научных предрассудков.

Для этого я распоряжусь, чтобы во всех юнкерских школах, которые я намерен основать и через которые пройдут все будущие члены класса господ, читали "Евангелие свободного Человека". Человека, который стал господином над жизнью и смертью, над страхом и суеверием, который овладел своим телом, своими мышцами и нервами так же хорошо, как людскими массами. Человека, который не поддается на искушения духа и так называемой свободной науки".

4. АНТИХРИСТИАНИН

Следующий разговор я запомнил до мелочей. Он произвел на меня неизгладимое впечатление. Именно тогда началось мое расхождение с национал-социализмом. Я начал понимать, каков он на самом деле и чем он хочет стать прежде всего. Я и теперь ощущаю атмосферу тесноты: запах новой мебели, пустоту завершившегося дня. Семейная теснота — и кочевая жизнь. Мелкобуржуазные замашки и революционные разговоры. Я и теперь слышу, как в соседней комнате флигеля играет нелепый, неотвязный Пуцци Ганфштенгель. Он как раз сочинил марш, который был благосклонно принят Гитлером. Он любил скрещивать собственные мелодии с темами из вагнеровских опер. Маленький диван, пара кресел, столы; фрау Раубаль, фрау Геббельс, Форстер, Геббельс, я. Позади нас — "фюрер", новоиспеченный рейхсканцлер. Он облокотился на свой письменный стол и перелистывал документы. Перед ним Юлиус Штрайхер и Вагнер из Мюнхена. Подавали чай, пирожные. Фрау Раубаль, во внешности которой было что-то материнское, пыталась завести непринужденную беседу. Мы расслабились. Фрау Геббельс, весьма не по-немецки накрашенная, прислушивалась к тому, что говорил Гитлер, и я тоже пытался не пропустить ни слова из беседы, которая происходила за моей спиной и занимала меня все более и более.

Было уже поздно. Гитлер пришел из кино. Показывали какую-то патриотическую ерунду, прославляющую Фридриха Великого. Мы как раз сидели наверху в Рейхсканцелярии. Мы ждали его. Первым пришел Геббельс. Он сказал, что фильм просто великолепен. "Потрясающий фильм, это то, что нам надо". Через несколько минут вошел Гитлер. "Как вам понравился фильм?" — спросил Форстер вместо приветствия. "Ужасная дрянь. Его надо просто запретить. Хватит с нас этой патриотической халтуры". "Конечно, мой фюрер, — тут же согласился Геббельс. — Слабая, очень слабая вещь. Нам предстоит еще большая воспитательная работа". Август Вильгельм, принц Прусский, который сопровождал Гитлера и вскоре попрощался с нами, непринужденно бросил: "Есть закон о дурном обращении с животными — почему до сих пор нет закона о дурном обращении с историей?"

Дату этого вечера легко установить по предыдущему дню. Он имел особое значение. Я обедал у Гитлера, с утра я делал ему доклад. Это был важный день, в этот день был учрежден пост имперского наместника. Пост, смысл которого заключался в

подавлении сепаратистских устремлений, возникавших в федеральных землях. В Баварии ширилось движение за независимость, чрезвычайно опасное для национал- социализма. Если бы Бавария в свое время была настроена серьезнее, а ее кронпринц Рупрехт оказался решительнее, то баварская монархия навеки положила бы конец всем устремлениям национал-социалистов. И тогда возрождение Германии началось бы совсем с другой стороны и приняло бы совсем иные формы.

Наш ночной разговор начался с тревоги, вызванной подобным развитием событий. Озабоченность высказали оба баварских гауляйтера, Штрайхер из Франкена и Вагнер из Мюнхена. Именно Штрайхер и дал Гитлеру повод для длинного монолога. Я не слышал начала беседы. Я начал прислушиваться только тогда, когда голос Гитлера за моей спиной стал громче.

"Насчет вероисповедания: что одна вера, что другая — все равно. У них нет будущего. По крайней мере, в Германии. Итальянские фашисты во имя Господа предпочитают мириться с церковью. Я поступлю так же. Почему бы и нет? Но это не удержит меня от того, чтобы искоренить христианство в Германии, истребить его полностью, вплоть до мельчайших корешков. Итальянцы наивны, они могут быть христианами и язычниками одновременно. Деревенские итальянцы и французы сплошь язычники. Христианство не проникло им даже под кожу. Другое дело — немцы. Немец принимает все всерьез. Либо он христианин, либо язычник. Совмещать одно с другим он не может. Муссолини не нужно делать своих фашистов язычниками. Для них все равно, язычники они или христиане. А для нашего народа имеет решающее значение, будет ли он следовать жидовскому христианству с его мягкотелой сострадательной моралью — или героической вере в бога природы, бога собственного народа, бога собственной судьбы, собственной крови".

После паузы он продолжил: "Хватит рассуждать. Старый Завет, Новый Завет, или даже просто Слова Христовы, которые предпочитает Хьюстон Стюарт Чемберлен — все это один и тот же жидовский обман. Все это одно и то же, и это не сделает нас свободными. Немецкая церковь, немецкое христианство — ерунда. Или ты христианин — или язычник. Совмещать одно с другим невозможно. Можно выбросить из христианства эпилептика Павла. Это уже сделали задолго до нас. Можно превратить Иисуса в благородного человека и отрицать, что он Бог и Спаситель. Это делали и делают снова и снова. Кажется, такие христиане до сих пор есть в Америке и в Англии; они называются унитарии, или что-то вроде того. Но все это

бесполезно; они тоже не свободны от того духа, о котором мы говорим. А нам не нужны люди, которые таращатся в небеса. Нам нужны свободные люди, которые осознают и ощущают Бога в себе".

Тут Штрайхер или Геббельс подбросил какую-то реплику или что-то спросил — я не расслышал, что именно. "Вы не можете сделать Иисуса арийцем, это абсурд, — отозвался Гитлер. — То, что написано в "Основных положениях" Чемберлена — попросту говоря, глупо. Вы спрашиваете, как нам быть? Так я вам скажу, нужно не допустить, чтобы церковь делала что-либо кроме того, что она делает сейчас. Сейчас она шаг за шагом теряет свои территории. Как вы думаете: вернутся ли массы к христианству? Глупости. Никогда не вернутся. Представление окончено. Они не рухнут сами по себе. Мы им поможем. Пусть попы сами роют себе могилу. Они отдадут нам своего доброго боженьку. Они готовы отдать все на свете ради своего жалкого барахла, ради чинов и доходов. Что же должны делать мы? То же самое, что делала католическая церковь, когда отбирала у язычников их веру: брать все, что можно взять, и истолковывать в нашем духе. Мы возвратимся потому же пути; в Пасху будем праздновать не воскресение Христово, а вечное обновление нашего народа; рождество станет рождеством НАШЕГО мессии — героического и вольнолюбивого духа нашего народа. Вы полагаете, что эти либеральные священники, не верующие, а служащие, не будут учить в своих церквах от имени нашего Бога? Я вам гарантирую: они сделали Геккеля и Дарвина, Гете и Стефана Георге пророками своей веры — так же легко они сменят свой крест на нашу свастику. Вместо крови своего прежнего Спасителя они будут посвящать празднества чистой крови нашего народа; они примут плоды германской нивы в качестве святых даров и будут есть их в знак вечного единства нации, как прежде вкушали от плоти своего Господа. И когда все это случится, Штрайхер, церкви снова наполнятся. Конечно, если МЫ этого захотим, если там будет проповедоваться НАША вера. Но спешить с этим не нужно".

Отмеченный в первую мировую войну высшей наградой за храбрость. "Pourledmerite", последний командор прославленной истребительной эскадрильи "Рихтгофен" Германн Геринг очень рано присоединился к Адольфу Гитлеру и его национал-социалистической партии. "Поступки. которые я совершаю. — заявлял Геринг о своей роли в захвате власти, — не заражены никаким бюрократизмом. Здесь мне не нужно заниматься справедливостью, здесь я должен лишь уничтожать и искоренять — и ничего больше!"

Искусный демагог доктор Геббельс, говоривший о себе, что он

может играть на чувствах масс "как на пианино", еще в 1926 г. требовал, "чтобы мелкий буржуа Адольф Гитлер был исключен из национал-социалистической партии". Однако вскоре после этого он признал, что Гитлер — это тот "лидер, с которым можно завоевать мир".

Гитлер прервался. Фрау Раубаль спросила у меня что-то о моей семье, я не понял смысла вопроса. "Пусть покамест все идет своим чередом, —услышал я голос Гитлера. — Все равно оно не будет прочным.

Зачем нужно единое вероисповедание, автокефальная германская церковь? Боже мой, неужели вы не видите, что все это уже устарело? "Немецкие Христиане", Германская церковь, христиане-автокефалы, какое старье! Я уже знаю, что придет им на смену. И в свое время я об этом позабочусь. Без собственной религии немецкий народ не устоит. Что это за религия, еще никто не знает. Мы ощущаем ее. Но этого недостаточно".

"Нет, — ответил он кому-то, — эти профессора и мракобесы, сочиняющие свои нордические религии, только вредят делу. Почему же я их терплю? Они помогают нам в разрушении — единственной работе, которая сейчас нам доступна. Они возбуждают беспокойство. А любое беспокойство плодотворно. Сама по себе их суета не имеет значения. Они помогают нам со своей стороны так же, как с другой стороны нам помогают попы. Мы вынудим их разрушить свои конфессии изнутри; они потеряют авторитет и превратят все в бледный и бессвязный набор слов. Удастся ли нам довести их до этого? Безусловно!"

Беседа сделалась тише. Геббельс пересел за наш стол. Ганфштенгель подошел ближе. Баварские гауляйтеры рассказывали о волне решительных протестов со стороны баварской католической церкви.

"Эти "черные" никого не обманут, — сказал Гитлер угрожающим тоном. — Их время вышло. Они проиграли". Что до него, то он бы никогда не поступил так, как Бисмарк. "Я католик. Так было угодно провидению. Только католик знает слабые места этой церкви. Я знаю, как взять единоверцев за живое. Бисмарк был глуп. Он был убежденным протестантом. Протестанты не знают, что такое церковь. Тут нужно жить народными чувствами, знать, к чему люди питают симпатию и что для них неприемлемо. У Бисмарка были лишь параграфы да прусские вахмистры. Поэтому у него ничего не вышло. Я же не стану ввязываться в "культур-кампф". Какая глупость — допустить, чтобы "черные" снова стали великомучениками в глазах бедных прихожанок. Но я все равно с ними разделаюсь — я вам гарантирую".

"В католической церкви есть некое величие. Господи, да ведь это учреждение простояло две тысячи лет! Вот чему стоит поучиться. Сколько изобретательности и понимания человеческой натуры! Они знают своих людей! Они знают, где собака зарыта! Но их время прошло! И сами попы это понимают. Они достаточно умны, чтобы осознать это и не ввязываться в борьбу. Если они это сделают, я, конечно, не допущу, чтобы они стали мучениками. Мы заклеймим их как уголовных преступников. Я сорву с их лиц благочестивые маски. А если этого будет недостаточно, я высмею и обесчещу их. Я распоряжусь, чтобы про них сняли фильм. Да, мы сделаем фильм про историю "черных". Пусть люди поглядят на весь этот бардак: абсурд, корыстолюбие, идиотизм, жульничество. Как они выжинают деньги из страны. Как они мухлюют наперегонки с жидами, как они занимаются кровосмесительством. Мы сделаем фильм таким занятным, что каждый захочет его посмотреть. Перед кинотеатрами выстроятся очереди. И если у благочестивых бюргеров волосы встанут дыбом — тем лучше. Молодежи это понравится. Молодежи — и народу. Все остальные мне не нужны. Я вам гарантирую — если я захочу, я смогу уничтожить церковь за несколько лет — настолько она пуста, настолько обветшала и изолгалась вся эта религиозная дребедень. Один верный удар — и она рухнет. Мы уже сейчас можем поймать их на их общеизвестной страсти к доходам и благосостоянию. Поэтому мы имеем возможность договориться с ними мирно и без споров. Я дам им пару лет испытательного срока. Зачем нам ссориться. Они проглотят все, что угодно, лишь бы сохранить свою материальную базу. До борьбы дело не дойдет. Они уже чуют, чья воля крепче. Поэтому нам нужно пару раз показать им, кто здесь хозяин. И они сразу смекнут, откуда ветер дуст. Ведь ОНИ не глупы. Церковь когда-то была силой. Теперь мы ее наследники. Мы — тоже церковь. Их время прошло. Они не будут бороться. И я думаю, это правильно. Когда вся молодежь будет на моей стороне, в исповедальнях останутся одни старики. А молодежь будет поступать иначе. Я в этом уверен".

В то время я воспринял этот монолог как простое хвастовство, что-то вроде концессии на очередную порнографическую стряпню. Тем не менее, я был глубоко потрясен. Я и не предполагал, что Гитлер настолько циничен. Потом мне пришлось часто вспоминать об этом, когда начались процессы о валютных махинациях и половых преступлениях католического духовенства, чтобы заклеймить их я глазах масс и заранее отобрать у них право стать мучениками в духовной борьбе. Это был один из наиболее злокозненных ударов, и замысел его принадлежал исключительно Гитлеру.

Из дальнейшего разговора я мало что слышал. Для меня было важно демонстративное принижение роли евангелической церкви. Ведь многие автокефально настроенные и агрессивные протестанты жаждали и надеялись, что Гитлер с помощью национал-социализма разрушит католическую церковь и создаст единую (а в сущности — евангелическую) германскую церковь, в которой католики будут чем-то вроде подчиненного подразделения. Позднее я беседовал об этом с епископом Мюллером, который был почти что моим предшественником на посту президента данцигского сената. Его честолюбивые планы устремлялись в этом направлении.

"Протестанты вовсе не знают, что такое церковь, — услышал я в тот вечер от Гитлера. — С ними можно делать все что угодно — они потеснятся. Они привыкли к невзгодам. Они научились этому, посещая сюзеренов и церковных старост, которые по воскресеньям угощали их жареным гусем. Их место всегда было внизу, за одним столом с детьми и учителями. Им оказывали честь — не заставляли есть с прислугой. Эти маленькие нищие человечки готовы целовать вам руки; они потеют от застенчивости, если кто-то к ним обращается. И наконец, у них нет верующих, которые принимали бы их всерьез, и их не защищает такая великая сила, как Рим".

Нить беседы потерялась в незначительных подробностях и брани. Гитлер вновь привлек мое внимание, когда заговорил о нашем крестьянстве. Он утверждал, что и в нас, под тонкой коркой христианства, сидит вечное язычество и все время рвется наружу. "Вот вы из деревни, — обратился он ко мне. — Что вы об этом знаете, как это выглядит у вас?" Я поднялся и подошел ближе. "Наши крестьяне, — ответил я, — большие рационалисты, они едва ли выказывают склонность к старым обычаям. Но, если их поскрести, то древняя вера предков тут же вылезет наружу". "Вот видите, — обрадовался Гитлер, — на том я и стою. Наши крестьяне не забыли своей собственной веры. Она еще живет. Она всего лишь скрыта. Припудрена христианской мифологией. Эта пудра законсервировала настоящее содержимое сосуда. Я говорил Даррэ, что нужно начать великую реформацию. Он предложил мне много интересного. Это замечательно, я бы даже сказал, превосходно. Всеми средствами он будет возрождать уважение к старым обычаям. Он показывал наше религиозное наследие на "Зеленой неделе" и на Передвижной сельскохозяйственной выставке — образно, впечатляюще, так, чтобы это дошло даже до самого простого крестьянина. Не так как это делалось раньше, без восторгов по поводу красивых костюмов и мечтаний о романтических временах. Крестьянин должен знать, что именно

отобрала у него церковь. Все таинственное знание о природе, все божественное, не имеющее облика, демоническое. С этих пор они должны научиться ненавидеть церковь. Они должны постепенно узнавать о том, какими хитростями была похищена душа немецкого народа. Мы снимем слой христианского лака и доберемся до исконной веры. Именно здесь нам нужно взяться за дело, Геббельс! Не в больших городах. Там мы влипнем в идиотскую атеистическую пропаганду марксистов: Бельше, любовь к природе и прочая безвкусица. В городских массах больше ничего нет. А там, где погасло, уже ничего не разожжешь. Но наши крестьяне еще живут среди языческих представлений и понятий. И таковы они повсюду: в Швеции, во Франции, в Англии, в славянских аграрных странах. Однако возрождению язычества все время мешают проделки литераторов — этой кучки столичных мыслеблудов, полностью оторвавшихся от собственных корней. Если мы не дадим массам ничего взамен того, что мы у них возьмем, то их легко можно будет обманывать и впредь. И если мы начнем с крестьян, то действительно сможем разрушить христианство, потому что именно здесь скрыта сила древней веры, корни которой — в природе и в крови крестьян. Когда-нибудь миссионеры из деревни пойдут в большие города. Но спешить с этим не нужно".

На этом беседа окончилась. Мы еще немного посидели за столом, Гитлер подсел к нам. Фрау Геббельс сказала, что ее беспокоит состояние фюрера. Ему пора отправляться домой. "Сегодня у вас был трудный день, мой фюрер. И завтра вас тоже ждет трудный день". Мы попрощались. Я пошел в свою маленькую гостиницу возле вокзала на Фридрих-штрассе.

А некоторое время спустя все, о чем говорил Гитлер, вплоть до самого последнего слова, исполнилось. Был начат и до сих пор ведется эксперимент по дехристианизации крестьянства с помощью внедрения древних обычаев. Я видел отделы сельскохозяйственных выставок с искусно подобранными материалами соответствующего содержания. Я видел в Бремене серию весьма поучительных картин о борьбе крестьян-штедингов против церкви. Мне, как и всем посетителям, бросилось в глаза, что на фоне наглядной информации о нашей сельскохозяйственной жизни появились эти суровые обвинения, напоминающие о реках пролитой крови. Крови последних язычников и свободолюбивых крестьян, пролитой церковью в позднем средневековье. Все руководители нацистских организаций на селе, и я в том числе, регулярно получали приглашения на своеобразные атеистические собрания национал-социалистов — "религиозные" вечера, с которых начиналась

пропаганда новых религий. Профессора Гаузер, Вирт и многие другие выступали на этих вечерах. Было ясно, что эти приглашения, подписанные лично Даррэ, должны были стать для нас пробным камнем: насколько мы годимся в национал-социалистическую "элиту", насколько серьезно мы относимся к национал-социалистической идее тотальной революции. И насколько нам можно доверять. Таков был первый шаг. Вторым шагом было принуждение к выходу из церковных общин. Насколько быстро шел этот процесс, я мог судить по одному моему знакомому, крестьянину Майнбергу из Вестфалии, который производил впечатление весьма зажиточного и хорошо устроенного человека. Майнберг, государственный советник и лидер сельских национал-социалистов, заместитель Даррэ в "Имперском земельном сословии", был прилежным учеником. В его старинном крестьянском доме возник новый камин.

Его стены были украшены рунами и языческими премудростями. Кресты уступили место другим священным знакам. Был реабилитирован Водан — древний охотник. А в печи горел новый, вечный огонь. Неужели Гитлер был прав, что христианство наших крестьян — всего лишь тонкий поверхностный слой? То же самое происходило и с эсэсовцами, прежде всего с руководством. И с высшими чинами "гитлерюгенда". Целенаправленно и планомерно, с жесткой последовательностью велась борьба за истребление всего христианства.

5. РАЗГОВОРЫ ЗА ОБЕДЕННЫМ СТОЛОМ

В то лето я часто обедал у Гитлера. Он занимал тогда весь второй этаж новой рейхсканцелярии. Обстановка здесь была буржуазной, можно даже сказать, мелкобуржуазной. Комнаты были маленькими, мебель простая, безо всякой художественной ценности. Вокруг Гитлера не было ни одной вещи, которая свидетельствовала бы об изысканном вкусе или просто имела бы художественную ценность.

Находясь в Берлине, Гитлер всегда приглашал к обеду гостей. Это считалось большой честью. За обедом обычно присутствовало десять - двенадцать человек. Стол был простой: фюрер и здесь выставлял себя образцом простоты и единства с народом. Он снова и снова повторял, что не хочет отказываться от своих прежних привычек — ни в поведении, ни в образе жизни. Все это, и вправду, выгодно отличалось от высокомерных манер новоиспеченных бонз. Гитлер постоянно садился рядом с шофером и никогда — на заднее сидение автомобиля; он носил знаменитый плащ и шляпу и ходил либо в штатском пиджаке и брюках от партийной униформы, либо в своем прежнем простом костюме. На обед подавали суп, мясное блюдо, овощи и сладкое. Сам Гитлер не ел мяса, зато поглощал сладости в невероятных количествах, и его личный повар, старик Пг., готовил для него особые овощные ассорти. Но своих гостей Гитлер не принуждал к вегетарианству. На обедах разносился даже алкоголь (в виде пива). Можно было выбирать между пивом и лимонадом, и было очень забавно смотреть, как новички, особенно преданные партийцы, глядя на Гитлера, выбирали лимонад, чтобы произвести на него благоприятное впечатление.

За столом собиралось пестрое и разнообразное общество. Всегда присутствовала какая-нибудь знаменитость — кинозвезда, художник, партийный лидер. Не было недостатка и в дамах. Однако они всегда были в меньшинстве. Однажды я видел пару очень симпатичных блондинок. Иногда здесь бывали и дамы из общества. Я познакомился здесь с сестрой Гесса, мастерицей-рукодельницей. Она переплетала книги из библиотеки Гитлера. В то время здесь постоянно бывал "Авви" — Август Вильгельм, принц Прусский. Заядлый нацист, он был бойким говоруном, но плохим оратором и политиком. Он держался непринужденно, но, несмотря на это, казалось, будто он не в своей тарелке. В молодости я часто видел его и его младшего брата Оскара в Потсдаме, в прусском кадетском корпусе. Гитлер обращался с ним предупредительно. Было время, когда в консервативных

кругах бытовала надежда, что Гитлер сделает "Авви" кайзером.

Постоянной деталью этих обедов был и Пуцци Ганфштенгель, ценимый за свой опыт и знание языков — своеобразная форма его головы привлекала внимание гораздо больше, чем то, что он говорил. Часто можно было повстречать здесь и Геббельса; он держался поближе к Гитлеру, помня старую немецкую поговорку: "Отсутствующий всегда неправ". Постоянно бывал здесь и долговязый Брюкнер, адъютант Гитлера; частенько захаживал и Дитрих. Все партийные лидеры, бывавшие • Берлине проездом, тоже приглашались к Гитлеру.

Общение было непринужденным. Часто Гитлер молчал или вступал в беседу лишь от случая к случаю. Иногда он начинал поучать — таким угрожающим тоном, что все вокруг замолкали и прислушивались. При этом можно было заметить, что Гитлер говорит поспешно, а для красноречия использует громкость и нарастающий темп. Просто беседовать с вам было невозможно. Он либо молчал, либо полностью овладевал беседой. Очевидно, красноречие Гитлера — не природный дар, а что-то вроде компенсации внутренней заторможенности, которая и сейчас делает его беспомощным в близком общении. Судорожность и искусственность его натуры проявляются именно в таком узком кругу; они проявляются прежде всего в отсутствии настоящего юмора. Смех Гитлера едва ли выражает что-либо кроме издевательства и пренебрежения. Он не несет с собой никакого облегчения. И в общении с ним никогда не бывает передышки. Однажды за обедом я имел возможность послушать его мнение о юморе. Я сидел тогда наискосок от него, напротив меня, слева от него, сидел Геббельс. Они беседовали о национал-социалистических юмористических газетах и о значении юмора как средства борьбы. Да, и в том, что он называл юмором, он тоже видел всего лишь средство борьбы! Тогда-то с его языка и сорвались слова, впоследствии весьма распространившиеся в партии — он назвал "Штюрмер" и его карикатуры на евреев "формой порнографии, разрешенной в Третьем Рейхе". Заметно было, что его искренне радует вся эта гадость.

После обеда в маленьком кабинете Гитлера подавали кофе, кофе с ликером. Некоторые курили, но не очень много. Несколько раз кофе подавали на большой, похожей на висячий сад, террасе, откуда можно было увидеть верхушки деревьев старого сада рейхсканцелярии. Окружение Гитлера, и прежде всего его сводная сестра, фрау Раубель, выполнявшая в то время роль "женской руки" в его хозяйстве, постоянно беспокоились о его безопасности. Уже тогда они опасались покушений, прежде всего в саду рейхсканцелярии. Гитлера предупреждали, чтобы он

воздерживался от прогулок в этом саду. В то время он вообще мало двигался. Терраса заменяла ему сад.

Прочно встать на ноги в Латинской Америке

Именно на этой террасе, после обеда в начале лета 1933 года я стал свидетелем разговора, который выявлял политические идеи Гитлера относительно Америки и показывал, насколько ошибочным было мнение, будто политические интересы национал-социализма распространяются только на восточную и юго-восточную Европу. В то время один старый член руководства СА возвратился из Южной Америки. Гитлер подробно беседовал с ним за столом и задавал ему много вопросов. Когда подали кофе, беседа снова продолжилась. Познания Гитлера в этой области едва ли был и обширными — он всего лишь повторял суждения из популярных в то время книжек о "стране будущего". Особенно ему нравилась Бразилия. "Здесь мы создадим новую Германию. Здесь у нас будет все, что нам нужно". Затем он в общих чертах изобразил, каким образом трудолюбивое и деятельное правительство, которое умеет наводить порядок, может добиться всего. Он был убежден, что в Бразилии существуют все условия для переворота, который за несколько десятилетий (если не за несколько лет) превратит коррумпированное государство в германский доминион. "К тому же мы имеем права на этот континент, там находятся владения Фуггеров и Вельзеров. Мы наверстаем все, что упустили в эпоху раздробленности, возвратим себе все, что мы взяли, но не смогли удержать. Прошло то время, когда мы плелись в тени Испании и Португалии и повсюду опаздывали".

Фон Пф., находившийся в гостях у Гитлера, подтвердил, что шансы Германии на успех в Бразилии сейчас велики. "Мы нужны им, потому что они хотят что-то сделать из своей страны, — сказал он. — Им нужны капиталовложения, но еще больше им нужен дух предпринимательства и организаторский талант. И к тому же, им надоели Соединенные Штаты. Они знают, что США только эксплуатируют их, а мер по развитию страны от них не дождешься".

"Мы дадим им и капитал, и дух предпринимательства. Третье, что мы им дадим — наше мировоззрение, — сказал Гитлер. — Где демократия бессмысленна и самоубийственна, так это в Южной Америке".

"Следует укреплять в людях сознательность, чтобы они

вышвырнули за борт свой либерализм вместе с демократией. Они еще стесняются своих здоровых инстинктов. Они еще считают, что должны играть в демократию. Давайте подождем пару лет, а потом им поможем. Но наших людей надо отправлять к ним уже сейчас. Наша молодежь должна учиться колонизировать. Для этого не нужны корректные чиновники и губернаторы. Нам нужны смелые парни. Им не придется бродить по джунглям и расчищать лес. Нам нужны люди, которые имеют доступ в светское общество. Знаете ли вы немецкую колонию в Бразилии? Можно ли начать с нее?" Вопрос был обращен к фон Пф. "Вопрос в том, стоит ли держаться светского общества", — ответил тот. По его мнению, можно гораздо скорее достигнуть цели, если заняться другими слоями общества — индейцами, метисами. "Уважаемый Пф., — нетерпеливо прервал его Гитлер, — заниматься нужно и теми, и другими. За рубежом нам нужны два движения: одно — лояльное, а другое — революционное. Вы думаете, это трудно? Я полагаю, мы уже доказали, что мы это можем, иначе бы мы здесь не сидели. Мы не будем высаживаться в Бразилии, как Вильгельм Завоеватель, и завоевывать ее с оружием в руках. Оружие, которое у нас есть — невидимо. У наших конкистадоров, дорогой Пф., куда более сложная задача, чем у прежних, зато и оружие у них — значительно изощреннее".

Гитлер продолжал расспросы о шансах Германии в Латинской Америке. Теперь на первый план вышли Аргентина и Боливия. Оказалось, что здесь есть множество объектов для национал-социалистического воздействия. Гитлер уже в то время высказывал идеи, позже осуществленные Боле, с одной стороны, и Риббентропом — с другой — о двойной пропаганде, противоречащей самой себе. Задачу прочно встать на ноги в Латинской Америке и вытеснить оттуда США и Испанию с Португалией следовало решать с помощью новых, деятельных и беззастенчивых людей.

Я спросил у Ганфштенгеля, не значит ли это, что вся наша предвоенная политика угрожающим образом повторится. Может быть, лучше не вызывать Англию и Америку на соперничество — по крайней мере, до тех пор, пока положение Германии не станет прочным? К тому же, это противоречит основным положениям "Майн Камп". И тут я впервые услышал, как плохо отзываются об этой книге в присутствии Гитлера, и понял, что для приближенных кругов она вовсе не была тем всеобъемлющим источником, за который выдавалась в официальной пропаганде. Ганфштенгель считал, что в любом случае когда-нибудь нам придется принять во внимание, что США и Англия — наши враги.

Но Германия это переживет. Он спросил меня: неужели я все

еще питаю иллюзии насчет Англии? По его мнению, Соединенные Штаты уже никогда не вторгнутся в Европу; он знает "братьев" и все их слабые места. А Англия уже умерла. Откуда же Германии взять элементы для своего будущего всемирного Рейха, как не из развалившихся Британской и Французской империй? Но финальной гонки с Англией нам не избежать. "Впрочем, если вы присмотритесь внимательнее, вы поймете, что все сказанное в "Майн Кампф" об Англии, имеет лишь тактическую ценность. Гитлер знал это уже тогда, когда он все это писал".

В тот день я впервые увидел очертания будущего великого Германского Рейха. Я с удивлением услышал рассуждения Гитлера о южных морях. Он говорил прежде всего об архипелаге, в свое время принадлежавшем Германии, к которому должны присоединиться голландские колонии и Новая Гвинея. Японии нельзя быть слишком большой, сказал Гитлер. Ее стоит переориентировать на Китай и Россию. Гитлер рассчитывал также на возникновение германского доминиона в Центральной Африке, и на то, что в США удастся возбудить всеобщую революцию. С распадом Британской империи Гитлер предполагал преодолеть англосаксонское влияние и в Северной Америке, вытеснив его с помощью немецкой культуры и языка — это было бы предварительном ступенью включения Соединенных Штатов во всемирную Германскую империю.

Мексика — немецкая целина

Все это приводит меня к мысли о Мексике, о которой Гитлер говорил значительно позже, в одной из бесед 1934 года. Мексика играла особую роль в американских планах Гитлера. Но он ни в коем случае не собирался действовать в духе фон Папена и великих комбинаторов времен мировой войны, подстрекавших Мексику к войне с Соединенными Штатами. Гитлер считал это откровенной глупостью. Он был готов затеять здесь долгосрочные дела и предприятия, завершения которых не ожидал увидеть. Его планы здесь изначально рассчитывались на гораздо большие промежутки времени, чем в Европе. И его нетерпение в отношении европейских проблем можно понять, только учитывая его глобальные имперские планы, для которых европейская политика должна была всего лишь заложить фундамент.

На его представления о Мексике, определенно, повлиял один человек, представлявший из себя причудливую смесь крупного коммерсанта и фантазера — сэр Детердинг из "Ройял Датч".

Однажды я познакомился с ним. Это было в Восточной Пруссии. Он был в гостях у одного своего знакомого, ходил на охоту и протягивал повсюду свои едва заметные нити. Впрочем, он был весьма симпатичным человеком, очень занятным и совершенно без светской манерности. У него были общие интересы с Гитлером — русская нефть на Кавказе. Он тоже строил планы расчленения России. Он был заинтересован в существовании независимой Грузии — государства, которое было в то время, и, наверное, до сих пор является членом Союза. Его планы, в которые входило также отделение русской Украины и Поволжской республики, находили у Гитлера большое понимание. Во всяком случае идея Детердинга о введении серебряной валюты, в которой он был очень заинтересован, занимали Гитлера куда меньше.

Прямо или косвенно, Детердинг внушил Гитлеру мысль, будто Мексика — самая богатая и самая лучшая в мире страна с самым ленивым и самым распущенным населением. Чтобы сделать что-нибудь из этой страны, нужен самый прилежный и трудолюбивый народ — немцы.

Эта мысль упала на плодородную почву. Во время одного из последних моих визитов к Гитлеру, когда я посетил его, чтобы сделать доклад о положении в Данциге (это было уже после 30 июня 1934 г.), он упомянул Мексику именно в этом контексте. В то время начались экономические трудности — как в Рейхе, так и в Данциге, который был близок к валютному кризису. Настроение Гитлера колебалось между глубокой депрессией и беспредельной яростью. Его соперники повсюду брали верх. Руководство имперского банка было настроено пессимистически; они считали, что вся военная промышленность находится в угрожающем положении. Министерство иностранных дел на каждом шагу вынуждало Гитлера сдерживать свой темперамент. Оно работало в старом стиле и не думало менять идеи или темпы. Оно создало себе еще один круг полномочий, и Гитлер чувствовал себя так, будто его обложили со всех сторон. После ужасного кровопролития он не был уверен даже в своей партии. Ему пришлось сосредоточиться и быть осмотрительным, чтобы не выбыть из игры. К тому же, смерть "старика из Нойдека" была уже не за горами.

В кругу приближенных Гитлер давал себе волю. Я слышал, как он кричал и топал ногами. Малейшее возражение вызывало у него приступы ярости. В то время часто случалось, что он приводил всех в смятение и заставлял ретироваться с помощью рассчитанных вспышек гнева. Они уже начинали пугаться его непоколебимости. Террор 30 июня, кровавые убийства патриотов

и буржуазных националистов произвели свое действие. Повсюду сидят инфантильные и бесплодные старики, гордые своим профессионализмом и напрочь потерявшие здравый смысл — жаловался Гитлер в те дни. "Я говорю — хочу сделать то-то, а Нейрат отвечает — нельзя. Люди берут нас за горло. Я говорю — плевать на вашу финансовую науку, печатайте деньги, а Шахт говорит — нельзя, сначала нужно обсудить новый план". И тут Гитлер принялся фантазировать, что он мог бы сделать, если бы вокруг него не было этих старых и ленивых рутинеров. Например, колонизация Мексики. Кто в Министерстве иностранных дел будет заботиться об этом? А ведь это дело, за которое следует взяться покрепче. "Если эта страна будет нашей, то мы избавимся ото всех наших трудностей. Мне не нужны ни Шахт, ни Крозигк, которые каждый день твердят мне о своих бедах. Мексика — страна, взывающая к трудолюбивому хозяину. Она пропадет под своим нынешним руководством. Германия имеет шанс стать большой и богатой, приобрести полезные ископаемые. Почему мы до сих пор не взялись за выполнение этой задачи?! Эпп ошибается; я не буду участвовать в его колониальной пропаганде. Не он один нам ее навязывает. Нет, нужно что-то новое. Всю эту Мексику можно купить за несколько сотен миллионов. Вот почему я не собираюсь заключать с Мексикой договоры о союзничестве, валютном партнерстве, таможенном сообществе. Но эти министерские ослы тянут воз только тогда, когда чуют на нем свое прежнее дерьмо. А если они его не чуют, то их с места не сдвинешь.

На одном из совещаний в 1932 г. в "Берлинер Люстгартере" Гитлер предпринял яростные атаки на правительство. Один из наблюдателей пишет о Гитлере в период переговоров между Шляйхером и Штрассером, когда не за горами было участие НСДАП в правительстве: "Если бы в то время у наиболее духовной части окружения Гитлера была возможность склонить его к тому, чтобы в наиболее полном объеме принять участие в урегулировании положения в Германии, то продолжение прежней тактики Гитлера было бы наиболее эффективным способом вырваться из области демагогии, в ее наиболее чистой форме, освободиться от затянувшегося кошмара".

Гитлер о США

Относительно США Гитлер придерживался своего твердого,

давно установившегося мнения, которое невозможно было изменить никакими доказательствами. Согласно этому мнению, Северная Америка никогда больше не будет вмешиваться в европейские войны; согласно ему же, Соединенные Штаты со своей многомиллионной армией безработных вплотную подошли к порогу революции, от которой их может спасти только Гитлер.

В июне 1933 года я был свидетелем разговора за обеденным столом, где Гитлер высказывал свои суждения по этому вопросу. Но и потом я неоднократно слышал, как он высказывал то же мнение в различных политических обзорах. В тот раз один гость спросил, не могли бы дружеские отношения с Северной Америкой иметь решающее значение для Германии. Определенные круги, в которые входили также некоторые члены правительства, в средствах массовой информации обращали внимание общественности на непреходящую ценность хороших отношений с Соединенными Штатами и, в связи с этим, высказывали определенные сомнения насчет антисемитского курса имперской политики, которым американцы не одобряли.

"Дружеские отношения с кем? — резко бросил Гитлер. — С этими еврейскими спекулянтами и денежными магнатами — или с американским народом?" Он высказал свое пренебрежительное отношение к современному правительству Америки. "Это последние предсмертные конвульсии отжившей коррумпированной системы, позорящей историческое прошлое своего народа. После гражданской войны, в которой южные штаты, вопреки всякой исторической логике и здравому смыслу, потерпели поражение, американцы находятся на стадии политического и национального упадка. Поражение потерпели не только южные штаты, но и весь американский народ. Несмотря на видимость экономического и политического процветания, Америка погрузилась с тех пор в вихрь прогрессирующего саморазрушения. Клика богачей, выдающая себя за светское общество и аристократию, овладела страной с помощью фиктивной демократии — нигде и никогда не бывало такой бесстыдной и неприкрытой коррупции и продажности, как здесь. Тогда-то они и разрушили начала великого нового общественного устройства, основанного на идеях рабства и неравенства. Тем самым они погубили всходы будущей, по-настоящему великой Америки, которой могла бы руководить не коррумпированная каста торговцев, а класс истинных господ, который изгнал бы из страны все лживые идеи свободы и равенства. Равенства между кем? Между потомками старинных испанских господских семейств, шведскими поселенцами — всеми этими опустившимися массами из Польши, Чехии, Венгрии, всем этим

отребьем из восточных евреев и балканцев? Но я твердо убежден, что в определенных слоях американского среднего класса и фермерства еще не погас здоровый боевой дух времен колонизации. Его-то и следует разбудить. Здоровая реакция против негров, против всех цветных, включая евреев, самосуд, наивность средних американцев — но и скептицизм определенных кругов интеллигенции, которые с помощью своей проницательности смогли наконец познать самих себя; ученые, которые изучали иммиграцию и с помощью проверки уровня интеллекта получили данные о неравенстве рас; все это придаст мне уверенность, что когда-нибудь в Соединенных Штатах пробудятся здоровые элементы — так же, как они пробудились в Германии. Только национал-социализм призван освободить американский народ от его правящей клики и вернуть ему возможность стать великой нацией".

Гитлер оживился. Все вокруг замолчали. "Я займусь этой проблемой, — продолжал он, — одновременно с восстановлением лидирующей роли немцев в Америке".

"Что вы имеете в виду, мой фюрер?" — спросил Геббельс.

"Разве вы забыли, что когда-то в конгрессе США не хватило всего одного голоса, чтобы объявить немецкий государственным языком? Немецкая часть американского народа — вот источник его политического *я* духовного обновления. Сегодня американский народ не представляет из себя нации в смысле национальности — это конгломерат несовместимых элементов. Это просто сырье для нации. Но янки не справились со своей задачей и не создали из него нацию. Вместо этого они заботились о своих кошельках. И сегодня они за это поплатятся. Наступающие трудности окажутся для них непреодолимыми".

"Значит, вы считаете, что американские немцы, обновленные национал-социализмом, будут призваны руководить Америкой?" — спросил я.

"Именно так я и считаю, — ответил Гитлер. — Очень скоро в Соединенных Штатах у нас будут штурмовики. Мы будем учить нашу молодежь. И у нас будут люди, с которыми эти прогнившие янки ничего не смогут сделать. Именно нашей молодежи, которая растопчет эту коррумпированную демократию, достанутся великие государственно-политические задачи Джорджа Вашингтона".

"Но не осложним ли мы тем самым нашу борьбу в Европе? — возразил Гитлеру кто-то из гостей. — Не превратим ли мы многие влиятельные семейства в своих смертельных врагов? Мой фюрер, я беспокоюсь, чтобы ваши великие идеи не рухнули прежде, чем они принесут плоды".

Гитлер возмутился: "Да поймите же вы, уважаемый господин, что наша борьба против Версальского договора и наша борьба за переустройство мира — одно и то же, и что мы не можем ограничиваться лишь тем, что нам ближе. Нам непременно удастся сделать новое политическое и социальное устройство мира основным жизненным законом для всех — или же мы будем разбивать себе головы в банальной борьбе против мирного договора, который на самом деле никогда не существовал и уже с первого своего дня показал, что победителей лишь случайно перепутали с побежденными".

"Нет ничего легче, чем устроить в Америке вооруженную революцию, — добавил Геббельс. — Ни в одной стране нет такой расовой и политической напряженности. Мы сможем нажать на многие рычаги одновременно".

Гость Гитлера (я не был с ним близко знаком) замолчал, явно подавленный. Гитлер отметил это с удовлетворением.

"Эта Северная Америка — многонациональный хаос, — сказал Геббельс. — Внутри ее демократической оболочки продолжается брожение, но это не зарождение новой формы свободы и лидерства, а гнилостный процесс, в котором участвуют все европейские подрывные элементы. Сегодняшняя Америка уже никогда не будет для нас опасной".

"Ошибаются и те, кто считает, будто она представляла опасность в прошлую войну, — хмуро заметил Гитлер. — В сравнении с англичанами и французами, американцы — неуклюжие мальчишки. Они бегали как молодые зайцы, прямо на стрелковые цепи. Американец — не *солдат. В том, как небрежно они воюют, выражается вся слабость и вся упадочность этого так называемого "юного мира"*.

"И все же я осмелюсь покорнейше предостеречь вас, господин Гитлер, не следовало бы недооценивать американцев как потенциальных противников", — снова отозвался все тот же гость.

"Недооценивать?! — взорвался Гитлер, вскочив из-за стола. — Напротив, господа, я вам гарантирую — в свое время новая Америка станет для нас самой прочной опорой, когда из Европы мы совершим первый прыжок в заокеанские просторы".

"У нас есть средства, чтобы своевременно разбудить этот народ, — добавил он, выдержав паузу. — К тому же, теперь уже вряд ли появится какой-нибудь новый Вильсон, который сможет натравить Америку на нас".

Новое оружие

О чем Гитлер думал в то время, понимают лишь те, кто был детально посвящен в его цели и методы. Неправда, что посвященными были только партийные лидеры. Политический талант Гитлера проявился в том, что он всегда обсуждал подробности своих планов только в определенных кругах, но лишь очень немногим было позволено увидеть всю систему его идей целиком. До его прихода к власти причина такого поведения заключалась в том, что среди ближайших сподвижников Гитлера, большинство которых были по своей сути средней руки мещанами, лишь немногие обладали достаточной широтой взглядов, чтобы не испугаться новых идей, переходящих всякие границы "разумного" национал-социализма и социализма. И без того партийные "реалисты" пренебрежительно относились к прозрениям и фантазиям Гитлера. И только немногим было тогда открыто, что именно эти "фантастические" идеи позволяют Гитлеру идти своим необыкновенным путем, посрамляя всех скептиков.

Во всех этих воистину безумных планах Гитлера фигурировало новое оружие, которое он намеревался создавать незаметно, но целенаправленно и обдуманно, вопреки любым возражениям "специалистов". Здесь я имею в виду не новые самолеты и не новые танки, а то "психологическое оружие", которое Гитлер походя упоминал еще в 1932-ом, и о котором уже тогда имел зрелое и ясное представление. Я вспоминаю и о беседах за обеденным столом, летом 1933-го, когда Гитлер был более разговорчив — в то время члены буржуазного кабинета министров, морща носы, открыто рассуждали о том, что при новом канцлере заседания кабинета превратились в митинги или прорицания. Разговор касался значения внутренних волнений в других странах для нашей борьбы.

Гитлер долго сомневался, прежде чем решился выступить на президентских выборах 1932 г. против Пауля фон Гинденбурга. Когда же он наконец решился, национал-социалисты развернули издевательскую пропаганду против рейхспрезидента. Сторонники Гинденбурга парировали удары: рядом с Геркулесом — Гинденбургом маленький Гитлер восклицает "А я гораздо сильнее!"

"Фронтовик" Адольф Гитлер — таким его представляет предвыборный плакат НСДАП. Баллотироваться в противовес герою войны Гинденбургу — это вынуждало Гитлера оправдываться. В своей речи 27 февраля 1933 г. он сказал: "Раньше мы верноподданные, как верховному главнокомандующему, служили генерал-фельдмаршалу, и хотим, чтобы его имя сохранилось в сердце немецкого народа как имя полководца великих

сражений. Но, если мы хотим и если мы желаем этого, то мы сегодня обязаны призвать старого генерал-фельдмаршала! Старик — ты слишком дорог нам, чтобы мы могли терпеть, когда за твоей спиной прячутся те, кого мы хотим уничтожить. Нам очень жаль, но тебе придется уйти в сторону, ибо они хотят бороться с нами, а мы хотим бороться с ними"

В кругах партийного руководства как раз приобрела актуальность украинская проблема. Считалось, что с Польшей удастся разделаться значительно быстрее, чем это получилось в действительности. Движущим *фактором этих настроений был Розенберг,* скрывавшийся в тени и подыскивавший подходящие объекты для применения своего революционного таланта. В Техническом институте Данцига в то время было гнездо украинских заговорщиков. Лично мне, по настоянию определенных кругов, пришлось вступить в контакт с сыном бывшего казацкого гетмана Скоропадского. В одном из пригородов Берлина у Скоропадского было что-то вроде резиденции. Он верил, что его дни еще наступят. Впрочем, наиболее ценными для нас были связи этих людей с Англией. Но национал-социализм не отказывался использовать их и для собственных целей — впрочем, не признавая Скоропадского серьезной политической фигурой.

Ганфштенгель рассказывал мне тогда об идеях своего хозяина — насколько он их понимал. Будто бы особенно легко возбудить открытые выступления в Восточной Галиции, украинском районе Польши, которые станут роковыми для польской военной мощи. Зная Польшу, я не стал бы говорить об этом столь уверенно. Но Ганфштенгель и сидевший напротив меня Бальдур фон Ширах не приняли моих возражений всерьез.

Они утверждали, что с помощью соответствующих средств, любое государство можно разложить изнутри настолько, что потом не будет стоить больших усилий победить его. Будто бы везде и всегда есть группы, которые стремятся к независимости — национальной, экономической или даже политической. Стремление пробиться к кормушке и уязвленное честолюбие — вот революционное оружие, которое без промаха поражает врага в спину. И, наконец, есть еще дельцы, которые стараются изо всего извлечь выгоду. Нет такого патриотизма, который устоял бы против всех соблазнов. И мы очень скоро за это возьмемся. Это вовсе не трудно — придумать патриотические лозунги для всяких подобных предприятий и найти людей, которые охотно заглушат такими лозунгами голос собственной совести. Для этого нужны только деньги и соответствующая организация.

Я снова выразил сомнение. Я считал, что люди очень быстро разгадают их истинные намерения. К тому же, эти предприятия обходятся в такие суммы, что их могла бы позволить себе разве что английская "сикрит сервис", но уж никак не мы. К тому же, как известно, у нас очень плохо с конспирацией — даже наше информационное агентство во время мировой войны работало крайне скверно.

Придворный фотограф Гитлера Гофман, тесть Бальдура фон Ширака, отвечал мне несколько пренебрежительно и насмешливо. Он полагал, что Гитлер положил конец прошедшей эпохе. Что же касается денег, то НА ЭТО деньги найдутся в любом случае. Чем западнее, тем дороже будет нам обходиться наша деятельность. Вот и все различие. Но удача будет сопутствовать нам повсюду. Это он гарантирует. К тому же, в любой стране есть еще богатые люди, которые возьмут на себя часть расходов.

Однако, — я возразил, — никто не сможет убедить меня в том, что такое возможно, к примеру, в Англии. На это господин Ганфштенгель ответил, что я не имею представления, насколько успешно можно действовать, используя так называемое светское общество. Я недооцениваю честолюбие какой-нибудь леди Н., которая мечтает первой получить аудиенцию у Гитлера, чтобы стать главным знатоком национал- социализма в своем кругу. Я недооцениваю бедность фантазии и психологическую бездарность англичан, которых очень трудно заставить поверить в заговор внутри страны. Одно уже их высокомерие не позволит им задуматься об этом. Они не смогут себе представить, что мы обыграем их тем способом, который наиболее приятен их господскому нраву. И наконец, я слишком мало учитываю склонность англичан к так называемому "бизнесу".

"У демократов нет убеждений, — торжественно произнес Ганфштенгель. — Убеждений в истинном смысле этого слова, убеждений, за которые можно поручиться жизнью. Это фундаментальное открытие Гитлера, и оно является отправным пунктом его великой и мужественной политики, благодаря которой он никогда не сбивается с верного курса. Страх и своекорыстие в любом случае, рано или поздно, приведут их к капитуляции. В каждой стране найдется достаточно людей для того, чтобы развязать нужное нам движение в любых слоях общества и в любых образовательных структурах. Надо только положить начало — каждая страна сама позаботится о дальнейшем развитии. Отсутствие убеждений почти всегда приводит к пораженческим настроениям: сопротивлению оно не способствует. Но многого можно достигнуть и с помощью фанатизма отдельных лиц, имеющих определенные убеждения.

Спорт, религия, секс могут использоваться для того, чтобы создать опорные пункты во враждебной стране. Затем эти пункты будут формировать общественное мнение. Все демократы зависят от него, и оно *является для нас наиболее действенным средством. Мы всегда сможем убедить* демократов направить *свое общественное мнение туда, куда* нужно нам. Деньги, которые уходят на это, тратятся не напрасно. Зато потом нам понадобится на несколько дивизий меньше. Демократы не смогут защищаться от подобных приемов, такова их природа. Иначе им пришлось бы ввести у себя авторитарное руководство. А диктаторы защищены от этого оружия, и им нечего бояться психологической агрессии. Тем самым создается такое превосходство, которое в трудную минуту сможет перевесить даже значительную разницу в вооружении".

Убедившись, что естественные силы сопротивления и здоровый инстинкт демократических наций очень сильно недооцениваются, я все же возразил, что такое революционное разложение можно еще, наверное, представить у молодых, неокрепших народов Восточной Европы, но уж никак не у великих и зрелых культурных наций. Ширах посмотрел на меня с легким подозрением. И, кроме того, — продолжал я, — действенность этого нового оружия представляется изначально ограниченной, если оно применимо только к демократам. А ведь следует подумать и о серьезных конфликтах с недемократическими государствами, которые обладают иммунитетом против внутреннего разложения.

"Наши враги — демократы и никто иной, — улыбнулся Ганфштенгель. — И знаете почему? Потому что они слабее. Всегда следует и выбирать себе противника послабее. Вот в чем секрет успеха".

Такой вот банальной шуткой и закончился разговор. И уже значительно позже я осознал, что это была не шутка, а правда об элементарнейшей, но очень действенной тактике Гитлера.

6. "ДА, МЫ ВАРВАРЫ"

Вскоре после поджога Рейхстага Гитлер вызвал меня для доклада о положении в Данциге. В Данциге, как и повсюду в Рейхе, должны были состояться повторные выборы. Меня сопровождал гауляйтер Форстер. Прежде чем нас допустили в рейхсканцелярию, мы имели возможность побеседовать в кулуарах тогдашних гитлеровских кабинетов с некоторыми нацистскими лидерами, которые тоже ожидали приема. Геринг, Гиммлер, Фрик, несколько гауляйтеров с Запада беседовали между собой. Геринг рассказывал некоторые подробности о поджоге Рейхстага. В то время правду о поджоге еще держали в секрете от рядовых партийцев. Даже я некоторое время считал, что пожар устроили коммунисты или, по меньшей мере, лица, подстрекаемые Коминтерном. И только из беседы нацистских лидеров я узнал, что это был преднамеренный поджог по приказу руководства НСДАП.

Непринужденность, с которой в этом "кругу посвященных" болтали о недавнем преступлении, была ошеломляющей. "Заговорщики" удовлетворенно улыбались, цинично шутили, хвастались друг перед другом. Геринг описывал, как "его ребята" по подземному коридору проникли в президентский дворец Рейхстага, как мало у них было времени и как их едва не обнаружили. Он сожалел, что "весь этот сарай" не сгорел дотла. В спешке они не смогли сделать "всю работу до конца". Геринг, который говорил больше всех, завершил свой рассказ воистину символической фразой: "У меня нет совести! Мою совесть зовут Адольф Гитлер!"

Удивительно, но это крупное преступление, истинные инициаторы которого становились известны все более и более широким кругам, не осуждались даже буржуазией. Очевидно, и этот дерзкий поступок находил у них одобрение. Еще удивительнее, что поджигатели, несмотря ни на что, до сих пор пользуются определенными симпатиями за рубежом. Конечно, Геринг всегда составлял оппозицию Гитлеру. Но во время особенно острых кризисов, он всегда находился рядом с Гитлером или за его спиной. Он отдал приказ поджечь Рейхстаг. Он взял ответственность на себя, так же как он взял на себя убийство буржуазных националистов 30 июня 1934 года, потому что он считал Гитлера слишком мягким и нерешительным для этого. И действительно, Гитлер и Геринг очень отличались друг от друга: Гитлеру каждый раз приходилось выкарабкиваться из спячки и сомнений, доводить себя до экстаза, чтобы начать "действовать".

У Геринга же аморальность уже давно стала "второй натурой".

Нас пригласили к Гитлеру. Беседа была короткой. Она началась с обстановки в Данциге и тяжелого положения Гитлера в кабинете министров. Но Гитлер не признавал никаких трудностей, и — стоит подчеркнуть — насколько он был уверен, что преодолеет все возведенные на его пути барьеры и заслоны. Он упрекал Форстера в том, что Данциг не идет в ногу с Рейхом. "Нужно держать шаг, — говорил он, — и быть достаточно беспощадными, все остальное придет само собой".

"Меня отговаривают принимать пост рейхсканцлера на тех же условиях, на каких его принял в свое время "старик" (фон Гинденбург). Как будто я могу ждать, пока на меня снизойдет благодать и все мои желания будут исполнены".

Помещение, в котором Гитлер устраивал аудиенции, в то время было еще очень маленьким. Он вскочил из-за своего письменного стола и беспокойно зашагал по кабинету. "Я знаю, что я сделал! Я открыл для вас двери. Начало положено, добиться полной победы — это уже дело партии".Именно в то время нужно было создавать реальную власть на основе тех позиций, которые уже были взяты национал-социализмом — пусть зачастую они являлись лишь видимостью. "Реакционеры считают, что они посадили меня на цепь! Они будут расставлять мне ловушки повсюду, где только смогут. Но мы не будем ждать, пока ОНИ начнут *действовать. Наш шанс в том, что мы действуем быстрее, чем они. И у* нас нет предрассудков. Мы лишены всякой мещанской щепетильности. *Я требую от* каждого из вас, *чтобы мы* стали единым кланом заговорщиков. Мне пришлось взять на себя обязательства, и они тяжелы. Я буду нести их до тех пор, пока я должен их нести".

Затем Гитлер заговорил о поджоге Рейхстага. Он спросил, видели ли мы то, что от него осталось. Мы ответили, что не видели. "Посмотрите на эти руины, — сказал Гитлер, — с этого сигнального костра начинается новая эпоха всемирной истории". Поджог дал ему возможность выступить против оппозиции. "Я напугал и привел в замешательство этого болтуна Гугенберга и его товарищей (буржуазных националистов из первого кабинета министров Гитлера). Они поверили, что я сам все это сделал. Им кажется, будто я — дьявол во плоти. Это замечательно".

Гитлер стал шутить над тяжеловесными профессиональными речами и возражениями своих коллег-министров. Он пугает их своими речами. Ему доставляет неописуемое удовольствие наблюдать, как они возмущаются им и полагают, что сами они выше него. "Они считают меня необразованным, варваром. Да, мы варвары! Мы ХОТИМ быть такими. Мы тс, кто омолодит мир.

Старый мир при смерти. Наша задача — возбуждать беспокойство".

Гитлер пустился в витиеватые речи об исторической необходимости влить варварские силы в умирающую цивилизацию, чтобы вытащить жизнь из гнилого болота. Затем он заговорил о процессе над коммунистами и социал-демократами. "Они думали, что я буду ходить вокруг них на цыпочках или ограничусь одними угрозами. Не то у нас положение, чтобы обращать внимание на гуманные чувства. Я не могу долго доискиваться, кто благонамерен и кто невиновен. Надо освободиться ото всех сентиментальных чувств и обрести твердость. Если в один прекрасный день я прикажу начать войну, мне нельзя будет думать о десяти миллионах молодых людей, которых я пошлю на смерть. Смешно требовать от меня, чтобы я сажал в тюрьму только тех коммунистов, которые действительно виновны. В этом вся трусливая буржуазная непоследовательность — успокоить совесть, соблюдая предписанные права. Существует только одно право — право нации на существование".

Больше мы не сказали ни слова. Гитлер углубился в рассуждения о бестолковой политике буржуазии и социалистов. "Мне ничего больше не остается, — сказал он между прочим. — Мне приходится совершать поступки, масштаб которых неизмерим для привередливых мещан. Этот поджог Рейхстага дает мне повод, и я воспользуюсь этим поводом". Затем Гитлер говорил о том, как ему нужно шокировать буржуазию, чтобы возбудить в ней опасения перед выступлениями коммунистов и страх перед его собственной непоколебимостью. "Только страх правит миром".

Страх

После этого Гитлер отпустил нас. Вошел его адъютант Брюкнер. Время было ограничено. После обеда в помещении бывшей социал-демократической школы должно было состояться открытие школы национал- социалистического руководства. Однако прерванный разговор имел что-то вроде продолжения — несколько позже, осенью. Тогда к Гитлеру поступили первые жалобы на жестокое обращение в концентрационных лагерях. Я запомнил один случай, в Штеттине, где в пустых цехах бывшего вулканизационного завода происходили жесточайшие издевательства над солидными гражданами, частично еврейского происхождения. Это были зверства, производившиеся с

изощренной жестокостью. Дело передали Герингу. Он был вынужден расследовать его. И в этом единственном случае кое-кому была оказана помощь.

Тогда было принято оправдываться тем, что в Германии происходит революция, что она идет необыкновенно бескровным и щадящим путем, и что не следует обобщать случайных извращений. В действительности же дело обстояло совершенно иначе. То, что СА и СС, тогда и впоследствии, со все более изощренной жестокостью расправлялись с политическими противниками, происходило согласно твердому политическому плану. Использование асоциальных лиц с отягощенной наследственностью в качестве охраны концентрационных лагерей было намеренным. Я сам имел случай узнать об этом. В военных подразделениях партии не делали никакой тайны из того, что пьяниц и уголовников отбирают в специальные команды. Это было наиболее характерным примером использования специально отобранных "недочеловеков" для выполнения определенных политических заданий.

Я случайно присутствовал при том, как Гитлер принял информацию о Штеттинском и прочих подобных делах. Характерно, что Гитлер при этом не стал, как того следовало бы ожидать, осуждать жестокие поступки своих людей, а обрушился на тех, кто вообще придает значение этим смехотворным "случаям".

Я впервые услыхал тогда, как Гитлер неистовствует и бранится. Он размахивал руками, как невоспитанный ребенок. Он пронзительно вопил, топал ногой, стучал кулаком по столу и стенам. С пеной у рта, безмерно разгневанный, он выкрикивал что-то вроде: " Не хочу! Пошли прочь! Предатели!" На него было страшно смотреть. Волосы растрепанные, глаза навыкате, лицо искаженное и багровое. Я испугался, что с ним случится удар.

Однако внезапно все прекратилось. Он прошелся по комнате, пару раз провел рукой по волосам, осмотрелся по сторонам — испуганно, недоверчиво, затем бросил на нас несколько испытующих взглядов. У меня было такое впечатление, что он хотел посмотреть, не смеется ли кто-нибудь над ним. И я должен признать, что даже со мной от напряжения едва не случилось чего-то вроде приступа нервного смеха.

"Смешно, — сказал Гитлер скрипучим голосом. — Приходилось ли вам видеть, как сбегается народ, когда на улице начинается драка? Жестокость внушает им уважение. Жестокость и грубая сила. Простой человек с улицы уважает лишь грубую силу и безжалостность. В особенности женщины, женщины и дети. Людям нужен целительный страх. Они хотят чего-нибудь

бояться. Они хотят, чтобы их пугали и чтобы они, дрожа от страха, подчинялись кому-нибудь. Разве не об этом свидетельствует опыт побоищ во время наших митингов, когда побитые первыми записывались в члены партии? Что за болтовня о жестокости, что за протесты против мучений?! Массы хотят этого. Им нужно что-нибудь ужасающее".

После паузы он продолжил уже прежним тоном: "Конечно, я все это запрещу. Пару человек, наверное, придется наказать, чтобы эти ослы из Немецкой национальной партии успокоились. Но я не хочу, чтобы из концлагерей делали дома отдыха. Террор — самое действенное политическое средство. И я не стану отказываться от него только потому, что эти буржуазные слюнтяи находят его неприличным. В этом мой долг применять ЛЮБОЕ средство, чтобы воспитать в немецком народе твердость и подготовить его к войне".

Гитлер принялся возбужденно ходить взад-вперед. "И во время войны я не буду вести себя иначе. Самая жестокая война — самая милосердная. Я буду внушать ужас ошеломляющим применением всех моих средств. Вплоть до внезапного шока, вызванного страхом перед ужасной смертью. Почему же я должен обращаться иначе с моими внутренними политическими противниками? Все эти так называемые ужасы предотвращают тысячи одноразовых акций по борьбе с упрямцами и недовольными. Теперь каждый хорошо подумает, прежде чем делать что-нибудь против нас — если он узнает, что его ждет в лагере".

Никто не решался задать Гитлеру вопрос. "Я больше не хочу слышать об этих вещах, — сказал Гитлер. — Ваше дело — позаботиться о том, чтобы никто не собирал материалов по этим "делам". Я не хочу обременять себя подобными пустяками. А если какой-нибудь слюнтяй не переносит, когда рядом кто-то страдает — пусть записывается в сестры милосердия, а не в мою партию".

7. КОФЕ С ПИРОГАМИ

Остается ли Гитлер бесчувственным к чужим страданиям? Свойственны ли ему жестокость и мстительность? Я думаю, ответ на эти вопросы сегодня уже ни у кого не вызывает сомнения. Пару лет назад, такие вопросы возникали у каждого, кому доводилось слышать, какие странные вещи Гитлер говорит в узком кругу. Любой, даже самый простой разговор с ним свидетельствовал о том, что этот человек охвачен безграничной злобой. На кого он злился? Догадаться было невозможно. Все что угодно могло внезапно вызвать его ярость и злобу. Казалось, что ему просто необходимо все время что-нибудь ненавидеть. Но, вместе с тем, и переходы от негодования к сентиментальности или восхищению тоже были совершенно неожиданными.

В мае 1933 в Данциге состоялись повторные выборы. Здесь национал- социалисты имели больший успех, чем в Рейхе, где выборы принесли Гитлеру лишь сорок четыре процента голосов. "Великолепно, Форстер!" — телеграфировал Гитлер данцигскому гауляйтеру, когда тот доложил ему о своих пятидесяти процентах. В награду Гитлер пригласил несколько человек из Данцига к себе в рейхсканцелярию на кофе с пирогами.

Это был действительно кофе с пирогами "по-домашнему"; на стол подали пирог с корицей и большой кекс. Гитлер сам ухаживал за гостями. Он был весел, даже симпатичен. Пару часов назад он обрисовал нам с Форстером основные направления своей восточной политики. Он говорил, что нам следует отбросить всякую сентиментальность и отказаться от драматических эффектов. Национал-социалистам ни к чему "доказывать" свои патриотические чувства, как это делали партии Веймарской республики. В задачи нашей партии в Данциге не входят крикливые политические излияния в духе "Немецкой национальной". Мы достигли всего, что нам нужно, не устраивая представлений. Надо быть хитрее. Германский народ не сможет достигнуть всех своих целей за несколько дней или недель. Данцигские национал-социалисты должны избегать всего, что могло бы дать миру повод для недоверия. Есть только два пути — или фиглярничать, или заниматься делом, и тут уж отказаться ото всякой театральности. Сам он, по его словам, готов заключить любой договор, чтобы облегчить положение Германии. Он даже готов договориться с Польшей. И наша задача помочь ему в этом. Данцигский вопрос будем решать не мы, а Гитлер, и только в том случае, если Германия станет сильной и страшной. Чем тише и беззвучнее будет наша борьба за существование, тем лучше она

будет соответствовать интересам Германии.

Не нам решать данцигский вопрос или проблему "Данцигского коридора". Этим вопросом займется Рейх. Но Данциг, со своей стороны, должен позаботиться о том, чтобы в течение будущего года устранить с пути Рейха все препятствия, какие только сможет.

То же самое Гитлер повторил затем в короткой речи к данцигским партийцам. После этого мы пили кофе с пирогами. Разговоры, которые он вел при этом, были менее официальными. Недавно он начал борьбу с независимой Австрией, объявив против нее тысячемарковое эмбарго. Он ввел это эмбарго вопреки желанию министерства иностранных дел. Было заметно, какое удовлетворение приносит ему борьба, которую он считал уже почти завершенной. В каждом его слове сквозила неприкрытая ненависть и издевка.

"Австрия запархатела. Вена уже не немецкий город. Там расселись славянские полукровки. Чистая немецкая кровь уже не в чести. Повсюду командуют попы и евреи. Пусть эти "венцели" убираются к черту!"

Все это перемежалось с настойчивыми приглашениями угощаться. Данцигские партийцы, сидевшие рядом с Гитлером, слушали его, ничего не понимая. Гитлер говорил, что он освободит здоровое ядро от гипсовой массы: "Рейх должен освежить Австрию. Этот Дольфус, эти платные писаки и хвастуны, глупые карлики, которые считают себя государственными деятелями и не видят, что пляшут на нитках в руках английских и французских кукловодов — они еще за все ответят. Я знаю, — продолжил он, выдержав паузу, — говорить о присоединении Австрии еще рано. Но почему они не проводят немецкой политики?" Он сказал, что позаботится о том, чтобы отправить к чертям всю эту мягкотелую сволочь.

"Будем откровенны. Австрии больше нет. То, что называется Австрией — всего лишь труп. Рейху предстоит вновь колонизировать Австрию. Самое время сделать это сейчас. Еще одно поколение — и эта земля навсегда будет потеряна для немцев. Эти люди уже не помнят, что значит быть немцем".

Он говорил о том, что задача воспитать немцев из австрийцев особенно ему близка. Он муштровал бы их до тех пор, пока в них не проявится немецкая сущность. "Вся их неряшливость и все их зубоскальство вышли бы из них вместе с потом. Хватит им дрыхнуть. И не надо думать, что речь пойдет о Габсбургах или прочей ерунде. Прежде всего нужно прогнать евреев. Это очень трудно. Но я это сделаю. И очень скоро Австрия станет национал-социалистической".

Гитлер дал понять, что он намеревается устроить в Австрии путч, и что соответствующие приготовления уже ведутся. Было ясно, что он был бы рад такому путчу, и что именно поэтому ему приятно сопротивление правительства Дольфуса. По энергичности его высказываний можно было понять, что ему не терпится затеять кровопролитие, заговор, как-нибудь отомстить австрийцам. Наверное, в этом страстном желании вторгнуться в Австрию воплотился давно взлелеянный, но так и не состоявшийся "поход на Берлин". От Гитлера веяло горячим, болезненным, обжигающим духом. Это были не слова, это была страстная импровизация, в какую в конце концов превращалась любая беседа с Гитлером. Длинный коридор на втором этаже рейхсканцелярии, где стоял наш стол, был освещен солнцем. Сам рейхсканцлер Германского Рейха угощал нас и говорил с нами. Снизу доносились команды смены эсэсовского караула.

"Я отдам этого Дольфуса под суд, — кричал Гитлер. — Он посмел мне перечить! Представьте себе, господа! Они еще встанут передо мной на колени. Но я хладнокровно прикажу казнить их как предателей".

Ненависть и жажда мести звучали в этих словах — мести за отверженную юность, за неоправдавшиеся надежды, за жизнь, полную нищеты и унижений. На некоторое время за столом воцарилось подавленное молчание.

Гитлер угощал своих гостей назойливо, как деревенская хозяйка. Юные эсэсовцы разносили полные тарелки пирогов и наливали кофе. Гитлер вспомнил о венских евреях. "Евреи — лучшая защита для Германии, — рассмеялся он. — Евреи — это залог, гарантирующий, что заграница не будет мешать Германии идти своим путем". Если демократы не прекратят бойкотировать Германию, Гитлер возместит весь ущерб, нанесенный бойкотом, конфисковав часть имущества германских евреев. "И тогда вы увидите, как быстро прекратится антигерманская пропаганда за границей. Это просто счастье, что у нас есть евреи". Все гости засмеялись. "Когда-нибудь еврейское имущество, конечно, иссякнет, — продолжал Гитлер. — Тогда, конечно, с них уже ничего не возьмешь. Но у меня в руках останется их жизнь— драгоценная еврейская жизнь". За столом снова засмеялись. "Штрайхср предложил во время войны гнать их перед нашими стрелковыми цепями. Они будут лучшей защитой для наших солдат. Я обдумаю это предложение", — "пошутил" Гитлер. "Шутка" вызвала за столом взрыв хохота. А Гитлер, возбужденный внезапной мыслью, принялся рассуждать о том, какие он примет меры, чтобы медленно, но неумолимо экспроприировать евреев и изгонять их из Германии. "Все, за что мы беремся, будет сделано.

Никому не позволю обсуждать мои поступки".

То, о чем он говорил, было в общих чертах претворено в жизнь несколько лет спустя, в 1938-ом. Конечно же, тогдашние репрессии вовсе не были яростной реакцией на неудавшееся покушение. Все было обсуждено и согласовано заранее. Тогда, в 1933 году, после первого погрома, Гитлер вынужден был несколько приостановить открытую борьбу с евреями. Но именно поэтому он считал, что антисемитизму нельзя дать погаснуть. Потом я еще несколько раз слышал, как Гитлер высказывал свои мысли о евреях. Я еще расскажу об этом в другой раз. Здесь мне важно передать странное впечатление, которое произвел на меня этот прием: мирное, мещанское застолье; партийцы из провинции беседуют с канцлером великого немецкого народа — и каковы же его речи! Уничтожить, поднять восстание, посадить в тюрьму, убить, ограбить! Причудливый контраст между неуклюжим, неотесанным мещанином, который лучше всего чувствует себя среди таких же мещан — и его разбойничьими фантазиями. Впрочем, эти мещане не так уж миролюбивы — при случае они любят предаться воинственным мечтам. Они буквально лопаются от скрытой зависти и злости, от жадности и недоброжелательства. Они не прочь перевернуть весь мир, вооружившись варварством языческих времен или повторив все гнусности позднего средневековья. Что за гротескная картина! Ни привета, ни радости, ни выражения личной заботы о каждом из гостей. "Что мне личное счастье и здоровье, — кричал однажды разъяренный Гитлер. — Делайте, что хотите, кому какое дело?!" Мстительность, примитивная злоба и жажда власти: таковы были слова, которыми Гитлер напутствовал своих людей, отправляя их в большую политику.

8. ОБОГАЩАЙТЕСЬ!

Но Гитлер очень хорошо понимал, что простые люди не могут жить одной лишь злобой и местью. Сознательно используя в своих целях самые низменные человеческие инстинкты, Гитлер достаточно хорошо изучил слабости и пристрастия своих людей.

"Погодите жениться, пока я не приду к власти", — советовал он когда-то своим сотрудникам, которые смотрели на пост гауляйтера или рейхсляйтера как на выгодную должность и стремились устроить свою жизнь уютно и основательно. Сразу же после прихода к власти Гитлер выдвинул другой лозунг: "Позиция захвачена". Грести под себя все, до чего можно дотянуться со своего поста — таково было основное правило тех лет, распространившееся повсюду. "Радуйтесь жизни, пока фитилек не погас", — ободряюще доносился снизу хриплый органный бас доктора Лея, алкоголика, руководившего "Рабочим фронтом". "Наслаждайтесь и обогащайтесь", — поощрительно советовали сверху.

"Мы не ханжи! Красиво жить не запретишь", — звучало в кулуарах гитлеровских кабинетов. "Устроиться на новом месте" — вот девиз первых недель и месяцев после прихода национал-социалистов к власти. "Я не подглядываю за своими людьми, — сказал Гитлер однажды за обедом. — Делайте что хотите, но не попадайтесь".

Таковы были напутствия самого Гитлера, намеренно указывавшего своим людям путь к кормушке. А уж им не нужно было повторять дважды. В те дни я услышал такое странное словосочетание: "преднамеренная коррупция". Да, очевидно, на эту коррупцию не просто смотрели сквозь пальцы — она и впрямь была преднамеренной. Находились люди, опасавшиеся, что коррупция быстро разрушит национал-социализм. Но Гитлер знал, что своим людям нужно "что-то предложить". Взамен погромов — посты в буржуазной администрации; вместо настоящей революции — все то, что она могла бы дать, то есть свободу всем любителям поживиться за чужой счет.

Все это было не в новинку — революция часто говорит своим детям: "Обогащайтесь!" Но здесь обогащение происходило с такой бесстыдной поспешностью, что просто дух захватывало. Одна, две, три, четыре виллы, резиденции, дворцы, жемчужные ожерелья, антиквариат, персидские ковры, картины, десятки автомобилей, шампанское, поместья, подворья, фабрики. Откуда у них брались деньги? Ведь еще недавно эти люди были бедны как церковные крысы и сидели по уши в долгах. Они получали

должности — по три, по шесть, по двенадцать должностей одновременно. На них сыпались всевозможные чины, они вступали в акционерные общества, получали дивиденды, ссуды, пожертвования. Весь мир старался помочь им. Каждому банку, каждому предприятию нужен был "свой" партайгеноссе — как гарантия безопасности. Зато сам "фюрер" отказался от своего рейхсканцлерского жалования. Он подавал остальным хороший пример. Впрочем, оно ему было ни к чему. За одну ночь он стал богатейшим в мире книгоиздателем, миллионером, самым читаемым автором — читаемым по принуждению. Он мог позволить себе порицать Геринга и его экстравагантные запросы. Порицать демонстративно, чтобы успокоить определенные круги. Гитлер "очень, очень расстраивается" из-за Геринга, — говорил мне тогда Форстер. "Мы должны сдержать свое обещание: никаких окладов свыше тысячи марок в месяц". Легко было Форстеру говорить об этом. Сам он занимал пять должностей, и его доходы в двенадцать раз превышали "обещанную" сумму. Вскоре он стал владельцем многих домов в Данциге. А ведь всего два года назад он приехал в этот город с пустой коробкой из-под сигар.

То же самое было и в Берлине. Соответствующий отдел имперского министерства финансов жаловался мне на нового госсекретаря, который за счет государства мебелировал свою квартиру на девяносто тысяч марок. Геринг выложил ванную в одной из своих многочисленных служебных квартир золотыми плитками. А Гитлер в ответ на жалобы референта из соответствующих органов, приказал уплатить недавно назначенному имперскому наместнику такое жалование, какого никогда не бывало в немецкой чиновничьей иерархии. Жалованье было уплачено. А простые люди с улицы, видя ряды помпезных автомобилей перед административными зданиями, шептали: "Высоко метят новые бонзы".

Гитлер довольно откровенно высказывался обо всех этих событиях. Неправда, что он молча сносил чье-то непослушание. Однажды я участвовал в так называемом инструктаже в бывшей помещичьей усадьбе в Пруссии. Гитлер рассказывал о программе своих ближайших политических действий. Рассказ был не очень содержательным. Зато потом я имел возможность послушать его в более узком кругу. Своим резким и гортанным голосом он кричал, будто его упрекают в несправедливости: дескать, он расследует злоупотребления отставных членов правительства, в то время как его собственные люди преспокойно набивают карманы.

"Этим простакам, имеющим наглость затевать подобные

разговоры я отвечаю: скажите, а как же иначе исполнить справедливые требования моих соратников по партии и возместить ущерб, понесенный ими за годы нашей нечеловеческой борьбы? Я спрашиваю их: а может быть, лучше просто выпустить штурмовиков на улицы? Я могу это сделать. По-моему, это было бы то, что надо. Настоящая революция, недельки на две, с кровопролитием — это бы только прибавило народу здоровья. Однако я отказываюсь от революции — ради вашего мещанского спокойствия. Но мы должны это чем-то компенсировать! — говорю я им. И все их глупые упреки очень быстро смолкают".

Гитлер рассмеялся: "Необходимо время от времени чем-нибудь их пугать. Это мой долг перед соратниками по партии, — добавил он, сделав паузу. — Они этого требуют. В конце концов, они боролись и за то, чтобы просто выбраться из грязи. Смешно стесняться говорить об этом откровенно. Мой товарищеский долг — позаботиться о том, чтобы у каждого из них был свой кусок хлеба. Мои старые бойцы это заслужили. Мы делаем Германию великой и имеем полное право подумать о себе. Нам не нужно придерживаться мещанских представлений о чести и репутации. Пусть эти "хорошо воспитанные" господа лучше честно признают, что мы осмеливаемся действовать в открытую, а они занимаются тем же самым, но исподтишка".

Гитлер разгорячился, перешел на крик. "Они хотят, чтобы мы вытащили их телегу из грязи, а потом отправились по домам с пустыми руками! Вот тогда они были бы довольны. Какой же я глава правительства, если мои люди еще не заняли всех постов? Да эти господа должны радоваться, что здесь не Россия и что их пока не расстреливают".

В этом и заключалась сущность всей преднамеренной регулируемой коррупции. Однако замысел Гитлера был значительно шире. Он понимал: ничто не связывает людей столь неразрывно, как совместно совершенные преступления. Потом я узнал, что некоторых "неблагонадежных" партийцев пытались "повязать" следующим образом: от них требовали совершить в интересах партии какое-нибудь преступление, чтобы затем держать их в руках. "Благонадежность" достигалась и более приятным способом — предоставлением доли в совместных доходных предприятиях. Вся партийная элита стала шайкой соучастников. Каждый зависел от каждого, и никто больше не мог быть самим себе хозяином. Вот что вышло из лозунга "Обогащайтесь!"

Кстати, уже в то время стали распространяться весьма достоверные слухи, будто все партийные руководители, и не

только они, переводят деньги за границу, чтобы застраховаться от возможных неприятностей. Наравне с деньгами в сейфах или у адвокатов хранились компрометирующие досье на основных лидеров национал-социализма. Владельцы этих досье рассматривали их как лучшую защиту от произвола партийного начальства или партийных органов. Такими откровенно гангстерскими методами все партийное руководство БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ обеспечивало не только свое будущее после падения режима, но и безопасность своих сегодняшних позиций. Невозможно представить всех масштабов коррупции, нагло и внезапно вторгшейся в жизнь Германии.

Один гауляйтер, имени которого я не хотел бы называть, потому что он принадлежит к числу честных партийцев и еще сыграет определенную роль в грядущем падении режима, сказал мне со всей откровенностью, что ему просто ничего больше не остается, кроме как пользоваться теми же методами. Если бы он вел себя иначе, его бы очень быстро сместили или даже убили. По дружбе он советовал мне собирать компрометирующие материалы на моих противников, в особенности на гауляйтера Форстера. Как только эти материалы окажутся у меня в руках, я смогу быть уверен в прочности своего положения. Без них я всегда буду лишь исполнителем чьих-то распоряжений. Компромат и капитал за границей — вот что делает человека неуязвимым. Мой приятель уже имел и то, и другое, и намеревался послать за границу свою жену, чтобы она могла представлять там его интересы наилучшим образом.

И он все-таки смог удержаться на своем посту, стоившем ему многих лет упорной борьбы — несмотря ни на какие трудности.

Апология цинизма

Что поражало в преждевременных откровениях этих людей, так это чистосердечный цинизм внутрипартийных разговоров обо всех текущих событиях. В связи с этим мне вспоминается одна из бесед с Гитлером в начале лета 1933 года, во время обеда. Разговор начался с замечания Геббельса о "Крапиве" — юмористической газете национал-социалистов. Геббельс вспомнил несколько карикатур на тему так называемого "Указа про трусы" — смехотворного постановления канцлера фон Папена о фасонах купальных костюмов, недопустимых с точки зрения нравственности. При этом Геббельс бросил несколько ядовитых замечаний о допотопных нравственных критериях реакционеров,

о ложном понимании немецкого духа, об идиотах, которые призывают заклеймить позором "негерманские" женские стрижки и косметику. Самое время, чтобы те, кто путает национал-социализм с мещанством и подменяет боевой дух благочестивым ханжеством, взглянули на себя со стороны. "Ну и посмеялись бы мои штурмовики, если бы сегодня кто-нибудь сказал им: "Боритесь за то, чтобы немецкие девушки носили длинные косы и не курили!"

Гитлер, до сих пор молчавший и хмурившийся, вдруг заговорил быстро и взволнованно: "Ненавижу этих ханжей и моралистов. Какое им дело до нашей борьбы? Этот Гугенберг и прочие замшелые зануды — они думают, что национальное возрождение вернет нам добродетельность и строгий дух. "Тугендбунд", "Христианское Немецкое Застолье", "возместить материальные потери нации духовными достижениями", прочая патриотическая белиберда. Нет, наш прорыв не имеет ничего общего с мещанскими добродетелями. Мы — это сила нашей нации, рвущаяся наружу. И я бы даже сказал, ее жизненная сила. И я не стану портить праздник никому из моих людей. Я требую от них предельно напряженной работы — так пускай они отдыхают, как ОНИ хотят, даже если это не по нраву некоторым ханжам. Я должен им это позволить. Видит Бог — мои люди не ангелы, но от них этого и не требуется. Они ландскнехты, и должны оставаться ландскнехтами. Мне не нужны святоши и моралисты. Я не подглядываю за личной жизнью моих людей — потому что и сам не хотел бы, чтобы кто-то копался в моей личной жизни. Наша партия — это не тайный союз религиозных реформаторов, мм не станем повторять этих глупостей о моральном возрождении, о духовности и историческом прошлом нашего народа. У нас совсем другие задачи. А Гугенберг — просто старый козел. Пусть он хотя бы однажды попробует выступить со своими проповедями перед штурмовиками! Мне нужны люди, которые хватают крепко и бьют, не раздумывая. И какое мне дело, если при этом они успевают кое-чем поживиться".

Потом мне часто приходилось слышать подобные речи из уст многих гитлеровских чиновников — вплоть до самых мелких. Заветы Гитлера выполнялись весьма педантично. Даже у нас, в Данциге, штурмовики совершили несколько отвратительных преступлений, и мы вынуждены были оставить их безнаказанными. Но это были детские забавы по сравнению с тем, что ежедневно творилось в Рейхе. Дорога в нацистский ад уже тогда была вымощена не благими, а самыми скверными намерениями. В партийных кругах воцарился небывалый цинизм — еще совсем недавно такого и представить себе было

невозможно. И большие, и малые партийные чины без стеснения говорили о двух вещах: о том, как им удалось набить карманы, нажраться и уйти безнаказанными — и о том, как они планируют обеспечить свое будущее. Они готовы были стать соучастниками любого преступления, идти на любой риск — лишь бы только удержаться наверху и не свалиться вниз, к безымянным, в массы, лишенные власти. Претенденты на портфели толпились в приемных. Они в открытую выдвигали свои требования. "Так сказал фюрер", — заявляли они. "Все старые бойцы должны быть обеспечены. За что мы боролись? За то, чтобы снова уйти ни с чем? "

Один такой соискатель подал мне заявку на пост госсекретаря. Его не интересовал ни сам пост, ни жалование — только пенсия. Он хотел быть обеспеченным пожизненно. Видит Бог — он совсем не был бойцом. Он был всего лишь жалким мещанином, глаза которого так и светились страхом перед будущим. "Я не хочу опять оказаться внизу!" — в отчаянии кричал мне другой соискатель. "Это вы можете ждать! У вас не горит! А я — слышите вы — остаюсь совсем без должности! Пока я снова кем-то стану, меня просто посадят в тюрьму. Я готов на все, лишь бы только удержаться наверху. Второй раз я сюда уже не попаду!"

Мещане и бандиты — вот из кого состояла "старая гвардия" Гитлера. Каждый хотел обеспечить свое положение, и каждый ссылался на "фюрера". Никто, вплоть до самых высших чинов, не был уверен в своем положении. Никто в душе не верил, что национал-социализм продержится тысячу лет. Один почтенный президент банка откровенно признался мне, что однажды он уже рисковал своей жизнью. Во время мировой войны. Теперь он не пойдет на риск. Он станет сотрудничать. Он постарается ничем себя не скомпрометировать. У него нет желания жертвовать собой.

Началось кошмарное соревнование в цинизме. "Прежние люди" пытались удержаться наверху. Утратив стыд и совесть, они цеплялись за свои кресла и выполняли любые требования национал-социалистов, лишь бы не потерять должность. Они стали совсем бесхребетными — и в этом были виноваты, главным образом, их жены. Именно жены не хотели отказываться от роскошных автомобилей, покидать прекрасные служебные квартиры. Именно они скандалили и жаловались, твердили своим мужьям, что надо подумать о детях, об их будущем. Но и "новые люди" рвались наверх — без оглядки, любыми путями. Да, в Германии никогда еще не было такой коррупции, такой беспринципности! И как только демократические правительства не догадались просто взять да и подкупить этих людей? Ведь они

продавались — все без исключения. И старые, и новые. Они продаются и до сих пор. Во всяком случае, это обошлось бы куда дешевле, чем воевать с ними.

Деньги ничего не значат

Впрочем, деньги здесь ничего не значили. "Деньги у нас есть — столько, сколько мы захотим. Скажите лучше честно, что ВАМ не нравятся наши планы!" — рявкнул на меня гауляйтер Форстер осенью 1933-го, когда я высказал определенные сомнения по поводу некоторых проектов трудоустройства населения (планировалось строительство театра, крытого бассейна, устройство проспектов и современной системы вывозки мусора). Все эти люди, начиная с Гитлера, не имели ни малейшего представления о стоимости денег! Прежде всего, они не понимали разницы между платежными средствами и капиталом. На основании примитивных идей своего хозяина они создали экономическую теорию, заключавшуюся в том, что денег можно "напечатать" сколько угодно — нужно только "держать" цены, чтобы они не повышались.

У меня начались постоянные разногласия с партией. Окончательное решение должен был вынести Гитлер. Каким будет это решение, было ясно заранее.

Но действительно ли представления Гитлера об экономике были столь примитивны? У меня возникло подозрение, что Гитлер намеренно и осознанно разрушал экономические позиции определенных слоев общества. Твердость, с какой он отвергал любую попытку открытой девальвации, прямо противоречила легкомыслию, с каким он не только терпел, но и стимулировал скрытую инфляцию. Гитлер расценивал затратную экономику и скрытую инфляцию как радикальное и действенное средство перераспределения доходов. Может быть, он и не осознавал всего этого. Но инстинкт и крестьянская хитрость и на этот раз позволили Гитлеру выбрать верную тактику.

Гитлер с недоверием относится ко всем, кто пытается учить его экономике. Он думает, что экономисты хотят его одурачить, и не скрывает своего презрения к этой науке. Он не ясновидец, но чувствует, что они превращают простую, в сущности, вещь в сплошные дебри. Он убежден, будто практически — и только практически! — можно подобрать такое соотношение труда, денег и капитала, чтобы исключив спекулянтов и евреев, получить что-то вроде "вечного двигателя" экономики. Наконец, самое главное

— убеждением или принуждением, или и тем, и другим сразу, заставить людей поверить своему лидеру. "Ради Бога, не предлагайте ему девальвации или сложных исследований занятости населения", — советовал мне один министериаль-директор перед тем, как я поехал к Гитлеру.

Гитлеру уже доложили о моих требованиях. Он был угрюм и нетерпелив. Уже тогда он не любил слышать ничего противоречащего своему мнению.

"Я же послал к вам Колера. Неужели вы с ним не беседовали?" — такими словами встретил он меня. Колер был так называемым "специалистом по экономике".

"Да, я беседовал с ним, —ответил я, — но мы не поняли друг друга".

"Почему же?" — удивился Гитлер.

Я попытался объяснить ему, что этот "экономист" за все время беседы так и не понял, что находится не в Рейхе, а в Данциге — независимом государстве с самостоятельной валютой. Он не понял, что рейхсмарки для нас — иностранная валюта, и что наша собственная валюта имеет определенные правила обеспечения. Я добавил, что мы создали собственный государственный банк для распространения займов — а это, собственно говоря, уже начало инфляции.

Гитлер снова стал мрачен. "Инфляция! Что такое инфляция! Не говорите мне об инфляции! Главное — чтобы население вам доверяло. Все остальное — чепуха".

Я возразил и попытался рассказать ему о государственном платежном балансе Данцига. Гитлер грубо оборвал меня: "Все эти мелочи меня не интересуют. Не создавайте трудностей Форстеру. Если он хочет строить — ради Бога, дайте ему столько денег, сколько нужно. Деньги НАДО достать. Постарайтесь это понять!"

"Форстер знает, что он делает, — добавил Гитлер потом, уже более спокойным тоном. — Мы должны убрать безработных с улиц. Чем быстрее, тем лучше. Мы не можем позволить себе роскоши долго ждать. Вся ответственность лежит на Форстере. Каждый партиец, должен оказывать ему содействие в его работе. Не создавайте Форстеру трудностей — лучше помогите ему".

Я ответил, что делаю все возможное. Но мм должны регулярно предъявлять обеспечение нашей валюты. А в наблюдательном совете нашего валютного банка есть один поляк. "Когда вы должны предъявлять обеспечение?" — спросил Гитлер. Я назвал ему срок. "И вы не знаете, что вам делать! — возмутился он. — Я распоряжусь, чтобы на время проверок вам одалживали недостающую валюту. Потом вы будете ее возвращать. И вам не понадобится никаких сорока процентов обеспечения. Вы сможете

вернуться к двадцати, к десяти процентам".

Я попытался было возразить: "Но ведь это же самый настоящий…" "Обман? — продолжил Гитлер. — При чем тут обман? Что такое обеспечение? Обеспечение — это доверие. Люди доверяют нам и без обеспечения. МЫ — вот настоящая гарантия, а не деньги и не валюта. Наше слово, а не параграфы. А деньги и валюту мы можем вовсе отменить — хоть завтра. Вы меня поняли? МЫ гарантируем. И не приходите ко мне больше с такими элементарными вещами. Политик вы или теоретик? Вы считаете, мы делаем что-то не так? Всю ответственность я беру на себя. Кому вы больше доверяете — мне или вашим глупым параграфам?"

Гитлер прервался, затем продолжил: "Так вот, не создавайте себе проблем. Деньги будут. Пока немецкий народ работает, я ничего не боюсь. Поговорите с Функом, — посоветовал он мне. — Вот у кого никаких предрассудков. И не позволяйте себя обманывать". Гитлер взглянул на меня дружелюбнее. "Зачем вы осложняете себе жизнь? Вы спотыкаетесь на ровном месте. Если бы мы задумались о формальностях — где бы мы сейчас были? Я не принимаю их близко к сердцу. Я готов ложно присягать хоть по десять раз на дню. Какое это имеет значение?" Он снова разгорячился. Я не знал, что ему ответить. Да и что мне было отвечать?

"Не застревайте на мелочах. Берите пример с меня". Гитлер заметил мое внутреннее сопротивление. Он не стал садиться и продолжал, перейдя на приятельский тон: "А что нам еще остается? Что вам дороже: ваша чистая совесть или восстановление Германии? Мы не имеем права думать о себе и своем мещанском целомудрии. У нас есть только наша задача. Если все пойдет не так, как мм рассчитываем — нас просто загонят в гроб; вы думаете, я этого не понимаю? Да, я иду опасным путем. К чему мне заботиться о каких-то там бумагах? Это тщеславные людишки относятся к себе так серьезно, они становятся в позу и говорят: "Моя совесть мне этого не позволит!" Ничего себе! Вам, значит, не позволит, а МНЕ позволит? Уж не считаете ли вы, что вы лучше меня?"

Вошел Ламмерс. Гитлер снова заговорился и изрядно превысил регламент. Меня выпустили из кабинета. Снаружи, в просторной приемной, сидел мой знакомый, граф Шверин-Крозигк, министр финансов. Мои заботы были ему очень близки.

Аудиенция у Гитлера не решила моих вопросов. Год спустя это стало одной из причин для моей отставки.

Историческое рукопожатие между Гинденбургом и Гитлером

на Дне Потсдама. Весь спектакль, организованный в этот день. 21 марта 1933 г.. должен был служить тому, чтобы германский народ воочию увидел примирение между старой прусской христианско-националистической традицией и новым национал-социализмом. Но под сознательно лживым лозунгом о"национальном подъеме" национал-социалисты с самого начала взялись проводить свою "национал-социалистическую революцию", которая не имела ничего общего с "отжившими" прусскими, национальными и христианскими ценностями.

9. ПОСЛЕ ВЫХОДА ИЗ ЛИГИ НАЦИЙ

(Октябрь 1933, Берлин, рейхсканцелярия)

Германия покинула Лигу Наций. Во время этого знаменательного события я находился в Женеве. Это был первый политический акт Германии, целиком исполненный в бесцеремонно-ошеломляющей гитлеровской манере. Возвращаясь домой, я посетил Гитлера в Берлине. Мне казалось, будто я должен открыть ему глаза на опасность сложившейся ситуации. В условиях общей напряженности даже самая незначительная ошибка могла спровоцировать превентивную войну против Германии. По крайней мере, так полагал я. Гитлер был совсем иного мнения. Я нашел его в великолепном настроении. Он буквально трепетал от нетерпения и жажды действий.

"Люди хотят войны, — ответил он на мои предостережения. — И у них будет война. Но только если я этого захочу". Я возразил, что в кулуарах бытует иное мнение: некоторые с возмущением заявляют, будто такой разрыв уже равносилен войне. Гитлер пренебрежительно махнул рукой: "Геббельс уже докладывал мне о них. Это просто кучка пессимистов. Они говорят, не думая. И ничего не делают. Они всего лишь протестуют. И как всегда, с опозданием".

Гитлер спросил о моих личных впечатления. Я ответил, что положение Германии кажется мне очень опасным. Ситуация в Данциге, по моему мнению, тоже должна осложниться. Я никак не могу понять, что за необходимость была выходить из Лиги Наций. Ведь членство в ней давало так много возможностей для пропаганды наших взглядов и непосредственного влияния на другие государства. С помощью активной политической программы, включающей в себя некоторые идеи Лиги Наций (например, о правах национальных меньшинств Германии), Рейх мог бы приобрести очень выгодную тактическую позицию и быстро добиться успеха. Ведь новый председатель Лиги Наций родом из Южной Африки, и он с таким пониманием говорил о новой национальной дисциплине, установленной некоторыми нациями. У меня возникло впечатление, что новая Германия могла бы рассчитывать на определенные симпатии со стороны англосаксонского мира, и что внезапный выход из Лиги Наций едва ли сможет этому способствовать.

"Что за человек этот Симон? — перебил меня Гитлер. — Правда ли, что он еврей?" (Симон был министром иностранных дел Англии). Я сказал, что ничего подобного о нем не слышал. "Мне сказали, что он еврей и хочет уничтожить Германию". Я

ответил, что мне это представляется маловероятным. Лично у меня сложилось мнение, что именно сэр Симон хочет добиться определенности в отношениях с Германией. "А Бонкур?" — спросил Гитлер. О Бонкуре ему рассказывал Геббельс. "Что он за человек? Кучерявый, корчит из себя якобинца…" Он не дал мне ответить. "Эти люди уже не остановят подъем Германии. Мне пришлось закрыть эту лавочку. Раз и навсегда".

Значит, сейчас мы проходим зону максимального риска — заметил я. Учитывая летние события, мне пришлось срочно издать циркуляр, обязывающий все партийные организации соблюдать строжайшую дисциплину. Только исключив всякую возможность случайной провокации, мы сможем надеяться на благополучный исход. Нет никакого сомнения в том, что покинув Лигу Наций, мы подвергаем опасности весь процесс вооружения Германии и заранее возбуждаем недоверие к нашей национальной политике.

Гитлер вскочил из-за стола. Некоторое время он молча прохаживался по кабинету. Потом заговорил, не глядя на меня, будто оправдываясь перед самим собой: "Я должен был это сделать. Нужно было совершить что-то грандиозное, освободительное, понятное каждому. Я должен был вырвать немецкий народ из прочной сети зависимости, пустых слов и ложных идей — и снова предоставить ему свободу действий. Но моя политика не ограничивается нуждами одного дня. Пускай сегодня трудности чуть-чуть возрастут. Их перевесит доверие немецкого народа, приобретенное мною благодаря этому поступку. Никто нас не поймет, если мы продолжим дебатировать о том, о чем десять лет разглагольствовали партии Веймарской республики. У нас пока нет возможности пересмотреть границы Германии. Но народ нам верит. Народ хочет видеть, что болтовня закончилась, что начались какие-то события. Необходимо не то, что считают целесообразным высоколобые интеллектуалы. Необходим Поступок, увлекающий массы — четкое и честное "нет" всем этим лжецам, проявление решимости и воли к новой жизни. Разумно это или неразумно — все равно народ понимает только такие поступки, а не бесплодные торги и пересуды, из которых не выходит ничего. Народу уже надоело, что его все время водят за нос".

Я не знал, что на это ответить. Если выход из Лиги Наций — начало новой, безрассудно смелой внешней политики, то простота этого элементарного решения всех проблем и впечатление, произведенное им повсюду, говорили сами за себя. На таких вот простых и мало кому понятных решениях, для которых Гитлер всегда ухитряется выбрать психологически

соответствующий момент, основан целый ряд его внутренних и внешнеполитических успехов. Но в то же время — едва люди приготовятся признать неоспоримое интеллектуальное превосходство фюрера — на них тут же обрушивается поток его безумных речей, заставляющий усомниться, в своем ли уме этот человек. Я знаю, подобное случалось не только со мной, но и с другими партийцами, которые были готовы признать его положительные стороны, но рано или поздно натыкались на что-нибудь такое, после чего им оставалось лишь недоумевать или возмущаться.

Гитлер пустился в рассуждения и, забыв, где он находится и каким временем располагает, понесся от проблемы к проблеме, без точек и запятых, с каким-то сладострастием: "Время демократии прошло. Тут уже ничего не поделаешь. Мы попали в течение, которое влечет нас за собой — все равно, хотим мы или не хотим. Кто не сопротивляется — того сотрут в порошок. Кто замыкается — отмирает. Остается одно из двух: или действовать, или погибнуть. Демократия не выстоит в великих схватках грядущих десятилетий. Германии просто повезло, что она своевременно отбросила эту устаревшую форму правления. В этом наше преимущество перед всеми западноевропейскими народами. Мы имеем перед собой противников, которые разрушают свое будущее ядами отмирающего организма.

Моя историческая заслуга — в том, что я это понял. Моя политика только кажется рискованной. Я знаю все слабые места этих демократических, либералистских, марксистских "гигантов", и поэтому уверен в успехе. Победить во внешней политике нам поможет та же самая неумолимая логика фактов, которая привела нас к победе на внутреннем фронте. И я достигну своих целей без борьбы, таким же законным путем, каким я пришел к власти — это было просто, потому что это соответствовало логике событий, и никто кроме нас не мог спасти Германию от хаоса. Все, кто противостоит нам — ничтожны и беспомощны, они не знают, что им делать, потому что забыли внутренний закон любого действия. Секрет успеха национал-социалистов в том, что мы поняли: эпоха буржуазии и буржуазной политики прошла безвозвратно.

Демократия — это яд, который разъедает тело любой нации. Действие этого яда тем смертельнее, чем сильнее и здоровее нация. Старые демократические государства с течением времени привыкли к этому яду и поэтому могут влачить свое существование еще несколько столетий. Но для Германии, для юной неиспорченной нации, действие этого яда было смертоносным. Это как сифилис. Когда его впервые завезли из

Америки в Европу, дело обстояло точно так же. Для тех, кто носил в себе этот яд на протяжении многих поколений, болезнь постепенно теряла свою опасность. Вырабатывался иммунитет, болезнь становилась безвредной".

Гитлер принялся пространно пересказывать легенды об истории сифилиса. Казалось, он совсем забыл о предмете нашей беседы. Мы стояли у окна в его кабинете. Он ораторствовал, и у меня складывалось впечатление, что он наконец-то заговорил о вещах, которые были для него наиболее близкими и приятными.

"Германский народ следует оградить от всякого контакта с рассадниками демократической заразы, — вернулся он на конец к прежней теме. — Иначе народ погибнет. Мы еще не знаем, куда приведет нас наше дело. Это гигантский переворот. Мы еще в самом начале пути. Но мы хотим революции. И мы не отступим. Я сознательно сжег за собой все мосты во внешней политике. Немецкий народ в нерешительности топчется на пороге своей судьбы — я заставлю его пойти по дороге, ведущей к величию. Только всемирная революция позволит мне достигнуть своей цели. Для немецкого народа нет иного выхода. Его нужно беспощадно гнать к величию, иначе он снова впадет в малодушие и фатализм".

По словам Гитлера, слабое руководство последних лет превратило Германию в мертвую зону, вокруг которой развертываются и крепнут движения прочих европейских наций. Если бы такое положение вещей сохранялось, Германия все больше и больше вытеснялась бы на задний план, погрузилась бы наконец в пучину безнадежного рабского прозябания, и ей бы никогда не удалось выбраться оттуда.

"Подобно тому, как в начале новой геологической эры крушение огромных материковых глыб изменяет весь ландшафтный порядок, как вздымаются горы, разверзаются трещины и возникают новые равнины и моря — так весь европейский порядок будет сметен гигантскими крушениями и извержениями. Чтобы сохранить себя в эту эпоху всемирных перемен, чтобы не сдвинуться с места и не перевернуться вниз головой — нужно стать твердым, как геологическая платформа. Для Германии существует единственно возможная реакция на усиливающееся давление — по собственной инициативе вмешаться в этот единый и неизбежный генезис новой исторической эпохи".

Гитлер сказал, что немецкий народ станет новым мировым народом и сможет дать свое имя грядущей эпохе, только если он подчинится внутреннему закону нового мирового порядка. Национал-социализм стал знаменем этого изначального

немецкого движения более или менее случайно. Руководящая роль, принадлежащая национал-социализму, и его достижения, которых не вычеркнуть из истории немецкого народа, основаны на своевременном и полном осознании сути великих всемирных перемен, космического вихря, в который вовлечены все мы.

После обзора этих гигантских перспектив Гитлер вернулся к проблемам современности. Он повторил мою мысль о том, что другие страны могут теперь использовать любой повод, чтобы выступить против Германии. Согласно ЕГО мнению, следовало бы искоренить самоуправство, ввести абсолютную общенациональную дисциплину и исключить тем самым возможность всякой случайной провокации. Кроме того, он готов заключить любой договор, который обеспечит Германии определенную безопасность. "Я готов подписать все, что угодно. Я сделаю все, что может облегчить мне проведение моей политики. Я готов гарантировать любые границы, подписывать пакты о ненападении и договоры о дружбе с кем угодно. Некоторые недалекие люди считают, будто подобными средствами нельзя пользоваться, потому что может возникнуть такое положение, когда торжественное обещание понадобится нарушить. Но ведь любой пакт рано или поздно нарушают или признают недействительным. Вечных договоров не бывает. Дурак тот, кто, прежде чем подписать пакт, размышляет, сможет ли он выполнять его в любой ситуации. Почему бы не сделать людям приятное и не облегчить себе жизнь, если они считают что подписать пакт — значит что-то сделать и что-то урегулировать? Почему бы мне сегодня не подписать договор, который я завтра хладнокровно нарушу, если того потребует будущее немецкого народа?"

"Да, я заключу любой договор, — повторил Гитлер. — Это не помешает мне в свое время сделать то, что я считаю необходимым в интересах Германии". Затем Гитлер заговорил о польской политике и дал мне задание склонить к беседе с ним польского маршала Пилсудского. Улучшение отношений с Польшей было для него в то время особой проблемой. Он снова подчеркнул свою готовность заключить пакт с Польшей и даже пойти на большие уступки. Его понятия о Польше были весьма наивны. Это не удивительно, ведь по восточному вопросу его консультировал данцигский гауляйтер Форстер — он был баварцем и отзывался о поляках в выражениях, самым нежным из которых было "клопы". Его незнание было столь чудовищным, что еще в сентябре 1933-го, вернувшись из Нюрнберга, чрезвычайно гордый своим участием в первом крупном партийном съезде, он предложил прекратить недавно начавшееся "примирение" с Польшей и объявить ей войну. Он полагал, что Германия сейчас настолько

сильна, что может уничтожить Польшу в несколько дней.

Гитлер был очень недоволен, когда я объяснил ему, насколько упрощенно оценивает ситуацию его "младший брат". Он тут же перевел разговор на описание грандиозных перспектив будущего Рейха. Он дал мне понять, что ошибка, совершенная Форстером от излишнего усердия, вполне поправима. Но никто и никогда не сможет понять величие наших задач одним лишь умом, не ощутив их сердцем и не отдаваясь им всей душой. Ему даже нравится такое усердие, потому что оно всегда выдаст настоящего революционера.

"Немцы тяжелы на подъем и любят удобства. Им не хватает революционного темперамента. Национал-социализм — первое настоящее революционное движение в Германии. Именно национал-социализм, а не марксизм, не буржуазные демократы 1848-го и не эти несчастные веймарцы. И мне нравится, когда мои соратники по партии желают невозможного".

Потом он снова заговорил о Лиге Наций. Он назвал ее коррумпированной и прогнившей, как все демократические учреждения. Он полагал, что Лига Наций не оказала бы ему никакого сопротивления. Ведь это всего лишь чиновники, которые трясутся за свое жалование. Впрочем, он бы с удовольствием воспользовался лексиконом Лиги Наций. Для него это не составило бы труда. "А уж мои соратники по партии сами догадаются, как понимать мои слова о мире во всем мире, разоружении и коллективной безопасности".

10. ГИТЛЕР РАСКРЫВАЕТ СЕКРЕТЫ СВОЕЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Прошло еще несколько месяцев, и Гитлер позволил мне ближе ознакомиться со своими внешнеполитическими планами. Это было в начале 1934-го. Гитлер возвратился в Берлин из Берхтесгадена. Мне наконец представился случай доложить ему о результатах моего визита к маршалу Пилсудскому. Гитлер принял меня очень дружелюбно и вынес мне благодарность за все, что я "сделал в интересах Германского Рейха". Он внимательно слушал меня и поначалу не делал никаких замечаний. Время от времени он задавал мне вопросы.

Заключение германско-польского пакта, что бы там не говорили критики из числа буржуазных националистов и военных, существенно облегчало положение Германии. Этот пакт мог бы положить начало созданию обширной Германской Федерации. Так называемые посвященные считали, что пакт продержится до тех пор, пока Германия сможет наконец, не опасаясь удара с Запада, отобрать у Польши бывшие прусские земли. Но и это "истинное" намерение Гитлера могло оказаться всего лишь слухом, распространяемым для успокоения партийных кругов. Гитлер охотно прибегал к камуфляжу — как в международных отношениях, так и в отношениях со своей собственной партией. Я сам полагал, что можно будет склонить Гитлера к проведению широкомасштабной политики экономического и политического завоевания Центральной Европы, и считал наши отношения с Польшей удачным началом для такой политики. Гитлера же прежде всего интересовали подробности моей беседы с Пилсудским — на их основании он пытался сделать выводы, насколько прочен будет этот пакт. Вдруг он задал мне давно назревавший вопрос: "Будет ли Польша сохранять нейтралитет, если я начну действовать на Западе?"

Я не был готов к этому вопросу — до сих пор он казался мне лишенным какого бы то ни было практического смысла. Подумав, я ответил, что все будет зависеть от того, превратится ли разрядка напряженности между Польшей и Германией во взаимовыгодное политическое и экономическое сотрудничество. Я напомнил ему, что угроза превентивной войны миновала для нас совсем недавно. Для того, чтобы новые отношения сформировались, нужно время. Пока что на этот вопрос нельзя ответить однозначно. Впрочем, я полагаю, что, по крайней мере, круг лиц, близких к польскому маршалу скорее склонен

распространять свои политические интересы на восточные и северо-восточные, чем на западные территории.

Гитлер кивнул головой. "А как насчет Австрии? Какова будет позиция Польши, если я добьюсь присоединения Австрии к Рейху?" Я ответил, что у меня сложилось впечатление, будто Польша заинтересована только в том, чтобы как можно дольше отвлекать немецкую экспансию от польских территорий.

Я не могу судить о том, тактические ли это маневры или долгосрочная стратегия. Однако в июле прошлого года в Варшаве мне задали коварный вопрос: почему все-таки "дранг нах остен", а не "дранг нах вестен"? Ведь на западе — биологически одряхлевшие народы, а на востоке — развивающиеся. К тому же, западные районы Польши заселены сильнее, чем восточные районы Германии. "Это очень кстати, — сказал Гитлер. — Когда я верну Германии славянские области, я позабочусь о том, чтобы немцы со временем не выродились в славян". Тут он на мгновение задумался, встал из-за стола и принялся ходить взад-вперед по своему кабинету. Я воспользовался этой паузой, чтобы в общих чертах изложить Гитлеру свои мысли о том, какой может быть стратегическая концепция Германии в восточной политике. Я полагал, что следует повременить с пересмотром границ и проводить экспансию за счет интенсификации экономических и политических отношений, создавая взаимовыгодный союз центрально- и южноевропейских государств, из которого мирным путем можно постепенно создать что-то вроде федерации. Тем самым я хотел указать, что именно проведение такой мирной экспансии с наибольшей вероятностью обеспечит Германии поддержку англичан. Я отметил, что хорошие предпосылки для проведения подобной политики существуют не только в Польше. И германское национальное государство могло бы иметь большое будущее, если вместо бескомпромиссного пересмотра границ стало бы налаживать мирные контакты с соседями. Беседа с маршалом Пилсудским показала, что поляки действительно заинтересованы в том, чтобы найти общий язык с Германией.

Гитлер молчал. Трудно было понять слышит он меня или нет. Наконец он прервал меня: "Мне и в самом деле очень приятно, что на Востоке я могу действовать совместно с Польшей, а не против Польши". Потом он снова задумался и продолжил: "Во всяком случае, я дам полякам шанс. Мне кажется, они реалисты и относятся к демократам точно так же, как и мы. Но пусть эти господа будут великодушны. Только тогда они могут рассчитывать на великодушие с моей стороны". Гитлер спросил, готова ли Польша обменять некоторые области на равноценные области Германии. Я ответил, что не стоит начинать отношения с

Польшей с такого вопроса — напротив, следует наладить отношения, и тогда этот вопрос решится сам собой. Гитлер никак не отреагировал на мои слова. "Борьба с Версальским договором — это только средство, а не цель моей политики, — продолжил он свою мысль. — Прежние границы Рейха меня не интересуют. Восстановление довоенных размеров Германии — не та задача, которая может оправдать нашу революцию".

"Вы собираетесь объединиться с Польшей и напасть на Россию?" — спросил я.

"Вполне возможно", — ответил он.

"Разве не это вы имели в виду?"

"Советская Россия — это очень трудно. Вряд ли я смогу с нее начать".

Я возразил, что поляки вряд ли согласятся принять русские территории в качестве компенсации за свои западные, если им не предложить тех земель, которые их безусловно заинтересуют. Они вряд ли удовлетворятся одной лишь Белоруссией. Им нужны Прибалтика и Причерноморье.

"Об Украине пусть и не мечтают", — прервал меня Гитлер.

Впрочем (продолжал я), все эти планы, очевидно, несколько преждевременны, так как сначала нужно посмотреть — возможно ли вообще сотрудничать с ними и если да, то до какой степени. Я не сомневаюсь, что Польша, так же, как и Германия, заинтересована в дальнейшем вытеснении Советской России из Европы. Однако я опасаюсь, что Польша едва ли сможет с пониманием отнестись к украинской тактике Германии. Во время моего первого визита в Варшаву мне дали понять, что нам следовало бы снять с повестки дня идею Розенберга об Украине под германским руководством. Если Польша в определенной степени поступится своими интересами на Западе, то она, я полагаю, захочет сама реализовать свои территориальные претензии к Украине и — по меньшей мере — к Литве, а может быть, даже к Латвии. Польские политики видят в контурах Великопольской империи, протянувшейся от Балтийского до Черного моря, неизбежное будущее своей нации — и это не исторический романтизм, а вполне реальная, географически обусловленная тенденция.

"Мне не нужно, чтобы мы соседствовали с военной мощью новоиспеченной польской империи, — грубо прервал меня Гитлер. — Если так, то какой мне интерес воевать с Россией?"

"Но не учитывая интересов Польши, мы едва ли сможем уговорить ее поступиться западными территориями", — возразил я.

"Тогда я заставлю поляков отдать эти земли. Я уже сейчас в

состоянии заставить их соблюдать нейтралитет. И я думаю, что разделить Польшу мне тоже не составит труда".

Я спросил, как Гитлер рассчитывает это сделать.

"Все договоры с Польшей имеют лишь временную ценность. Я вовсе не собираюсь добиваться взаимопонимания с поляками. Мне нет нужды делить власть с кем бы то ни было". Гитлер в молчании прошелся по кабинету. "В любой момент я могу найти общий язык с Советской Россией. Я могу разделить Польшу в любое удобное для меня время и любым способом. Но я этого не хочу. Это будет слишком дорого стоить. Я не стану делать этого, пока я могу без этого обойтись. Польша нужна мне до тех пор, пока существует угроза с Запада".

"Вы всерьез собираетесь выступить против западных государств?" — спросил я.

Гитлер встал как вкопанный. "А зачем же мы вооружаемся?" Я сказал, что агрессия в западном направлении определенно вызовет создание мощной антигерманской коалиции, и мы просто не сможем с нею справиться.

"Именно в том и состоит моя задача: предотвратить это, продвигаясь постепенно, шаг за шагом, так, чтобы никто не мог помешать нашему продвижению. Каким образом все это получится, я еще не знаю. Но я, безусловно, добьюсь своего — порукой тому нерешительность Англии и внутренняя разобщенность Франции". Тут Гитлер перешел к особенно любимой теме — пацифистским настроениям Англии и Франции. Ничто не могло поколебать его уверенности, будто Англия абсолютно неспособна к новой войне, а Франция, даже имея превосходную армию, едва ли сможет своевременно воспользоваться ею, если мы возбудим в этой стране внутренние беспорядки или посеем раскол в ее общественном мнении. Я возразил ему, что рассуждения о небоеспособности Англии и Франции на поверку могут оказаться весьма грубой ошибкой.

Гитлер рассмеялся. Он сказал, что едва ли доживет до новой англогерманской войны. "Англии нужна сильная Германия. Англия и Франция никогда больше не объединятся, чтобы воевать против Германии".

"Вы собираетесь прорвать линию Мажино? — спросил я. — Или вы пойдете через Голландию и Бельгию? В последнем случае Англия наверняка вступится за французов".

"Если успеет, — ответил Гитлер. — Впрочем, я не собираюсь ни прорывать линию Мажино, ни устраивать поход через Бельгию. Я вытряхну Францию из линии Мажино, не потеряв при этом ни одного солдата.

Когда невостребованная революционная энергия штурмовиков, чувствовавших, что у них обманом похитили победу, все сильнее пробивала себе дорогу, а слухи о "второй революции" не желали утихать. Гитлер, при поддержке министра рейхсвера фон Бломберга и Генриха Гиммлера, ударил 30 июня 1934 г. внезапно и жестоко. Безо всяких законных оснований был убит Рем (справа на фото) и еще более 150 потенциальных противников национал-социализма.

У меня есть одно тайное средство, — продолжал он, заметив мой скептицизм. — Я, конечно же, сделаю все возможное, чтобы не дать Англии и Франции сговориться между собой. Если мне удастся склонить на нашу сторону Англию и Италию, то первый этап нашей борьбы за власть пойдет очень легко. Вообще-то здесь нечего бояться: все эти запархатевшие демократические республики так же нежизнеспособны, как Франция или США. Моя задача — попытаться без конфликтов овладеть наследством этих разваливающихся империй. Но я не испугаюсь, если придется воевать с Англией. Я смогу сделать то, что недоделал Наполеон. Для нас не существует никаких островов. Я высажусь в Англии. Я буду уничтожать ее города обстрелами с материка. Англия еще не знает, насколько она уязвима".

"А если Англия и Франция объединятся с Россией?"

"Тогда мне просто придет конец. Если мы не сможем победить, мы погибнем — но мы захватим с собой полмира, и никто не будет радоваться победе над Германией. 1918-й больше не повторится. Мы не капитулируем".

Гитлер остановил и умерил свой пыл: "Но этого никогда не случится. Иначе я был бы просто неудачником, который зря занимает этот кабинет. Но даже в этом случае не стал бы оправдываться невезением. Удача приходит к тому, кто обладает волей и решительностью". Я возразил: по-моему, мировая война должна была научить немцев тому, что слишком крупные политические запросы могут сразу настроить против них все нации и лишить их союзников. Мне кажется, что единственный путь, доступный сейчас для Германии, состоит в том, чтобы постепенно ставить перед собой ограниченные цели и решать их политическими средствами без применения насилия.

Гитлер нетерпеливо возразил мне: "Если немецкий народ хочет быть глобальным народом, а не населением государства на европейском континенте — а он непременно должен стать глобальным народом, чтобы выстоять в борьбе, — то он должен требовать полного государственного суверенитета и независимости. Вы понимаете, что это значит? Неужели вы не

видите, какие жестокие увечья наносят нам, второму по численности народу Европы, неприспособленность и теснота нашего жизненного пространства? Глобальный народ — это нация, которая независимо живет на своей территории и может постоять за себя с оружием в руках. Только такие нации суверенны в полном смысле этого слова. Таковы Россия, Соединенные Штаты, Англия — и это ни в коей мере не обусловлено природой занимаемых ими территорий. Такова —до определенной степени — Франция. Чем мы хуже них? Неужели есть на то Божья воля, чтобы мы, несмотря на трудолюбие, старательность, несмотря на нашу промышленность, наши военные способности, всегда оставались государством второго сорта, всегда плелись позади Англии, позади Франции, хоть мы и больше их обеих вместе взятых? Поэтому я и хочу создать для Германии такое жизненное пространство, чтобы мы могли защитить себя от любой военной коалиции. Конечно, в мирное время мы еще кое-как перебьемся. Но речь идет не об этом, а о свободе действий во время войны. На войне мы фатальным образом зависим от внешних сношений. Мы зависим от международного товарообмена, и к тому же у нас нет выхода к океану — это все время обрекает нас на роль политически несамостоятельного народа. Нам нужно пространство, которое сделает нас независимыми от любых политических раскладов, от любых альянсов. На востоке нам нужно господствовать до Кавказа или до Ирана включительно. На западе нам нужно французское побережье Атлантики. Нам нужны Фландрия и Голландия. И, прежде всего, нам нужна Швеция. Мы должны стать колониальной державой. Мы должны стать морской державой, хотя бы одного уровня с Англией. Потому что, чем выше военно-технические требования, тем большая материальная база требуется для независимости. Мы не можем, подобно Бисмарку, ограничиться национальными интересами. Мы будем править Европой — или мы снова распадемся на удельные княжества. Теперь вы понимаете, почему я не могу ограничивать себя ни на западе, ни на востоке?"

Я возразил, что все это может вылиться в элементарное насилие над естественным ходом событий. Зачем же добиваться насильственным путем того, чего можно достигнуть только путем сотрудничества? "А Англия, — завопил Гитлер мне в ответ, — Англия, сколотившая свою империю грабежом и воровством?! Разве она добивалась своего "путем сотрудничества, не прибегая к насилию?" Я ответил, что любая эпоха накладывает свой отпечаток, и я очень сомневаюсь, что сейчас можно достигнуть чего-либо теми же средствами, какими сто пятьдесят лет назад

создавалась колониальная империя.

"Вы ошибаетесь, уважаемый господин! О, как вы ошибаетесь! Империи создаются мечом и обдуманным насилием, а не сотрудничеством — вот истина, которая пребудет вечно". Гитлер добавил, что уже давно замечал за мной неверные представления о политических силах. Все эти пацифистские мечтания — сплошной самообман. Мне следовало бы раз и навсегда запомнить, что все договоры и пакты не имеют никакого реального содержания. "Будущее Германии определяется не межгосударственными альянсами, а ее собственной мощью".

Я возразил, что Бисмарк не смог бы создать своей империи не создав таможенного союза. " А без военных побед в 1866-м и в 1870-м этот союз не добился бы ничего — как не добились ничего те болтуны, что собрались в 1848-м во франкфуртской церкви Святого Павла", — парировал Гитлер. Я ответил, что, в таком случае, можно было бы взять пример с нынешней Британской империи. Нам нужно заключить с государствами Центральной и Восточной Европы что-то вроде Вестминстерского пакта, который засвидетельствует их добровольный переход под протекторат Германии; по-моему, это соответствовало бы нашему положению и всему ходу будущего развития.

"Таким образом, — подытожил Гитлер, — вы считаете, что сегодняшнее состояние Британской империи может служить образцом того будущего, которое национал-социализм завоюет для Германии? О, нет! Сегодня в этой империи уже налицо признаки распада и необратимой деградации, потому что ей никогда не хватало смелости показать себя решительным хозяином собственных владений. Если они больше не в состоянии править с помощью насилия, если они стали слишком гуманны, чтобы повелевать, то их время прошло. Англии еще придется заплатить за свое малодушие. Оно будет стоить ей всех имперских земель. Но если старая держава еще может продержаться одно-два десятилетия без настоящего руководства, то новая империя не может возникнуть без железа и крови, без твердой воли и жестокого насилия".

Гитлер замолчал и некоторое время взволнованно ходил взад-вперед по своему кабинету.

"В центре я поставлю стальное ядро великой, скованной в неразделимое целое Германии. Австрия, Чехия и Моравия, Западная Польша. Блок из сотен миллионов человек, нерушимый, без трещин и без инородцев. Прочный фундамент нашего господства. Затем — Восточная Федерация. Польша, государства Прибалтики, Венгрия, балканские государства, Украина, Поволжье, Грузия. Федерация — но, конечно, не наши

равноправные партнеры, а союз вспомогательных народов, без армий, без самостоятельной политики, без самостоятельной экономики. И никому не будет поблажек — даже тем, кому я симпатизирую. Даже Венгрию я не стану восстанавливать в ее прежних границах. Я не делаю различия между союзниками и противниками. Время малых государств прошло.

На западе будет то же самое, что и на востоке. Западная Федерация. Голландия, Фландрия, Северная Франкония. Северная Федерация. Дания, Швеция, Норвегия". И Гитлер вновь погрузился в описание своих видений.

"Теперь соотношения сил будут все время изменяться, — вернулся он наконец к прежней теме. — Но наступит определенный момент, и все станет работать на Германию. Никто не сможет сохранять нейтралитет. Нейтралы попадут в силовые поля великих держав. Великие державы притянут их к себе. Все это случится не сразу. Я буду двигаться шаг за шагом — но последовательно и непреклонно".

Преисполнившись беспредельного самолюбования, Гитлер принялся разглагольствовать о планах, которые были тем грандиознее, чем меньше существовало предпосылок для их реализации. В 1934-м эти планы казались просто безумными, но сейчас, в 1940-м, они уже близки к осуществлению. И не удивительно, что человек, сумевший воплотить в жизнь столько своих фантазий, теперь опьянен манией величия и ощущает себя богоподобным.

Нет никакого интереса описывать эти планы в подробностях. Частично они уже осуществились — я имею в виду присоединение Австрии и разгром Чехословакии. Частично они уступили место прямо противоположным решениям. Блицкриг, внезапное нападение, молниеносные переходы от Запада к Востоку, неожиданные атаки на севере, очевидно, до сих пор являются наиболее эффективными средствами борьбы. Сюда же можно отнести и моральное разложение противника с помощью изощренных методик психологической войны. При этом нелишне вспомнить, что фантазии Гитлера простирались на весь мир. Он хотел атаковать Англию во всех ее слабых местах, включая как Индию, так и Канаду. Он думал о захвате Швеции и Голландии. Последняя представлялась ему особо удобным и перспективным плацдармом для ведения воздушной и подводной войны против Англии. "Мы сможем пробиться к ее побережью менее чем за восемь часов", — говорил он со злорадством в голосе. И продолжал: быть может, сложится такое положение, что он не рискнет затеять большую войну. В этом случае он возьмет в заложники Голландию, Данию, Швейцарию, скандинавские

государства. Он улучшит свои стратегические позиции и предложит врагам мир, но на определенных условиях. "Если им не понравятся эти условия, пусть попробуют выбить меня с моих плацдармов. В любом случае, они дорого заплатят за каждый свой удар".

Он пренебрежительно рассмеялся, когда я заметил, что еще одна блокада Германии может парализовать страну. "Прошло то время, когда Англия была владычицей морей. Наши самолеты и подводные лодки превращают военно-морской флот демократов в дорогостоящую и бесполезную игрушку. Флот уже не является серьезным оружием в настоящей войне".

В этой беседе меня удивил еще один момент: мнение Гитлера об Италии. Он говорил об итальянском фашизме со злобой и пренебрежением, как о половинчатом и неполноценном начинании. "Едва ли из итальянского народа когда-нибудь удастся воспитать воинственную нацию, и едва ли итальянские фашисты когда-либо поймут, в чем заключается смысл величайших перемен нашего времени. Возможно, мы заключим временный союз с Италией; но, по своей сути, мы, национал-социалисты, одиноки, ибо мы одни знаем тайну гигантских перемен, и поэтому мы одни призваны отметить грядущую эпоху своей печатью". Он добавил, что будущее Германии сложилось бы весьма печально, если бы в минуту бедствия ей пришлось положиться на итальянцев.

Гитлер проводил меня до дверей кабинета. "Будем откровенны: наша задача — воспользоваться более благоприятными условиями и довести войну, прерванную в 1918-м, до победного конца. Если мне это удастся, то все остальное осуществится само собой, в силу внутренних закономерностей и с помощью элементарного насилия. Прошедшие годы были всего лишь перемирием; впереди — Победа, которую мы проворонили в 1918-м".

Гитлер попрощался со мной по-дружески и даже сказал мне пару теплых слов. У меня сложилось впечатление, что я в значительной степени утратил его доверие. Впрочем, он еще раз поблагодарил меня за мои старания в Польше.

Россия: друг или враг?

Позже я имел случай узнать о планах Гитлера относительно Советской России. Весной 1934-го я посетил Гитлера, чтобы доложить ему о состоянии переговоров между Данцигом и

Польшей. Переговоры застопорились или, если точнее, дошли до критической точки. После заключения соглашения между Польшей и Германией последняя получила возможность положительно влиять на отношения между Польшей и Данцигом. При этом уже можно было говорить и о формировании отношений с Советской Россией. Россия всегда проявляла заинтересованность в сохранении независимости этого вольного города. В некоторых критических ситуациях она даже оказывала определенное давление на Польшу. Я, со своей стороны, пытался увеличить эту заинтересованность в данцигском полпреде Советского Союза Калине, чтобы обеспечить себе политические тылы на время переговоров с Польшей. Наши беседы касались в то время не только экономических проблем, но и соответственно "данцигского вопроса", а также необходимости добиться для нашего вольного города — "самого западного из государств Прибалтики" — еще большей независимости. Эти планы встречали у Калины значительный интерес. Однако до соглашения между Россией и Данцигом, в основе которого должно было лежать строительство нескольких пароходов для Советского Союза, дело так и не дошло, так как Россия внезапно отстранилась от Данцига и от Германии. Причину такого поведения мне разъяснил Калина, который был настолько умен, что не боялся говорить откровенно и сам понимал откровенность. "Ваш национал-социализм — революционное учение, — сказал он мне однажды за завтраком, — но на что вы расходуете вашу революционную энергию? Ваш "социализм" — приманка для масс. Ваше занятие — бесплановая, дикая революция, лишенная цели. Она не имеет никакого отношения к социальному прогрессу человечества. Вам нужна власть. Вы злоупотребляете революционной энергией Германии. Вы растрачиваете се. Вы более опасны для нас, чем все капиталистические державы. Германский народ был уже на полпути к свободе. Но вы собьете его с пути. Вы оставите после себя народ, лишенный мужества, недоверчивый и неспособный к любому производительному труду. В один прекрасный день массы покинут вас. Может быть, тогда мы снова сможем о чем-либо говорить с немцами. Может быть, тогда с ними будет уже слишком поздно о чем-либо говорить. Но мы заключим с Германией договор только тогда, когда немецкий народ осознает свою теперешнюю ошибку. А такое время, несомненно, наступит; мы согласны подождать".

Однако восстановления связей между Советской Россией и национал-социалистической Германией долго ждать не пришлось. Впрочем, эти связи никогда не прерывались по-настоящему, даже на межпартийном уровне. Геббельс, и не только он один, в годы

борьбы почти торжественно заявлял о глубоком родстве национал-социализма и большевизма; подобное же мнение о большевиках развивалось и после прихода к власти, хотя о нем уже не говорили в открытую. Существовал целый ряд гауляйтеров, относившихся к союзу между Германией и Россией как к единственно возможному политическому решению, которое позволило бы избежать многих рискованных маневров. Сам Гитлер воспринимал подобные идеи скептически, и на то у него было много причин. Но причины эти носили не идеологический, а скорее практический характер. И он никогда не пытался безоговорочно отрицать необходимость союза с Россией — по крайней мере, в кругу своих приближенных.

"Поезжайте в Москву. Я даю вам свое согласие", — сказал мне Гитлер, когда я рассказал ему о некоторых замыслах, которые проистекали из осложнившихся отношений между Данцигом и Польшей. "Поезжайте в Москву, но это вряд ли доставит вам большое удовольствие. Там сидят все те же жидовские крючкотворы. С ними каши не сваришь". Я возразил, что уже обсуждал свои планы с Кохом, гауляйтером Кенигсберга. "Конечно, Кох — это голова, — согласился Гитлер. — Но я озабочен его поведением". Кох был приятелем Грегора Штрассера; Гитлер не любил Штрассера и считал его своим соперником. Я воздержался от того, чтобы рассказывать Гитлеру о соперничестве партийных кадров в Восточной Пруссии. Я рассказал ему о том, что увидел в "плановом отделе" Коха. Молодой профессор фон Грюнберг разрабатывал здесь свою фантастическую "географию будущего". В своем институте он создавал эскизы карт с силовыми линиями, силовыми полями, линиями электропередач, автотрассами, железными дорогами, каналами. Точно распланированные экономические карты, включали в себя все восточно-европейские территории, вплоть до Черного моря и Кавказа. Германия и западная часть России на этих планах превращались в единую транспортно-экономическую систему. Конечно, вся система ориентировалась на интересы Германии. Германия планировала ее и руководила ею. В этом плане, "плановом хозяйстве", уже не существовало ни Польши, ни Литвы. Только одна общеконтинентальная территориальная единица, простирающаяся от Флиссингена до Владивостока. "Если мы этого не добьемся, то вся наша революция яйца выеденного не стоит", — ответил мне Кох, когда я сказал, что поражен размахом его планов.

"Этот Кох немного забегает вперед, — заметил Гитлер, когда я изложил ему свои впечатления. — Он пытается убедить меня, будто союз между Германией и Россией спасет нас ото всех бед.

Он хочет, чтобы я объединился с Россией против Польши. А почему бы и нет? Почему бы не заключить пакт с Россией, если этим я смогу улучшить свое положение. Здесь он прав. Когда-нибудь это случится. Когда именно? Это зависит главным образом от Польши. Но все-таки Кох ошибается. Таким путем мы не сможем приобрести всего, что нам нужно. Мы никогда не станем великой страной, повелевающей всем миром, если будем действовать совместно с Россией. В таком союзе мы никогда не сможем доверять друг другу до конца. И в конце концов такой пакт неизбежно перерастет в отчаянную борьбу. Только ОДНОМУ дано повелевать. Чтобы это было дано нам, мы должны победить Россию. И только потом Кох сможет заняться реализацией своих геополитических планов — потом, а ни в коем случае не прежде чем это случится".

Я уточнил, что собирался говорить вовсе не о союзе между Германией и Россией, а всего лишь о временном обеспечении тылов. И я вовсе не придерживаюсь того мнения, что союз с Россией не представляет опасности для Германии.

"Почему же? — резким тоном спросил Гитлер. — Что за опасность вы имеете в виду? "

"Опасность большевизации Германии", —ответил я.

"Такой опасности не существует и никогда не существовало, — заявил Гитлер. — И кроме того, вы забываете, что Россия — не только страна большевизма, но и величайшая империя нашего континента, которая обладает огромной силой притяжения и способна притянуть к себе всю Европу. Русские выжимают своих партнеров как лимон, используют их без остатка. Вот в чем опасность. Либо ты сможешь вовремя сказать им "нет" — либо тебе вообще не стоит туда соваться". Я подхватил мысль Гитлера: конечно, Россия — не только рассадник большевизма, но и великая империя. Но мне не совсем ясно, как можно достичь взаимопонимания с Россией на межгосударственном уровне, не вступив при этом в соприкосновение с большевизмом, который был и остается для нас опасным. "Германия не станет большевистской, — ответил Гитлер, — скорей большевизм станет чем-то вроде национал-социализма. Впрочем, между нами и большевиками больше сходства, чем различий. Прежде всего — истинный революционный настрой, который еще жив в России, свободной от происков всякой пархатой социал-демократии. Я всегда принимал во внимание это обстоятельство и отдал распоряжение, чтобы бывших коммунистов беспрепятственно принимали в нашу партию. Национал-социалисты никогда не выходят из мелкобуржуазных социал-демократов и профсоюзных деятелей, но превосходно выходят из коммунистов".

Я возразил: а где же предусмотрительность? Ведь опасность планомерного разложения наших парторганизаций коммунистическими агентами столь очевидна! Большинство из тех, кто сменил свою партийную принадлежность, являются агентами Коминтерна. Гитлер несколько бестактно отверг это возражение. Он сказал, что принимает во внимание такую опасность. "Но наш дух столь силен, а наше великое движение обладает такой изначальной революционной энергией, что оно переделывает людей даже против их воли".

Он добавил, что не боится коммунистического влияния внутри страны — будь то немецкие коммунисты или русские агенты Коминтерна. И если ему придется заключить пакт с Россией, то непременно при условии еще одной революции, которая защитит немцев от любой марксистской и коммунистической заразы. "Социальная революция подарит нам много новых и поразительных сил. Я не боюсь разлагающего воздействия коммунистической пропаганды. Но в лице коммунистов мы имеем достойного противника, с которым нужно держать ухо востро. Германия и Россия удивительным образом дополняют друг друга. Они просто созданы друг для друга. Но именно в этом и заключается опасность для нас: Россия может засосать и растворить наш народ в своих просторах. Замечали ли вы, что немцы, долго жившие в России, никак не могут снова стать немцами? Огромные пространства завораживают их. Розенберг только потому так не любит большевиков, что они лишили его возможности стать русским".

Я отметил, что сегодня очень бросается в глаза тенденция, распространенная среди некоторых молодых людей (младоконсерваторов, "Молодой Пруссии", молодых военных и инженеров) — видеть в союзе с Россией будущее спасение Германии. Гитлеру было явно неприятно об этом слышать. "Я знаю, что вы имеете в виду, — сказал он, — эту болтовню о "прусском социализме" и все такое прочее. Все это, наверное, очень занятно для наших генералов, ни аза не смыслящих в военно-политической игре. Если военный союз с большевиками чем-то для них удобен — они тут же перестают признавать себя капиталистами и даже обнаруживают что-то вроде антикапиталистического задора. Их идеи половинчаты, под своим "прусским социализмом" они подразумевают некий казарменный порядок в экономической и частной жизни. Но на деле все обстоит вовсе не так просто. Так же и с инженерами, которые так любят строить планы. Здесь тоже все не так просто, они едва ли ограничатся обменом инженерно-технических разработок на сырье. Впрочем, там, в инженерном руководстве, собрались одни

недоучки. Собрались и решили вести себя как национал-социалисты. Что за идиотизм — думать, будто буржуазно-демократическая Германия в состоянии колонизировать Россию!"

"Нет, — продолжал он, — все эти идеи о транснациональном трудовом государстве с едиными нормами выработки и единой промышленной территорией могли возникнуть только в бестолковых головах господ литераторов, потерявших чутье и проникшихся космополитизмом. Все это болезненные проявления, они фальшивы и опасны для общества, ибо вредят делу национал-социализма. Что до меня, то я, очевидно, не стану уклоняться от союза с Россией. Этот союз — главный козырь, который я приберегу до конца игры. Возможно, это будет самая решающая игра в моей жизни. Но нельзя начинать ее преждевременно, и ни в коем случае нельзя позволять всяким писакам болтать на эту тему. Однако, если я достигну своих целей на Западе — я круто изменю свой курс и нападу на Россию. Никто не сможет удержать меня от этого. Что за святая простота — полагать, что мы будем двигаться все прямо и прямо, никуда не сворачивая! Наш фронт все время будет перемещаться, и это касается не только военных. Но мы всегда останемся верны нашей концепции: видеть в большевизме своего смертельного врага. Мы продолжим дело наших армий, начатое в мировую войну и прерванное перемирием 1918-го. Задача разбить вдребезги грозную массу панславянской империи все еще остается в силе. Давление этой массы не даст Германии подняться. Не забывайте, что славянский Восток плодовитее всей остальной Европы. Нам предстоит лицом к лицу встретиться с бедой, которая грозит опустошить всю Европу. Нам не удастся избежать конфликта между расовым мышлением немцев и массовым мышлением славян. Здесь замешано вечное соперничество, которое невозможно преодолеть никакими общими политическими интересами. Здесь речь идет о господстве германского расового сознания над массой, вечно обреченной на служение и покорность. Только нам дано превратить континент в единое пространство, где будем повелевать мы и только мы, безо всяких соглашений с Москвой. И мы примем бремя этой борьбы на свои плечи. Она откроет нам двери к долгому господству над миром. Конечно, это не помешает нам пройти определенный участок пути рука об руку с Россией — постольку, поскольку это полезно для нас. Но мы пойдем на это только в том случае, если это поможет нам как можно быстрее добраться до нашей истинной цели".

Такова ли была русская программа Гитлера на самом деле? В то время мне еще не приходило в голову, что Гитлер, быть может, вовсе не имеет никаких определенных политических целей, а всего лишь использует благоприятные обстоятельства и готов отбросить все, что еще вчера уверенно защищал, ради наращивания собственной власти. Очевидно, все, что он говорил о России, было обыкновенной импровизацией — лишь бы что-то сказать, лишь бы подчеркнуть собственную значимость. Гитлер всегда остается актером. Все, что ему говорят, он схватывает налету — и знает, где и когда повторить услышанное, чтобы окружающие восприняли это как давнюю и заветную мысль своего фюрера. Очень может быть, что посетитель, которого Гитлер принимал после меня, услышал от него прямо противоположные речи и тоже посчитал их результатом глубокого анализа политической ситуации. Политика Гитлера не считается ни с чем, кроме обстоятельств; с невероятной легкостью он выбрасывает за борт то, что еще вчера считалось основой основ. Здесь явно проявляется наследие прежних времен, когда Гитлер был платным политическим агентом. Агент использует любую возможность заработать: сегодня он кокетничает с марксистами, а завтра ему уже платят монархисты. Эта политическая профессия характеризуется двумя чертами: феноменальной лживостью и обезоруживающе наивным беспамятством в отношении собственных слов и обещаний. Причем такое беспамятство редко бывает злонамеренным. Множество национал-социалистических лидеров, подобно истеричным барышням, не способны помнить о том, о чем они не хотят помнить. Мне — и, я полагаю, всем, кто имел дело с Гитлером, — часто случалось, сославшись на его предыдущие слова, получать в ответ его удивленный взгляд или даже гневную отповедь: что вы, ничего подобного я не говорил.

Только люди, с легкостью совершающие подобные кульбиты, в состоянии проводить рискованную политику радикальной смены фронтов. Их пример заразителен: многие принципиальные политики, общаясь с ними, превращаются в циничных авантюристов, легко отказывающихся от собственного прошлого ради сохранения власти.

В вышеприведенной беседе о внешнеполитических целях Гитлер проронил одно слово, которое особо достойно упоминания. Гитлер еще раз остановился на опасном положении немецкого народа, который будто бы перемешан со слишком большим (в процентном отношении) количеством славян. По его

мнению, это может необратимым образом изменить национальный характер немцев. "В наших венах и без того много славянской крови. Не приходилось ли вам замечать, — обратился он ко мне, — как много людей, облеченных властью в сегодняшней Германии, имеют славянские фамилии? Один человек, специально занимавшийся этим вопросом, сказал мне, что пятьдесят лет назад все было иначе. Я полагаю, он прежде всего имел в виду прусские судебные власти и прочих людей того же круга. Еще он обратил мое внимание на то, что среди уголовных преступников заметен несоразмерно высокий процент лиц славянской национальности. Какие выводы можно из этого сделать? Выводы о том, что асоциальное, неполноценное меньшинство упорно рвется в руководящие слои общества. В этом заключается наибольшая опасность для немецкого народа. Он теряет свой характер, инородцы присваивают себе даже его язык. В целом наш народ еще сохраняет германскую сущность, но в Германии он уже живет как не у себя дома. И настоящий немец — презренный чужак среди собственного народа: славяне добились того, чего в свое время не добились евреи".

Гитлер остановился. Я не прерывал его. "Самое меньшее, что мы должны сделать, — продолжил он, — остановить увеличение процента этой инородной крови в теле нашего народа. Следует добавить, что нас ожидает ничуть не меньшая опасность, когда мы оккупируем полуславянские области, от славянского населения которых нам будет не так-то просто избавиться. Подумайте об Австрии, о Вене. Остался ли там хоть один настоящий немец?

Мы обязаны истреблять народы, так же точно, как мы обязаны систематически заботиться о немецком населении. Следует разработать технику истребления народов. Вы спросите: что значит "истреблять народы?" Подразумеваю ли я под этим истребление целых наций? Конечно. Что-то в этом роде, все к тому идет. Природа жестока, и нам тоже позволено быть жестокими. Если я брошу немцев в стальную бурю грядущей войны, не жалея драгоценной немецкой крови, которая прольется в этих битвах, то я тем более имею право истребить миллионы неполноценных, плодящихся подобно насекомым — не уничтожая их, а всего лишь систематически препятствуя их природной плодовитости. Например, на многие годы отделив женщин от мужчин. Вспомните, как понизилась кривая рождаемости во время мировой войны, так почему бы нам намеренно и с расчетом на много лет не сделать того, что было тогда неизбежным следствием войны? Существует много методик, чтобы последовательным и относительно безболезненным путем, без

большого кровопролития, довести нежелательный национальный элемент до вымирания".

Он помолчал и добавил: "Конечно же, я не побоюсь публично заявить о своих намерениях. Заявили же французы после мировой войны, будто немцев оказалось на двадцать миллионов больше, чем надо. Мы припомним им эти слова. Мы признаем, что собираемся планомерно управлять динамикой народонаселения. Но эти господа еще скажут нам спасибо за то, что мы кое-куда отправили двадцать миллионов их соотечественников. После многовековой заботы о бедных и слабых настало время позаботиться и о сильных, защитить их от натиска неполноценных уродов. Одной из важнейших задач германской политики на все времена ее существования будет предотвращение дальнейшего прироста славянского населения. Природный инстинкт велит каждому живому существу не просто победить своего врага, но уничтожить его. В прежние эпохи уничтожение целых племен, целых народов было неотъемлемым правом победителя. И мы только проявим свою гуманность, если проведем эту акцию постепенно и почти без пролития крови, ни на мгновение не забывая, что мы совершаем с ними то же самое, что они намеревались совершить с нами".

Нордический миф

Нет ничего поразительнее того факта, что национал-социализму долгое время не придавали серьезного значения — как в самой Германии, так и за ее пределами. Тому было множество причин. Здесь мы остановимся лишь на одной из них. Мало кто мог разобраться, где в речах национал-социалистов правда, а где пропагандистский трюк или просто очковтирательство. Прошло очень много времени, прежде чем некоторые "посвященные", не причисленные к сонму полубогов, стали догадываться о том, какая игра ведется на самом деле.

В то время существовало так называемое "Нордическое общество"; его резиденция находилась в древнем ганзейском городе Любеке. Оно поставило перед собой задачу развивать культурные и личные связи немцев со скандинавскими государствами. Как и все подобные организации, общество контролировалось национал-социалистами, использовавшими его солидную репутацию для того, чтобы расположить к себе скандинавов и обзавестись необходимыми связями. Таким образом это общество, пусть несколько романтичное, но

выполнявшее ценную культурную миссию, было превращено в орган изощренной пропаганды и грубого шпионажа, причем большинство членов и в Германии, и в Скандинавии так ни о чем и не догадались.

Однажды меня попросили поддержать старую традицию и возглавить одну из данцигских культурных миссий. В начале лета 1934-го в Любеке состоялось торжественное заседание. Главным участником этого торжества был Розенберг, вернее, Розенберг вместе с Рустом, министром просвещения. Выступления, заседания, освящение пансионата для скандинавских писателей, затейливая речь господина Блюнка, председателя Имперской Литературной палаты, ночной концерт органной музыки в старой церкви святой Марии; короче говоря, все шло своим черепом, по-мещански размеренно и несколько скучно. Один из участников мероприятия, мой знакомый, крупный промышленник Тиссен, с сожалением признавался мне, что напрасно потратил время; его тошнило от пустословия и банальных речей. С речами выступал Вернер Дайтц, дипломат, постоянно говоривший о "геополитической экономике Европы". Выступал заместитель гауляйтера, бывший крестьянин Гильдебрандт — этот и вовсе нес полную ахинею. Были и такие откровения: дескать, вся культура человечества создана нордическими народами на берегах Балтийского моря, а Средиземноморье тут и вовсе не при чем. На Средиземном морс очаг разложения и жидовской заразы, а побережья Балтики — земля героизма и арийского расового мышления.

Подобного рода чепухи было очень много. Публика, в зависимости от своего происхождения, встречала ее либо с отвращением, либо с наивным восторгом. Отвращение возникало главным образом у членов старинных сенаторских родов, в то время уже почти утративших свое влияние. Однако едва ли кто-нибудь из нас понимал, что разыгрываемый здесь спектакль, несмотря на свою простоту и романтичность, на самом деле является частью весьма серьезного предприятия.

Истинное же положение вещей выглядело следующим образом.

Гитлер уже сказал мне однажды: в грядущей войне никто не сможет сохранить нейтралитет. И добавил, что скандинавские государства, равно как Голландия и Бельгия, принадлежат Германии. Если дело дойдет до войны, то одним из первых шагов Гитлера должен быть захват Швеции. Он не позволит скандинавам оказаться под влиянием Англии или России.

Я заметил, что оккупация обширного полуострова с плохо развитой транспортной сетью потребует от нас очень больших

усилий. На это Гитлер ответил, что не собирается оккупировать всю страну, а всего лишь занять порты и экономически важные пункты, прежде всего, рудники. "Это будет отчаянное, но интересное предприятие, небывалое в масштабах мировой истории. Под прикрытием флота и авиации я осуществлю серию ошеломляющих одноразовых акций. Шведы нигде не смогут дать нам достаточного отпора. Даже если некоторые атаки завершатся неудачей — все равно мы займем и удержим подавляющее большинство плацдармов". Заметив мое крайнее удивление, он добавил, что для политического обеспечения успеха необходимо образовать в Швеции плотную сеть из наших сторонников и сочувствующих. Потому что, атаковав Скандинавию, мы сможем надолго присоединить ее к Великой Германской Федерации, только если сторонники национал-социализма вынудят правительство присоединиться к нашему союзу. Гитлер считал, что Швеция, несомненно, не решится воевать, как не решилась в 1905-м, когда от нее отделилась Норвегия. "Со своей стороны, я буду всячески способствовать мирному решению конфликта, я даже сделаю заявление о том, что вовсе не намерен оккупировать Швецию, а всего лишь предлагаю ей союз. Такой союз соответствует природе вещей, и весьма желателен для Швеции, если она не хочет и впредь, из опасения перед Англией и Россией, сохранять этот глупый и самоубийственный нейтралитет. Я скажу, что пришел защитить их и дать всем людям доброй воли истинную свободу действий".

Следует признать, что в то время я еще не принимал все услышанное всерьез. Но я полагаю, что теперь к этому следует отнестись внимательнее. Ведь в Скандинавии Гитлера интересует не чистая арийская кровь и не нордический миф о героях-викингах. Его интересуют рудники. А господин Блюнк и его шведские друзья бесплатно играют в одном и том же спектакле, истинной подоплеки которого они так никогда и не узнают.

Отряд всемирной пропаганды

Такая же судьба постигла всех зарубежных немцев, участвовавших в различных национальных организациях. В большинстве своем они и понятия не имели о том, для каких дьявольских целей используется их работа. Только много лет спустя выяснится, какое огромное доверие было походя загублено таким циничным злоупотреблением. Все колонии зарубежных немцев были превращены в опытные грядки пропагандистских

структур, взращиваемых в темноте, подобно грибам; через эти структуры проходило все что угодно, вплоть до откровенного шпионажа. Эта гигантская машина втягивала в себя каждого немца, находившегося за рубежом, будь он гражданином Германии или любой другой страны. Все организации зарубежных немцев, не заявившие однозначно о своем неприятии национал-социализма, в большей или меньшей степени превращались в органы политического наблюдения и влияния, переходившего всякие границы законности и честности.

Едва ли кто-либо из участников догадывался, во что это может перерасти. Всех занимало только одно: коалиционная борьба за руководящие должности и доходные места. Во всех зарубежных организациях такая борьба продолжалась годами. Все политические направления, старые и новые, наперебой стремились заручиться признанием "фюрера", понравиться руководящим кругам Рейха. Здесь больше всего ценилась поддержка финансового руководства, обеспечивавшая честолюбцам уважение и признание многих авторитетных лиц. К сожалению, в новом Рейхе для них открывалось множество возможностей. По меньшей мере семь партийных органов занимались использованием немецкой диаспоры в целях пропаганды и сбора информации. Ни один из этих органов не отличался чистотой помыслов, никто и не думал о поддержке и развитии нашей диаспоры. Передними была поставлена задача: вовлечь всех зарубежных немцев в огромную, опутавшую весь мир сеть секретных служб.

Во всех зарубежных немецких общинах возникли "фракции", взаимная ненависть, борьба. Повсюду царили неразбериха и соперничество, вызывавшие насмешку у сторонних наблюдателей. Такая коалиционная борьба за власть воспринималась как нечто естественное, типичное для немцев; но здесь наблюдатели упускали из виду весьма существенную теневую сторону этих событий.

Даже я и некоторые мои друзья, представлявшие Германию за рубежом, недооценивали опасность игры, затеянной бессовестными партийными лидерами по приказу Гитлера, поставившего на карту честь и достоинство всемирной немецкой диаспоры. Это необходимо подчеркнуть, так как подобная тактика национал-социалистов возбудила во всех странах мира нетерпимость к немецкой диаспоре, и это чревато конфликтами, потери от которых могут оказаться невосполнимыми. Любая нация всегда рассматривает свои национальные общины за рубежом как фактор, сближающий государства и нации. Если мир дойдет до такой степени упадка, что каждый иностранец будет

казаться агентом враждебной державы, то нас ждет всеобщее варварство и возврат в эпоху дикости. Поэтому необходимо еще раз заявить, что многие немцы используются национал-социалистическим аппаратом, не желая и не осознавая этого. Ответственность за подобные злодеяния должны нести только Гитлер и еще несколько человек из его окружения, прежде всего Гесс, пронырливый и весьма опасный субъект, прикрывающийся маской порядочного человека.

С Гессом, заместителем фюрера, я несколько раз говорил о судьбе польских немцев. Я много общался с этими людьми и хорошо знал их проблемы. Они неоднократно просили меня разъяснить им некоторые вопросы и поручали мне улаживать отдельные фракционные конфликты. Гесс был чем-то вроде лидера среди тех, кто стремился вовлечь немецкую диаспору в национал-социалистическую борьбу. Я не знал об этом и чистосердечно полагал, что он помогает мне "продвигать" новых соискателей и уравнивать их положение с положением старых партийных кадров.

В то время мне пришлось принять участие в одном пленуме зарубежных немцев. В речах, произносившихся здесь с трибуны, едва ли было что-то достойное внимания. Но после бесед с новыми делегатами пленума — сотрудниками "Гитлерюгенда", СС, аппарата Розенберга, прочими партийными кадрами — мне стало ясно, что за игра ведется ими на самом деле. А когда некоторое время спустя я, как сенатор, случайно услышал разъяснения по поводу истинных целей деятельности мюнхенской "Немецкой Академии", я окончательно понял, какие преступные махинации творятся вокруг зарубежных немцев ради всемирного экспорта национал-социалистической революции.

Вскоре мне представился случай услышать, что говорит по этому поводу сам Гитлер. В начале лета 1934- го в узком кругу партийных лидеров состоялась конференция, куда были приглашены некоторые представители немецкой диаспоры, принадлежавшие к одной умеренной фракции, которая, впрочем, состояла в основном из очень молодых людей, не облеченных еще никакой ответственностью. В конференции приняли участие и представители крупных зарубежных немецких организаций. Один из представителей вышеупомянутой умеренной фракции, давно впавший в немилость "при дворе", попросил меня принять участие в этой конференции, потому что я много лет занимался проблемами защиты национальных меньшинств и культурной автономии. Он полагал, что я смогу в определенной степени воздействовать на участвующих в конференции "новых людей". Но ни о каком воздействии не могло быть и речи. Все то, к чему на

протяжении десятилетий были прикованы наши надежды, все, что могло помешать новой войне и установить в Европе долгий и прочный мир, не имело здесь никакого значения. Никто не хотел слышать про соглашения о защите национальных меньшинств, которые могли бы привести к созданию общеевропейской декларации прав национальных меньшинств. С трибуны говорили об экономических вопросах, о финансировании газет, устранении особо нелюбимых членов наблюдательных советов, передаче материальных ценностей — короче говоря, о фракционной борьбе. Затем, на закуску, последовало краткое выступление Гитлера.

Прирожденный подстрекатель. Гитлер был двигателем и бесспорным лидером национал-социализма, воздействовавшим на его подъем и оформление. Он вел свое движение с самого начала до тех пор, пока оно не стало силой, покорившей всю Германию.

В том, что ему это удалось, не последнюю роль сыграли его ораторские способности. Одним лишь своим голосом и жестами он склонял на свою сторону миллионы немцев.

"Господа, — сказал нам Гитлер после того, как все желающие были представлены ему и смогли "взглянуть ему в глаза", — вы взяли на себя чрезвычайно важную задачу. Сегодня ваш долг — не просто заботиться о немецкой диаспоре. Вы должны превратить ее в боевой отряд. В ваши задачи не входит отстаивать парламентские права и ограниченные свободы зарубежных немцев. В дальнейшем эти права и свободы скорее станут для нас обузой, чем поддержкой. Исходя из этого, вам следует не своевольничать, руководствуясь своими благими намерениями, а ждать команды, которая прозвучит из-за вашей спины. Сверху виднее: то, что кажется вам полезным, на самом деле может оказаться вредным. Таким образом, я требую от вас слепого повиновения. Не вам решать, что вам делать на своем участке. Но я не всегда смогу подробно рассказать вам о том, что я намереваюсь делать. Ваше повиновение должно проистекать из доверия ко мне. Поэтому я не могу использовать для нашего дела тех, кто слишком долго занимался парламентской деятельностью. Они износились. Они пытаются выполнять свои задачи привычным для них способом. Теперь они нам просто не нужны. Если они не уступят места по доброй воле, то с ними придется бороться — любыми средствами. Организациям немецкой диаспоры уже не нужно ни обсуждать, ни согласовывать свою политику — она определяется здесь, мною или моим заместителем Гессом.

Находясь на переднем крае нашей национальной борьбы, вы

являетесь форпостами Германии и даете возможность совершенствовать наше движение и проводить наши боевые операции. На вас возложена роль, которую старшие из вас хорошо помнят по военному времени. Вы — в "секрете". Вы подготавливаете проведение некоторых акций, находясь далеко впереди линии фронта. Каждый из вас должен маскировать собственную подготовку к атаке. Считайте, что ваша война уже началась. Вы живете по законам военного времени. Сегодня вы — важнейшая часть немецкого народа. Вся нация, включая и меня лично, никогда не забудет тех жертв, которые вы принесете ради грядущего Рейха".

Гитлер отлично понимал, о чем думает сейчас большинство молодых людей. Они сияли от воодушевления и впоследствии называли эту гитлеровскую речь событием, определившим всю их дальнейшую жизнь. Затем Гитлер перешел к вопросам тактики. Он сказал, что его ничуть не тревожит борьба между фракциями и группировками. Партия выросла не только во внешней, но и во внутренней борьбе. Глупо осуждать это соперничество. Где есть жизнь — там всегда идет борьба. Гитлер заявил, что считает нежелательным постоянно протежировать одну и ту же фракцию. Должны существовать различия, должна существовать напряженность. Кроме всего прочего, это помогает ввести в заблуждение соответствующие органы и убрать на задний план истинные цели движения. Целесообразно иметь в каждой стране по меньшей мере две немецких фракции.

"Одна из них должна все время призывать к соблюдению законности. Ее дело — общественные и экономические связи. Другая фракция пусть будет радикально-революционной. Вам следует осознать, что мне и моим службам придется зачастую жертвовать вами. Кроме того, у вас не должно остаться ни малейшего сомнения в том, что я не делаю различия между германскими немцами и немцами, имеющими иностранное подданство. И ваша главная задача заключается в том, чтобы воспитать во всех немцах, независимо от их государственной принадлежности, одно убеждение: признательность нации превыше всякой лояльности по отношению к чужому государству. Только таким образом вы сможете выполнить те трудные задачи, которые я ставлю перед вами. Мне все равно, каковы будут средства, которыми вы станете приучать своих товарищей к новой дисциплине. Пусть эти средства не всегда будут добрыми. Для меня главное — чтобы они были эффективными. И пусть тот, кто осмелится вам перечить, знает, что ему нечего больше ждать от Германии, что он навеки потерян для своей родины. И в свое время он получит по заслугам, как предатель нации".

В заключение своей речи Гитлер сказал: "Господа, от вас зависит, достигнем ли мы своих целей относительно легким путем и обойдемся ли мы без кровопролития. Вам предстоит подготовить почву. На востоке и на юго-востоке Германия намерена распространить свою власть далеко за установленные границы. Но и на тех, кто живет за морями, мы возлагаем те же самые обязанности. Забудьте все, чему вас учили раньше. Мы не хотим равноправия с другими нациями, мы хотим господства. Мы не занимаемся защитой национальных меньшинств и прочими выморочными выдумками бесплодных демократов. Если Германия будет великой и победоносной, никто не решится косо смотреть на немцев, где бы они ни находились. Ваш долг — завоевать Германии эту господствующую роль во всемирном масштабе. Тогда и вы станете господами, безо всяких параграфов и пактов. Следующей вашей задачей будет опекать эти порабощенные страны от имени всего немецкого народа. Я поручу вам править странами и народами, которые сегодня угнетают и преследуют вас. Раздробленность и многовековое бессилие немецкого государства вынуждали миллионы лучших сынов немецкого народа нести свою культуру иным народам; это было нашей бедой, но теперь мы гордимся этим. Как евреи, рассеянные по лицу земли, сумели затем воцариться повсюду и до сих пор правят всем миром — так и мы, воистину избранный народ, рассеянный ныне палицу земному, станем повелевать повсюду, станем хозяевами Земли!"

Это было напряженное время. Приближалось 30-е июня, Варфоломеевская ночь немецкого народа. Вскоре после описываемых событий я, возмущенный бессмысленностью и преступностью услышанного, использовал свою встречу с одним знакомым, отправлявшимся за границу в качестве официального представителя Рейха, чтобы побеседовать с ним о последствиях подобной политики. Мы несколько часов прогуливались по Тиргартену, обсуждая средства, которые позволили бы немецкому народу избежать подобной авантюры.

Прошло немного времени, и я попал под подозрение партийного руководства. Мне позвонил адъютант из бюро Гесса и в резкой форме предупредил меня, чтобы я больше не занимался проблемами зарубежных немцев, в особенности польских. Вскоре после этого, нарушив тайну переписки, в партийные органы передали поздравительную телеграмму, которую я отправил бывшему канцлеру фон Папену по случаю его знаменитой Марбургской речи. Речи, которая казалась манифестом антигитлеровской революции, которая вызвала вздох облегчения у всех, кто видел, куда ведет нас Гитлер. В то время Папен еще

был нашей надеждой. Впрочем, я еще вернусь к этой теме.

Впоследствии я имел случай еще раз высказаться о проблеме зарубежных немцев. Это было незадолго до моего выхода из партии, осенью того же года. Собрание представителей немецкой диаспоры, завершив свою работу, отправилось на экскурсию в Данциг. Многие из них посетили меня. Мне пришлось выступить перед ними с речью. В ней я прямо отверг заявление Гитлера о том, что вне Германии возможен только особый национал-социализм, приспособленный к положению зарубежных немцев. Я говорил о надежде на "очищение" национал-социализма. И меня услышали.

Берлинское руководство тут же занесло меня в черный список. Даже самые старые и заслуженные представители немецкой диаспоры капитулировали перед Гитлером. Теперь они соревновались с молодыми за звание особо прилежных национал-социалистов.

Впрочем, мне еще один раз довелось ходатайствовать за зарубежных немцев — по крайней мере, за восточно-европейских. Это случилось, когда я возвратился из Женевы, где Бек, польский министр иностранных дел, публично объявил договор о защите немецкого национального меньшинства ошибкой, которая дорого обошлась Польше. Ибо никто иной как Клемансо писал Падеревскому, первому президенту Польши, будто закон о защите меньшинств — неотъемлемая часть мирного договора и основная предпосылка восстановления Польши в ее новых границах. В то время я беседовал с фон Нейратом, министром иностранных дел Германии. Я указал на то, что события приобретают опасный оборот. Они развиваются в очень невыгодном для нас направлении. Они отбрасывают нас назад. Нейрат, знавший все это лучше меня, тем не менее, не согласился со мной. Беседа с Нейратом показала мне, что он считает целесообразным отложить в сторону все устаревшие правовые нормы и соглашения, чтобы подготовиться к решающей схватке за власть. Он сказал, что все эти договоры не дают немецким меньшинствам никаких реальных прав. Он сам, всего лишь дважды побеседовав с Беком, добился для немцев большего, чем мог добиться за все время своей работы в Совете Лиги Наций. Я возразил, что мне все еще представляется ценным формирование новой правовой основы германско-польских отношений, пусть такой путь и не чреват немедленными успехами. Я спросил, не собирается ли Германия возвращаться в Лигу Наций, и если да, то как скоро. " Ну, этого дня еще ждать и ждать", — рассмеялся Нейрат.

11. ОПАСНАЯ ИГРА

Этот барон фон Нейрат вовсе не был потомком бескультурных и кичливых прусских вояк — он происходил из южно-немецкого аристократического рода; о нем говорили, что его образование соответствует высоким европейским стандартам. Весной 1934-го он однажды пригласил меня позавтракать у него. С фамильярностью, свойственной лишь ему одному, он похлопал меня по плечу: "Пускай все идет своим чередом; через пять лет об этом никто и не вспомнит". Таким образом он ответил на мои сомнения относительно нынешнего курса Германии. Мне казалось, что она кратчайшим путем летит навстречу чудовищному краху. Нейрат не находил ничего подобного. Его сангвинический темперамент не принимал никаких сложностей и сомнений. Я так до сих пор и не знаю, разыгрывал ли он из себя оптимиста, или был действительно уверен, что ход событий скоро изменится.

Дилемма 1934-го звучала следующим образом: продолжать революцию или восстановить порядок? Такой вопрос волновал всех. Что же стояло за этим вопросом?

До сих пор каждый отождествлял немецкую революцию с реализацией своих собственных политических устремлений. Но в один прекрасный день образованным и просто понятливым людям стало ясно: немецкая революция — это самая настоящая революция. Но к чему она приведет? Последствия трудно себе представить: рухнет все то, что до сих пор считалось неотъемлемой основой любого государственного и общественного порядка. Допустимо ли и впредь спокойно смотреть на такую революцию? Не следует ли покончить с нею: пойти на риск, совершить государственный переворот и выгнать, наконец, прочь всю эту коричневую орду?

Но вот здесь-то и начинались сложности. Удастся ли при этом избежать гражданской войны? Если нет, то сможет ли Германия в данный момент пережить такую войну? Ибо, пока консервативные и либеральные круги размышляли, а образованные представители буржуазии начинали сознавать, что они наделали, допустив Гитлера к власти — рабочие, служащие, мещане, прежде исповедавшие социал-демократическую идеологию, все без остатка ринулись в национал-социализм. Очевидно, именно в 1934-м национал-социализм стал наиболее популярен в массах. Возможно ли было, видя весь этот массовый энтузиазм, свергнуть национал-социалистов и устранить Гитлера, руководствуясь какими-то опасениями, которых масса не в

состоянии понять?

Я излагаю здесь ход мыслей, которыми делились со мной многие "озабоченные патриоты", занимавшие самые различные политические позиции. С самого первого дня 1934-го года находилось все больше и больше желающих покончить с этим колдовством, которое грозило свести Германию в гроб. Но сделать это не было никакой возможности.

А тут еще обострялись проблемы, связанные с Ремом. Рейхсвер ощутил угрозу, которой был чреват новый всплеск революционного нигилизма. К сожалению, военные смотрели на все с узкопрофессиональной точки зрения — они видели лишь угрожающее ослабление дисциплины и опасность, которой подвергался недавно начавшийся процесс вооружения Германии. Но было ясно, что рейхсвер готов в любой момент положить конец опасной игре.

Я не был близко знаком с Ремом. Нас познакомил Форстер в начале 1933-го. Мы заехали в отель "Фазаненхоф", где Рем обычно останавливался, когда бывал в Берлине. В отеле мы застали Рема и его адъютанта. Рем был недоволен. Ему не дали никакого министерского портфеля. Он считал, что вся национал-социалистическая революция утратила смысл. "Снова мы оказались на побегушках у генералов", — язвил он. Он интересовался, не может ли Форстер, имеющий такое влияние на фюрера, как-нибудь попросить за него. Он утверждал, будто вся национал-социалистическая революция застопорится, если штурмовики не получат никакой юридически оформленной работы; стоило бы преобразовать их хотя бы в отряды самообороны или в привилегированные воинские части. Лично Рем не имел никакого желания становиться марионеткой.

Потом мне как-то пришлось более подробно побеседовать с ним в знаменитом ресторане Кемпинского, где он имел обыкновение завтракать. Беседа касалась актуальной темы — создания в новой Германии новых вооруженных сил: кто должен ими командовать, кто вообще должен их создавать — генералы рейхсвера или лично Рем, стараниями которого была создана наша партия? Рем, несмотря на все свои слабости, был общительным человеком и очень способным организатором. Но прежде всего он был наемником, место которого — в колониях, как можно дальше от Европы. Его упреки в адрес рейхсвера были несправедливы, чувствовалось, что он просто обижен. Он страдал оттого, что офицеры рейхсвера высокомерно отвергали его старания. Дрожа от жажды деятельности, ощущая себя способным на великие свершения, он несколькими отрывочными словами обрисовал свои планы на будущее. Мы сидели в просторном

Стеклянном зале. Шрамы на лице Рема побагровели от возбуждения. Он залпом осушил несколько бокалов вина.

"Адольф — подлец, — бранился он. — Адольф предает нас всех. Только и делает, что возится с реакционерами. Старые товарищи уже ему не подходят. Натащил сюда всяких генералов из Восточной Пруссии. Так-то он нам доверяет!" Болезненная ревность овладела Ремом. "Адольф стал пижоном. Даже фрак на себя напялил", — иронизировал он. Выпив стакан воды, он слегка успокоился. "Адольф отлично знает, чего я хочу. Сколько раз я говорил ему об этом! Нам не нужно возрождения старой кайзеровской армии. Революционеры мы или нет? "Allons enfants de la patrie!" Это про нас, это наш энтузиазм должен создать нечто совершенно новое, вроде народного ополчения времен французской революции. Если мы этого не сделаем, все пойдет насмарку. Нужно что-то совсем новое, поймите же вы наконец! Новая дисциплина. Новые организационные принципы. Все эти генералы — старые тупицы. Новых идей от них не дождешься. Адольф учился у меня. Я научил его разбираться в военном деле. Война — это не просто боевые действия. Из старых прусских служак нам никогда не создать нашей революционной армии. Но Адольф — штафирка, мазила чокнутый. На все у него один ответ: "Оставьте меня в покое". Сидит себе наверху и корчит из себя Господа Бога. А нам приходится бездельничать, хотя у нас давно уже руки чешутся. Я вынужден повсюду таскаться с этим стадом ветеранов войны. Я — новый Шарнхорст. Неужели люди этого не видят? Неужели они не понимают, что наше время должно наступить, что мы придем — новые, свежие, полные сил? Нужно только заложить революционную основу. Потом уже пойдет — не остановишь. Только так можно достигнуть чего-то нового, великого. И видит Бог! — мы сорвем с петель весь мир. Но я озабочен поведением Гитлера. Он хочет пустить все на самотек — а потом надеяться на чудо. И в этом он весь. Он хочет получить в наследство готовую армию. Он хочет, чтобы "специалисты" привели ее в порядок. "Специалисты"! Это слово приводит меня в ярость. И он еще говорит, что потом сделает армию национал-социалистической! После того, как поручит ее прусским генералам! Откуда же там потом возьмется революционный дух? Все эти генералы — старые козлы; могу поручиться, что новой войны им не выиграть. Нет уж, вы меня не проведете! То, что вы делаете, загубит саму суть нашего движения".

Он издевательски критиковал прусских офицеров. Что они видели, кроме своей Пруссии? Растут в теплицах, только и знают, что свой кадетский корпус, а потом — давай выслуживаться. Нет, Рем — не таков, Рем — революционер, мятежник. Он уже почти

рыдал. Ресторан опустел. Адъютант увел его.

Потом мне почти не приходилось иметь дело с Ремом. Его исповедь, несмотря на некоторое влияние алкоголя, все же произвела на меня впечатление трагедии по-своему творческой личности, называющей себя мятежником и предпочитающей умереть стоя. На Рождество 1933- го года он лишил меня моего эсэсовского звания за грубое нарушение субординации: я направил одного из высокопоставленных командиров СА в распоряжение генерала фон Браухича, командированного в то время в Восточную Пруссию. Потом я видел Рема еще один раз, незадолго до его гибели. Он наотрез отказался меня выслушать.

Я вспоминаю все это к тому, что в феврале 1934 года, побеседовав с Гитлером, я понял не только его мнение обо всех ближайших соратниках по партии, но и суть его опасной игры, целью которой было стать одним из руководителей заново формируемых вооруженных сил — даже если для этого и придется пожертвовать некоторыми своими друзьями. Казалось, он отверг революционные намерения своих товарищей. Но это была только видимость. В то время все еще было таким неопределенным. Гитлеру пришлось приспосабливать свои "гигантские" планы к тяжелым условиям внутренней и внешней политики; он мог продвигаться вперед лишь очень и очень постепенно и при этом все время ощущал непреодолимую потребность подчеркивать величие своей исторической роли, постоянно возвращаясь в разговорах к своим собственным глобальным замыслам. Гитлер сказал мне, что исходя из нынешних трудностей, он готов заключить любой пакт, лишь бы это позволило Германии иметь четырехсоттысячные или хотя бы трехсоттысячные вооруженные силы. Если бы это удалось, он разом избавился бы от всех проблем и мог бы в открытую заняться формированием кадрового состава новой армии, а потом, используя какое-нибудь благоприятное политическое обстоятельство, сделать следующий шаг.

Я понял, что он рассматривает пакт об ограничении вооружений Германии как временную меру, способную принести облегчение ему и вооруженным силам, и вовсе не намерен соблюдать его постоянно. Гитлер вспомнил о трудностях, связанных с тайным характером процесса вооружения и его быстрыми темпами. Он полагал, что это непременно нанесет ущерб качеству процесса. Он бы с удовольствием приостановил сейчас этот процесс. У него даже сложилось впечатление, что эта задача просто выше понимания некоторых генералов, ответственных за ее решение, и он опасается катастрофы, которая может произойти, если сейчас, во время перехода от кадровых

подразделений рейхсвера к общенародным вооруженным силам, вдруг возникнет необходимость защищать Германию с оружием в руках. У него были другие планы, позволявшие Германии сперва организовать народную армию, а затем, под ее защитой, спокойно приступить к постепенному внедрению и улучшению технической оснащенности. Однако он вынужден прислушиваться к мнению генералов и "старика" (Гинденбурга), который настойчиво держится за свой пост главнокомандующего, считая себя единственной компетентной инстанцией, достойной принимать решения.

Я спросил, входит ли в планы Гитлера общее вооружение СА и СС, или он уже окончательно отказался от этого.

"Таких планов у меня больше нет, — ответил Гитлер. — Сейчас уже недостаточно одних проявлений воодушевления и благонамеренности. Создание и вооружение большой армии — вот моя самая первая и самая трудная задача. Штурмовики разочаровались во мне. Они осыпают меня упреками, которые я считаю необоснованными. Я спрашивал их: а как это себе представляете вы? Вы полагаете, я должен допустить, чтобы в Германии существовало две независимых друг от друга армии?

Можно формировать армию, исходя из принципа призывных возрастов. Если мы пойдем по этому пути, мы лишимся свободы действий. Еще можно делать это на основе вербовки или набора добровольцев. Мои соратники по партии понимают, что такой порядок, удовлетворяющий, быть может, каких-нибудь англичан, ни в коей мере не пригоден для нас. Что же мне делать, чтобы объединить оба принципа? Разрешить партийцам служить добровольно и обязать тех, кого раньше называли капитулянтами, нести особо длительную службу? Может быть, я должен создать из штурмовиков особую военную элиту или отряды самообороны? В таком случае, у нашей регулярной армии просто не останется резерва, и возникнет нездоровая ситуация. Нет, доводы штурмовиков меня не убеждают. Я намерен и впредь придерживаться обещаний, данных мною армии и Гинденбургу".

Немного помолчав, Гитлер добавил: "Время народных армий еще не прошло. Германия должна снова ввести всеобщую воинскую обязанность и как можно скорее превратить возрастные категории, не прошедшие военную службу, в боевой резерв. Конечно, значение военной техники возрастает, и определенную часть вооруженных сил будут составлять профессиональные солдаты-сверхсрочники. Но подбирать этих солдат я буду не по революционной сознательности или партийной принадлежности, а по профессиональной пригодности. Не могу же я, в самом деле, всерьез считать, будто эти кривоногие штурмовики могут стать

исходным сырьем для будущей военной элиты! Они никуда не годятся, даже если исключить из их числа всех резервистов".

В его словах легко было услышать отзвук аргументов руководства рейхсвера, всячески сопротивлявшегося притязаниям Рема.

"Революционная сознательность, — продолжал Гитлер. — Она не сходит с языка у некоторых членов партии, как будто они арендовали ее в бессрочное пользование — и она действительно является решающим фактором, значение которого трудно переоценить. Нельзя все время придерживаться довоенных традиций. Следует сознательно создавать нечто радикально новое. Если армейское командование и впредь будет искусственно ограждать себя от национал-социалистического духа — я этого не потерплю. И настанет день, когда я доберусь до них. Но сперва нужно выполнить все технические работы. Их нельзя осложнять".

Гитлер заговорил о себе. "Не надо быть такими нетерпеливыми. У меня есть все основания для нетерпения. Но я подавляю свои чувства. "Легко вам петь, меня смущать", — неосознанно процитировал он слова Ганса Закса из пятого действия "Нюрнбергских мейстерзингеров". Затем он снова сбился на рассуждения о величии своей задачи. Он заявил, будто дело вовсе не в том, чтобы просто создать гигантскую армию и произвести соответствующее количество оружия. Все решает дух, единый дух, которым проникнется командование войск. Все останется незавершенным и вскоре развалится, если нам не удастся привить новым вооруженным силам новый, революционный дух. Здесь не может быть никаких возражений. Гитлер заявил, что скорей будет иметь дело с армией недовооруженной, чем с вооруженной по последнему слову техники, но лишенной души и боевого духа.

"Но, — продолжил он, — я буду добиваться того, что считаю необходимым, медленно и целеустремленно, продвигаясь мелкими шажками. Посмотрим, у кого крепче воля, и у кого больше терпения — у меня или у генералов. Моя цель — создать высокопрофессиональный и специально обученный корпус, будущую ударную армию, состоящую исключительно из заслуженных партийцев, и укоренить это национал-социалистическое ядро в теле вооруженных сил. Все прочие военнообязанные постепенно образуют подразделения второго класса и станут чем-то вроде хорошо обученных отрядов самообороны; их основной задачей будет защита отечества. Путь к такой армии тяжел и длителен. Я должен пройти его до конца, ибо не мы одни формируем сейчас вооруженные силы. Но я

никогда не оставлю попыток внедрить армию в плоть национал-социалистического государства и, наряду с партией, сделать ее одной из самых прочных опор движения".

Гитлер не всегда говорил об армии так уверенно и сдержанно. Три месяца спустя, вращаясь в узких кругах партийного руководства в Берлине, я услышал, как он призывает создать чисто национал-социалистическую профессиональную армию. Он заявлял, будто без такой армии национал-социалисты рискуют рано или поздно подвергнуться вытеснению со стороны реакционеров. Эти высказывания полностью противоречили тому, что я недавно слышал от Гитлера. Теперь он говорил нечто вроде того, что новую армию следует строить исключительно из национал-социалистических элементов. Что сейчас, в ходе подготовки всеобщей воинской обязанности, следует оказать решительное сопротивление попыткам реакции присвоить себе вооруженные силы и, тем самым, установить в Германии свою власть. Что общий план реакции уже очевиден: они хотят с помощью всеобщей воинской обязанности вынудить партию распустить СА и СС. После этого беззащитная партия будет отдана на милость генералов.

Если эти слова действительно были отражением мыслей Гитлера, то в них отчетливо прослеживалось влияние людей из окружения Рема и опасное обострение внутреннего положения. Гитлера "накачивали", ему не давали расслабиться. Некоторое время спустя я снова посетил Гитлера; у него было мало времени, и мне пришлось слушать его в компании нескольких рейхсфюреров. Гитлер все говорил и говорил, хотя уже не один раз собирался закончить. Шауб, его секретарь, давно стоял рядом с ним. Гитлер энергично заявлял: "Что за безумие — полагать, будто революционные войны можно вести реакционной армией!" Было очевидно, что он перехватил недавние возражения собственных приближенных и стал провозглашать их в радикальной форме — примитивный трюк, которым он пользовался с особым удовольствием, чтобы избавиться от особо навязчивых упреков. "Я не дам своего согласия на введение всеобщей воинской обязанности. На современной стадии развития немецкий народ не в состоянии исполнить эту обязанность, не нанося ущерба делу национал-социалистического строительства". Он добавил, что вооружать Германию без предварительного национал-социалистического воспитания — просто преступно. Следует сначала создать профессиональную армию, которая будет состоять исключительно из членов партии. И если ему скажут, что эти партийцы едва ли хорошо обучены, он возразит: революционный энтузиазм — стопроцентная замена

мертвой армейской муштре.

Он ведет нас к гибели

Что же случилось? Почему Гитлеру пришлось повторять слова радикальных партийцев? Ответ очень прост: заметно обострился кризис. Неизбежно требовалось радикальное решение. Но чего же хотел Гитлер? Неужели он не мог повлиять на ход событий и не был тем, за кого себя выдавал? Неужели его способности оказались столь ограниченными? Чем больше верили в Гитлера широкие массы, тем больше сомнений возникало у старой революционной гвардии. "Разве о такой революции мы мечтали?" — спрашивали себя ветераны.

"От мертвого Гитлера больше пользы, чем от живого" — такой лозунг кружил среди "посвященных". "Долой паяца!" — кричали радикалы. Повсюду раздавались призывы к новой, настоящей революции. Гитлер — всего лишь предтеча, Иоанн Креститель национал-социализма. Истинный вождь еще придет. Может быть, это Рем? Может быть, Гитлер — быстротечный вступительный эпизод настоящей немецкой революции, что-то вроде Керенского, после которой пришел Ленин?

Одни кричали, что Гитлера следует устранить от власти. Другие — что его следует взять под арест, вырвать из когтей его реакционного окружения. Самые разнообразные варианты обсуждались весной 1934- го. Чрезвычайно возросла опасность наступления реакции. "Если Адольф не решится действовать — его нужно убрать", — говорили в штаб-квартирах СА. "Адольф — наш!" — заявляли те, кто еще сохранил к нему остатки личной симпатии. Ни один партийный лидер не встречал у революционно настроенных штурмовиков такого пренебрежения, как Адольф Гитлер.

Может быть, его друзья-"реакционеры" уважали его больше?

Весной я беседовал в Эссенском горнопромышленном объединении с группой представителей тяжелой промышленности. Общаясь с ними, я заметил, насколько они удручены политическим положением. И в этой беседе тоже звучало привычное обвинение: "Он ведет нас к гибели". Несколько позже Браухич, нынешний главнокомандующий, навестил Данциг. Он приехал ко мне в гости; мы встретились у генерального консула Германии. Он очень серьезно относился к текущим событиям. Он считал, что вооруженные силы ради блага своего же государства не должны всего этого терпеть. Они должны

настойчиво требовать отставки Гитлера.

Гитлер остался в одиночестве

Каковы были цели новой национал-социалистической революции?

Гитлер хорошо знал своих соратников по партии. "Есть люди, — сказал он однажды, — которые видят в социализме лишь кормушку, позволяющую им обстряпывать собственные делишки и наслаждаться жизнью". Он добавил, что такие представления, к сожалению, не ушли в небытие вместе с Веймарской республикой. Но это вовсе не значит, что следует руководствоваться примером России и ликвидировать частных собственников как класс. Гитлер будет всячески поощрять применение их способностей в строительстве новой экономики. Он не допустит, чтобы Германия прозябала в нищете и голоде, подобно Советской России. Кроме того, нынешние частные собственники будут очень рады, если их оставят в живых. Они будут всецело зависеть от нас, опасаясь, как бы не случилось чего-нибудь похуже. Гитлер считал, что не стоит и думать о том, чтобы изменять эти практические соотношения сил в угоду так называемым старым бойцам и чрезмерно активным партийцам.

Все это было сказано мне в разговоре по поводу "сословной структуры" — эксперимента по введению корпоративных методов хозяйствования и руководства, вскоре прекращенного Гитлером.

Гитлер очень хорошо знал, что каждой новой фазе революции соответствует новый комплект руководящих лиц. Волна новой революции вынесет наверх новых людей. Не будет ли это значить, что Гитлеру и его соратникам придет конец? И можно ли будет вообще сохранить какой-либо контроль над событиями, если дело дойдет до восстания пролетарских масс? Гитлер боялся масс, несмотря на свои успехи на митингах. Он боялся даже собственных соратников.

"Безответственные элементы принялись разрушать мою работу, — кричал он. — Но я не позволю ее разрушить — ни левым, ни правым". Гитлер ручался, что "новой революции" требуют разные партийные интриганы, русские агенты и буржуазные националисты, объединившиеся для того, чтобы его свергнуть.

Гитлер получил информацию, будто Рем хочет занять его место — эта мысль снова и снова возникала у него, но он все еще не решался раз и навсегда распрощаться с Ремом. С другой

стороны, он был уверен, что если соперники не слишком плохи — ему придется стать тайным заложником консервативных кругов, надсмотрщиком над революционным народом, укротителем одичавших масс.

Гитлер долго колебался: не встать ли ему во главе радикальной части своей партии с лозунгом "новой революции" и не возглавить ли еще одну акцию, чтобы со временем снова прийти к власти? В то время соперничество в правящих кругах достигло апогея. Сведения об этом едва ли доходили до общественности. Но можно было понять, что решение, в конце концов принятое Гитлером, не было случайным. Это решение свидетельствовало о том, что Гитлер значительно превосходил в прозорливости и дальновидности не только свое партийное окружение, но и своих соперников-консерваторов вкупе с армейским руководством.

Роспуск или мятеж?

Все это время один человек оставался в тени и ждал своего часа. Это был Грегор Штрассер, самый серьезный соперник Гитлера внутри партии. Снова возникло такое же положение, как осенью и зимой 1932-го, когда партии грозил распад, когда генерал фон Шлейхер уже планировал использовать профсоюзы и общественные организации национал- социалистов в качестве массовой основы для своего правительства. В 1932 году такое решение было преждевременным и неудобным для крупных промышленников — но сейчас, после всеобщего хаоса, созданного национал-социализмом за первые полтора года своего режима, оказалось, что это была единственная возможность противостоять дикой революции штурмовиков и бесплодной демагогии Гитлера, потому что только такой состав правительства пользовался бы безоговорочной поддержкой рейхсвера.

И вот теперь все складывалось точно так же, как осенью 1932-го. Бессилие и трусость национал-социалистической администрации, спешно подыскивавшей, куда бы ей скрыться. Прочувствованные речи о верности фюреру в кругах его ближайших приспешников. Слова о том, что наступают тяжелые времена. "Мы должны сохранить верность. Может быть, нам снова придется начать сначала, почти с нуля". Все это было в 1932-ом, все это повторилось и в 1934-ом. Слабость и малодушие Гитлера ясно свидетельствовали о том, что величие "фюрера" мнимо. Возникал вопрос: а действительно ли он — Богом данный

освободитель Германии? Он, жалующийся на неблагодарность немецкого народа плаксивым тоном непризнанной звезды ресторанных подмостков? Этот малодушный человек, который бранится и капризничает, просит и проклинает. Этот обиженный, бормочущий: "Ну, если немецкий народ не желает…", вместо того, чтобы действовать?

Так было в критические зимы 1932-го и 1933-го. То же самое случилось и сейчас — но теперь все события принимали несколько иную окраску, свидетельствующую о том, что великое решение будет наконец принято.

Грегор Штрассер появлялся у нас в Данциге, как, впрочем, и во всей северной Германии, гораздо чаще, чем Гитлер. Характер Гитлера был непонятен и недоступен северным немцам. Широкоплечий, массивный баварский дикарь Штрассер был прямой противоположностью фюрера: азартным едоком и большим любителем спиртного, натурой распущенной, но практичной, здравомыслящей, хваткой, лишенной всякой патетики, со здоровым крестьянским взглядом на вещи. Это был именно тот человек, которого здесь понимали.

Однажды я участвовал в Веймарском пленуме партийного руководства, состоявшемся в 1932-ом году накануне прихода Гитлера к власти. Тон здесь задавал Штрассер. Гитлер в тоске и печали отсиживался в Оберзальцберге. Положение в партии было отчаянным. Штрассер сохранял спокойствие и уверенность, всем своим видом показывая, что никакого распада партии на самом деле нет. Он фактически руководил партией. Гитлер оказался не у дел.

Разве сейчас не повторялась та же самая ситуация? С той лишь разницей, что сейчас на одном полюсе стоял Рем со своими радикалами и мятежниками, а на другом Гитлеру потихоньку наступал на пятки Штрассер — изгнанный, опальный, ненавистный соперник. Гитлер знал: если сейчас он перейдет на сторону Рема, рейхсвер примет сторону Штрассера, и партия распадется. Штрассер, говоривший о ненависти немецкого народа к капиталистам, быстро возьмет свои слова обратно и вместе с консерваторами, либералами и разными социалистами установит в Германии новый порядок. И все тут же встанет с ног на голову. Гитлер, ставленник воротил тяжелой промышленности, снова станет революционеришкой, снова пойдет по пивным подстрекать пролетариат к массовому восстанию, а Штрассер, "заклятый враг" капиталистов, станет приятелем генералов.

И вот Гитлер решился. Злоба и зависть подтолкнули его к решению. Гроза разразилась 30 июня. Она поразила не только мятежных штурмовиков. Она поразила генерала фон Шлейхера.

Она поразила Георга Штрассера.

12. НА ВОЛОСОК ОТ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Резня могла быть гораздо грандиознее. Существовал коварный план: убить Гитлера и обвинить в его гибели буржуазию, чтобы затем кинуть клич — вот тогда-то и началась бы настоящая "ночь длинных ножей".

В самом ли деле Рем задумал "предательство" или он всего лишь использовал идеи "новой революции" в своей политической игре, а затем просто отказался от них? Все это не имеет значения. Его гибель была трагедией Валленштейна, перенесенной в обстановку современной Германии. Духом неподдельного трагизма проникнуты мрачные события 30 июня, когда более тысячи партийцев были расстреляны без суда и следствия, когда многие беспартийные, не имевшие на себе никакой вины, были зверски убиты. Оправдания этой расправы, представленные Гитлером на заседании рейхстага, были непревзойденными — как в целом, так и в частности. Именно в этих "оправданиях" верховного судьи немецкого народа "случай вынужденной самообороны" превратился в событие, которое заставило замолчать и народ, и оппозицию, но, в то же время, устранило незаживающую язву штурмовых отрядов, угрожавшую вечно разъедать народную жизнь.

Через несколько дней после этого выступления мне пришлось побеспокоить Гитлера по одному вопросу данцигской политики — сейчас он едва ли достоин упоминания. В нашей беседе, кроме данцигского гауляйтера Форстера, принимали участие министр финансов граф фон Шверник-Крозигк и министр иностранных дел фон Нейрат. "Оставьте беднягу в покое", — советовал мне Нейрат, который не хотел утруждать Гитлера, измученного событиями последних дней. Но встреча все же состоялась. Гитлер не проиграл в недавно завершившемся процессе — это было видно из того, насколько боязливо пресмыкались перед ним оба буржуазных министра. Они не были похожи на придворных, раболепно толпящихся у трона какого-нибудь монарха. Гораздо больше они напоминали рабов всемогущего халифа, испуганно лебезящих перед его палачом. "Ради Бога, будьте осторожны!", — предупреждал меня один расположенный ко мне министериальдиректор, когда я назвал поступок Гитлера безумием, не способным по-настоящему облегчить ситуацию. "И стены имеют уши", — сказал он мне. Страх наполнял коридоры Министерства иностранных дел. Страх перед новыми арестами, страх перед

открытой революцией, перед внезапными выстрелами гестаповских револьверов. Казалось, что в любую минуту дверь может распахнуться — и войдут палачи, которые убьют тебя без предупреждения. Каждый ощущал себя виновным — по крайней мере, в крамольных мыслях и чувствах. Ведь каждый надеялся, что этот безобразный субъект с черной челкой, ковырявшийся в зубах, когда ему о чем-нибудь докладывали, грубо разносивший своих подчиненных, неспособный слушать, вечно поучающий всех и вся, когда-нибудь наконец освободит нас от своего присутствия. Что же теперь будет с каждым из нас? Что же будет с Германией? Гитлер требовал от своих ближайших сподвижников, чтобы они не допускали ни малейшего упоминания об убийстве фон Шлейхера и других буржуазных националистов — иначе он призовет народ к восстанию. Потом в Германии начнется гражданская война, интервенция враждебных государств — а отвечать за это будут те, кто вынудил его принять столь безумное и жестокое решение, вместо того, чтобы дать ему время по-хорошему добиться выполнения собственных требований.

Про эти вещи больше говорилось шепотом и обиняками, чем в открытую. Всем было ясно, что террор 30 июня не решил никаких проблем. А старик Гинденбург, едва ли понимавший суть происходящего, находился не у дел, в Восточной Пруссии, в ожидании близкой смерти.Подобно крысам, попряталась в норы вся буржуазно-националистическая оппозиция — а ведь еще совсем недавно они с важностью обсуждали свои планы свержения правительства, делили между собой министерские посты и собирались затеять грандиозный судебный процесс по поводу злоупотребления властью и прочих служебных преступлений национал-социалистов. "Не навлекайте беду на себя и на нас", — заклинали меня мои берлинские знакомые, с которыми я еще несколько недель назад обсуждал грядущую перестройку Рейха и — откровенно говоря — состоял в заговоре. Многие знакомые никого не принимали, держались замкнуто. Кто смог — уехал, спрятался, ночевал каждый раз в другом месте.

Непонятнее всего была позиция рейхсвера. Они достигли всего, чего хотели. Рем был устранен. Независимость рейхсвера была обеспечена. На этом можно было остановиться. Рейхсверу не нужны были внутренние волнения. Они не предприняли особого расследования по делам об убийстве генералов фон Шлейхера и фон Бредова. Они упустили единственный шанс развеять национал-социалистический кошмар. Во всем, что не касалось их военных полномочий, они действовали близоруко и бестолково, неуверенно и нерешительно и старались как можно скорее вернуться к порядку и Уставу. Нейтралитет правительственных

чиновников и военных, крупных промышленников и землевладельцев во многом определил их дальнейшую позицию. Они уже не были способны действовать на государственном уровне. Во время любого кризиса они были в оппозиции, но в конце концов так и не решились сделать последний шаг, ибо боялись падения режима.

И Гитлер интуитивно чувствовал, что его буржуазные оппоненты не способны принимать решения. Но вначале он вовсе не производил впечатления победителя. С опухшим, перекошенным лицом сидел он напротив меня, когда я делал ему свой доклад. Его глаза погасли, он не смотрел на меня. У меня было такое впечатление, что он меня не слушает. Но затем, несколько раз переспросив меня, он все же вынес решение, вполне согласовывавшееся с моими предложениями. Во время приема меня не оставляло ощущение, что в его душе борются омерзение, скука и презрение, и что его мысли витают где-то далеко.

Уже попрощавшись с нами, он окликнул меня и Форстера. "Погодите, Раушнинг, — сказал он, будто проснувшись, неожиданно бодрым голосом, — и вы, Форстер. Я хотел бы задать вам еще пару вопросов".

Я был весьма заинтригован, что же он имеет в виду. Но вскоре оказалось, что он просто не хотел оставаться в одиночестве.

"Расскажите, как дела в Данциге, как вы разобрались с безработицей, как идет строительство автотрассы, договорились ли вы с поляками?" Форстер опередил меня с ответом и принялся самодовольно докладывать обо всем, чего мы достигли и чего могли бы достичь, если бы не валютные затруднения. Гитлер попытался показать свою заинтересованность, задав несколько вопросов. Но я заметил, что он совсем не слушает. Его глаза были лишены выражения и устремлены куда-то вдаль. Потом он уставился в пол.

Форстер закончил отвечать на его вопрос. Никакой реакции не последовало. Повисла пауза.

Гитлер встал и принялся ходить взад-вперед по своему кабинету. С некоторых пор это был просторный новый зал с гобеленами и живописью на стенах. Письменный стол стоял в углу. Входная дверь находилась довольно далеко от него. Гитлер ходил от двери к столу, заложив руки за спину.

Я слышал, что после кровавых событий он не мог спать больше часа в сутки. По ночам он беспокойно блуждал по всему зданию. Снотворное ему не помогало — или он не принимал его вовсе, боясь, что его отравят. Его короткий сон прерывался

истерическими рыданиями. Его мучила рвота. Его знобило, он кутался в одеяла и сидел в кресле. Он думал, что его отравили. Иногда он требовал включить весь свет и собрать много, очень много людей — но тут же опять не хотел никого видеть; он боялся даже своих ближайших соратников. Единственный, кого он терпел возле себя, был Гесс. К Буху, запятнавшему себя кровью, Гитлер испытывал настоящее омерзение. Но он не решался выказывать это чувство. Он боялся этого человека. Ходили слухи, будто в последний момент у Гитлера отказали нервы. Будто бы все произошло без его ведома, его имя просто послу жило прикрытием. Будто бы он долго не знал всей ужасной правды и до сих пор не знает истинного масштаба казней.

"Я встал на путь стопроцентного соблюдения законности, и никто не собьет меня с этого пути, — так Гитлер начал свое оправдание. — Все упреки, предъявленные мне, все трудности, стоящие перед нами, я предчувствовал раньше всех моих услужливых скептиков и принял их в расчет. Никакое развитие событий не застанет меня врасплох. С непоколебимой уверенностью я и впредь буду идти к великой цели нашей революции. Мне не нужны всякие там критики, которые выдают собственную лень и распущенность за закономерные недочеты нашего развития. Это люди, которым доставляет удовольствие ежедневно пересчитывать мне на пальцах наши промахи и затруднения, неизбежные в начале любого большого дела. Не лучше ли было бы этим идиотам, вместо того, чтобы подчеркивать все плохое, заострить свое внимание на положительных сторонах нашей великой работы? По крайней мере, это прибавило бы бодрости и им и мне. Как будто я не знаю, что власть еще не в наших руках!

Но МОЯ воля решает все! И тот, кто не следует моим распоряжениям, будет уничтожен. Не тогда, когда его непокорность уже станет явной и общеизвестной, но тогда, когда я только заподозрю его в неповиновении. Я иду своим путем, безошибочно и непоколебимо."

Гитлер очень долго извергал подобные пустые фразы из себя. Вдруг его голос сорвался. "Старик" одной ногой в могиле, а эти бандиты создают мне проблемы! — возмутился он. — В момент, когда вот-вот придется решать, кто же будет преемником рейхспрезидента — я или кто-нибудь из этой шайки реакционеров! За одну лишь эту глупость они уже заслужили расстрела. А ведь я много раз повторял им: только неразрывное единство воли способно принести удачу нашему отчаянному предприятию. Кто покинет строй, будет расстрелян! Ведь я же умолял этих людей; десятки, сотни раз говорил им: послушайте

меня. Сейчас, когда все идет к тому, что партия сомкнет ряды и приобретет единую волю, мне все еще приходится слышать от реакционеров, будто я не умею поддерживать порядок и дисциплину в собственном доме. Я еще должен сносить обвинения в том, что моя партия — очаг строптивости, хуже коммунистов! Я должен допустить, чтобы меня упрекали, будто сейчас все хуже, чем при Брюнинге и Папене! Чтобы они ставили ультиматумы! Эти трусы и жалкие создания! — завопил он. — И кому? Мне! Мне!"

"Но они ошибаются, — продолжал он, успокоившись, — они полагают, что наступили мои последние дни, но это не так. Они ошибаются, все до единого. Они недооценивают меня. Ведь я вышел из низов, из подонков общества, я не имею образования, я не умею вести себя так, как угодно их птичьим мозгам. Если бы я был одним из них, то я был бы великим человеком — уже сегодня. Но мне не нужно, чтобы они непременно подтвердили мое историческое величие. Строптивость моих штурмовиков лишила меня многих козырей. Но у меня еще кое-что осталось. И я не привык медлить с принятием мер, если у меня что-то не ладится. Эти люди думают "честно" добраться до власти. Но у них ничего не получится. Они не смогут обойти меня, когда "старик" умрет. Они хотят поставить на его место регента — известно, какого. Но для этого им нужно мое согласие. А я им его НЕ дам. Народ не испытывает потребности в монархии Гогенцоллернов. Только я могу внушить массам, что монархия необходима. Только МНЕ они поверят. Но я НЕ стану этого делать. Это просто не приходит им в голову, этим жалким зазнайкам, этим чиновничьим и служилым душонкам. Вы заметили, как они дрожат, когда им приходится беседовать со мной лицом к лицу? Я не укладываюсь в их концепцию. Они думали, что я не решусь, что я слишком труслив. Они уже видели, что я попался в их сети. Они считали что я — всего лишь орудие в их руках, и насмехались за моей спиной: у него, мол, больше нет никакой власти. Они полагали, что я потерял свою партию. Я долго смотрел на это — и наконец ударил их по рукам, так что они надолго запомнили этот удар. Все, что я потерял из-за суда над штурмовиками, я наверстаю во время процесса над этими светскими шулерами и профессиональными игроками — я имею в виду Шлейхера и его шайку.

Если сегодня я позову народ — он пойдет за мной. Если я обращусь к партии — она встанет стеной, решительней, чем когда бы то ни было. Им не удалось расколоть мою партию. Я уничтожил атамана мятежников и всех кандидатов в атаманы, которые скрывались в засаде. Они хотели оттолкнуть партию и

меня, чтобы сделать меня безвольным орудием в своих руках. Но вот я снова поднялся, еще сильней, чем прежде. Вперед, господа Папен и Гугенберг! Я уже готов к следующему раунду".

Таким образом Гитлер подбадривал сам себя. Он отпустил нас. Он был похож на человека, которому недавно сделали инъекцию морфия.

Новая революция

Гитлер предсказал верно. Главный приз достался ему. Он стал преемником Гинденбурга в августе, когда старик покинул этот мир — слишком рано или слишком поздно. О причинах, по которым рейхсвер присягнул Гитлеру, осведомлены лишь немногие. Я не из их числа. Еще до того, как тело Гинденбурга перенесли в Танненбергский Мемориал, я видел его в Нойдеке. Он лежал на своем смертном одре — простой металлической кровати — в маленькой и ничем неукрашенной комнате. Сам по себе Нойдек был обычным, разве что чуть-чуть более просторным, восточно-прусским господским домом — такой же дом я получил в наследство от отца. Как он был далек от нынешней навязчивой комфортабельности и роскоши новоиспеченных властителей! Это было здание такого же типа, что и Кадинен, одна из любимейших резиденций последнего кайзера. Некоторые фамильные традиции связывали мою семью с имением Нойдек. Сто лет назад, во время Освободительной войны, мой прадед был адъютантом бригад Бенкендорфа и Гинденбурга. Старый фельдмаршал еще в начале этого года принимал меня в Берлине. Память уже отказывала ему, иногда он не узнавал своих посетителей. Но я застал его в необыкновенно оживленном состоянии. Он долго беседовал со мной о Данциге.

И даже в свое последнее лето, стоя одной ногой в могиле, Гинденбург еще сохранял веселость и бодрость духа. Когда его посетил японский принц, старик явно развеселился, слушая его рассказы об экзотических обычаях. Он еще мог смеяться и безобидно шутить — способность, которой начисто был лишен его рейхсканцлер. Старик еще успел получить от Гитлера сводку о событиях 30 июня и признать, что в создавшейся ситуации Гитлер действовал наилучшим образом. Да, он даже обнадежил Гитлера, когда тот принялся жаловаться ему на тяжесть собственной миссии. "Войны без мертвых не бывает, — сказал Гинденбург. — Без пролития крови нам никогда не создать новую германскую империю".

Но, лежа на смертном одре, в коротких промежутках между бредом, умирающий фельдмаршал, очевидно, сказал Гитлеру что-то такое, о чем до сих пор никто не знает. Скорей всего Гинденбург дал своему преемнику наказ вернуть на престол династию Гогенцоллернов. Ведь он считал, что только эта династия, избранная последовательным ходом исторического развития, способна обеспечить Германии стабильное будущее.

Оскар фон Гинденбург, сын покойного, повстречался мне, когда я в последний раз виделся со старым фельдмаршалом. Мы обменялись лишь парой незначительных фраз — на большее не было времени. Имение оцепили эсэсовцы.

Я присутствовал на погребении в Танненберге и слышал все бездарные и бестактные речи, в завершение которых Гитлер кощунственно заявил, будто старый фельдмаршал (всю жизнь бывший ревностным христианином) уже занял свое место в Вальгалле. Гитлер добился своего. Новая революция была предотвращена, а он стал хозяином Германии и все больше и больше утверждался в этой роли.

Вскоре после торжеств в кругу доверенных лиц Гитлер высказал свое мнение о "новой революции". Он допускал дальнейшее существование этого лозунга. Я узнал об этом, хотя мне не довелось присутствовать на "домашних" торжествах Гитлера по поводу его официального назначения "фюрером" Германской империи.

"Мой социализм — это не марксизм, — заявил Гитлер. — Мой социализм — это не классовая борьба, а Порядок. Кто подразумевает под социализмом подстрекательство и демагогию — тот не национал-социалист. Революция — это не зрелище для масс. Массы видят только результаты, но они ничего не знают и никогда не смогут понять, какой нечеловеческий объем скрытой работы приходится совершить, прежде чем у нас появляется возможность сделать очередной шаг вперед.

Революция не заканчивается. Ее просто невозможно закончить. Мы — движение, мы — вечная революция. Мы никогда не примем каких- либо установившихся форм.

Многие не понимают того, что я сделал. Но я победил — значит, я прав. Всего за шесть недель моя партийная оппозиция, "знатоки и эксперты", на наглядном примере убедились, что мои действия 30-го июня были необходимыми и единственно верными.

Со стороны может показаться, что я закончил революцию. На самом деле мы уводим ее вглубь. Мы замораживаем нашу ненависть и ждем того дня, когда сбросим маски и снова станем теми, кем мы есть и останемся навечно.

Сегодня я еще не могу сказать вам, что именно я имею в виду. Но поймите одно: социализм в нашем представлении — это не благосостояние отдельно взятой личности, а величие и будущее всего народа. Это героический социализм. Это союз братьев по оружию: ни у кого нет никакой собственности, все общее.

Но сейчас я прежде всего наведу порядок.

Наша первая задача — вооружаться и готовиться к неизбежной войне. Наша вторая задача — создать наилучшие социальные и экономические предпосылки для нашей боевой готовности. С настоящего времени германский порядок — это порядок единого военного лагеря. Сейчас нам уже нельзя думать о себе и своих житейских потребностях".

"Что же касается штурмовиков, — добавил он, — то им придется пройти очищение огнем. Но настанет день, когда я полностью реабилитирую их и воздам им высшую честь. Ибо — (здесь в голосе его, должно быть, слышалось рыдание), — они тоже погибли ради величия нашего движения. Их намерения были благими, но они оказались чересчур своевольными. Поэтому они неизбежно должны были ошибиться и понести наказание, которое предстоит каждому, кто не умеет повиноваться".

13. НОВЫЙ ПОРЯДОК И НОВАЯ ЭКОНОМИКА

Гитлер только говорил о "едином военном лагере" — на самом деле он представлял себе социально-экономическое устройство немецкого народа совсем иначе. А может, он и вовсе не имел о нем никакого представления? Однако он задействовал своих специалистов по социальным программам, и брошюры, которые инженер Федор объявил соответствующими партийной линии, представляя экономическую программу национал-социалистов как шаг навстречу "сословной структуре". Вскоре после прихода Гитлера к власти начались дичайшие эксперименты по "упорядочению" экономики. Многообещающий лозунг: "Общая выгода превыше личной", по мнению некоторых, должен был привести к созданию принципиально нового экономического устройства, в котором будет полностью исключена персональная заинтересованность частных лиц. Другие полагали, что следует ввести централизованное государственное руководство экономикой и сделать так, чтобы все имели одинаковую заинтересованность в решении основных экономических задач — не ради своей личной выгоды, а во имя удовлетворения потребностей Государства и Народа.

Но эти планы было легче обсуждать, чем претворять в жизнь. Никто не знал, о чем на самом деле шла речь. О корпоративном государстве? О тотальном экономическом планировании? О государственном социализме? Сверху рекомендовали одно: прежде всего действуйте, проявляйте активность — ясное видение цели наступит само собой. Таким образом, повсюду начался настоящий бум бестолкового организаторства. В чувствительный и сложный механизм немецкой экономики полезли варвары, и весь порядок покатился кувырком. "Как бы нам не пришлось демонтировать всю эту "сословную структуру, — говорили в те дни. "Организаторская лихорадка" поставила страну на грань мятежа.

23 сентября 1933 г. Перед первой лопатой на строительстве имперской автотрассы в окрестностях Франкфурта Гитлер завершил свою речь словами: "И теперь я призываю вас: за работу! Строительство должно начаться сегодня! Пусть работа идет! И не пройдет и нескольких лет, как появится гигантское сооружение, свидетельствующее о нашем служении. нашем прилежании, наших способностях и

нашей решительности! Рабочие Германии — за работу!"

До начала второй мировой войны Гитлер не говорил ни о чем. кроме мира — как внутри страны, так и за рубежом.

То. что этот мир был обманом, люди узнали позже, когда Гитлер, напав на Польшу 1 сентября 1939 г.. развязал вторую мировую войну.

В сельском хозяйстве все шло еще относительно легко. Здесь сохранялись некоторые остатки свободного рынка, и поэтому "кормильцы Рейха" смогли в известной степени воплотить в жизнь идеи корпоративного устройства. Но подходить с теми же мерками к торговле, ремеслам, промышленности — значило вечно натыкаться на непреодолимые трудности. Потому что никто не знал, чего же он хочет на самом деле. Что такое "отраслевое хозяйство"? Мы пытались разобраться с этими пустыми, необдуманными лозунгами, однако стоило лишь прикоснуться к ним — и они тут же рассыпались в прах.

Но были и другие люди, хитрые и весьма реалистически мыслящие, которые во время тотальной перестройки создали аппарат, обеспечивавший им значительное влияние на экономику. Они превратили "сословную структуру" в орудие для овладения хозяйством страны. Эти люди говорили: не годится, чтобы экономика и впредь могла самостоятельно удовлетворять свои потребности и саморегулироваться. Такая экономика будет все больше и больше подменять собой государственный аппарат, пока наконец сама не займет его место. Если в этом и заключается смысл корпоративного государства — то национал-социализм не имеете ним ничего общего. Нет, не восстановление хозяйства, а овладение хозяйством, порабощение экономики национал-социалистической партией — вот в чем заключалась цель этих людей, не признававших никаких экономических законов и наивно полагавших, будто экономику удастся без потерь подчинить выдуманным правилам, противоречащим реальному положению вещей. Эти люди видели в "сословной структуре" всего лишь орудие собственной власти. И то, что они создавали, было аппаратом насилия над экономикой.

Никто не сомневался, что массовая безработица непременно требовала государственного вмешательства в экономику. Но повышало ли это вмешательство производительность труда или оно просто было временной мерой? И если в планы организаций, государственных учреждений и самой партии не входило ни достижение внутреннего экономического равновесия между отраслями, ни даже обычное повышение эффективности хозяйства — то что же тогда ожидало саму экономику?

Таковы были вопросы, не дававшие нам покоя. Наш Данциг представлял из себя небольшую и вполне обозримую территорию; здесь тоже следовало смело взяться за организацию нового порядка. Мне казалось возможным применить здесь определенную современную форму протекционизма, чтобы облегчить затруднительную ситуацию, возникшую в наших экономических отношениях с Польшей. Впрочем, я вполне допускал мысли и о корпоративном государстве, и об определенной разновидности неомеркантилизма. Форстер, гауляйтер Данцига, напротив, имел лишь честолюбивое стремление первым завершить "сословную структуру", чтобы затем "блеснуть" перед Гитлером. Он пригласил к нам молодого человека, который занимался этим вопросом в партийных органах — именно этот человек сочинил пресловутую пропагандистскую брошюру о "сословной структуре". Молодой человек и еще шестеро его соратников прибыли в Данциг, дабы заложить краеугольный камень в основание того дела, которому они намеревались посвятить всю свою жизнь.

Однако очень скоро выяснилось, что Данциг — место, наименее пригодное для экономических экспериментов.

Что в портовом городе с международным грузооборотом, где к тому же нет собственной таможни, можно предпринимать любые экономические вольности — но ни в косм случае нельзя усложнять хозяйственную жизнь разными произвольными предписаниями. Они приводят лишь к тому, что грузооборот перемещается в более удобные порты. Исходя из этого, я понял, что самое лучшее в данной ситуации — отложить всю "сословную структуру" куда-нибудь в сторонку.

Это стало поводом для моего первого конфликта с партией, тем более, что во всех ее планах да и в самом общем проекте новых экономических отношений говорилось только об одном: экономика должна подчиниться распоряжениям партии. Я едва ли мог принять этот лозунг как руководство к действию. В рейхсканцелярию стали поступать жалобы. Меня вызвал Гесс, заместитель Гитлера. Немногословно (хотя в этом немногословии не таилось никакого глубокомыслия — лишь беспомощность и нерешительность весьма недалекого субъекта) побеседовав со мной, он не нашел ничего лучшего, как слегка пожурить меня. Вскоре мне пришлось беседовать и с самим Гитлером.

"Ну что у вас там?", — спросил он. Когда я изложил ему свои мысли о пресловутом способе ведения хозяйства, он был поражен. Он сказал, что и в мыслях не имел благословлять все это безобразие. Неужели Форстер не знает, что Гитлер уже давно отменил "сословное строительство"? Я ответил, что, если бы нам

это было известно, мы избежали бы многих лишних трудов и ненужных конфликтов. Гитлер тут же принялся, по своему обыкновению, оправдывать вынесенное решение, а затем "в общих чертах" приплел сюда свои социалистические идеи, которые тогда все время вертелись у него на языке.

"Вы считаете, следует вообще прекратить заниматься корпоративным устройством?" — спросил я.

"Я пока еще не могу себе представить, что обозначает это слово, — ответил Гитлер. — И я уверен, что вы тоже это вряд ли себе представляете. Муссолини уже много лет трудится над воплощением в жизнь своего так называемого нового экономического порядка. Но он не продвинулся ни на шаг. То есть: самого существенного, самого основного, того, что увенчает его творение, замкового кирпича, который закрепит свод, он так и не нашел. И вот что я вам скажу. В таких делах нельзя насиловать природу. Нельзя ничего конструировать. Вы меня понимаете? Все эти вещи должны расти сами по себе, снизу вверх. Если вы будете собирать их по схеме, сверху вниз, то у вас выйдет лишь бумажная модель, и никто никогда не вдохнет в нее жизнь. Вы можете представить себе, как творит художник? И государственный деятель должен позволить созреть даже своему замыслу, не говоря уже о движущих силах нации. Он может будоражить всех, он может вести эти силы за собой и управлять ими, он даже может остановить всех, если увидит, что настоящих сил еще нет. Но он не может вызвать эти силы искусственно. Нет ничего ошибочнее, чем навязывать незрелым нациям что- либо сверху — даже если наверху все очень хорошо обдумали. Искусственно можно вызвать лишь творческое беспокойство, которое вечно держит художника в напряжении, которое следует всячески возбуждать и поддерживать. Нельзя позволить ему угаснуть".

"Значит, "сословная структура" или корпоративное государство, или что-то в этом роде еще не созрело для того, чтобы воплотиться в жизнь? — спросил я. — Но что же делать? Ведь нынешний хаос не может продолжаться бесконечно!"

"Размышления здесь не помогут, — заявил Гитлер. — Вы можете из кожи вон вылезать, но если дело не созрело, у вас ничего не выйдет. Я знаю это как художник. И я знаю это как государственный деятель. Поэтому единственно верный путь — иметь терпение, откладывать, вновь вытаскивать на свет — и снова откладывать. Эта работа идет в подсознании. Что-то созревает, что-то вянет. Когда у меня нет непоколебимой внутренней уверенности в том, что решение истинно — многим может показаться, что я вовсе ничего не делаю. Даже если вся

партия стоит у меня над душой и кричит: "Действуй!" Я ничего не делаю, я выжидаю. Должно случиться еще кое-что. И вот, наконец, я слышу Голос и понимаю: все в порядке, настало время действовать. Так же ведут себя мои лучшие соратники по партии, да и весь народ. Если они чего-нибудь не понимают, они откладывают это в сторону. Потом они пытаются еще раз, снова и снова. И, наконец, момент настал. Они берутся за дело и выполняют его так уверенно, как будто никогда и не помышляли ни о чем ином. Конечно, мне приходится заставлять партию все время помнить о задуманном. Мне приходится экспериментальным путем выяснять, насколько созрел мой замысел и тот ли это замысел, который продвинет нас вперед. Я никогда не действую по рецептам. Конечно, прежде чем что-нибудь предпринять, я стараюсь убедиться насколько это выполнимо. Я подбираю партийные кадры для выполнения данной задачи. Хорошо, если они справляются с ней, если они на своем месте — иначе приходится искать новых людей. Но если я не нахожу никого, то это знак, что время для выполнения задачи еще не созрело. Существует абсолютная закономерная связь между задачами и людьми, которые их выполняют. Если людей нет, то проблема не созрела, время еще не пришло. И эти "сильные люди" не явятся, сколько их не зови. Но если время пришло, то приходят и люди. Я не могу воплощать мои идеи в жизнь, если нет подходящих людей. Но за последние месяцы я еще не убедился, что есть люди, способные придать нужную форму идеям "сословной структуры". Хорошо, отложим эту задачу и вытащим ее на свет в другой раз".

Я заметил, что, по-моему, как раз созрело время для того, чтобы попытаться найти что-то среднее между свободной экономикой либералов и тотальным экономическим руководством большевиков.

"А разве такое возможно? — спросил Гитлер. — Пускай разные схемы не вводят нас в заблуждение. Сегодня я уже вижу, что понимаю во всех этих вещах гораздо меньше, чем представлял два года назад."

Я возразил ему, что нынешняя организационная самодеятельность, очевидно, гораздо меньше способна прояснить дело, чем серьезные теоретические выкладки прежних времен.

"А вы подумали о том, что моих людей надо чем-нибудь занять? — рассердился Гитлер. — Они хотят мне помочь. Они полны пламенного энтузиазма. Должен же я им что-то предложить! Пусть попробуют что-нибудь сделать. В конце концов, эта "сословная структура" — не такая уж важная штука, чтобы они могли там серьезно напортить. И в конце концов, из их

трудов непременно выйдет что-нибудь полезное".

Неужели все сказанные до сих пор слова были пустой болтовней, необходимой, чтобы скрыть, что экономический эксперимент — это вовсе не средство найти новое хозяйственное устройство для Германии, а просто игрушка для партийных масс, отвлекающая их от более серьезных вещей? Конечно же, нет. Мотивы, которыми Гитлер руководствовался в своей политике и в своих решениях, всегда комплексны. Очевидно, отвлекающий эффект был одной из основных причин реорганизации экономики. Но было бы неверно учитывать ТОЛЬКО эту причину. Память Гитлера имеет одну особенность: она сохраняет лишь тс причины, которые впоследствии помогут ему оправдаться.

Впрочем, Гитлер не рассматривал подробно никаких вопросов, за исключением тех, что касались внешней политики и вооруженных сил. Он совершенно равнодушно относился к тому, что называется "детальной проработкой материала9*. Он сердился, когда к нему приходили с проблемами, требующими скрупулезного обдумывания. Он питал чрезвычайное отвращение к "узким" специалистам и никогда не слушал их мнения. Он смотрел на специалистов как на подручных, моющих кисти и растирающих краски — если придерживаться его любимых "художественных" терминов.

"Уберите от себя все бумаги, — посоветовал он мне в данном случае. — Люди считают вас бюрократом. Нужно, чтобы обзор был свободен. Все вокруг видят, что вы слишком много возитесь с деталями. Не следуйте дурному примеру бывшего рейхсканцлера Брюнинга, который имел страсть собственноручно доводить каждый закон до публикации. И это характеризовало его как нельзя лучше. Поэтому у него и не оставалось сил на великие решения. И вот вам мой совет: никогда не поддавайтесь ложному служебному рвению — не увлекайтесь подробностями и не возитесь с законопроектами".

Я возразил, что как раз недавно занимался подробностями законодательного обоснования планирующейся "сословной структуры" — потому что только подробности показывают, насколько значительную опасность представляет из себя это предприятие. И я не знаю, как избежать этой опасности. Нам грозит, что мы попадем в зависимость от различных экспертов, и, в конце концов, нам придется принимать решения вслепую, руководствуясь одними лишь чувствами.

Солдаты германского вермахта во главе со своим Верховным Главнокомандующим на Нюрнбергском партийном съезде. Попирая положения Версальского договора, 16 марта

1935 г. Гитлер ввел всеобщую воинскую обязанность, расколов тем самым первое звено в цепи Версальского договора. В Кабинете министров генерал-полковник Вернер фон Бломберг прокричал Гитлеру троекратное "Хайль!"

"Именно это от вас и требуется, — перебил меня Гитлер. — Доверяйте собственным чувствам, интуиции, инстинкту — все равно, как вы это назовете. И никогда не доверяйте вашим знаниям. И не возражайте. У всех этих специалистов нет никакого чутья. Интуицию следует искать не у них, а у себя или у ваших соратников по партии. Чем больше вы будете беседовать с соратниками, тем яснее вы поймете суть дела, тем проще станут для вас все вопросы. Если вы захотите что-либо объяснить своим партийным товарищам, вам придется думать яснее, проще, придется отбросить все сложное, слишком научное. В этом и заключается целительное воздействие нашего постоянного общения с соратниками по партии ведь мы беседуем с самим народом, а не с далекими от народа депутатами, как принято у демократов. Специалисты же уцепились за схемы, как паук за свою паутину; они способны только на одно — вечно плести один и тот же узор. Но только дайте им команду и они тут же принесут свой первоначальный замысел. И, наконец, суть в том, чтобы всерьез захотеть и добиться от экспертов того материала, который нам необходим".

Следует признать, я был разочарован тем, что Гитлер подобным образом уклонялся от любого обсуждения деталей моего дела. Ведь я рассчитывал, что именно эти детали будут иметь наибольший вес. Но Гитлер уже явно не интересовался "сословной структурой". И поэтому не следовало ожидать от него решений относительно того или иного направления событий. Такое случалось уже не в первый раз: едва возникали затруднения, он тут же откладывал в сторону все свои планы и совсем не заботился о том, что начатое дело превращается в груду развалин. Он избавлял собственную персону от всех неприятных проблем, а потом и вовсе не хотел о них вспоминать.

Таков был его "дар упрощать" — и в этом тоже заключалась его способность, дающая ему преимущество перед окружающими.

Выполняя заветы Маркса

"Я не просто борюсь с учением Маркса. Я еще и выполняю его заветы. Его истинные желания и все, что есть верного в его учении, если выбросить оттуда всякую еврейскую талмудистскую

догматику". Таков был ответ Гитлера на мой вопрос о личной экономической заинтересованности: будет ли она и впредь двигателем хозяйственной жизни? В этот вопрос упирались все проблемы, связанные с новым экономическим порядком. Некоторые наиболее ревностные партийцы ожидали весьма радикальной революции — такой, какая и не снилась умеренным марксистам.

"Я многому научился у марксистов. И я признаю это без колебаний. Но я не учился их занудному обществоведению, историческому материализму и всякой там "предельной полезности". Я учился их методам. Я всерьез взглянул на то, за что робко ухватились эти мелочные секретарские душонки. И в этом вся суть национал-социализма. Присмотритесь-ка повнимательнее. Рабочие спортивные союзы, заводские ячейки, массовые шествия, пропагандистские листовки, составленные в доступной для масс форме — все эти "новые" средства политической борьбы в основном берут свое начало у марксистов. Мне достаточно было взять у них эти средства и усовершенствовать их — и мы получили то, что нам надо. Мне достаточно было лишь последовательно продолжать дело, от которого десятки раз отступались социал-демократы — отступались, потому что хотели осуществить свою революцию, не выходя за рамки демократии. Национал-социализм — это то, чем мог бы стать марксизм, если бы освободился от своей абсурдной искусственной связи с демократическим устройством".

"Но ведь это же просто большевизм и коммунизм, как в России", — не выдержал я.

"Нет, не совсем, — возразил Гитлер. — Вы повторяете распространенную ошибку. Разница — в созидательной революционной воле, которая уже не нуждается в идеологических подпорках и сама создаст себе аппарат непоколебимой власти, с помощью которого она способна добиться успеха в народе и во всем мире. И научно обоснованное учение о спасении человечества превращается в реальное революционное движение, оснащенное всеми принадлежностями власти".

"И какова же цель этой революционной воли?" — спросил я.

"Никакой раз и навсегда установленной цели не существует. Неужели вам трудно это понять?" — спросил меня Гитлер.

Я ответил, что подобный угол зрения кажется мне несколько новым и непривычным.

В августовские дни 1936 г. Германия стала "главной спортивной ареной земного шара". При покровительстве "Фюрера и рейхсканцлера" XIII Олимпийские игры стали беспримерной

спортивной и пропагандистской победой Германии и ее националистического повелителя.

"Мы — Движение. Ни одно слово не выразит нашу сущность лучше. Марксизм учит, что мир изменяется в результате глобальных катаклизмов. Тысячелетний Рейх сошел с небес, как небесный Иерусалим. После этого всемирная история должна прекратиться. Развития больше нет. Повсюду воцарился порядок. Пастырь пасет своих овец. Вселенная закончилась. Но мы знаем, что не существует конечного состояния, не существует вечности — есть только вечные превращения. Только то, что умерло, свободно от превращений. Прошлое — неизменно. Но будущее — неистощимый и бесконечный поток возможностей для создания новых творений".

Я сказал, что еще никогда не рассматривал наше дело с такой возвышенной точки зрения.

"Это единственная точка зрения, с которой можно на него смотреть, — продолжал Гитлер. — В молодости, находясь в Мюнхене вскоре после войны, я не боялся общаться с марксистами всех мастей: Я всегда считал, что всякая вещь для чего-нибудь пригодится. И, к тому же, у них было много возможностей развернуться по-настоящему. Но они были и остались мелкими людишками. Они не давали ходу выдающимся личностям. Им не нужны были люди, которые подобно Саулу, были бы на голову выше их среднего роста.

Зато у них было много жидишек, занимавшихся догматической казуистикой. И поэтому я решил начать что-то новое. Но ведь из бывшего рабочего движения тоже вполне можно было сделать что-то вроде нашего. И нам пришлось бы бороться с ним — но, к счастью для Германии, этого не случится. Нам больше не нужно бороться с рабочим движением — с тех пор как рабочие отбросили ошибочные представления о демократии, в рамках которой будто бы следует производить революцию. Это решительный поступок, имеющий всемирно-историческое значение: мы были призваны его совершить.

Вы спрашиваете меня, следует ли бороться с личной экономической заинтересованностью, — продолжал Гитлер, немного подумав. — Конечно же, не следует. Где и когда я говорил о чем-нибудь подобном? Бороться с нею — такая же глупость, как, скажем, — запретить половое влечение. Желание приобретать и обладать — непреодолимо. Оно естественно, и оно пребудет вечно. Мы — последние, кто пытался с ним бороться. Но вопрос в том, каким образом мы проявляем и удовлетворяем эти естественные потребности. Речь идет о пределах частных доходов

и частных инициатив, которые устанавливает государство и общество — согласно жизненным потребностям индивидов. И тут я отвечу вам, невзирая ни на какие исследования и мнения ученой братии: нет и не может быть таких пределов, которые можно было бы устанавливать всегда и для всех, руководствуясь каким-нибудь единым принципом. В противном случае потребности государства, изменяющиеся с течением времени и обстоятельств, ограничат и доходы, и инициативу. Без чего можно обойтись сегодня, без того едва ли можно будет обойтись завтра. Ограничение потребностей — не теоретический вопрос, а практический результат складывающихся обстоятельств. Сегодня я считаю что-то правильным, а завтра, при тех же самых условиях, откажусь от этого или придумаю другую формулировку. Не существует такого положения, которое всегда оставалось бы идеальным. Тот, кто связывает организационные хозяйства и общества с каким-нибудь всесильным ученым — просто идиот. Нет никакого равенства, никакой свободы от частной собственности, никакого справедливого вознаграждения и прочих выдумок. И все эти различия между отраслевой экономикой и частным предпринимательством — всего лишь временная забава для бездельников и недоумков".

"А как же пункты вашей программы о земельной реформе, погашении задолженностей и национализации банков?" — спросил я.

"Точно так же! — раздраженно ответил Гитлер. — Сказать вам, в чем дело с этой программой? Одни лишь простофили воспринимают ее буквально, не видя, что это всего лишь декорация на заднем плане нашей сцены. Я не буду изменять эту программу, она рассчитана на массы. В ней указаны некоторые направления нашего движения. Не более и не менее. Это что-то вроде церковной догмы. Разве значение церкви исчерпывается ее догмами или даже всей ее деятельностью, включая ритуал? Массам нужны какие-нибудь фантазии — и они получают прочные, устойчивые формулировки. Только посвященным известно, что нет ничего прочного, все постоянно изменяется. Поэтому я и говорю вам: национал-социализм — формирующийся социализм, который никогда не завершен, ибо находится в процессе вечных перемен".

Мистический треугольник

Если даже великий экономический кудесник Ялмар Шахт

заявляет, что беседа с Гитлером всегда приносит ему глубокое внутреннее облегчение — он чувствует прилив сил, а великие перспективы, каждый раз изобретаемые Гитлером, возвращают ему ощущение значимости собственной работы — если так думает даже старый и умный хозяйственник, то что же оставалось делать мне? Конечно, банальные истины, преподносимые с большой убежденностью, иногда действуют как откровение. Но ПРОСТОТА всегда отличается от УПРОЩЕННОСТИ.

Каким образом я мог использовать все услышанное в своей борьбе против партии? Гитлер дал мне понять, что оказал мне большое доверие, посвятив в свои наиболее сокровенные мысли. Мысли, которые он скрывал даже от собственного гауляйтера, потому что тот все равно не способен их понять. Значило ли это, что я обязан хранить полученное "особое знание" в тайне от толпы и присматривать за бестолковыми устремлениями этой толпы, включая самого гауляйтера? Или "доверие" было всего лишь одним из трюков Гитлера, с помощью которых он подчиняет людей своей воле?

Я спросил Гитлера, что означает треугольник, который рисовал Лей из "Трудового фронта" и некоторые гауляйтеры, чтобы наглядно объяснить будущее социальное устройство Германии. Форстер был не в состоянии растолковать мне эту схему, но очень хвалил ее — говорил, что теперь-то ему все стало ясно.

"Да, я помню, — ответил Гитлер. — Я знаю, что за треугольник они имеют в виду. Одна сторона его — "Трудовой фронт". Здесь все вместе, нет классов, все помогают друг другу. Здесь каждый осознает свой долг, получает поддержку, совет, занятие для свободного времени. Каждый значит ровно столько, сколько любой другой. Здесь царит равенство. Вторая сторона — сословие профессионалов. Здесь каждый сам по себе, каждый имеет разряд, призван трудиться на благо общества соответственно своим достижениям и качеству работы. Здесь все решает мастерство. Здесь каждый значит ровно столько, сколько он умеет. Третья сторона означает партию, в одно из подразделений которой входит любой немец, если партия не сочтет его недостойным. Каждый партиец призван участвовать в руководстве нацией. Здесь все решает самоотдача и сила воли. Все партийцы считаются равными, но должны подчиняться строгой иерархии".

Я сказал, что Форстер пытался рассказать мне при мерно то же самое, но не смог собраться с мыслями. По его словам, треугольник имеет еще одно, мистическое значение: одна сторона символизирует волю, другая — то, что обычно называют

"сердцем", третья — разум.

Гитлер рассмеялся. Он сказал, что не стоит обращать внимания на подобные толкования. Он всего лишь хотел показать, как особые подразделения партии должны контролировать чувства и действия каждого человека. "Партия принимает на себя функцию, которую прежде имело общество — вот что я хотел вам объяснить. Партия — всеобъемлющая сила. Она управляет всей широтой и полнотой жизни. Поэтому необходимо развертывать подразделения партии, которые задействуют жизнь каждой отдельно взятой личности. Всякое действие и всякая потребность личности должны регулироваться обществом, функцию которого выполняет партия. Больше нет своеволия, больше не будет свободного места, где личность была бы предоставлена самой себе. Вот это называется социализм! А всякие мелочные споры о частной собственности на средства производства не имеют к нему никакого отношения. К чему об этом спорить, если я прочно свяжу людей дисциплиной, из рамок которой они не смогут вырваться? Пусть они владеют землей и фабриками, сколько им угодно. Самое главное — что государство распоряжается ими с помощью партии, независимо от того, хозяева они или работники. Поймите, собственность больше ничего не значит. Наш социализм берет значительно глубже. Он не меняет внешнего порядка вещей, а формирует лишь отношение людей к государству, ко всенародной общности. Он формирует их с помощью партии. И я бы сказал точнее: с помощью ордена".

"Однако это новое и весьма суровое учение", — вырвалось у меня.

"Так оно и есть", — ответил Гитлер. Он добавил, что не каждый в состоянии его понять, и поэтому он чувствует, что должен немного популяризовать свои идеи с помощью небольших схем.

"Так значит, все разговоры особо рьяных социально-экономических деятелей нашей партии о приоритете государства, о преимущественном праве государства на владение средствами производства — не более чем пустой звук?" — спросил я.

"Зачем мне размениваться на все эти полумеры, если в моих руках — нечто гораздо более существенное: сам человек! Массы всегда клюют на внешнюю видимость. В данном случае это — национализация, социализация. Как будто что-нибудь изменится, если владельцем фабрики будет называться государство, а не какой-нибудь господин Леман. Но когда все господа директора и высшие чиновники будут подчинены одной общей дисциплине — тогда-то и придет новый порядок, который невозможно описать

прежними словами".

Я ответил, что, в общем, начинаю понимать, какие широкие новые перспективы это открывает перед нами. Однако, если быть откровенным, лично у меня пока что одни неудачи.

"Время личной удачи прошло, — ответил мне Гитлер. — Зато мы скоро ощутим удачу нашего общего дела. Есть ли что-нибудь счастливее национал-социалистического собрания, где все — и докладчики, и слушатели — ощущают себя единым целым? Это счастье единства. С такой интенсивностью его переживали лишь общины первых христиан. Они тоже жертвовали своим личным счастьем ради блага общины. И если мы принимаем и ощущаем великую смену эпох именно таким образом, то нас уже не волнуют мелочи и отдельные просчеты. Мы знаем, что движемся вперед по всем направлениям, как бы далеко они не уводили нас от основного пути. Мы, прежде всего, сохраняем нашу непреклонную волю преобразовывать мир так, как еще не бывало в истории. И у нас есть особое, тайное наслаждение — видеть, как люди вокруг нас не могут взять в толк, что же с ними происходит на самом деле. Они упрямо таращатся на знакомые внешние приметы — на имущество, доходы, чины и порядок наследования. Если все это на месте — значит, все в порядке. Но тем временем они уже вовлечены в новые связи, гигантская организующая сила определяет их курс. Они уже изменились. И здесь им не помогут ни имущество, ни доходы. Зачем нам социализировать банки и фабрики? Мы социализируем людей".

14. ДИКТАТОР ЛИ ГИТЛЕР?

Мой конфликт с данцигской национал-социалистической партией продолжался. Из-за резкого поведения оппозиционеров я был вынужден фактически изменить конституцию. Постоянные выпады против данцигских поляков осложняли проведение компенсационной политики по отношению к Польше. В экономике партия действовала поспешно и бестолково. В правительстве моя позиция оказалась полностью изолированной, так как все коллеги считал и, что ради собственной карьеры лучше пойти навстречу желаниям партии, чем компрометировать себя сомнениями в ее политике. Дошло до того, что после официальных заседаний правительства происходили — уже без моего участия — тайные чрезвычайные заседания, частично аннулировавшие предыдущие правительственные решения. Хотя Данциг был относительно мал, проблемы здесь приходилось решать тс же самые, что и в Рейхе, уже принявшем национал-социалистическую диктатуру. Одни и те же беспорядки и конфликты происходили и в Данциге, и во всей Германии. И у Рейха, и у нас еще был шанс открыть глаза на неестественность положения во всех сферах — экономической, внешнеполитической, военной; и тогда реалистически мыслящие политики могли бы постепенно приобрести вес.

Несмотря на мою изоляцию, я пытался работать. К работе меня побуждало прежде всего внешнеполитическое положение Данцига, грозившее осложниться еще больше.

Однако в борьбе со мной как с единственным препятствием на пути приобщения Данцига к национал-социализму, мои коллеги и партия зашли еще дальше. Они пожаловались на меня Гессу и даже самому Гитлеру. Причиной жалобы было мое отчуждение от партии и антипартийное поведение, вследствие чего я будто бы утратил доверие населения. Гесс несколько раз пытался уладить дело. Я сказал ему, что могу уйти в отставку и тут же занять любой другой пост, если гауляйтер Форстер станет председателем н возьмет на себя полную ответственность за правительство. Я объяснил Гессу, что полная ответственность и давление вполне реальных проблем очень скоро вынудят господина Форстера вернуться к той же политической линии, какую проводил я. Гесс возразил, что Гитлер ни при каких обстоятельствах не одобрит самовольного ухода в отставку. Мой долг — найти общий язык с партией. А Форстер с грубой прямотой, которая все больше входила в моду у лихих деятелей подобного рода, заявил мне: "Я не желаю загадить всю свою

карьеру".

Наконец дело дошло до Гитлера. Он посчитал его настолько важным, что лично допросил обо мне всех данцигских сенаторов. При этом не обнаружилось почти никакого компромата — кроме того, что я (как сообщил мне мой преемник в должности) "действительно" верил в возможность немецко-польской компенсации, вместо того, чтобы рассматривать ее лишь как временное вспомогательное средство. Впрочем, я не участвовал в этом допросе, и мне так и не представилось возможности высказаться по каждому обвинению в отдельности.

Затем Гитлер пригласил меня самого. Это было в феврале 1934-го. Мне предстояло оправдаться. Я сделал это, обрисовав общие условия данцигской политики и сопоставив свою политическую линию с планами партии. На это едва ли можно было что-либо возразить.

Однако Гитлер принялся обвинять меня в том, что я требую полной свободы действий, чтобы заполучить единоличную власть. Он сказал, что политика была бы элементарным делом, вполне доступным для всяких "специалистов", если бы все политические действия определялись лишь материальными причинами. К сожалению, здесь приходится иметь дело в первую очередь с человеческим несовершенством: со злонамеренностью и непонятливостью. Партия не может быть злонамеренной — или я осмелюсь утверждать обратное? Все национал-социалисты, облеченные сейчас политической ответственностью, и не догадываются, насколько они лучше политических деятелей Веймарской республики, которые были не просто непонятливы, но на каждом шагу проявляли самую настоящую взаимную злонамеренность.

Одно из величайших достижений национал-социализма, заключается в том, что он устранил из партийной жизни именно эту черту, отравлявшую всю жизнь нации. Эти злобные интриги фракций, завистливо и ревностно шпионивших друг за другом, думавших не о достижении чего-нибудь существенного, а об укреплении собственных позиций и собственной выгоде.

"Партия доброжелательна. ПАРТИЯ ПОЙМЕТ ВСЕ. Дело лишь в том, как ей объяснить. Если кто-то не может объяснить партии собственное мнение, то либо это мнение еще не ясно ему самому и недостаточно просто, либо это просто не тот человек, который нам нужен. А если человек отчуждается от партии настолько, что она перестает понимать его язык — то в этом всегда виноват только он сам. Поэтому я снова и снова заклинаю вас: говорите! Говорите! Выступайте на собраниях, сохраняйте постоянную эмоциональную связь с партийными массами! Если вы потеряете

эту связь, то несмотря на ваши самые благие намерения, вас никто не поймет. Нам нельзя совершать ошибку, свойственную антинародным буржуазным депутатам, которые организуют два-три агитационных собрания за две недели до выборов, а в остальном не проявляют никакой заботы о своих избирателях. Вполне возможно, наши товарищи просто не понимают некоторых вещей, потому что эти вещи раньше были чужды их сознанию. Но никто не может упрекнуть их, будто они НЕ ХОТЯТ ничего понимать. И поэтому передо мной и перед каждым моим соратником стоит одна задача: постоянно растолковывать нашим партийным товарищам мою точку зрения — пока они не поймут, пока они не станут добровольно следовать за мной. Само собой разумеется, в этой борьбе должны отшлифоваться многие из ваших воззрений: вам придется приспосабливать свое мнение к мнению партии. В том и заключается плодотворность подобного общения. Партия — неподкупный судья. Ваши намерения и ваши идеи могут быть самыми правильными. Но если партия не признает их — ищите вину в себе".

Гитлер говорил громко и уверенно, но не враждебно. Я предусмотрительно заметил, что никогда не ленился разъяснять и растолковать политику, которую считал целесообразной. Но я имею все основания подозревать, что некоторым людям просто невыгодно, чтобы широкая общественность получила понятие об этой политике.

И тут Гитлер прямо-таки набросился на меня. Дескать, он тоже не всегда может делать то, что считает нужным. Ему приходится принимать во внимание желание и степень осведомленности других людей и приспосабливаться к ним. Он взял на себя обязательства и считает нужным строго соблюдать их. И в первую очередь ему приходится принимать во внимание непонятливость стариков, память и восприимчивость которых притупились: со свойственным своему возрасту упрямством они отвергают многое, даже не пытаясь разобраться. Это тоже приходится учитывать, проводя собственную политику. Или я предпочел бы, чтобы Гитлер стал диктатором и делал все что ему угодно? "Я не диктатор, и не буду диктатором", — заверил Гитлер. Даже если в политике удастся ему освободиться от нынешних ограничений — он все равно никогда не будет принимать своевольных решений. Ибо никто не способен выдержать бремя всей ответственности, связанной с такими решениями. По его мнению, я совершенно неверно представляю себе, что такое "руководство". И, подобно многим, путаю руководство с диктатом. "Мы не голосуем и не выносим решения большинством голосов; ибо наша политика постоянно зависит от

партийных масс и от множества внепартийных факторов. Может быть, вы хотите стать более независимым чем я?" Гитлер умерил свой пыл. Он сказал, что диктатуру может установить любой дурак. Если ему повезет. Но такое везение недолговечно. "Вы требуете полномочий. Вы хотите отделиться от партии. А кто даст гарантию, что правы именно вы? И каким образом я сам убеждался бы в собственной правоте, если бы подобно вам, стремился ни от кого не зависеть? Сознание собственной правоты я приобретаю только в постоянном общении с волей партии. И я буду уверен в вас только тогда, когда рядом с вами будут стоять другие люди, будет стоять неподкупная партия и проверять каждый ваш шаг. Если вы заставите этих людей согласиться с вами — я буду знать, что вы на правильном пути. Неограниченных полномочий не существует, и я никогда не стал бы требовать их для себя. Слово "диктатура" — ловушка; диктатура в общепринятом смысле этого слова просто не возможна. Каждый, даже самый отъявленный самодержец вынужден соотносить свою абсолютную волю с действительностью. Если разобраться, все что может человек — это образовывать переменные формы единой Главной Воли. Находясь на посту председателя совета министров, вы можете иногда иметь более абсолютную власть и большую степень независимости чем та, что я имею сегодня или получу когда-либо в будущем.

Диктатор — это просто ярлык, не имеющий реального содержания. Сведение к единому знаменателю всех бесчисленных наблюдений, мнений и пожеланий партии — исключительно трудная задача, которая предстает передо мной снова и снова. Моя первейшая задача — никогда не противопоставлять себя партии. Если мои убеждения расходятся с партийными, — мой долг изменить либо свою, либо ее точку зрения. Но того, чего вы требуете, вам никто не даст. Вы хотите действовать в пустом пространстве, вместо того, чтобы участвовать в борьбе противоположностей, без которой вообще не мыслима никакая жизнь".

Таким образом Гитлер снова проскочил мимо жизненной темы, содержащей вполне конкретные вопросы, и углубился в общие рассуждения о сущности партии.

"Что же такое наша партия, почему мы смогли победить все прочие партии и все демократические парламентские структуры? Они говорят, будто мы избегаем всякой связи с народом. Нет! Мы выбросили на помойку все устаревшие демократические учреждения именно потому, что они уже не способствовали сохранению плодотворных связей со всей нацией. Они вели к

болтовне, к тривиальному обману. Мы устранили паразитов, которые угнездились в этих учреждениях и препятствовали истинному народовластию. Очевидно, "массы" уже сыграли свою роль. "Масс" больше нет, нет человеческого стада, несколько лет назад пьяневшего от ораторских речей. Вместо массы возникает выросшая из нее новая народная общность, нация, проникнутая иерархией и самосознанием — наша Партия.

Партия — неподходящее слово. Мне больше нравится слово "орден". Но оно имеет романтический оттенок. Орден "Молодой Германии" канул в прошлое, и сейчас это слово напоминает людям о церкви. В чем суть нашей партии? У нас право голоса имеет только тот, у кого есть обязанность. Но тот, кто взял на себя эту обязанность, — кто вступил в ряды нашего Ордена, кого сочли достойным, невзирая на его положение в обществе — тот получает не только право голоса, но и право быть услышанным; и его СЛЫШАТ. Мы все время общаемся с этой избранной частью народа. Мы выносим на ее обсуждение все вопросы. Мы проводим такую воспитательную работу, какой до нас не вела ни одна партия. Я никогда не приму ни одного важного решения, не известив об этом партию. Я не могу командовать как Бог на душу положит. Все мои приказания — не самоуправство; они находятся в пределах согласованных с партией, установленных в ходе длительной борьбы. Мы прогрессивнее любого парламента в мире, ибо мы всегда находимся в состоянии референдума и голосования. Только таким образом возникает истинная народная общность. Я завишу от людей с улицы. Но я несу ответственность только перед моими соратниками по партии. Парламентские демократии свободно изменяют общественное мнение, от которого якобы зависят. Я же завишу только от неподкупного суда моей партии".

Гитлер заговорил о величии национал-социалистического движения. Он сказал, что наиболее существенной является форма, которую приобретает сейчас наш народ. Это, прежде всего, дисциплина, которая свяжет всех воедино, а уже потом единая цель и единая программа. Я вынужден признать, что воодушевленная речь Гитлера произвела на меня впечатление. Но, несмотря на это, меня не покидала мысль: что за странный спектакль? Этот человек старался придать благородный вид собственным поступкам, которые в действительности были подчинены далеко не идеальным мотивам. Сознавал ли он, что вводит всех в заблуждение? Или он и сам верил в свою ложь? Думаю, что последнее более соответствует истине. Для того, чтобы уйти от мелочности постоянных конфликтов с партией, Гитлеру приходилось создавать себе вымышленный мир, в

котором он и прятался от повседневности. Находясь в этом мире, он уже не видел того, что творилось в действительности — он видел лишь то, что страстно желал видеть. Его монологи были одержимы целью доказать, будто именно он создал новую форму демократии, будто именно национал-социализм всерьез борется за демократию, выродившуюся при господстве парламентского строя.

Я спросил, не следует ли внести ясность и как можно скорее законодательно определить эту новую форму демократии. Ведь она во многом не согласуется с Веймарской конституцией, которую еще никто не отменял. А при таком положении дел каждый ответственный политик постоянно противоречит своим же собственным обязанностям. Прежний статус уже не имеет силы, а новый предполагает решительные действия и революционное насилие. Новая форма руководства кажется самоуправством вовсе не потому, что она новая, а потому, что не подчиняется никаким законам.

Гитлер решительно возразил мне. Если создавшееся положение можно конституционно оформить, то это значит, что революционные силы уже можно считать исчерпанными. Революционное состояние следует как можно дальше поддерживать открытым, чтобы преждевременно не парализовать творческие силы. Основная ошибка всех законодателей и юристов заключается в том, что они полагают, будто жизнь можно организовать согласно конституции и законодательству. В то время как настоящая жизнь всегда разыгрывается вне конституционного статуса — примером тому судьба хитроумной Веймарской конституции. Искусственные построения насилуют жизнь. Они неизбежно разрушают народный организм, раздражают его, мешают ему расти". Гитлер добавил, что постарается сохранить нынешний порядок вещей как можно дольше. Потому что он не может предвидеть, в каком направлении будет развиваться новая форма немецкого народа. Все должно еще вырасти и созреть. "Я умею ждать, — подчеркнул Гитлер. — Может быть, после моей смерти мои преемники смогут написать законы великой жизни нашей нации. Сейчас время для этого еще не настало".

Далее Гитлер заговорил о реформации Рейха. По его мнению, здесь складывались те же отношения. От него требовали дать Рейху новую конституцию, которая отменит прежние федеральные земли и зафиксирует новое административно-территориальное деление Рейха на гауляйтерства. Но он и не думает спешить с этим. Как художник, он очень точно чувствует,

когда решение созреет. Здесь же еще только-только началось брожение. Кроме того, он сначала должен приобрести такие страны как Австрия и Чехия, получить польские и французские земли, прежде чем из этой глиняной массы действительно можно будет вылепить большую и долговечную форму для нынешней Германии. Должна подняться молодая поросль, должно возникнуть единство старых и новых традиций, старых и новых революционных сил, прежде чем появится конституция — последний мазок на грандиозном полотне завершенного развития. Поэтому ему приходится снова и снова заклинать своих соратников по партии: имейте терпение.

Также должно обстоять дело и с разработкой законодательства. Здесь все еще в движении. Именно из-за этого он избегает облекать новую жизнь в юридические формулировки. Так называемого "естественного права", конечно же, не существует на самом деле. "Право — это инструмент господства. Право — это волеизъявление власти, возведенное в правило". И здесь Гитлер считал себя не диктатором, принуждающим всех подчиниться собственной воле, а строителем. Он сравнивал себя с великими строителями соборов, на протяжении многих поколений возводившими величественное здание, музыка существования которого значила для них больше, чем собственные гениальные произведения. "Я строю новую Германию не как своевольный и по сути своей бесплодный современный художник, а как благочестивый строитель средневекового собора".Гитлер воодушевился. Он совсем забыл причину нашего разговора — мое самооправдание. "Мне нужно десять лет для законодательной работы, — страстно воскликнул он. — Время не ждет. Мне не хватит жизни. А я еще должен командовать нашей освободительной войной. Я должен заложить фундамент, на котором смогут строить другие — те, кто придет после меня. Я не увижу завершения своей работы", — и он замолчал.

Гитлер проводил меня весьма дружелюбно. Я был ошеломлен. Мой собственный вопрос остался невыясненным. Прощаясь со мной, он дал мне еще один совет: "Хочу предостеречь вас от двух вещей. Во-первых, перестаньте возиться с этим буржуазно-националистическим обществом. Не воспринимайте их серьезней, чем они того заслуживают. Время этих господ прошла Буржуазная эпоха завершилась. Эти люди — призраки. И пусть вас не обманывает их так называемая "опытность". Они не понимают нового, формирующегося мира, и неверно толкуют его законы. Эти люди ничем не смогут помочь ни мне, ни вам. Второе, от чего я вас предостерегаю — это Лига Наций и ее представитель у вас в Данциге. Их мир тоже

вымирает. Вам следует увидеть что важная позиция этих людей на деле лишь актерство, вся нарочитость которого станет очевидной, как только представление окончится и вы выйдете на улицу. Освободитесь от всех этих резонов — и тогда вы поймете партию, а партия поймет вас".

Фантазии и действительность

В действительности все выглядело иначе. Партия не была благожелательна и вовсе не хотела меня понимать. Она хотела власти. Каждый партиец хотел играть какую-то роль, хотел любой ценой пробиться наверх, наверх, поближе к солнцу. Каждый старался принять соответствующую позу, надеялся что сверху заметят его успехи и бодрый вид, и он получит поощрение. Тех, кто действовал решительней всех и не имел меркантильных помыслов, ждали чины и благосклонность начальства. Те, кто указывали на существенные недостатки, считались неудобными людьми и оттеснялись на задний план. Так, во взаимном вытеснении элементов, закалялась партия. "Существенные причины" считались устаревшими буржуазными предрассудками. Никто больше не обращал внимания на беспорядок, творившийся в стране. А к тем, кто находился рядом с Гитлером, неприкрашенная действительность едва ли доходила. Каждый в чем-то обманывал своего начальника. "Не соврешь — красиво не расскажешь" — такая старинная поговорка бытовала еще у прусских военных. Но ложь, возникшая в результате подтасовок, вызванных стремлением представить все в лучшем свете перед гауляйтерами или более высокими инстанциями, оказалась непревзойденной.

Подобное имело место повсюду — вплоть до самых высших кругов. Небольшой, но характерный пример: Тодт, Генеральный директор управления автодорог, еще в 1934-м году хотел построить автотрассу через "данцигский коридор", на необходимости которой так настаивал Гитлер. Явно переоценивая мое влияние на польское правительство, он просил меня уговорить поляков, чтобы они разрешили построить нашу дорогу через свою часть возвышенности. Это было политической проблемой первого разряда, решавшейся вовсе не так легко, как наивно полагал господин Тодт. Все же я обещал постараться. Каково же было мое удивление, когда пару месяцев спустя, во время визита к Гитлеру, я услышал от него, что Восточная Пруссия снова стала ближе к Рейху. Строится автотрасса — и так

далее, в тоне неуемного возвеличивания собственных заслуг. Я спросил, как обстоят дела с польской стороной — насколько я знаю, здесь могут возникнуть затруднения. Гитлер сказал, что здесь все урегулировано. Тодт недавно заключил договоре одним известным итальянским специалистом по строительству дорог, который уже имеет твердую договоренность с польским правительством. Когда я возвратился от Гитлера, то обнаружил в своем гостиничном номере приглашение от Тодта. Был уже вечер, когда я зашел к нему в бюро, располагавшееся в то время в старом здании на Парижской площади — я думаю, раньше в нем было дворянское собрание какого-нибудь гвардейского пехотного полка. Тодт показал мне свои планы и карты, огромную сеть дорог, распланированных и частично строящихся. Затем он спросил, как обстоят дела с моими польскими переговорами, и есть ли перспективы, что участок все-таки разрешат построить: в этом особенно заинтересован сам фюрер. Я позволил Тодту высказаться и удостоверился, что все "неоспоримые факты", о которых только что говорил мне Гитлер, на самом деле не существуют. Затем я рассказал Тодту, о чем беседовал с Гитлером сегодня во второй половине дня. Признаюсь, мне доставило особую радость увидеть смертельное смущение на лице этого надутого и важного господина. "Это ошибка, здесь, должно быть, какая-то ошибка", — бормотал он. После этого наш разговор быстро закончился. Тодт действительно ухватился за мое неуверенное согласие прозондировать почву и сделал Гитлеру сообщение, абсолютно не соответствующее реальности — чтобы Гитлер мог быть уверен: все в порядке, автотрасса строится. А она, как известно, не строится и по сей день.

Подобными способами — разве что не всегда так грубо — Риббентропы всех ведомств использовали контакты с Гитлером на благо своей карьеры. Они пускали Гитлеру пыль в глаза. Они из кожи вон лезли, чтобы показать себя особенно старательными, чтобы "упрочить собственное положение". Каждый узнавал, что именно хочет слышать Гитлер и затмевал своих конкурентов и соратников, преподнося фюреру только хорошие и приятные новости, намекая на то, что желаемый успех был достигнут только благодаря ЕМУ.

Немцы, раньше славившиеся деловитостью и прагматизмом, теперь демонстрировали здесь весь цвет своей лживости и холуйства.

Неудобные ситуации не доходил и до Гитлера. Приятно разукрашенные доклады все сильнее и сильнее подталкивали его вперед по ложному пути. Началось с того, что Гитлер стал видеть все меньше трудностей и все больше благоприятных перспектив.

Сперва подчиненные лишь услужливо искажали мелкие нюансы, а затем пустились врать напропалую. Образовалась система, не допускавшая к Гитлеру ни одной новости, способной его расстроить. Никто не решался приносить ему подобных новостей, помня о его неукротимых взрывах ярости. И подобная система сделалась всеобщей. Вскоре она стала обслуживать и прочих партийных властителей.

Данциг стоял на пороге банкротства. Нам нужны были средства, чтобы удержать обеспечение нашей валюты на предписываемом уровне. Рейхсбанк отказал мне в требующейся сумме. Директор кричал, что из-за Данцига провалится весь план вооружения. Тогда один молодой человек, по фамилии Форстер, сверкая нимбом особой благосклонности фюрера, пришел к тому же самому господину и получил требующуюся сумму, и не только ее. И как было Гитлеру и его людям, глядя на это, не прийти к выводу: никаких трудностей нет, нужно только кое-где поправить этих специалистов, и все сразу войдет в нужное русло.

В действительности подобные манипуляции лишь переносили решение проблемы на более отдаленное время. Это продолжалось до тех пор, пока неизбежное все-таки случилось, но за все приходилось платить гораздо дороже. То же самое произошло и с данцигской валютно-финансовой проблемой. Партия не только помешала мне своевременно решить ее, но и сама палец о палец не ударила, как будто в ее распоряжении была волшебная лампа Алладина. Через полгода после моей отставки уже ничего нельзя было спасти; данцигский гульден должен был суммарно обесцениться на тридцать процентов.

Эти валютные проблемы создали противоречие, все больше и больше разрушавшее мои отношения с партией. Через два месяца после моего "оправдания" перед Гитлером, закончившегося его воодушевленной речью о сущности партии, финансовое положение Данцига обсуждалось на малом заседании Совета Министров Германии. Председателем был Гесс, в заседании участвовали Нейрат, Шверин-Крозигк, Шмидт, в то время занимавший пост министра экономики и еще несколько человек. Поразительно, как трудно было этим людям понять особое положение Данцига, которое было неблагоприятно само по себе и стало вовсе безнадежным из-за бестолкового хозяйствования национал-социалистов, которых я никак не мог остановить. Мы уже поплатились за финансовые эксперименты, которые еще только предстояли Германии. Это было подобно волнам, расходящимся на поверхности небольшого пруда от брошенного камня. Они бегут, отражаются от ближнего берега, возвращаются назад, пересекаются, гасят друг друга. Если такой камень бросить

в большой пруд, волнение будет продолжаться значительно дольше, пока не исчерпается само по себе. Данциг уже поплатился за некоторые мероприятия по кредитной экспансии, в то время как Германии они еще только предстояли в далеком будущем. Для господ из Берлина это было в новинку. Все ограничилось дебатами, половинчатыми предложениями, половинчатой помощью. Вывод, который партия сделала из этих событий: деньги можно и впредь тратить как душе угодно. "Деньги не имеют значения".

Тогда, отчаявшись, я добился приема у будущего госсекретаря Кепплера — в то время он был личным референтом Гитлера по хозяйственным вопросам и работал в рейхсканцелярии. Кепплер был инженером и подобно всем инженерам, по крайней мере, в Германии, был по-детски бестолков и наивен во всем, что не касалось его профессиональных знаний — но всегда имел полный портфель изобретений, которые считал очень близкими к воплощению. Я разработал план, как стимулировать экспортную промышленность Данцига. Кепплер посчитал, что все это — пустая трата времени. Самос большее через год Данциг войдет в состав Германии. Рейх обладает такими изобретениями и орудиями власти, что ни одна коалиция в мире не помешает Германии возвратить себе Данциг. Кепплер высказал сожаление, что пока не имеет права говорить о том, что готовит Гитлер. Но если бы я знал об этом столько, сколько знает он, то я, наверное, пустил бы все на самотек и предался ожиданию. Несмотря на это, я все же смог через Кепплера записаться на прием к Гитлеру. Здесь все тоже складывалось не лучшим для меня образом. Я повторил Гитлеру все, что сказал на заседании Совета Министров: если Данцигу не удается максимум за полгода сделать свой платежный баланс положительным, то нам придется девальвировать гульден.

Шверин-Крозигк, однажды находившийся вместе со мной в приемной Гитлера, сказал мне, что Германия тоже не сможет избежать инфляции. Гитлер был согласен на любое скрытое обесценивание денег, он просто не хотел допускать открытой девальвации. Здесь в нем говорил расчетливый демагог, точно знавший, что предложить человеку с улицы, до какой степени можно рассчитывать на его доверчивость, и от чего он начнет терять послушание. Инфляция и продовольственные карточки были для него вершиной непонимания психологии масс.

"Делайте, что хотите", — повторил он и на этот раз, — "но на девальвацию я своего согласия никогда не дам — так же точно я никогда не позволю ввести продовольственные карточки. Ведь

есть так много других средств, пораскиньте-ка своим умом". По его мнению, предыдущая война была проигран именно из-за подобного абсолютного непонимания мироощущения массы, мелких вкладчиков и домохозяек. Он никогда не потерпит, чтобы та же самая ошибка была допущена еще раз, причем накануне новой войны. Гораздо охотнее он бы совсем отменил деньги и ввел вместо продуктовых карточек всеобщую трудовую повинность. Если придется слишком туго, он всегда сможет оправдать подобные меры перед лицом масс. Он может объявить их новым военным социализмом, может пропагандировать их как колоссальный социальный прогресс. И народ поверит ему. Но своему правительству он никогда не позволит связывать имя Гитлеру с мероприятиями, которые однажды уже привели к обнищанию и крушению Рейха. Это возбудит чувства, которые потом обратятся против всего, что делают национал-социалисты. И все доверие будет разрушено за несколько месяцев.

"Каждое государство базируется прежде всего на том, что мелким вкладчикам и домохозяйкам требуется чувствовать себя в безопасности и кому-то верить. Никакое правительство не сможет удержаться, если не сумеет склонить эти категории населения на свою сторону".

Секрет овладения массами

Затем Гитлер заговорил о руководстве массами. Он считал, будто безошибочно улавливает все чувства массы, знает как взбодрить ее и чего следует избегать при любых обстоятельствах. Это уникальный дар, и здесь никто не имеет права что-либо ему возражать. Но одной лишь этой способностью многого не сделаешь. Следует хорошо знать средства, которыми располагаешь. Руководство массами — искусство в самом прямом смысле этого слова. Овладение массами требует напряженной работы. "Мои соперники морщат носы, когда говорят обо мне. Они с завистью спрашивают: откуда у него такой успех в массах? Ведь все эти социалисты и коммунисты уже считали массу своей вотчиной. Они владели аудиторией в залах, они хозяйничали на улицах. И вдруг пришел я и вокруг меня возникло большое массовое движение. Неужели мой успех — всего лишь порождение некритичности масс? Нет, эти господа ошибаются. Кое в чем здесь есть и наша заслуга: ведь мы приложили много усилий, и именно мы создали особую технику работы с массами.

Некритичность масс имеет свои особые преимущества, но эта

некритичность вовсе не такова, как ее себе представляют плоские мозги марксистов и реакционеров. Масса имеет свои органы критики, но они функционируют иначе, чем у отдельно взятой личности. Масса подобна животному, которое повинуется инстинктам. Она не обдумывает и не рассуждает, и если мне удалось запустить мотор самого большого народного движения всех времен, то лишь благодаря тому, что я никогда не поступаю вопреки жизненным законам и мировосприятию массы. Это мировосприятие может быть примитивным, но оно прочно и неискоренимо, как все природные склонности. Такой живой опыт, как эпоха хлебных карточек и инфляции, навеки останется в крови у массы. Схема массового мышления и восприятия очень проста. Все, что не подчиняется этой схеме, вызывает у массы беспокойство. Меня упрекали в том, что я будоражу массу фантазиями, что я привожу ее в экстаз. Эти умники считают, будто наша задача — успокоить массу и содержать ее в тупой апатии. Нет, господа, массе нужно прямо противоположное. Я могу вести массу за собой лишь в том случае, если выведу ее из состояния апатии. Только взбудораженная моими фантазиями, масса становится управляемой. Апатично-немая масса — это величайшая опасность для любого общества. Апатия — это форма самозащиты массы, форма массового протеста. Протест сдерживается до тех пор, пока однажды не выплеснется в какие-нибудь совсем неожиданные поступки и реакции. Государственного деятеля, не принимающего срочных мер при виде массовой апатии, нужно просто отдать под суд!

Я взбудоражил массу фантазии, чтобы иметь возможность сделать ее инструментом моей политики. Я разбудил массу. Я поднял ее выше ее собственного уровня. Я дал ей смысл и функцию. Меня обвиняют, будто я возбуждаю низменные инстинкты масс. В действительности же я делаю нечто иное. Масса никогда не поняла бы меня, если бы я пришел к ней с разными разумными доводами. Но если я возбуждаю в ней соответствующие чувства — она следует элементарным лозунгам, которые я ей даю. Во время массового собрания мышление просто отключается. Мне нужно такое состояние, оно обеспечивает моим речам высокую действенность — и я созываю людей на собрания, где все превращаются в массу независимо от того, хотят они или нет. "Интеллигенция", мещане, рабочие, Я перемешиваю народ, Я говорю с ним как с массой.

"Я сознаю, — продолжал он, немного подумав, — что никто не превосходит меня в искусстве влияния на массы, даже Геббельс. Геббельс имеет все, чего можно достичь умом и ловкостью, но научиться руководить массами — невозможно. И

заметьте: чем больше масса, тем легче она управляема. И чем больше людей — крестьян, рабочих, служащих — смешивается воедино, тем чаще устанавливается типичный характер массы. Не связывайтесь с собраниями интеллигенции и клубами по интересам. То, что внушают здесь путем разума и убеждения, на следующий день сводится на нет оратором с противоположными взглядами. Но все, что вы говорите народу, находящемуся в состоянии массовости, в самом восприимчивом состоянии фанатичной преданности — все это остается как установка, заданная под гипнозом, все это неизгладимо и сохраняется вопреки любым разумным доводам. Но, подобно тому как отдельно взятая личность имеет свои неврозы, которых нельзя задевать, так и масса имеет комплексы, которых никогда не следует касаться. К таким комплексам принадлежит все, что связано с инфляцией и хлебными карточками.

Я легко могу вдохновить массу на еще более тяжелые жертвы. Но я должен дать ей соответствующий способ моральной компенсации. Разве мог бы я думать о войне, если бы сегодня массы пребывали в том же апатичном состоянии, что в 1917-м — 1918-м годах?"

До сих пор мне не удавалось вставить ни слова. " А как же партия, — воскликнул я, — ведь ее задача — разъяснять все массам и каждому отдельно взятому гражданину; разъяснять как личности, а не как частице той же массы".

"Нет, — ответил Гитлер, — по крайней мере, не сейчас. В критические времена масса вырастает повсюду, где собираются десять-двенадцать человек: на улице, на фабрике, в булочной, в метро. Она реагирует на все именно как масса, забывая о здравом смысле и невзирая ни на какие уговоры. А партия несет на себе все давление массы и сама является фактором массы."

И тут Гитлер перешел к совершенно иной (что было особо подчеркнуто) задаче — пропагандистскому разгрому противников. Здесь ни в коем случае не следует допускать путаницы. Овладение массой — это одна чрезвычайно важная задача. Разгром идеологических противников — задача совсем другая. У обеих задач есть одно общее правило: никогда нельзя заниматься обоснованием собственных мнений, опровержением чужих и вообще опускаться до разъяснений или сомнений. Но в остальном пропагандистская борьба с противником преследует иную цель.

"Овладение — это распространение собственной воли на более слабых. Каким же образом я вынуждаю противника подчиняться моей воле? Только расколов, парализовав его собственную волю, только поссорив его с самим собой, повергнув

его в смятение". Гитлер сказал, что представляет себе распространение воли образно, как психобиологическое явление. Как будто в кровь противника проникают инородные тела, укрепляются, вызывают заражение, длительную болезнь — до тех пор пока противник не прекратит всякое сопротивление. Такое вспомогательное средство как террор является незаменимым, но не столько в силу своего непосредственного воздействия, сколько из-за того, что он ослабляет сопротивление противника.

Гитлер еще раз вспомнил о новой войне. По его мнению, основные психологические правила будущей моральной войны должны быть аналогичны вышеприведенным. Мир еще будет поражен тем, что у него припасено на этот случай. По сравнению с гитлеровскими методами, враждебная пропаганда времен предыдущей войны, будет восприниматься как детская игра. Ведя войну, он никогда не ограничится одними лишь временными действиями. Он рассчитывает — если дело вообще дойдет до кровопролития — на внезапное сокрушение противников, которым он сможет диктовать свою волю еще во время войны.

Мысли Гитлера насчет того, что сегодня называют "психологической войной", были известны в кругах "посвященных". Это были тс же самые правила, которыми он пользовался в борьбе за власть. Такая тактика политической борьбы была характернейшей особенностью Гитлера. Можно по праву сказать, что за ней стоял недюжинный психологический опыт и умственная работа. Он постоянно возвращался к этим правилам и, с помощью гауляйтеров, распространял их повсюду — вплоть до самых глухих закоулков.

"Делайте, что хотите, — сказал Гитлер, прощаясь со мной. — Но ни слова о девальвации или об инфляции. Впрочем, массы едва ли отличают одно от другого".

15. ЧЕРНАЯ И БЕЛАЯ МАГИЯ

Одна умная женщина из круга знакомых Гитлера однажды, заметив его заинтересованность, предостерегла его: "Мой фюрер, не выбирайте черную магию. Сегодня для вас открыты и белая, и черная магия. Но если вы хоть раз решитесь прибегнуть к черной магии, она уже никогда не уйдет из вашей судьбы. Не выбирайте быстрый и легкий успех. Вам открыта власть над миром чистых духов. Не позволяйте существам, связанным с землей и похищающим вашу силу, отбить вас с истинного пути".

Иногда Гитлер любил подобные мистические разговоры. Любые Серьезные предостережения ему возможно было преподнести только в такой форме. Та умная женщина по-своему выразила то, что должен был ощущать каждый, кто общался с Гитлером: Гитлер отдался силам, которые влекут его за собой. Силам мрачного и разрушительного насилия. Думая, что еще обладает свободой выбора, он уже давно предался власти колдовства, которое не без оснований и вовсе не в переносном смысле можно было назвать демонической магией. И вместо того, чтобы, поднимаясь наверх, ступень за ступенью, освобождаться от наслоений темного прошлого и становиться свободнее и светлее — он с каждым шагом явно становился все более одержимым, все более скованным, порабощенным, бессильным, жертвой сил, которые одолели и не отпускают его.

Была ли у Гитлера возможность пойти иным путем? На это уповали многие из тех, кто был с ним лично знаком. Многие из нас надеялись, что перемена наступит — даже тогда, когда уже было поздно на что-либо надеяться. Ни о чем не думали лишь те люди, с помощью которых он взобрался наверх, и которые теперь висели на нем, как свинцовый балласт темного прошлого. Их мысли о будущем омрачало только одно опасение: как бы Гитлер не сбросил их обратно, в темноту, откуда они с таким трудом выбрались. Можно только представить себе, сколько людей доброй воли оказалось бы в партии, какими силами мог бы располагать Гитлер, если бы вокруг него не толпились эти отпетые бандиты. Но истинной причиной того, что Гитлер оказался на пути в пропасть, была слабость его воли. Впечатление волевого человека, производимое Гитлером, обманчиво. По сути своей он слаб и апатичен: ему требуется специально возбуждать свои нервы, чтобы преодолеть хроническую сонливость и совершить судорожный выплеск воли. Он выбрал самый легкий путь — падение; он отдался силам, которые влекут его вниз.

Некоторые беседы с ним свидетельствовали о том, что он,

очевидно, имел представление о своей истинной задаче. Но такие беседы напоминали бегство в нереальный мир, где он восстанавливал утраченное самоуважение. На самом деле, решение уже давно было принято. То, что Гитлер еще имел свободу выбора, было иллюзией — даже если в нем самом еще сохранялись задатки для более высокого развития. Он подчинился закону свободного падения, и падение как будто вело его к вершинам власти, но на самом деле — втягивало во все более и более глубокую зависимость.

Гитлер — не диктатор. Но он и не соломинка, плывущая по течению. Он всегда умеет оказаться на стороне сильного. Он неоднократно повторял, что слабых нужно выбирать в противники, а сильных — в союзники. Это звучит весьма банально, но в этом — суть любой политической работы. И вот чего Гитлер избегал прежде всего: он никогда не противопоставлял себя своими гауляйтерами. Каждый из этих людей был в руках Гитлера, но все вместе они держали Гитлера в своих руках, и он умел вести себя с ними таким образом, что при возникновении разногласий большинство всегда было на его стороне. Секрет его руководства заключался в том, что он наперед знал, как решит большинство гауляйтеров и соглашался с этим решением еще до того, как гауляйтеры успевали что-либо сказать. Таким образом он всегда оказывался прав, а возражающие — неправы. Гауляйтеры ревностно следили за соблюдением собственных прерогатив. Они никого не допускали в свой круг. С твердым единодушием они отвергали все попытки ограничить их права или их независимость. Гитлер был зависим от них. И не только от них.

Гитлер — не диктатор; силы, скрывающиеся за его спиной, движут им, часто даже помимо его воли. Итог действия этих сил — его постоянное продвижение вперед. Из его политики получилось нечто совсем иное, чем он представлял себе вначале. Он подвел черту под суммой сил и стал их общим знаменателем. Он остался наверху, но потерял независимость в принятии решений.

Мои собственные отношения с партией зашли в тупик. После моего возвращения из Женевы партия потребовала отменить данцигскую конституцию, начать борьбу за освобождение от опеки Лиги Наций и проводить бесцеремонную политику в отношении Польши. Для начала я должен был арестовать нескольких католических священников, распустить социалистическую партию и принять определенные меры против еврейского населения. Я отказался. Со своей стороны, я потребовал срочно девальвировать гульден и объединить усилия

правительства для борьбы с тяжелым экономическим упадком. Я запросил решение Гитлера.

Гитлер отсиживался на Оберзальцберге и ни с кем не хотел разговаривать. Я ждал его в Берлине. В особом меморандуме я изложил основные направления политики, единственно возможной сейчас для Данцига. Так как партия не оказывала мне никакого содействия, я попытался передать Гитлеру этот меморандум вместе с просьбой о встрече через министра иностранных дел фон Нейрата. Нейрат охотился на косуль. Мой вопрос его не интересовал. Кроме того, поддерживать "скомпрометировавших" себя лиц было рискованно. Я попытался заинтересовать своим делом госсекретаря фон Бюлова. Он пообещал сделать все, что в его силах. Но я знал, что какие-то дальнейшие перспективы для осуществления моей политики имеются лишь в том случае, если я встречусь с Гитлером раньше, чем Форстер.

Я не знаю, попал ли мой меморандум в руки Гитлера. Даже если это случилось, то Гитлер вряд ли его читал. Гитлер не читал ни донесений, ни меморандумов. Разве что Ляммерс мог доложить ему о нем. Но Форстер все равно встретился с Гитлером раньше, чем я. Данцигского гауляйтера охотно принимали на Оберзальцберге.

Гитлер капитулировал перед собственным гауляйтером. Гитлер не принял меня для обсуждения моей записки. Тем самым мне было указано на дверь. Я отступил.

Гитлер много раз оказывал мне свою особую благосклонность. В долгих беседах он говорил мне многое из того, что наверняка не достигало ушей некоторых его гауляйтеров. Но оказалось, что он не был способен вырваться из паутины, связывавшей его со старыми товарищами. Он отдался в их руки. И он даже не мог воздать кому-нибудь должное, если его собственные гауляйтеры были против. В Берлине этого положения еще не замечали. Здесь еще долго питали те же иллюзии, которые в свое время были у меня: будто Гитлера можно вызволить из рук его "соратников" и его политика сможет приобрести большую зрелость и постоянство. Здесь, в Берлине, многие еще полагали, будто сидя на местах и ожидая перемен, они выполняют патриотическую миссию. Но все их старания были напрасны. Озабоченные судьбами родины, эти люди один за другим теряли свое мнимое влияние и вынуждены были капитулировать перед гитлеровским "кругом". Сегодня они — презренные "специалисты", мнение которых не имеет никакого веса.

Тогда, в осенние дни 1934-го, пока я еще не принял решение, я жил в христианском приюте в Берлине. В отеле, где я привык

останавливаться, на этот раз было слишком много шпиков. Я сказался больным. Я знал, что ждет меня в этом отеле. Не исключено, что я уже никогда не смог бы возвратиться домой. Я попытался сделать все, что было в моих силах. Я сообщил некоторым наиболее влиятельным гражданам Данцига — в основном, тем, кто занимался вопросами экономики — о грозящей опасности и попытался добиться, чтобы они изложили все, что я слышал от них в личных беседах, в виде совместной жалобы на бесхозяйственность национал-социалистов. Это было необходимо, чтобы приобрести репутацию борца за политику разума, чтобы речь шла не просто о каком-нибудь обыкновенном личном соперничестве. Но в вольном городе Данциге не нашлось ни малейшего следа былого независимого ганзейского духа. Каждый, к кому я подходил со своей просьбой, не думал ни о чем, кроме собственной безопасности, и опасался "поставить не на ту лошадь". Эта внутренняя нестойкость немецкой буржуазии определила дальнейшую судьбу Германии. Возможно, что Гитлер лишь по своему исполнил неизменный приговор суда истории: ликвидировать немецкую буржуазию, так и не поднявшуюся до элементарных начал политического и духовного самосознания.

Поддержку я получил совсем с другой стороны. Все возможные соперники моего будущего преемника находили меня и предлагали свою помощь. Таким образом они пытались выдвинуться на первый план. Они советовали мне оставить в покос человека, которому Гитлер столь доверял и разделаться с другими, менее важными противниками, чтобы снова обрести точку опоры. Типичная национал-социалистическая тактика. Эти люди смотрели на все только с точки зрения борьбы за приобретение чинов и вытеснение соперников. И еще одна сторона была бы очень довольна, если бы я ликвидировал "партийное хозяйство" в Данциге: я имею в виду рейхсвер. Один очень известный генерал воодушевлял меня прекратить это безобразие и показать пример всей Германии. Ведь я мог бы выслать этого гауляйтера из Данцига как неблагонадежного иностранца, арестовать всех главных партийных крикунов, организовать новое временное правительство на самой широкой основе и использовать профсоюзы как платформу для организации и вооружения рабочих отрядов самообороны. Такой шанс действительно существовал. Но это дело требовало совсем иной последовательности. Я не мог одновременно призывать оппозицию к соблюдению конституции и к государственному перевороту. Кроме того, через несколько недель мы потерпели бы финансовый крах, потому что не смогли бы обеспечивать собственную валюту без поддержки Рейха. В то время национал-

социализм в Данциге можно было победить лишь легальным путем. И полгода спустя, это едва не случилось. Несмотря на большой террор со стороны партии новые выборы принесли национал-социалистам чуть-чуть больше половины голосов. Лига Наций могла бы отменить результаты этих выборов из-за допущенных незаконных приемов и организовать повторные выборы. Результатом была бы убедительная победа оппозиции. Но эта возможность была упущена.

Все это были лишь фантазии. Печальной судьбой Германии суждено было идти своим путем. Каков будет этот путь, нетрудно было предвидеть, зная субъективные условия, сложившиеся в ее руководстве. Гитлер избегал принимать решение. Фон Нейрат объяснил мне, что фюрер не имеет права выносить распоряжений насчет Данцига. Данциг — независимое государство, нельзя вмешиваться в его внутренние дела. Таким вот образом, безо всяких фантазий, Гитлер отклонил весьма неприятное требование Данцига.

Больной, в горячке, в полной изоляции я сидел в Берлине, зная, что гиммлеровские убийцы могут убрать меня в любую минуту. Мрачное будущее Германии, в котором были виновны все мы, ошибавшиеся и напрасно терявшие время, тяжелым грузом давило на мои плечи. В отчаянии я взял с ночного столика Евангелие, которое есть в любом немецком приюте, раскрыл его, и мой взгляд наткнулся на обнадеживающие слова: "Но они немного успеют, ибо их безумие обнаружится пред всеми". Я прочитал текст до и после стиха: о людях самолюбивых, гордых, надменных. О тех, кто от истины отвратил слух и обратился к басням, кто избирает себе учителей, которые льстили бы слуху.

Магия, знание и совесть

Черная и белая магия: Гитлер был типичным изгоем, пораженным всеми пороками поверхностного знания. Он принадлежит к людям, изгоняемым со всех высот духовной традиции, которые хватаются за первый попавшийся духовный суррогат и держатся за него с яростной цепкостью, чтобы не свалиться в пустоту. Кроме того, и его не миновала общегерманская "жажда недостижимого". Каждый немец стоит одной ногой в сказочной Атлантиде, где он имеет, по меньшей мере, родовое поместье. Эта двойственность немецкой натуры, способность жить в двойном мире снова и снова накладывая воображаемое на реальность — все это особым образом

отразилось в личности Гитлера и его магическом социализме. Все эти маленькие люди, изуродованные и тоскующие, не нашедшие истинного содержания для своей души: нудисты, вегетарианцы, "садовники Эдема", противники прививок, безбожники биосферы, реформаторы жизни, абсолютизирующие свои фантазии и пытающиеся создать религию из собственных чудачеств, могут надуть своими тайными желаниями большой партийный дирижабль, и на этом огромном воздушном судне, подобно новому воздухоплавателю Джаноццо, взлететь гораздо выше, чем они до сих пор взлетали на своих тайных сборищах. Эти хилые и узкогрудые поклонники изувеченной романтики, этот фанатизм мелких сектантов, у которых перехватывает дух от ненависти и сознания собственной правоты, движет великим общим фанатизмом партии и хранит ее как живое воплощение общих мечтаний. Для всех отверженных национал-социализм — прежде всего "мечта о великой магии". И Гитлер — первый среди этих отверженных. Таким образом он стал "мастером великой магии" и "жрецом тайной религии".

Приближенные Гитлера все больше и больше превозносили его великого мага, значение которого гораздо выше значения великого государственного деятеля. И он ощущал себя магом — во время великого экстаза собственных речей и во время одиноких прогулок в горах. Но затем наступают долгие часы бессилия, ион чувствует себя униженным и слабым. В такие часы он раздражен, вял и боится принимать решения. И во всех беседах он пытается искусственным путем добиться хотя бы слабой тени творческого состояния. Для этого ему нужны слушатели. Он чувствует себя свободным, если ему удается взлететь над пустотой духовного истощения.

В подобном настроении Гитлер иногда особенно охотно дарил мне свои мысли о духе и морали. Это был неверно понятый Ницше, это были популяризованные идеи, находившиеся в центре внимания одного из направлений современной философии. Гитлер провозглашал это с пророческими жестами и творческим вдохновением. Казалось, он убежден, будто это его собственные идеи. Он не знал их происхождения и считал что обязан ими только самому себе и озарением во время своего уединения в горах. Вот фразы, которые я записал для себя — исходная связь между ними сохранена не везде, среди них есть отрывки из разных разговоров.

"Мы находимся в конце эпохи разума. Дух сделался самовластным и стал болезнью жизни.

Наша революция — это не просто политический и социальный переворот; мы стоим перед гигантским переворотом

моральных понятий и духовной ориентации людей.

Наше движение завершает первую эпоху — эпоху средних веков.

Мы завершаем ошибочный путь человечества.

Скрижали с горы Синай уже недействительны.

Совесть — жидовская выдумка. Что-то вроде обрезания, окорачивание человеческой сущности.

Наступает новая эпоха магического истолкования мира, истолкования с помощью воли, а не с помощью знания.

Истины не существует — ни в моральном, ни в научном смысле.

Мысль о свободной непредвзятой науке могла возникнуть только в эпоху либерализма. Она абсурдна.

Наука — социальный феномен, и подобно каждому такому феномену, она ограничена пользой и вредом, которые она может принести обществу.

Под лозунгом "объективной науки" собрались профессора, желающие освободиться от надзора государственной власти, который, между прочим, им просто необходим.

То, что называют кризисом науки — ничто иное как осознание самими же господами учеными, что со своей объективностью и независимостью они стоят на неверном пути. Простой вопрос, встающий перед каждой ученой шайкой, звучит следующим образом: для КОГО собирать знания? КОМУ угодно ориентироваться в окружающем мире? Поэтому всякой науке непременно свойственно ориентироваться на определенную разновидность людей и определенную эпоху. Скорей всего, существует нордическая и национал-социалистическая наука, которые должны быть прямой противоположностью либерально-еврейской науке, вовсе не выполняющей своей функции, а заботящейся лишь о собственной славе. Сущность мира познается лишь в чувственном экстазе и в действии. Я не люблю Гете. Но ради одной фразы я готов простить ему многое. "В начале было Дело". Только действуя, человек проникает в сущность мира. Люди злоупотребляют своим рассудком.

Это вовсе не средоточие особой ценности человека, а всего лишь вспомогательное средство борьбы за существование. Человек находится здесь, чтобы действовать. Только будучи действующим существом, он выполняет свое природное предназначение. Созерцательные натуры, обращенные в прошлое, подобно всем "носителям духовности" — мертвецы, которые упустили смысл жизни.

Именно мы, немцы, вечно погруженные в размышления и мечты, должны отыскать дорогу к великой истине, гласящей, что

лишь действие и вечное движение придают человеческой жизни смысл.

Любое действие имеет смысл, даже преступление.

Любая пассивность, любая инертность — бессмысленны, они враждебны жизни. Поэтому существует божественный закон: уничтожать инертных.

Понятие "преступления" родом из побежденного мира. Существует положительная и отрицательная активность. Любое преступление (в прежнем смысле этого слова) гораздо выше мещанской невозмутимости. Действие может быть отрицательным в общепринятом смысле; такому действию следует воспрепятствовать. Но все-таки это действие.

Нужно с недоверием относиться к духу и совести — и верить своим инстинктам. Нам следует возродить простодушие и непосредственность.

Нас объявляют врагами духовности. Да, мы ее враги. Но в гораздо более глубоком смысле, чем могут представить себе эти чванливые мещане от науки.

Я благодарен своей судьбе за то, что она уберегла мои глаза от шор, раздаваемых в привилегированных государственных заведениях путем так называемого научного образования. Я смог остаться свободным от многих примитивных предубеждений. Сегодня это идет мне на пользу. Я встречаю все холодно и непредвзято.

Предопределение начертало мне стать величайшим освободителем человечества. Я освобожу человека от духовности, ставшей самоцелью, от грязных и унизительных самоистязаний — химеры, называемой совестью и моралью, и от претензий на свободу и личную независимость, до которых всегда дорастают лишь немногие.

Христианскому учению о бесконечно большой значимости каждой человеческой души и личной ответственности я с холодной ясностью противопоставляю освободительное учение о ничтожестве и незаметности каждого человека и его загробной жизни по сравнению со зримым бессмертием нации. Вместо догмы об искупительных муках и смерти божественного мессии — искупительная жизнь и деятельность нового фюрера-законодателя, освобождающая массы верующих от бремени свободы выбора".

Подобные слова, подкрепленные авторитетом признанного вождя, произносились где-нибудь посреди беседы и производили на слушателей впечатление глубочайшего откровения. Но если кому-нибудь эти слова казались знакомыми, и он заявлял, что у Гитлера здесь были предшественники, или что подобную мысль

уже высказывал такой-то философ — Гитлер воспринимал это как личную обиду. Он хотел быть единственным автором бессмертных высказываний не имеющим предшественников или вдохновителей. Если кто-то указывал ему на аналогичные идеи, он видел в этом унижение собственного величия. Подобно всем самоучкам, он не сознавал, что его мысли, казавшиеся ему таинственным откровением, были зависимы от всей духовной атмосферы прошлого — это были ее ростки, распускавшиеся в нем ежедневно. Но он отрицал любые сравнения с другими не только из-за своеобразной ревности: он ненавидел всех предшественников и единомышленников за то, что они, несмотря на кажущееся подобие, высказывали свои идеи совсем в другой связи. И действительно, никто кроме Гитлера не делал из этих идей таких революционных выводов, никто не объединял духовность и социальность, политику и мораль в подобную единую картину глобальных перемен. Оригинальность его мировоззрения выражалась именно в этом сложении всех революционных событий современности в единую картину тотальной революции. Что именно он подразумевал под этими глобальными переменами, оставалось неясным. То, что он говорил о своих представлениях, выглядело не слишком оригинально. Но можно было почувствовать, что, преувеличивая собственное значение, он нарочно приближается к той границе, которую уже переступил Ницше, объявив себя Дионисом, антихристом во плоти.

Насколько глубже проявлялось презрение к духовности и науке среди сподвижников Гитлера, я понял из небольшой беседы с Гиммлером. Шеф гестапо и СС в свое время окончил гимназию. Он умел выражаться точнее и грубее чем Гитлер. Однажды вечером он побывал у меня в Данциге. Он пришел с целой толпой эсэсовцев, все они вели себя довольно шумно. Среди них был юный князь Донна-Шлобиттен — он имел честь служить Гиммлеру шофером во время его инспекторской поездки в Восточную Пруссию. Едва ли было приятно смотреть, как старое дворянство унижается до того, что начинает прислуживать этому бандиту.

Гиммлер навестил меня из-за одного профессора древней истории, который преподавал в Данциге и Кенигсберге. Этот человек обвинялся в том, что высказывал определенные научные идеи о первобытной истории германцев и о древности их культуры. В то время всеобщее внимание привлекала одна в высшей степени идиотская книжонка, фальшивка, очевидная для всех и каждого — так называемая "Хроника Уралинды". Если верить ей, то германская история уходила своими корнями в бог

весть какие далекие времена. Из нее опять-таки явствовало, что наши германско-тевтонские предки были истинными творцами высшей культуры. Профессор, кроме всех своих прочих грехов, еще и оценил эту книгу по заслугам. И такому научному неповиновению я должен был строжайшим образом воспрепятствовать. Гиммлер лично вышвырнет этого профессора из Кенигсберга и Бреслау. А я должен позаботиться об этом в Данциге. "Что вообще позволяют себе эти господа! — возмущался Гиммлер. — Их научные взгляды никого не интересуют, это их личное мнение — пусть держать его при себе. Если государство или партия высказывают какое-либо мнение в качестве желательной отправной точки для научных исследований, то оно просто должно считаться научной аксиомой и не допускать никаких кривотолков, а тем более злонамеренной критики. Нам все равно, так ли в действительности происходила древняя история германских племен, или иначе. Ученые исходят из понятий, которые меняются каждые несколько лет. И никакого значения не имеет, если понятия, определенные партией в качестве отправной точки вначале будут противоречить мнениям, принятым в научных кругах. Единственное, что касается нас и за что мы платим этим людям — исторические представления, укрепляющие в нашем народе столь необходимую национальную гордость. Во всем этом весьма сомнительном предприятии у нас один интерес — спровоцировать на далекое прошлое наши представления о будущем немецкого народа. Весь Тацит со своей "Германией" — тенденциозная писанина. Наша германистика веками питалась этой фальшивкой. И мы имеем полное право заменить одну фикцию другой. Первобытная история — это наука о выдающемся значении немцев в доисторическую эпоху".

В среде мечтателей и верующих сектантов снова возникла мысль о закате рационалистической науки, восторженно объявленном великим возвращением культуры из эона разума и сознания в эон "сомнамбулической уверенности", иррациональной магии. Я слышал этого странного профессора Вирта, издателя вышеупомянутой "Хроники", написавшего несколько своеобразных книг о "рассвете человечества", исследователя примитивной символики древнейших времен, дошедшей до нас в иероглифах и рисунках. Гитлер интересовался этими изысканиями. Вирт делал доклады на собраниях, где под руководством бывшего дипломата фон Леерса, обсуждались основы нового религиозного сознания и зарождающейся новой культуры. Здесь говорили, что человечество стоит на пороге нового дня. Все, что имело значение прежде, принадлежит уходящей ночи. Только наидревнейшие воспоминания из

доисторических времен человечества смогут помочь нам в новую эпоху, рассвет которой уже наступает.

Гитлер, Вагнер, Гобино

Гитлер не признавал никаких предшественников. За исключением Рихарда Вагнера.

Однажды Гитлер спросил меня, бывал ли я в Байрейте. Я ответил, что в молодости очень увлекался музыкой и много раз бывал в Байрейте, кроме того, я серьезно изучал музыку в Мюнхене. Я был учеником Туилле.

Гитлер сказал, что речь пойдет не о музыке. Он тоже знает Туилле и всех этих неоромантиков. Добротная музыка, но не более того. Никто из этих эпигонов не знает, чем в действительности является Вагнер. Гитлер сказал, что имеет в виду не просто его музыку, а все его революционное учение о культуре, вплоть до мельчайших, самых незначительных подробностей. Знаю ли я, например, что Вагнер считал употребление мяса причиной многих упадочных явлений в нашей культуре? И если сам Гитлер сегодня воздерживается от мясных блюд, то это не в последнюю очередь связано с тем, что сказал о них Вагнер. Многое в нашем культурном упадке берет свое начало в нашем кишечнике: в хронической зашлакованности, в отравлении жизненных соков, в опьянении. Гитлер воздерживается от мяса, алкоголя и мерзкой привычки к табаку не ради собственного здоровья, а из глубочайшего убеждения. Но весь мир еще не созрел для этого. Вагнер воистину заявил о вечном трагизме человеческой судьбы. Он был не просто композитор и поэт. Он был величайшим пророком, поразившим немецкий народ своей одержимостью. Гитлер рано столкнулся с Вагнером — случайно или благодаря провидению. Едва ли не истерическое возбуждение вызывал у него тот факт, что все свидетельства о духе этого великого человека соответствовали его глубочайшим, бессознательным, сомнамбулическим озарениям.

"Вопрос в том, как прекратить упадок нашей расы? Не следует ли совершить то, о чем говорил граф Гобино? Да, мы уже сделали соответствующие политические выводы: никакого равенства, никакой демократии! Но можно ли предоставить народным массам идти своим путем — или их нужно удерживать? Не следует ли создать избранный круг знающих истину? Орден, братство посвященных, рыцарей святого Грааля

чистой крови?"

Гитлер задумался. "Нужно понимать "Парсифаля" иначе, чем его толкуют сейчас некоторые тупицы, вроде этого Вольцогена. За безвкусной, по-христиански причесанной внешней фабулой, напоминающей мистерию о Страстях Господних, можно разглядеть истинную суть этой глубочайшей драмы. Здесь освящается не христиански-шопенгауэровская религия страдания, чистая, благородная кровь, ради освящения и поддержания чистоты которой собралось братство знающих. Вот король, страдающий неизлечимой болезнью от испорченной крови. И вот незнающий, но чистый человек стоит перед выбором, предаться ли ему в волшебном саду Клингзора страстям и опьянению прогнившей цивилизации — или присоединиться к избранным рыцарям, хранящим тайну жизни и чистую кровь. Как сможем мы очиститься и искупить свою вину? Заметьте: сострадание, приводящее к знанию, годится лишь для внутренне испорченной, раздвоенной личности. И это сострадание знает лишь одно действие: позволить больному умереть. Вечной жизни, даруемой Граалем, достойны лишь истинно чистые, лишь благородные!"

"Мне глубоко близок ход мыслей Вагнера, — продолжал Гитлер более оживленно. — Я возвращаюсь к нему на каждой ступени моей жизни. Только новая аристократия может принести нам новую культуру. Если отряхнуть весь налет поэзии, то окажется, что избранничество и обновление возможны лишь в постоянном напряжении длительной борьбы. Завершается процесс всемирного разделения. Тот, кто видит смысл жизни в борьбе, постоянно поднимается до уровня новой аристократии. Тот же, кому требуется рабское счастье, покой и порядок, опускается в безликую массу, какого бы благородного происхождения он не был. А масса обречена на упадок и разложение. В нашу эпоху революционного переворота масса является суммой упадочных культур и их вымирающих представителей. Нужно просто позволить ей умереть, вместе со всеми ее королями Амфортасами", — и Гитлер напел тему "Durch Mitleidloissend".

"При естественном порядке, — продолжал он, — классы, народы, наслаиваются друг на друга, вместо того, чтобы существовать рядом друг с другом. И мы вернемся к естественному порядку, как только ликвидируем последствия либерализма. Уже в позднее средневековье началось либералистское разложение прочных сословных барьеров, охранявших единоличное господство аристократии чистой крови. И вот, наконец, в наше бесславное время все ценности извращены, и неполноценные составные части европейских наций оказались

наверху, а наиболее ценные — внизу".

"В таком случае стоило бы создать новый феодальный порядок", — подытожил я.

Гитлер не согласился со мной. Он сказал, что мне следовало бы оставить в покое всю эту смехотворную терминологию. "Не подходите ко мне с такими примитивными мерками. Подобные понятия принадлежат полностью умершей эпохе. Следует иметь фантазию, чтобы ощутить величие грядущего. Но если создать благоприятную ситуацию для аристократической крови, то человек великой расы поднимается все выше и выше. Примером тому наше движение. Создать и поддерживать такую ситуацию — вот великое политическое предварительное деяние фюрера-законодателя".

Я заметил, что уже однажды слышал от него, будто эпоха обычного национализма прошла, и спросил, правильно ли я его понял.

"Понятие нации стало пустым. Мне еще придется иметь с ним дело, по исторически обусловленным причинам. Но я с самого начала буду сознавать, что это может обеспечить мне лишь временную значимость. "Нация" — это политическое орудие демократии и либерализма. Мы должны снова упразднить это ложное понятие и заменить его понятием породы, которое еще не затаскано политиками. Ключевым понятием будущего станет не "народ" — это понятие давно ушло в прошлое, и поэтому перестраивать и уточнять нынешние границы населенных областей просто бессмысленно. На первый план выйдет скрытое за ним понятие породы".

Я хотел было возразить, что в Германии это будет очень трудно. Гитлер кивнул мне: "Конечно, я лучше всех этих высоколобых интеллектуалов знаю, что в научном смысле человеческих пород не существует. Но вы занимались сельским хозяйством и животноводством и знаете, что без понятия породы едва ли можно упорядочить результаты селекционной работы. И мне как политику нужно понятие, которое позволит мне разрушить порядок, до сих пор основывавшийся на исторических связях, а затем стимулировать и теоретически поддержать новый антиисторический порядок. Вы понимаете, что я имею в виду?" — здесь он прервался. — Я должен освободить мир от его исторического прошлого. Нации — это наглядные формы нашей истории. Значит, мне следует переплавить эти нации в образования высшего порядка, если я хочу стряхнуть с себя хлам превратившегося в абсурд исторического прошлого. И для этого мне вполне подходит понятие породы. Оно разрушает старые связи и дает возможность создать новые. С помощью понятия

"нации" Франция вынесла великую революцию за свои границы. С помощью понятия "породы" национал-социалисты возглавят революцию, которая преобразует весь мир.

Подобно тому, как понятие "нации" было революционным в эпоху всех этих династически-исторических феодальных государств, подобно тому, как оно подготовило введение биологического термина "народ" — так и наша революция будет еще одним шагом, или даже последним шагом к преодолению историзма и признанию чистой биологической ценности. И я начну новый отбор — по всей Европе и по всему миру; пример такого отбора уже продемонстрировал германский национал-социализм. Во всех нациях, даже в самых древних и прочно сбитых, разыгрываются процессы распада и перераспределения. Активная часть нации, нордическая, готовая к борьбе, восстанет вновь истанет господствующим элементом над этими торгашами и пацифистами, этими пуританами и делягами. От этой революции, которая будет прямой противоположностью французской революции, демократов не спасет никакой жидовский бог. Для них наступят тяжелые времена. Об этом уж я позабочусь. Устоят лишь твердость и мужество. И мир получит новый закон. И когда-нибудь мы объединимся с этими новыми людьми в Англии, Франции, Америке. Конечно, в том случае, если они включатся и будут добровольно сотрудничать в гигантском процессе всемирного перераспределения. И тогда уже от нашего местного национал-социализма останется очень немного — даже у нас в Германии. Но для этого нужно, чтобы между разноязыкими представителями единой породы господ существовало взаимопонимание".

Вечный жид

Только с такой позиции можно понять антисемитизм Гитлера. ЕВРЕЙ — ЭТО ПРИНЦИП. Между взглядами Гитлера, порнографиста Юлиуса Штрайхера и простых эсэсовцев или штурмовиков много общего, но все же много и различий. Для большей части национал-социалистической руководящей клики "расовое учение" или "учение о породах" — всего лишь выдумка Адольфа. Уничтожение евреев для них лишь способ воспитания революционных разрушителей. С евреями им позволено делать то, что они охотно сделали бы со всей буржуазией. А во всех антисемитских мероприятиях есть изрядная доля стремления перенести революционные страсти на относительно безобидный

объект. Для Штрайхера и его единомышленников антисемитизм не просто доходное предприятие, но и повод удовлетворить собственные грязные вожделения. Нельзя сказать, чтобы в широких массах немецкого народа действительно существовал глубокий антисемитизм. Но все же существует определенная неприязнь, которая иногда может заходить довольно далеко. Насколько я убедился, большинство партийцев не принимало антисемитские лозунги национал-социализма всерьез и, во всяком случае, не ожидало никаких решительных мер против евреев. Когда в Германии, 1 апреля 1933-го состоялись первые планомерные акции против евреев, я находился в Данциге. У нас не произошло ничего подобного, но многие старые партийцы звонили мне и спрашивали, не собираюсь ли я дать "добро" на проведение погромов. Они говорили, что, не задумываясь, прекратят сотрудничество с партией, если эти омерзительные акции повторятся в Германии или пройдут в Данциге. Они представляли себе борьбу за освобождение Германии совсем иначе.

До чего довел Гитлер немецкий народ и до какой степени его унизили, показывает поведение немцев осенью 1938-го. " Нас это не касается! Не нравится — не смотрите! Это не наша беда!" Такова была всеобщая позиция немцев, когда по улицам гнали едва одетых мужчин, женщин, стариков, больных. Бессердечие и бесчувствие, страх перед всемогущими владыками притупили многие естественные порывы: немцы даже не возмущались, глядя на унижение этих людей. Но такая акция все же не прибавила антисемитизму популярности.

Что же касается самого Гитлера, то он верит в злую сущность Вечного Жида. Для Гитлера еврей — худшее из зол. Гитлер произвел еврея во владыки враждебного мира. Гитлер смотрит на него сквозь призму мифологии, еврей нужен Гитлеру, чтобы возвеличить себя за счет его унижения. Но за этим стоят ощутимые для всех, в высшей степени личные и примитивные злоба и мстительность.

Даже если искать этому объяснение в его личном опыте и в том факте, что, согласно Нюрнбергским расовым законам, сам Гитлер не может быть назван арийцем — стойкость его антисемитизма понятна лишь при учете того обстоятельства, что Еврей давно стал для человечества одним из вечных символов. И здесь Гитлер очень логичен. Исходя из своего тайного учения, он просто должен испытывать метафизическую ненависть к евреям. Израэлиты, древний народ истинного Бога, должны быть заклятыми врагами новоизбранному немецкому народу, народу божественной природы, нового Ваала, золотого тельца

плодородия. Один бог исключает другого. За антисемитизмом Гитлера действительно была видна борьба богов. Но видел ее, наверное, один лишь Гитлер. Его соратники по партии не имели ни малейшего понятия о фантастических перспективах, в свете которых "хозяин" оценивал их рукоприкладство.

А этот еврей, оторвавшийся от собственных предков — разве он не был везде и всюду представителем самосознающего духа, смертельным врагом грядущей эпохи? Разве он не был мастером в ненавистной логике, повелителем суверенной науки, которая, по мнению Гитлера, разрушала жизнь вместо того, чтобы ей помогать? И разве не от евреев шло все это ненавистное христианство, вера в Спасителя, мораль, совесть, понятие греха? Разве в политической жизни евреи хоть однажды занимались чем-то, кроме разлагающей, критической деятельности? Эти и еще много других доводов Гитлер приводил в оправдание своей ненависти.

Насколько сильно он был охвачен ненавистью к евреям, свидетельствует тот факт, что редкий разговор с ним обходился без упоминания евреев. Однажды он изложил мне свои сокровенные мысли об этом народе.

Он сказал, что антисемитизм, несомненно, революционное средство. Он сам успешно применял его много раз и полагает, что и впредь часто будет его применять. Как в качестве угрозы слишком самодовольным немецким машинам, так и в качестве предостережения тупоумным демократам. "Мои евреи — ценный залог, который я получил от демократии. Пропаганда антисемитизма во всех зарубежных странах является неотъемлемым средством для экспорта в эти страны нашей политической борьбы. Вы еще увидите, как скоро мы разрушим все понятия и мерки старого мира при помощи одной лишь борьбы с еврейством. Впрочем, в ней нам больше всего помогают сами евреи. Несмотря на свое небезопасное положение, они становятся в ряды врагов порядка и подстрекателей: ведь они бедны, хотя считаются владельцами гигантских состояний, вызывающих всеобщую зависть. Поэтому очень легко в любом случае подтверждать целесообразность борьбы с евреями на популярных и очевидных примерах из ближайшего окружения. Стоит только однажды создать прецедент применения основного расового закона, разоблачив происки евреев, и последствий не придется долго ждать. Тогда люди будут вынуждены постепенно отвергнуть политический и экономический порядок и приблизиться к новым идеям биологической политики.

Гитлер сказал, что безусловно считает антисемитизм наиболее ценной частью своего пропагандистского арсенала,

оказывающей верное действие почти везде. Поэтому он и дал Штрайхеру такую свободу действий в его работе. По мнению Гитлера, то что делает Штрайхер — занятно и весьма остроумно. Откуда он только достает все новые и новые материалы! Гитлер с нетерпением ждет каждого нового выпуска "Штюрмера", — это единственная газета, которую он читает с удовольствием от первой до последней страницы.

Но не следует ограничиваться одним лишь "Штюрмером". Это только начало безжалостной борьбы за мировое господство. "Ибо борьба за мировое господство ведется между двумя нациями — между немцами и евреями. Все остальное — лишь обман зрения. Израэлиты стоят за спиной Англии, Франции, США. Даже если мы изгоним евреев из Германии, они все равно останутся нашим противником в мировом масштабе".

Я спросил, не значит ли это, что евреев вообще следует уничтожить.

"Нет, — ответил Гитлер. — В таком случае их пришлось бы изобрести. Людям нужен зримый образ врага, а не только воображаемый". Он добавил, что католическая церковь тоже не довольствуется одним лишь дьяволом. Ей тоже нужны зримые враги, чтобы не ослаблять борьбу. "Еврей всегда сидит у нас внутри. Гораздо легче бороться с живыми евреями, чем с этим незримым демоном. Еврей был врагом уже во времена Римской Империи. Он был врагом даже во времена Египта и Вавилона. Но лишь я борюсь с ним по-настоящему, всерьез.

Впрочем, евреи всегда готовы помочь мне в моей политической борьбе. В начале нашего движения некоторые евреи даже оказывали мне финансовую поддержку. Стоило лишь поманить их мизинцем и они все столпились бы вокруг меня. Они уже тогда понимали, за кем сила жизни и новизны. Ведь тот, кто изобрел весь этот так называемый капитализм, — экономическое устройство, находящееся в постоянном движении и подъеме — тоже был евреем. Что за гениальное творение, какой изощренный и в то же время простой автоматический механизм! Давайте скажем честно: это гениально, это чертовски гениально!

Современная экономика — создание евреев. И владеют ею исключительно евреи. Это их сверхдержава, которую они развернули поверх власти всех государств мира. Но именно мы, с нашим вечно революционным мировоззрением, способны составить им конкуренцию. Разве вы не заметили, что евреи везде и во всем — прямая противоположность немцам, и в то же время, так на них похожи, как могут быть похожи лишь родные братья?

В свое время я был потрясен, прочитав "Протоколы сионских мудрецов". Какой опасный, вездесущий, скрытный враг! Я сразу

понял, что можно взять у них — конечно, переработав по-своему. Подумайте только: вот эти люди, они вечно в движении — а вот мы с нашей новой религией вечного движения. Как похоже, и в то же время, какое различие! Вот где необходим решительный бой за судьбу всего мира!"

Я спросил, не переоценивает ли Гитлер евреев.

"Нет, нет! — завопил он. — Такого противника, как евреи, невозможно переоценить".

Я заметил, что "Протоколы сионских мудрецов" — явная фальшивка. В 1920-м году меня познакомил с ними некий Мюллер фон Гауден, и уже тогда мне стало ясно, что это фальсификация.

"Ну и что?" — рассержено воскликнул Гитлер. Он сказал, что его совершенно не волнует, являются ли "Протоколы" подлинными в историческом смысле. Тем более убедительна для него их внутренняя истинность. "Евреев нужно уничтожать их же собственным оружием. Я убедился в этом, когда прочел "Протоколы".

"И "Протоколы" вдохновили вас на борьбу?" — спросил я.

"Конечно, вплоть до мельчайших деталей. Я чрезвычайно многому научился из этих "Протоколов". Я всегда учился у своих противников. Я изучал революционную технику Ленина, Троцкого, прочих марксистов. А у католической церкви и у масонов я приобрел идеи, которых не мог найти ни у кого другого. Только дурак не учится у своих врагов. Только слабый человек боится потерять при этом свои собственные идеи".

"И у масонов, и у католической церкви… — заметил я. — Мне всегда казалось, что они далеки друг от друга".

"Вовсе нет. Нет ничего ближе. Прежде всего я учился у иезуитов. Впрочем, насколько я помню, и Ленин занимался тем же самым. Мир еще не создавал ничего более великолепного, чем иерархическая структура католической церкви. Многое я прямо перенес оттуда в структуру моей партии. Ведь церковь продержалась почти две тысячи лет, среди, всеобщих перемен — а это что-нибудь да значит".

"Да, да, я помню, вы уже говорили об этом", — вставил я. Гитлер продолжал: "Католическая церковь может служить образцом, прежде всего, из-за своей необыкновенно мудрой тактики и своего знания человеческой природы, из-за мудрого использования человеческих слабостей для управления верующими. И я, разрабатывая нашу программу — вечно действующий основополагающий принцип нашей партии — строго придерживался образца церковного символа веры. Как обращаются с ним церковники? Они никогда не позволят вносить

в него изменения. Они сумели предугадать все желания сменяющихся времен, отразить все атаки логической критики на полтора тысячелетия вперед. Они знали, что в таком символе веры можно отыскать любые противоречивые и взаимоисключающие места — и не придали этому ни малейшего значения. Верующий народ никогда не принимает близко к сердцу логических противоречий. Но верующих легко можно смутить изменением торжественных формул — даже если в них не осталось ничего, соответствующего реальной жизни, даже если они превратились в памятник прошлого".

"Меня удивляет другое: что же вы могли взять у масонов?" — сказал я.

"Это элементарно. Я, конечно же, не верю в злонамеренность и вредоносность этого взаимовыгодного объединения (между прочим, весьма мещанского и все более нагло действующего в Германии). Я приказал, чтобы мне составили доклад об их деятельности. Я просмотрел "Большую книгу расследования" и свободный доклад. Все так называемые "ужасы", упоминавшиеся там, все эти скелеты и черепа, гробы и таинственные церемонии — пугало для малых детей. Опасно в них другое — и именно это я перенял от масонов. Они образуют нечто вроде элиты священнослужителей. Они отгораживаются от людей с помощью особых обрядов. Они разработали тайное учение, которое не формулируется в словах, а постепенно, с помощью символов и таинственных ритуалов, дает все более и более высокую степень осознания. Иерархическое строение и воспитание символами и ритуалами, то есть помимо просвещения разума, а только путем оплодотворения фантазии, путем магического воздействия культовых символов: вот в чем опасность и величие масонов — и это я перенимаю у них. Не кажется ли вам, что наша партия должна быть чем-то наподобие масонства? Орденом, иерархией мирского священнослужительства. Но это, конечно же, подразумевает, что у наших противников ничего подобного быть не должно. Либо мы — либо масоны или церковь. Никакого сосуществования быть не может. Одно исключает другое, и католическая церковь тоже четко определила свою позицию — по крайней мере во всем, что касается масонов. Теперь мы сильнее всех, и поэтому мы победим и тех, и других: и церковь и масонов".

"Значит, у церкви вы взяли иерархию, у масонов — орден с нерушимым обетом покорности и молчания и тайным учением, постепенно передаваемым в виде символов. А что же вы взяли из "Протоколов сионских мудрецов?" — спросил я.

"Политическую интригу, технику конспирации,

революционное разложение, камуфляж и обманные маневры, организацию. Вам достаточно?"

"Более чем достаточно", — ответил я.

"Но покамест мы говорили о евреях лишь как о хозяевах всемирной экономической империи. Мы говорили о нашем политическом противнике. А знаете ли вы, какова роль евреев в глубинной борьбе за новую историческую эпоху?"

Я сказал, что едва ли могу это себе представить.

"Два народа не могут быть избранными одновременно. Сейчас мы — народ Божий. Вы понимаете, о чем идет речь?"

Я ответил, что это, очевидно, следует понимать как символ.

"Нет, это повседневная реальность, не подлежащая никаким толкованиям. Два мира вступили в противоборство! Люди Бога и люди Сатаны! Еврей — это враг рода человеческого, античеловек. Еврей — создание иного бога. Он вырос из другого корня человечества. Ариец и еврей: я противопоставляю их друг другу; и если первого я зову Человеком, то второго я должен назвать иначе. Они так же далеки друг от друга, как животные далеки от людей. Но это не значит, что я хочу назвать еврея животным. Он еще более далек от животного, чем мы, арийцы. Еврей — это существо, далекое от природы и враждебное природе".

Гитлер хотел добавить еще что-то, но с ним случилась странная вещь: как будто волна образов, поднявшаяся в его душе, лишила его речи. Его лицо исказилось судорогой. Он возбужденно щелкнул пальцами. "Тут еще учиться и учиться", — только и смог он прошептать.

16. ЧЕЛОВЕК В КРУГУ ПЕРЕМЕН

Католический священник и еврейский раввин чистят уборную в концлагере. Они стоят по щиколотку в нечистотах, а караульный эсэсовец, насмехаясь над ними, спрашивает, где же сейчас их Бог. Священник отвечает: "Мы не можем этого знать. Но кто ищет Бога, тот его найдет". А раввин говорит: "Бог — здесь. Бог вместе с нами".

Но где же тот Бог, к которому Гитлер часто обращается в своих речах, которого он именует провидением и всемогуществом? Его Бог — красавец-богочеловек, статуи которого стоят в орденсбургах. Его Бог — это сам Гитлер.

Перед тем как Гитлер целиком и полностью увлекся внешней политикой и своими военными планами, он однажды высказал горячее желание заняться строительством, законодательным и государственным творчеством. Он был полон гигантских планов. Он мечтал, что мир увидит в нем величайшего творца всех времен. "У меня мало времени! У меня слишком мало времени!" Мы знали о нем лишь самую малость. Даже его ближайшие соратники по партии не подозревали, что у него на уме, каков будет хотя бы фундамент его великой стройки. Время от времени его охватывал сильнейший нервный страх, что он никогда не достигнет своей цели. Тогда он снова с головой погружался в разные технические выдумки. Он возился с моторами и новыми изобретениями. В такие беспокойные периоды он становился сущим наказанием для собственных приближенных.

Глобальные перемены — эта тема снова и снова всплывала в его разговорах. Изменение всего уклада жизни в масштабах, которых несведущие и представить себе не могут. В эти минуты Гитлер говорил как провидец и посвященный. В основе его откровений лежала некая "биологическая мистика" или "мистическая биология". Он утверждал, будто "тупиковый путь" духовности обернулся для людей падением с высот их божественного предназначения. Истинной целью человеческого прогресса он считал развитие "магического зрения". Он сам ощущал в себе приливы некоего магического знания и приписывал ему свои успехи и свое грядущее значение. Здесь чувствовалось влияние откровений некоего мюнхенского ученого, который, наряду с узкоспециальными книгами написал еще несколько весьма странных вещей о древнем мире, мифах и человечестве, о пророческих снах первых людей, о некоей иной форме познания и о сверхъестественной власти над рациональными законами природы. Здесь упоминался и глаз

циклопов, теменной глаз посреди лба, орган магического проникновения во Вселенную, выродившийся в шишковидную железу. Подобные идеи завораживали Гитлера. Иногда он увлеченно занимался ими.

В своей собственной чудесной жизни он видел подтверждение собственных скрытых сил. Он раздувал свои задачи до размеров некоего сверхчеловеческого призвания: объявить человечеству, что настало время возродиться в ином качестве.

Он считал, что человек находится в процессе глобальных изменений. Эти перемены длятся веками. Очередной солярный период человечества подходит к концу. Грядущее сегодня заявляет о себе появлением первых великих людей новой породы. Непреходящая мудрость древних нордических народов учит, что мир должен снова и снова омолаживаться, что старый мир со всеми его богами неизбежно обречен умереть; и подобно тому, как поворотные круги солнца служат символом его жизненного ритма, движущегося не по прямой линии вечного прогресса, а по спирали — так и человечество как бы возвратится назад, чтобы вновь подняться на ступень выше.

Верил ли Гитлер в это? Не было ли это своеобразной пропагандой с помощью которой он создавал себе престиж и вербовал сторонников в определенных кругах? Весьма сомнительно: ведь он высказывал подобные мысли перед немногими, по большей части перед женщинами. Очевидно, это было связано с тем, что его недалекие товарищи по борьбе только посмеялись бы над такими премудростями.

Но каким же образом революционер и пропагандист мог прийти к подобным идеям? Очевидно, здесь и заключалась та самая белая магия, о которой когда-то говорила одна умная женщина. Но, скорей всего, он просто поверил во все это. Ведь он может совмещать в себе несовместимое. Со всей определенностью можно сказать лишь одно: Гитлер — пророк. Он стремится вырваться далеко за пределы, уготованные политическому деятелю — в просторы сверхчеловеческого существования, в пророки нового человечества.

В моем присутствии он облекал все эти идеи в несколько более материалистическую форму.

"Творение еще не завершено — по крайней мере, в том, что касается живого существа по имени человек. С биологической точки зрения человек стоит на распутье. Уже начинает обрисовываться новая человеческая разновидность. Покамест в качестве естественно-научной мутации. Тем самым прежняя разновидность людей неуклонно приходит к биологической

стадии вырождения. Прежний человек может влачить свое существование лишь в жалких, выморочных формах. Но вся творческая сила уже концентрируется у новых людей. Обе разновидности быстро развиваются в противоположных направлениях. Первая опускается ниже нынешнего среднего человеческого уровня, вторая — поднимается все выше и выше над этим уровнем. Первую разновидность я назвал бы скотомассой, вторую — Богочеловеком".

Я заметил, что все это очень напоминает Ницше и его Сверхчеловека. Но прежде я понимал эту идею только как аллегорию духовности.

"Да, человек — это то, что следует преодолеть. Это по-своему понимал уже Ницше. Уже он рассматривал Сверхчеловека как биологически новую разновидность людей. Хотя он еще колебался в этом. Человек становится богом, вот в чем смысл. Человек — его будущий Бог. Человеку надлежит вечно стремиться выйти за свои пределы. Как только он становится инертным и самодовольным, он деградирует и опускается ниже человеческого уровня. Он становится полуживотным. Боги и животные: таков мир, стоящий сегодня перед нами. И насколько все упрощается! Насколько проще выяснить, принимать ли мне мои решения в политике, перестраивать ли наш социальный организм! Все, кто избегают нашего Движения, все, кто ищут инертности, держатся за старое — выродились и обречены опускаться вниз. А те, кто слышит древний голос человечества, кто посвящает себя вечному Движению — призваны стать новым человечеством! Теперь вы понимаете глубинную суть нашего национал-социалистического движения? Есть ли на свете что-нибудь более великое и всеобъемлющее, чем наше движение? Тот, кто понимает национал-социализм лишь в политическом смысле — не понимает его совсем. Это больше, чем религия: это воля к созданию нового человека".

Я сказал, что лишь теперь понял глубинный смысл его социализма. Это преддверие отделения расы господ от расы скотов. Нынешние массы — предварительная форма той самой породы людей, которую Гитлер назвал выродившейся.

Гитлер кивнул. "Политика сегодня — это форма проявления судьбы. Верите ли вы, что процесс отбора можно ускорить с помощью политических средств?"

Я ответил, что вывести Сверхчеловека путем селекции едва ли удастся. Но что такое селекция? Ничто иное как отбор. Тем же самым мы занимаемся в сельском хозяйстве. Если мы имеем нужную породу, то мы бережем ее от вырождения, укрепляем путем планомерного отбора, ускоряем естественный ход событий

или, говоря научным языком, находим и размножаем гомозиготные плюс-варианты. Вот что такое селекция, и я думаю, что определенное политическое устройство все же способно обеспечить условия для применения селекционных технологий к людям.

"Вот именно! — оживленно подтвердил Гитлер. — Как вы правы! Сегодня политика слепа без биологических обоснований и биологических целей. Только национал-социализм видит необходимые задачи во всей их полноте. Моя политика — это не национальная политика в общепринятом смысле этого слова. Ее масштабы и ее цели есть прямое следствие всестороннего понимания сущности жизни".

"Но вы можете лишь помочь природе, лишь сократить ее путь, если она сама дарует вам экземпляры новой породы. До сих пор селекционеры почти всегда только лишь развивали дарованную природой мутацию — это и называют созданием породы".

"Новый человек живет среди нас. Он здесь! — торжествующе воскликнул Гитлер. — Вам этого достаточно? Я открою вам тайну. Я видел нового человека, бесстрашного и жестокого. Я трепетал перед ним".

Мне неожиданно вспомнился немецкий поэт Стефан Георге. Неужели Гитлер тоже видел "Максимина"? Я ощутил к нему нечто вроде любовного трепета.

Тайное учение

"Я хотел бы открыть вам одну тайну. Я основываю орден".

Эта мысль не была для меня новостью. Очевидно, она восходила еще к Розенбергу. По крайней мере, Розенберг первым сказал мне об этом. В залах старого замка Мариенбург, принадлежавшего Тевтонскому рыцарскому ордену, он сделал доклад перед небольшой группой посвященных. Очевидно, историческая память об ордене и его влиянии в Пруссии была истинной причиной того, что национал-социализм тяготел к превращению в подобный орден. Могучие рыцари, мудрые правители — все они имели духовный сан и учение со своими "таинствами", знания, скрытые от непосвященных и иерархию; особый способ руководства… Все это, вероятно, должно было служить ценным примером и сегодня.

После доклада мы сидели в винном погребке средневековой городской ратуши. Розенберг продолжал развивать свои тезисы. После того как мы достигли своей цели, придя к власти

легальным, парламентским путем, о парламентском происхождении партии следует забыть. У партии теперь другое назначение, и ею следует руководить в ином смысле. И пусть Гитлер хочет, чтобы все осталось по-старому. Форма и содержание партии изменится лишь тогда, когда вырастет ее новое поколение. Кроме того, Розенберг высказал мнение, будто сохранение массового характера партии представляет большую угрозу для ее дальнейшего развития. Для массы рядовых членов партии и административных работников можно сохранить видимость, что все осталось по-прежнему. Но уже сегодня во всех парторганизациях будет образовываться узкий круг действительно посвященных. Эту тенденцию следует планомерно развивать. Прежнее политическое мировоззрение национал-социализма может все еще сохранять свое значение для масс. Но для посвященных следует создать особый круг внутри партии. Таким образом мы не просто придадим нашей партии отчетливую форму, но и превратимся в нечто наподобие ордена,где будут степени посвященности, ответственности к сотрудничеству. Розенберг сказал, что не собирается создавать особую партию внутри партии. Сейчас важно другое: отобрать, наконец, людей соответственно их сознательности и преданности, чтобы взяться за действительно крупные задачи, выходящие за рамки актуальной политики. В заключение он отметил, что во внешней политике или в экономике нам, возможно, придется перенести тяжелые удары — но круг знающих должен сохраниться несмотря ни на что. подобно тайным священнослужителям, которые без помощи наружной организации сохраняют великие культурные идеи национал-социализма до наступления более благоприятных времен.

Кох возразил на это, что никаких тяжелых ударов опасаться пока не следует. Но все же делать что-то нужно: это ясно любому. Гитлер дал свое согласие на распространение орденской идеологии — по крайней мере, в воспитании партийной смены. И он тоже придерживается того мнения, что следует как можно скорее прекратить вести себя так, будто мы — обычная политическая партия, оставшаяся от Веймарской республики.

Я упомянул эту беседу в разговоре с Гитлером. Это не произвело никакого заметного впечатления. Гитлер знал, насколько сильно самые влиятельные командиры штурмовиков и гауляйтеры сопротивляться всему, что кажется им "фантазиями" или "литературщиной". Очевидно, сам он думал об ордене гораздо более серьезно. Но он был осторожен, и пока что начал вводить орденские порядки только в "юнкерских школах", прикрываясь именем Лея. В этих школах должно было не только

формироваться новое поколение. Уже одно их название намекало на то, что здесь взращивается новое дворянство, которое должно быть чем-то вроде союза заговорщиков.

Гитлер очень хорошо знал все слабости своих гауляйтеров и высших чинов СА и СС. Однажды, когда я пожаловался на непонятливость некоторых партийных руководителей в Данциге, он сказал, что не имел возможности выбирать себе людей, а вынужден был взять тех, кто добровольно пошел за ним. Многие более грамотные люди вполне могли бы присоединиться к Гитлеру раньше, когда партийная борьба еще не требовала личных жертв от каждого члена партии — все зависело от их желания. А теперь он не может выставить за дверь людей, которые служили ему верой и правдой. Он вынужден использовать их такими, как они есть. Конечно, тащить всех этих людей за собой — тяжелая работа, но он делает это ради единства партии. Ведь более верных соратников ему не найти — и более грамотных тоже. Грамотность и верность редко уживаются вместе. Гитлер понимал, что этим людям невозможно внушить идей высшего порядка. Они были политическими рубаками, выросшими в изматывающей повседневной борьбе. Их понятия не выходили за пределы раз и навсегда затверженного "мировоззрения" национал-социализма. Большинство их принципов улетучилось за годы борьбы. В их головах оставалось лишь несколько практических правил. Но они научились поддерживать дисциплину в массах и держать власть в своих руках. Это поколение должно было полностью завершить свою миссию, прежде чем партия перерастет в чуждую для них структуру мирского священнослужительства. Для них не существует тех глубоких мыслей, которые все больше и больше занимали Гитлера: о новой религии человечества, о сотворении всего человечества заново.

Гитлер преодолел искушение выступить со своими глубинными идеями преждевременно. Национал-социализм все еще находится в начале своего пути. Следует довести политическую борьбу до конца и подготовиться к решительной войне, которая неизбежно наступит. "Старый Фриц" — король Пруссии, во всем служивший Гитлеру примером, приступил к созданию единой Германии лишь тогда, когда закончил свои войны. Гитлер постоянно затрагивал эти вопросы в своих разговорах. И все чувствовали, какое жгучее нетерпение скрывается за его сдержанностью, за отказом от выполнения наиболее близких ему задач государственного деятеля и законодателя, художника и градостроителя, пророка и основоположника новой религии.

"Свою великую воспитательную работу я начну с молодежи, — сказал он однажды. — Со стариками уже ничего не поделаешь. Да, мы уже старики. Мы прогнили до мозга костей. У нас больше нет чистых инстинктов. Мы трусливы, мы сентиментальны. Мы несем на себе груз унизительной истории, а наша кровь наполнена глухой памятью о покорности и пресмыкательстве. Но моя молодежь великолепна! Лучшей молодежи нет нигде в мире! Посмотрите на этих молодых людей, на этих мальчишек. Что за материал! Из них можно построить новый мир.

Моя педагогика сурова. Слабых следует вышвырнуть прочь. В моих орденсбургах вырастет молодежь, от которой содрогнется мир. Я хочу, чтобы молодежь была жестокой и неустрашимой, склонной повелевать и применять силу. И молодежь должна стать такой. Она должна мужественно переносить любую боль. У нас не должно быть никаких слабостей, никаких нежностей. Ее глаза должны вновь загореться блеском великолепной, вольной хищности. Я хочу, чтобы моя молодежь была сильной и прекрасной. Я буду воспитывать ее всеми возможными физическими упражнениями. Я хочу, чтобы она была атлетической. Это самое главное, самое важное. Таким образом я отбракую людей, окончательно одомашнившихся за прошедшие тысячелетия. Таким образом я получу чистый, благородный природный материал. Таким образом я смогу создать нечто новое.

Мне не нужно интеллектуальное воспитание. Знание только испортит мою молодежь. Пусть они усваивают лишь тс знания, которые пристанут к ним сами собой, во время игры. Но учиться повелевать им придется непременно. Им придется выдержать тяжелейшие испытания, чтобы научиться преодолевать страх смерти. Такова ступень развития, называемая "героической молодежью". Из нее вырастет следующая ступень свободы — люди, которые являются центром и мерой всего мира, творцы, богочеловеки. В моих орденсбургах будут стоять культовые изображения прекрасного и властного богочеловека, чтобы молодежь могла видеть, с кого ей брать пример при наступлении мужской зрелости".

Здесь Гитлер прервался, сказав, что дальше об этом говорить нельзя. Есть еще ступени развития, о которых покамест не имеет права говорить никто, даже сам Гитлер. Эту тайну он доверит людям, когда его уже не будет в живых. Это должно быть нечто грандиозное. Ошеломляющее откровение. Чтобы полностью исполнить свою миссию, он должен пожертвовать собой.

"Да, — повторил он, — в минуту наивысшей опасности я должен принести себя в жертву моему народу".

Вечная революция

Об этом учении Гитлера следует сказать еще пару слов. О нем знали лишь немногие. Но политические устремления Гитлера можно понять, лишь исходя из этих тайных мыслей. Его страсть к гороскопам и ночной стороне жизни связана с убеждением, будто человек существует в магическом единстве с космосом. В политике он видит лишь внешнюю часть ощущаемых им преобразований гигантского масштаба.

Чтение апокалиптической литературы дало ему материал для его учения. Но гораздо важнее самого учения та воля, что стоит за ним. Гитлер не перестает на разные лады повторять, что немецкий народ и весь мир вовлечены в вечное движение, в вечную революцию. Эта революция охватывает все человеческое существование. Это освобождение человека, которое, согласно его учению, каждые семьсот лет поднимается на новую ступень. Но для большинства людей это освобождение означает лишь образование новой формы угнетения. Потому что свобода — для сынов Божьих. Революция новой аристократии, направленная против масс.

Далекий же путь проделал Гитлер, если вспомнить с чего он начинал. От конспиратора и платного пропагандиста до пророка новой религии. Может быть, все это лишь бред больного человека — или все-таки здесь есть какая-то последовательность? Сквозь все двойственные противоречивые действия этого странного человека красной нитью проходит одна мысль: "Движение — это все. Всегда находиться в действии". Беспокойность его натуры выражается во всем. И за этим стоит не только болезненная энергия, которую он сам назвал "мчащейся истерией", здесь мир, охваченный полной расслабленностью — и народ, не менее истеричный, чем сам Гитлер: вот два обстоятельства, благодаря которым этот человек стал вождем.

" Время работает на нас. Мне стоит лишь толкнуть — и рухнут все барьеры отжившего времени. Все, что недавно казалось столь крепким на самом деле — рыхлое и хрупкое". И действительно, все ценности рушатся перед ним как бы сами по себе. Люди беспомощно уступают дорогу движению, постоянным переменам. А он полагает, будто именно в переменах и заключается смысл всего. Дать волю непреодолимой страсти к разрушению — вот истинный мотив этой безумной авантюры. "Мы еще не знаем нашей цели во всем ее величии, — однажды

сказал Гитлер. — Но она у нас в крови, и мы чувствуем ее". Это литературщина, причем нижайшего пошиба. Она принадлежит эпохе "конца столетия". В те времена в Германии существовал некий "истерический романтизм". Его крупнейшими центрами были Вена и Мюнхен.

И сейчас в Германии тоже случилось нечто подобное. Массовая душевная болезнь, причины которой исследовать можно, но корни ее все равно останутся скрытыми. Национал-социализм — это Виттова пляска двадцатого столетия.

Гитлер и женщины

Женщины "открыли" Гитлера. После войны светские дамы протежировали этого, тогда еще молодого, человека. Их мужья были крупными промышленниками, они поддерживали его финансами, дарили ему деньги и произведения искусства во время инфляции. В кругу образованных женщин платный пропагандист стал политическим пророком. Едва ли можно выяснить, насколько велико было их участие в развитии мира его идей. Но именно они избаловали его, чрезмерно повысили его самооценку, без меры покрывая его преждевременными лаврами. Преданность женщин, доходившая до псевдорелигиозного экстаза была для Гитлера незаменимым стимулятором, помогавшим ему преодолеть вечную сонливость. Все это до странности похоже на успех, которым пользовался у женщин скучный и отнюдь не симпатичный Робеспьер.

Впрочем, и сам Гитлер осознавал, что ему нужно от женщин. Он "поддерживал" отношения с ними обдуманно и расчетливо. Он давал своим гауляйтерам практические указания особо старательно вести пропаганду среди женщин. Во время борьбы за власть именно голоса избирательниц вознесли Гитлера столь высоко. Чтобы удостовериться в этом, стоило хотя бы раз взглянуть на передние ряды всех массовых митингов, всегда и везде заполненные пожилыми женщинами и девушками. Стоило хотя бы раз взглянуть с высокой трибуны на эти закатившиеся от восторга глаза, увлажненные и подернутые поволокой, чтобы лишиться всяких сомнений относительно сущности этих восторгов. Эсэсовцы, охранявшие митинги, прозвали этих восторженных женщин "боевой эскадрильей".

Следовало бы изучить, какую роль играет эротика — не только в мужском обществе, где она является значительным политическим фактором, но и в современной массовой

пропаганде, где эротическое воздействие голоса оратора, звучание и мелодичность его речей часто бывают гораздо важнее их содержания. Гитлер учел эти факторы. Бесстыдно используя их, он добился не одних лишь политических успехов. Я не знаю, что в его отношениях с женщинами было сублимацией эротических напряжений, а что было простым хладнокровным расчетом. У меня создалось такое впечатление, что Гитлер — личность, занятая исключительно собой, что он не способен к настоящей отдаче. И что существует определенная разновидность более или менее ненормальных женщин, которые восхищаются им — все эти женщины имеют в себе что-то истерическое.

Впоследствии я чаще видел у него красивых молодых брюнеток. Они сидели рядом с ним за столом. Гитлер поглаживал их руки. В общении с ними он допускал легкую фамильярность. Во всем этом чувствовалась наигранность. Вся заносчивость и неестественность Гитлера проявляется прежде всего в его элементарнейших житейских отношениях с другими людьми. Я не хочу касаться неясных страниц, связанных с его племянницей — говорят, будто бедная девушка покончила с собою. Я слышал об этом от лиц, весьма подробно знавших всю историю. Она могла стать весьма характерным штрихом к портрету Гитлера; но она выходит за рамки моего повествования, и я предпочел бы оставить ее в покое.

Не один молодой человек хвастался мне и моим знакомым, будто он был любовником Гитлера. Но и об этом говорить не стоит. Достаточно упомянуть, что вокруг "фюрера" Германской империи образовалась нездоровая и преступная атмосфера, и не рассуждать о том, какие детали более, а какие менее правдоподобны. Ни одного гения не упрекают в сомнительных и неприятных событиях, сопутствовавших его восхождению. Но Гитлер еще не освободился от своего прошлого. Он несет его с собой, и вся его лживость, грязь и неестественность тяжелым грузом лежит на плечах немецкого народа.

Конечно, сегодня Гитлер — не тот молодой человек из 1923-го. Уже в 1933-м, придя к власти, он смотрел на мир более реалистично, цинично, расчетливо. С тех пор с ним произошла еще одна перемена. Подхалимы нового германского двора говорили, будто он достиг великой зрелости. Они прославляли восхождение Гитлера, называли его великим государственным деятелем и будущим великим полководцем. Но ведь Гитлер остался Гитлером. Это тот же самый ничуть не изменившийся и не достигший никакой зрелости человек, с теми же нездоровыми страстями. Более зрелой стала лишь его техника, его поведение. Гитлер ни на волосок не изменился за два десятилетия — вот в

чем заключается трагический итог этих лет. И он с полным правом может хвастаться, что основы его мировоззрения были заложены еще в Вене, и с тех пор к ним не прибавилось ничего значительного.

Гитлер не способен освободиться от своего прошлого. Образ прошлого проступает во всех его действиях. Но возможно ли в самом деле освободиться от прошлого? Его можно преодолеть, лишь изменившись внутренне. А именно внутренние изменения Гитлеру недоступны. Этот вечный революционер, пропагандист движения и перемен на самом деле заключен в оболочку своей злосчастной натуры и избегает малейшего дуновения творческих сил, благодаря которым созревает человек. Он остается самим собой.

Он и сегодня остается агентом, во всем полагающимся на благоприятные обстоятельства. И сегодня в его тщеславии виден ранимый и чувствительный мальчик переходного возраста. И сегодня он остается экзальтированным агитатором времен инфляции, который клянется, положа руку на сердце, а затем, нарушив клятву, со слезами на глазах молит о прощении и снисходительности, заявляя, будто он вынужден был подчиниться высшим требованиям родины.

Гитлер останется самим собой.

17. ОРЛИНОЕ ГНЕЗДО

По приказу Гитлера строились гигантские здания: государственные, частные, партийные. Его строительный азарт — увековеченное воплощение его тщеславия. Весь мир с удивлением или со страхом смотрел на масштабы этого строительства и на огромные затраты, ни в коей мере не беспокоившие национал-социалистов. А в массах и среди мыслящих людей все чаще возникал вопрос: к чему все это приведет? Партия возводила здания, превышавшие все возможные размеры, и тратила на них столь же непомерные средства. Своеволие архитекторов не считалось даже с ландшафтом. Известно, например, какие трудности пришлось преодолеть, чтобы всего лишь утрамбовать строительный грунт для Нюрнбергского партийного дома. Гитлер презирал любые разумные доводы.

Гитлер приказал построить новую рейхсканцелярию; у себя в горах он строил себе ее филиал. Он приказал перестроить Берлин и занимался перестройкой Вены. Планы, гигантские планы — и рядом с ними вооружение, поглощающее миллиардные средства. А где же обещанные дома для рабочих, города-сады? Вся поселковая сеть Германии должна была перестроиться заново, расселиться попросторнее — не только из-за будущих авианалетов, но и ради того, чтобы усилить противоречие между городом и деревней, создать новый вид кровной связи с землей и чувство родины.

Гитлер вновь и вновь повторял: едва он закончит вооружаться, внешность Германии преобразится. Какие масштабы примет это обновление, можно было понять, глядя на новые партийные стройки. Всегда хватало восхищенных и внутри страны, и за рубежом: после имперского партийного съезда они были увлечены гигантскими масштабами и видели в "Световом соборе" (прожекторах, бьющих в ночное небо) начало небывалой новой культурно-исторической эпохи. Чем были в сравнении с этим "собором" непонятные речи и странные заявления? В нем была наглядно воплощена творческая воля всего народа.

В период моего конфликта с партией я однажды высказал Гитлеру свою озабоченность по поводу строительных предприятий Форстера в Данциге. Будучи в оппозиции, мы критиковали расточительность прежнего правительства, строившего здания целевого назначения, больницу, рабочие кварталы — а теперь сами строим театр и партийный дворец.

Гитлер весьма недружелюбно отнесся к этому упреку. Он спросил, не думаю ли я, что строительство — это роскошь. И могу

ли я себе представить, чтобы сегодня мы ограничились лишь зданиями целевого назначения, поселками и домами для рабочих? "В моих постройках я демонстрирую народу свою волю к порядку, воплощенную в зримых символах. Здания передают эту волю людям. Мы зависим от пространства, в котором мы работаем и отдыхаем. Только величие и чистота наших зданий покажут народу величие нашей воли. Самое нелепое, что я мог бы сделать сейчас — это начать строить поселки и дома для рабочих. Все это, конечно, будет, это само собой разумеется. Это могло бы сделать и марксистское, и буржуазное правительство. Но именно наша партия способна вновь возвратить свободу и величие этому благороднейшему из искусств. Впервые со времен средневековых соборов мы ставим перед художниками великие, смелые задачи. Никаких поселков, никаких частных домиков — только величайшие проекты со времен гигантских построек Египта и Вавилона! Мы создадим священные здания и символы новой высшей культуры. Именно с этого я должен начать. Именно они отметят несмываемой духовной печатью мой народ и мою эпоху".

Но строительные задачи отходили в тень рядом с великими планами, которые Гитлер связывал с внешней политикой и армией. Только в часы отдыха он занимается градостроительными проектами и макетами. В тот момент он сидел, склонившись над картой военных действий и играл в игру, конец которой был неведом никому; он шел ва-банк в своей внешней политике. Все отчетливей проступали в нем черты полководца новой мировой войны. Военные маневры и политические ходы, вместе с продуманным воздействием на противника в ходе психологической борьбы — были лишь частью великого плана строительства новой гигантской империи, нового Всемирного Рейха.

То, о чем Гитлер недавно говорил как о своей весьма удаленной цели, сейчас, несколько лет спустя, со зловещей уверенностью претворяется в жизнь. Благоприятные стечения обстоятельств облегчают Гитлеру воплощение собственных планов. Какое захватывающее зрелище! Все восстает против этого человека — и несет его от успеха к успеху.

Посетители приходят и уходят, получают приказы, выслушивают угрозы. Что за странный политический стиль, распространяющийся повсюду! Весь мир принимает как само собой разумеющееся то, что этот человек нарушает все дипломатические традиции: что главный руководитель Германии сидит в горах в самом дальнем углу страны и вынуждает административный аппарат и зарубежных дипломатов самостоятельно справляться с этим неудобством.

Возникает удивительная постройка, воплощаются в жизнь детские мечты или фантазии романиста. Баварцам впору вспомнить о своем сказочном короле-романтике Людвиге II, о его волшебных замках, его одиночестве и его безумии. По шахте, вырубленной в скале, скрытый от всего мира лифт поднимается на сотни метров вверх. Он выныривает в хрустальном доме, невидимом среди баварских скал, на фоне вершины Ватцмана. Здесь, вознесенный над всем миром, недосягаемый, царствует фюрер Великой Германии. Это его орлиное гнездо. Здесь он сидит один на один с вечностью. Отсюда он бросает вызов своему веку.

Сны воплощаются наяву. Но и кошмары прошлого, и будущие мучительные сомнения становятся все более и более реальными. Снова и снова повторяются приступы, доводящие Гитлера до безумия. Беспокойство не дает ему заснуть. Но сейчас он уже не останется в одиночестве, если не захочет одиночества. Он нажимает кнопку: прибегают адъютанты, и автомобили доставляют к Гитлеру тех, с кем он хочет побеседовать. Часто это просто молодые люди — их доставляют прямо из постели, чтобы с ними фюрер забыл о терзающих его заботах, страхе и одиночестве. Эти ни о чем не ведающие и ничего не понимающие люди сидят и стоят в огромном зале у камина, пытаются говорить непринужденно, рассказывают друг другу банальные анекдоты и непристойности. Они должны развлечь Гитлера, заставить его забыть о том, что он думает, чем он озабочен. А Гитлер все ходит и ходит взад-вперед, как Джон Габриэль Боркманн.

Этот "Строитель Сольнес" тоже подвержен головокружению. Со страхом глядит он на собственный народ, ступень за ступенью поднимающийся по лестнице его башни, чтобы украсить венком самый высокий шпиль. И взгляд его на мгновение останавливается там, куда ему, охваченному головокружением, предстоит упасть и разбиться вдребезги.

Но пока что любое его желание выполнимо. Любая идея осуществляется, едва возникнув. Только с изобретениями все обстоит не совсем так, как он бы того желал. Но Гитлер не позволяет себе командовать — здесь следует прорабатывать все шаг за шагом.

Гитлер — тоже изобретатель. Подобно многим большим господам, он делает свои изобретения с чужой помощью. Все происходит почти как в эпоху алхимии, когда князья, жаждущие богатства, запирали алхимиков в удаленных башнях, пока они не откроют формулу и не сделают золото. Сегодня речь идет о таинственных военных изобретениях, воздушных торпедах и электрических лучах. Гитлер всегда интересовался вопросами техники. Он может объяснить и изобразить своим удивленным

гауляйтерам преимущества и недостатки любого автомобильного мотора. Ему доставляет особое удовольствие давать технические консультации своим сотрудникам. Подобно тому, как в старину господа беседовали о лошадях, коневодстве, нынешние аристократы могут часами говорить о моторах, автомобилях и личных самолетах. Но Гитлер превосходит их всех. Он проектирует, он улучшает, он чертит. Ведь он был чертежником и дизайнером. У него, бесспорно, есть талант. И в глазах своих поклонников он может все. Он — гений-универсал. Он будоражит весь мир: архитекторов и генералов, ученых и поэтов, государственных деятелей и экономистов — каждый получает от него радикальную идею, благодаря которой любая работа удается. Нет такого человека, который не ушел бы от него с бодростью и облегчением, как говорит Ялмар Шахт, чтобы снова приступить к своей работе.

В своем "Сан-Суси" он чувствует себя, как король Фридрих Прусский, который в промежутках между войнами и перед своей последней, самой тяжелой войной, умел совмещать в себе вольнодумца, поэта и музыканта с государственным и военным деятелем и одновременно закладывать основы своих побед и своих построек. Подобно Фридриху, Гитлер постоянно возвращается в мыслях к неизбежной войне, которой он жаждет и боится одновременно. Ибо гороскоп предостерегает его от войны. Он говорит, будто в войне Гитлер потеряет все, что добыл до сих пор. Но честолюбие снова и снова заставляет фюрера заниматься военными делами. Его уже давно захватила страсть к высокому искусству стратегии. Он занят лишь одной, наиболее увлекательной ее стороной, связанной с комбинациями и озарениями. Скрупулезные расчеты, всестороннее исследование деталей — не в его вкусе. Это утомляет и раздражает его. Несколькими штрихами набросать гениальный эскиз — вот что приносит ему наивысшее удовлетворение.

Но внешнеполитическими разработками он занимается серьезно и упорно, дни и ночи напролет. Идеи возникают одна за другой, взвешиваются и отвергаются. Все это — очень сложная игра. Все нити сходятся в его руках. У него свои собственные источники информации. В его распоряжении гигантский аппарат. По любому вопросу тут же доставляют материал. Его внимание распространяется на весь земной шар. Он давно уже перерос рамки обычной континентальной или восточной политики. Изолированных политических проблем не существует. Самые отдаленные события могут повлиять на его положение. А его собственные политические ходы воздействуют на весь мир.

Приобретать влияние на определенных лиц. Узнавать об этих

лицах все: их пристрастия, их вкусы, их связи — вот в чем заключается политика. Женщины — шпионки; фантастически прекрасные женщины играют решающую роль в его политических расчетах. Какой тип женщин нравится этому деятелю, какой — другому? Это очень важные вопросы, такие же важные, как количество самолетов и подводных лодок. С невероятной изощренностью каждому деятелю доставляют женщину его любимого типа. Это делается деликатно, с большой осторожностью. В центре внимания не всегда главы государств и диктаторы; иногда это знаменитые банкиры, иностранные политики, может быть, и генералы. Таким образом, Гитлер узнает государственные тайны и приобретает влияние. И все это — не горячечный бред, не цитаты из шпионских романов, а историческая действительность. Этих женщин посылает один человек. Они делают это ради него, ради величия его дела.

Воистину, нынешнюю эпоху не назовешь буржуазной. Здесь методы позднего средневековья смешаны с обычаями Римской Империи периода упадка, с нравами Византии или Парижского двора. А в центре всего этого движения сидит Гитлер, называющий себя величайшим учеником Макиавелли — и, тем не менее, вечно остающийся неуклюжим мещанином со всеми его затаенными обидами и комплексами. Это абсурдно, это смешно. Но это правда, и к этому следует отнестись серьезно.

Новый Макиавелли

В моем присутствии Гитлер утверждал, что не раз перечитывал "Государя", написанного великим флорентийцем. Ведь эта книга обязательна для любого политика, некоторое время она постоянно лежала на его ночном столике. Чтение этой книги оказало на него очистительное и освобождающее воздействие. Она ликвидировала многие искаженные, сентиментальные представления. Гитлер впервые осознал как много предрассудков тяготеет над нами. Только эта книга показала ему, чему следует учиться; что такое политика в истинном смысле этого слова.

Беседуя со мной после моего возвращения из Женевы Гитлер сказал: "Я как раз занимаюсь учением о человеческих слабостях. Мы поступаем правильно, предпочитая спекулировать на человеческих грехах, а не на добродетелях. Если Французская революция апеллировала к добродетелям, то мы лучше поступим наоборот. Но это не значит, что мы будем цепляться за слабости

масс — для нас куда важнее руководящие персоны. Я не могу заниматься политикой, не зная этих людей. Полное знание слабостей и грехов каждого отдельно взятого противника — вот предпосылка любой успешной политики".

Гитлер пожаловался на старорежимные методы, господствующие во внешней политике и дипломатии Германии. Никто не добывает никакой информации, все действуют наугад. У этих людей вообще нет никакого служебного аппарата. Единственное, что у них сейчас есть — это кожаные папки с докладами о проделанной работе. Но Гитлера не интересуют ни фельетоны, ни научные исследования, присылаемые ему в качестве докладов. Такие доклады лишь тешат тщеславие докладчиков. Гитлера гораздо больше интересует, какие места для рыбалки предпочитает лорд такой-то, и каковы связи Генерального директора акционерного общества "Н". Все министерство внешних сношений задыхается от бюрократии и формализма".

Я заметил, что подобной информацией во время войны занимается разведка и контрразведка. Я был некоторое время связан с контрразведкой — после того, как меня признали непригодным к дальнейшей военной службе. В то время это учреждение производило просто смехотворное впечатление.

Гитлер ответил, что с тех пор его работа значительно улучшилась. Военная разведка действует превосходно. Но политической информации очень мало, к сожалению, военные ею не занимаются. "Я делаю все, чтобы наверстать упущенное. Мне нужно что-то вроде английской секретной службы — орден, который делает свое дело из любви к нему".

Я сказал, что одной лишь любви к профессии, по-моему, недостаточно. Нужен еще значительный опыт, который приобретается не так уж быстро.

"В любом случае, я ничего не достигну без людей, которые возьмутся за дело с радостью и желанием. Бюрократам эта задача в тягость; она кажется им слишком нечистоплотной. В действительности же они просто слишком трусливы и слишком глупы для того, чтобы ее выполнять. Но давайте подумаем о женщинах, об авантюристках из высшего света, пресытившихся своим никому не нужным существованием, которые уже не испытывают острых ощущений от банальных любовных связей. Я не побоюсь использовать и этих безумцев, которых называют профессиональными авантюристами. Существует множество таких людей — они не находят себе применения в мещанской жизни, а здесь смогут занять выдающееся место. Я уже сказал этим Санта-Клаусам с Вильгельм-штрассе все, что думаю об их

работе: с такими методами мы, пожалуй, скорей уснем, чем создадим новый Рейх. Следует заняться более современными методиками. Нейрат — тугодум. Он хитер как крестьянин, но не сообразителен. Иногда его добродушное выражение лица приносит мне больше пользы, чем многое другое. Глядя на него, в Англии скажут: такому человеку нельзя доверить никакой революционной политики".

Я добавил, что Нейрат благонамерен, но иногда ведет себя, как будто он вынужден нас протежировать. Я полагаю, что нам следовало бы допустить на правительственный уровень некоторое количество молодежи.

"Да, поверхностность и глупость этих стариков велики. Они мнят Бог знает что о таинствах своей профессии. На самом деле, любой толковый курьер может заменить директора, если он знает что к чему и умеет за него расписываться. А быть корректным служащим — это и вовсе самое последнее дело.

Впрочем, я не буду ждать, пока господам придет в голову переучиваться. Я выращу себе собственный аппарат. Это дорого стоит, но зато я смогу быстрее двигаться вперед. Я составил вопросник, по которому мне будут докладывать об интересующих меня лицах. Я прикажу составить обширную картотеку со сведениями обо всех влиятельных лицах во всех странах. Карточки будут содержать всю важную информацию. Например: берет ли он взятки деньгами? Можно ли купить его чем-нибудь другим? Тщеславен ли он? Насколько сильны его сексуальные запросы? Какого они типа? Гомосексуалист ли он? Последние особо предпочтительны, так как у них существуют тайные неразрывные связи. Скрывает ли он что-то из своего прошлого? Можно ли оказать на него давление? Каким бизнесом он занимается? Личные пристрастия, спорт, хобби и любимые игры. Охотно ли он путешествует? И так далее.

По этим сообщениям я буду отбирать людей для себя. С их помощью я буду делать настоящую политику. Да, я добуду себе людей, которые будут работать на меня. Я создам себе силу в каждой отдельно взятой стране".

Я заметил, что эта работа должна быть огромной и стоить много денег.

"А когда нас пугали какие-нибудь трудности? Пропаганда с помощью непригодных средств вообще не производит никакого действия. Напротив, она лишь вызывает сопротивление, а больше ничего не дает. Люди неправильно представляют себе сущность пропаганды. Воздействие посредством массовой информации — это лишь одна сторона дела, причем самая безобидная. Обработка масс — это всегда лишь подготовка почвы. Настоящая борьба

ведется за то, чтобы склонить на свою сторону определенных лиц и определенные круги. Я полагаю, это нетрудно понять. Я создаю сферу влияния — вот и все, но и этого достаточно. Политические успехи, за которые мне приходится бороться, всегда зависят от планомерного разложения и коррумпирования собственников и власть имущих. Экономические выгоды, любовные игры и честолюбие, то есть желание властвовать — вот три основных диапазона, в которых вещает наша пропаганда. Плоды моей деятельности станут заметны лишь во время будущей войны. Ибо ни один из моих врагов не сможет противопоставить мне ничего подобного. Французы, некогда породившие Талейрана и Фуше, сегодня стали мелкими рассудительными мещанами с тоскливыми чиновничьими душонками. Самое большое, чем они могут рискнуть — это полпфеннига; крупные ставки не для них".

В то время заявления Гитлера показались мне чересчур масштабными и я возразил: не стоит мол, возлагать слишком большие надежды на подобное теневое воздействие. Гитлер сердито ответил, что он вовсе не переоценивает своих шансов. "Если этим вчерашним господам угодно заниматься политикой, как честный купец занимается своей коммерцией, соблюдая все прежние традиции и обычаи — Бог им помощь. Я же провожу политику силы, то есть пользуюсь любыми средствами, которые покажутся мне полезными без оглядки на устав или кодекс чести. И тем, кто подобно Гугенбергу, и его шайке, обвиняет меня в клятвопреступничестве, в несоблюдении договоров, в коварстве, обмане, лицемерии, я отвечаю: пожалуйста! Следуйте моему примеру! Кто вам мешает? Эти господа должны понять, что я не могу проводить политику в стиле буржуазных демократий и монархий XIX века, не могу придерживаться обветшалых конвенций и правил. Пусть они, по крайней мере, уяснят себе, что революционные режимы издавна привыкли выходить за установленные рамки. Я очищу борьбу за власть ото всех случайных условностей, и я не знаю, что может помешать мне заниматься ею — со всей неприкрытой безжалостной твердостью. Я никак не могу понять, какая разница: использовать все средства коварства и лицемерия или пустить в дело армию? Тем не менее, приверженцы традиций считают первое жульничеством, а второе — честным средством, к которому, как это ни прискорбно, приходится время от времени прибегать. Почему же? Все это выдумки, ханжеские предрассудки. Понятно, что сегодня я имею преимущество перед всякими мещанами и демократами, потому что мне не мешают ни педантизм, ни сентиментальность. И неужели я должен благородно отказаться от этого преимущества лишь потому, что мои противники еще до него не доросли? Ну

уж, дураков и в церкви бьют!"

Я попытался возразить Гитлеру: ведь на коварство ответят коварством, и мне кажется, что недостатки подобной политики значительно перевешивают ее достоинства.

"Возможно, — ответил Гитлер, — но у меня есть по меньшей мере одно преимущество. Мой величайший политический шанс — в том, что я всерьез занялся борьбой за власть в эпоху, когда многие еще питают иллюзии насчет того, какими силами создается история".

"Но ведь это возрождение учения Макиавелли", — заметил я.

"А я не против того, чтобы меня называли учеником Макиавелли, — подтвердил Гитлер. — Но я полагаю, что только мы, познавшие биологические основы политики, в состоянии делать истинные выводы из его учения".

Я возразил, что такие политические средства, как коварство, обман, предательство, лицемерие, подкуп, убийство очень быстро утрачивают свою действенность. И мне кажется, что история итальянских городов- государств подтверждает недолговечность такой политики.

Гитлер сказал, что его политика и не рассчитана на долгосрочное воздействие. Достаточно, если с ее помощью удастся пробить политические барьеры, воздвигнутые вокруг Германии. "И пусть мои противники еще скажут мне спасибо, за то что я иду навстречу их пацифизму и предпочитаю ненасильственные политические средства там, где другие действуют оружием. Давайте смотреть правде в глаза. Все они горят желанием заключить с нами пакт: об этом свидетельствует каждое слово, доносящееся к нам из враждебного лагеря. Все эти демократы и отмирающие классы с радостью сбросят со своих плеч излишнюю ответственность и примут все мои мирные гарантии. Все они — мелкие людишки; конечно, они хотят власти и находят удовольствие в обладании властью. Они толкуют о долге и ответственности — но больше всего они были бы рады, если бы могли спокойно заниматься цветоводством, удить рыбу по воскресеньям и проводить свою жизнь в благочестивом созерцании".

Я возразил, что все это относится прежде всего к нашим либералам и консерваторам. Что же касается англичан и французов, то многое свидетельствует о том, что они настроены иначе.

Гитлер не заметил моего возражения. "Мы же, уважаемый господин, — продолжал он с особой страстью, — мы пылаем жаждой власти и не боимся в этом признаться. Мы одержимы этим высшим благом. Мы фанатичны в нашем стремлении к

власти. ЖАЖДА ВЛАСТИ для нас не сухая теория, а буквальный смысл нашей жизни. И мы живем — да, мы живем", — торжествующе воскликнул он. — А другие пусть спят сколько угодно. Так спал Фафнир, пока не пришел Зигфрид". И он зловеще усмехнулся. "Сегодня писаки всего мира трубят, будто я — "предатель духовности", — добавил он затем. — А ведь недавно те же самые писаки с удовольствием болтали о том, как духовность предает жизнь. Как они любили возиться с этой темой, пока она была литературной модой! А сейчас, когда мы беремся за нее всерьез, они делают круглые глаза".

"Но можно ли жить вообще безо всяких договоров и условностей?" — спросил я.

"Речь не о том. Я говорю о звездных часах истории, когда осыпается вся мишура и временем движет один лишь великий ритм жизни. Я снова нашел драгоценность, отвергнутую другими: насилие, источник всего великого и мать всякого порядка". И Гитлер с головой ушел в восторженные фразы о великолепии новой политики.

"Эти отжившие классы показывают всю свою ограниченность, когда возмущаются, что мы не придерживаемся прежних традиций и укладов политической жизни, — снова вернулся он к своей теме через некоторое время. — В политике я не признаю никаких моральных законов. Политика — это игра, где разрешены любые хитрости, а правила изменяются соответственно ловкости игроков". Затем он заговорил о том, что немецкая национальная народная партия разочаровалась в нем: раньше она ожидала от него совсем другого.

"В том не моя вина, что люди сперва считают меня простаком, а потом видят, что сами оказались в дураках". Гитлер снова отверг "идиотские" (по его мнению) обвинения, будто он — диктатор. "Мне хотят налепить ярлык кровожадного тирана. Но ведь в основе любого господства лежит тирания. Господство просто не может установиться иным путем. Если это не укладывается в голове у Гугенберга или у моих друзей — то им следует подождать, пока они привыкнут к новому состоянию. Любой новый режим кажется тиранией лишь в силу того, что пользуется непривычными средствами принуждения. Господство и порядок невозможны без принуждения".

Затем Гитлер вспомнил об упреках, которые ему приходится выслушивать из-за самых лучших своих сотрудников. " Меня обвиняют в том, что я имею дело с честолюбцами и подхалимами. Ну и что тут такого? А с кем мне строить свой Рейх? С монашками, что ли? Мужчины, лишенные честолюбия, пускай держатся от меня подальше. Я могу положиться лишь на тех, кто

настолько прочно связал карьеру с нашим общим делом, что отделить одно от другого просто невозможно. Мне подозрительны те, кто не только говорит о патриотизме, а делает его единственным мотивом своих действий. Впрочем, в мои задачи не входит улучшать нравственный облик человечества — я хочу лишь воспользоваться его слабостями. Я хочу, чтобы рядом со мной были люди, которые, как я, видят в насилии двигатель истории и делают отсюда соответствующие выводы. Но я вовсе не желаю себе славы главного врага морали. Зачем давать своим врагам лишний козырь? Мне будет нетрудно представить свою политику как образец моральности и разоблачить лицемерие своих противников. Массе нужна мораль, нужны простые истины: горе тому политику, который стремится прослыть аморальным сверхчеловеком. Это глупая игра, ею занимаются сыновья богатых мещан, выдающие собственный идиотизм за силу и непреклонность. Я же вряд ли стал бы настаивать на том, чтобы мои действия непременно выглядели аморальными в глазах мещан. Хотя меня и не особенно заботит, что они обо мне подумают".Гитлер заговорил о необходимости террора и жестокости. Он сказал, что не испытывает расположения ни к концлагерям, ни к тайной полиции — просто это необходимо, без этого никак нельзя. "У нас ничего не получится, если мы не будем склонны к жестокости. Наши противники не могут терпеть жестокости не потому, что они гуманны — они просто слишком слабы, чтобы быть жестокими. Господство поддерживается не гуманностью, а преступлениями (в мещанском смысле этого слова). Террор абсолютно необходим для установления любой новой власти. Большевики действовали по-старинке. Они просто истребили весь прежний господствующий класс.

Но это устаревшее, классовое средство. Насколько я помню, его предлагал еще Макиавелли, рекомендуя при этом сперва благодеяниями завоевать расположение другого класса, стоящего на одну ступень ниже господствующего. Я пойду дальше. Я подчиню себе прежний господствующий класс. Я буду держать его в страхе и зависимости. Я убежден: никто из них не стал бы помогать мне по доброй воле. Но если они вздумают бунтовать, то у меня в запасе всегда есть старое и проверенное классовое средство.

Слишком много жестокости — плохо. Это притупляет чувства. Гораздо важнее террора — систематически менять схемы, по которым масса понимает и воспринимает мир. Следует порабощать мысли и чувства людей. Сейчас, во времена радио, это дает несравнимо более стойкий эффект, чем в любую предыдущую эпоху".

Я высказал мнение, что имея в руках современную технику, можно заставить людей в чем угодно разочароваться и во что угодно поверить. Все это может иметь грандиозные последствия — отвечать за них придется нам.

Гитлер сказал, что сомневаться здесь нечего. Те, кто отвечает перед историей, принимают на себя роль судьи и всемогущество, почти выходящее за земные рамки. Стоя у руля истории они, подобно богам, не должны беспокоиться о мнении масс. Главным и единственным законом их действий, по мнению Гитлера, должно быть сохранение власти. "Наш путь не чист, — добавляет Гитлер. — И я не знаю таких людей, которые не испачкали бы своих ног на пути к величию. Действовать без вреда для собственной репутации — это мы оставим нашим преемникам".

Духовно-исторические корни подобного мировоззрения были очевидны. Я спросил Гитлера, не слышал ли он об "экспериментальной практике насилия", проведенной Сорелем и о теории циркуляции элит, предложенной Парето. Гитлер не любил подобных вопросов. Он ответил уклончиво: да, он много занимался соответствующей литературой. Но все это творчески переработал и теперь не желает знать, кто натолкнул его на ту или иную мысль, а до чего он дошел сам, не имеет значения, кто и как мыслил до Гитлера — только Гитлер способен масштабно и последовательно претворять эти идеи в жизнь. И это решает все. Большевики поняли какую политику им вести лишь после того, как пройдя длинный окольный путь, сумели, наконец, отбросить марксистское учение. Что же касается Муссолини, то его мировоззрению не хватает масштабности и необоснованности. Он никогда не сможет избавиться от обманчивого примера Римской империи.

Гитлер подчеркнул, что в связи с этим следует вспомнить об "искушении интеллектом", которое владело нами в прежние годы, и, которое мы успешно преодолели. Теперь же, во времена чудовищных искажений, перед нашим народом возникло новое искушение: насилие. В годы, когда я беседовал с Гитлером, еще теплилась надежда, что наш народ устоит перед этим искушением. Но такое могло случиться лишь в том случае, если бы Гитлера вынудили уйти со своего поста, если бы на его место взошел "законодатель-миротворец". Однако можно ли было свергнуть Гитлера?

Предчувствие смерти и мученическая гибель

Гороскоп Гитлера говорил о грандиозном восхождении, победы следовали за победами. Затем гороскоп становился запутанным и двусмысленным. Одно пророчество говорило о неслыханном поражении. В другом упоминалась береза в поле (Birke im Felde). Считалось, что здесь имеется в виду северо-германский Биркенфельд в земле Вестфалия. Но ведь Биркенфельд есть и в земле Саар. А самое древнее, бранденбургское пророчество гласит о гибели Германии и всегда сбывается.

Мы снова в средневековье. Кометы и мрачные пророчества должны указать истину там, где все прочие выразительные средства подвергнуты запрету и считаются средствами политической борьбы. Беспокойство и страх целой нации, пораженной невежеством, заставляет ее использовать подобные ориентиры. "Серьезные исследователи Библии" изучали Святое Писание и нашли в Книге Даниила приговор тирану. "Это он", — шепчут они, вглядываясь в строчки. "И о богах отцов своих он не помыслит и ни желание жен, ни даже божества какого не уважит; ибо возвеличит себя выше всех. Но богу крепостей на месте его будет он воздавать честь". Они расплачиваются за свои пророчества смертью в концлагерях, но в массах назревает немой вопрос: сколько еще терпеть?

Вопрос о том, как стряхнуть этот кошмарный сон и победить Гитлера, не ввергая немецкий народ в кровавую гражданскую войну, в начале 1934-го беспокоил многих мыслящих людей Германии. С тех пор их количество не уменьшилось. Они есть даже в партии.

Гитлер всегда угрожал, что устроит гигантское кровопролитие, если кто-то попытается свергнуть его с помощью насилия. И обдумывая, как изменить ситуацию, сложившуюся в Германии, следует прежде всего не забывать о главном: кровопролития необходимо избежать. Можно ли расколоть партию? Это было возможно в 1932-м и даже в 1934-м. Но теперь это давно уже невозможно. Масса отупела и прониклась слепой верой. Партийцы целиком и полностью заинтересованы в сохранении гитлеровского режима. Гитлера можно свергнуть лишь в том случае, если многие рядовые партийцы увидят, что крушение гитлеровской Германии неизбежно, и пожелают выйти из партии, чтобы в дальнейшем не компрометировать себя и не лишиться своего положения в обществе. Предпосылки падения Гитлера — в его явных ошибках и просчетах, заставляющих усомниться в его сверхъестественном величии. И только когда все наконец-то увидят, что Гитлер ведет Германию к гибели, будет возможен государственный переворот без кровавой гражданской

войны. Второй предпосылкой такого переворота является наличие сильного ядра, способного возглавить борьбу против партии. Без такого ядра вооруженные партийные формирования быстро подавят любое восстание. Время восстаний и баррикад прошло. При нынешней обстановке такой центр мог бы быть только в армии.

Следует также обдумать вопрос о том, можно ли ускорить процессы саморазложения гитлеровского режима. Одной лишь экономической стороны здесь недостаточно. При разрушенной экономике режим может существовать еще много лет. Но если поставить Гитлера в полностью безвыходную внешнеполитическую ситуацию? Может быть, тогда он сделает множество ошибок, утратит уверенность и наконец потеряет самоконтроль? Ведь этот человек, благодаря своему несчастному темпераменту, способен проводить свою политику лишь тогда, когда он непоколебимо уверен в себе. И свержение Гитлера нужно начинать с разрушения его самооценки. Утратив божественный ореол, он потеряет признание и вес в партийных и народных массах. И весь режим рухнет как карточный домик.

В Германии у Гитлера были честные, откровенные оппоненты. Они очень быстро выбыли из партии. Выступать против него в открытую было бессмысленным самопожертвованием. Против Гитлера возможно было бороться лишь "подкопом". Приемы, используемые Гитлером, вынуждают оппонентов действовать скрытно и исподтишка. У Гитлера есть противники, которые выдают себя за особенно истовых последователей гитлеровского учения. Среди них — два национал-социалиста, особо приближенных к Гитлеру. Подобно многим лучшим членам партии, они видят, что Гитлер погубит будущее Германии, и убеждены в этом гораздо сильнее, чем самые радикальные буржуазные оппозиционеры. Существовали изощренные планы, как довести Гитлера до того, чтобы он непоправимо скомпрометировал себя. Но все эти попытки заставить Гитлера споткнуться были неудачны по двум причинам. Во-первых, даже самые рискованные предприятия Гитлера удавались и приносили ему успех. Во-вторых, если бы даже Гитлер попал в трудное положение, то прежде всего это обозначало бы трудности для самой Германии. Настроение буржуазной оппозиции все время колебалось. Многие вспоминали Гете, который защищая Наполеона от нападок немецких "освободителей", сказал: "Этот человек слишком велик для вас". Остается только одно: заставить Гитлера лично ответить за все, к чему неизбежно придет Германия: за войну, поражение и разруху. Гитлер будет стараться перенести эту ответственность на других. Он постарается

возложить ее на всю партию. Он захочет разделить ее со всеми своими советниками. Прежде всего он пожелает, чтобы командование отвечало за неудачи на фронтах. Но ни один из руководителей вермахта, за исключением разве что нескольких "вечных кадетов",так и не научившихся правильно рассуждать, не поддержит фюрера. Все они ответят: "Извините, господин Гитлер, но это уже ваше дело. Вы завели нас в дебри, теперь выведите нас отсюда".

Но действительно ли падение Гитлера неизбежно приведет к крушению Германии, и следует ли из этого, что дело Гитлера — дело всех немцев? Так считает Ялмар Шахт; партия смотрит на эти вещи проще.

"Старая гвардия" имела собственное мнение о Гитлере.

"А-Ги" (так они называли фюрера) всегда был немного смешон. Когда его голос срывался в фальцет, когда он, чуть не плача, умолял о чем-нибудь старых бандитов из СА, многие насмехались над ним и презрительно называли его "паяцем". Но и среди тех кто безоговорочно верил в Гитлера, не все были согласны с его политикой. Один известный политический деятель из провинции, соседней с Данцигом, однажды сказал мне, что фюрер, как Христос, должен пожертвовать своей жизнью ради партии. И только после этого весь мир поймет его истинное значение. Скоро наступит время, когда ему придется исчезнуть, уединиться. И никто не должен знать где он находится. Вокруг него должна возникнуть тайна, он должен превратиться в легенду. Массы будут шептаться о грядущих великих событиях. Наконец напряжение станет невыносимым — и вот тут-то Гитлер и появится снова, во всем своем величии. Ему уже не нужно будет заниматься политикой. Он будет выше этого. Он будет великим законодателем, пророком, который принесет новые скрижали со священной горы. Но после этого последнего явления народу он должен будет исчезнуть навсегда. Так, чтобы никто не нашел его останков. Для верующих масс он должен остаться в тайне.

Таковы были фантазии этого деятеля. И он не был одинок. Другие говорили о том же, только проще. Но их мнение было аналогичным: когда-нибудь Гитлер должен уйти. Он должен пожертвовать собой. Он должен погибнуть мученической смертью — такова величайшая услуга, которую он обязан оказать партии. Определенные руководящие круги использовали эти настроения и даже, в известной степени, разжигали их. Верный Рудольф Гесс еще давным-давно говорил о том, что не следует подгонять новое государство под экстраординарные масштабы личности фюрера, иначе все зашатается, едва он уйдет, как было с империями Фридриха и Бисмарка. "Германия снова на коне, и новые,

независимые личности, которые будут править этим конем, не смогут иметь успеха при диктатуре. И поэтому он непременно совершит свое последнее величайшее деяние: вместо того, чтобы выпить до дна чашу своей власти, он отставит ее и, подобно верному Эккарту, отойдет в сторону".

Весьма подозрительное пророчество, недавно повторившееся вновь. Но кто может поручиться, что Гитлер захочет подражать верному Эккарту? Гитлер понимает, что он не диктатор. Но гауляйтеры и рейхсляйтеры считают, что, если уж в Тевтонском рыцарском ордене был Генеральный Конвент, способный сместить собственного гроссмейстера, то и сам Бог велел позаботиться о новом гроссмейстере для нового Ордена. В свое время Тевтонский Орден сместил одного из своих величайших гроссмейстеров, пожелавшего в тяжелую пору перемен затеять войну с Польшей. Это было много веков назад, но подобная ситуация может повториться. Подобно Генриху фон Плауэну, который был готов отказаться от ордена, чтобы с помощью бюргеров и дворян создать в Пруссии новый порядок, гроссмейстер Гитлер тоже уже почти готов отказаться от партии, чтобы вывести Германию из опасной ситуации. Многие пытались решить все проблемы с помощью лозунга: "За Гитлера, но без партии!" Однако дальнейшее существование партии важнее, чем жизнь фюрера.

Таковы были идеи, распространенные, по меньшей мере, среди высшего руководства. "Адольфа нужно заменить", — шептались СА и СС. И действительно, могла возникнуть такая ситуация, когда Гитлер сделался бы невыносим для Германии. Когда фюрер великого Рейха оказался бы слабовольным человеком, апатичным и неспособным принимать решения. А ведь такое уже случалось, и не раз. Гауляйтеры и рейхсляйтеры с озабоченностью наблюдают его экзальтацию, граничащую с безумием. Когда он переступит предел допустимого? Не помешает ли он сохранить в Германии прочный порядок? Все эти сомнения приводили к простому выводу: "Гитлер может уйти, но партия должна выжить".

Гитлер давно чувствует, что назревает вокруг него. Вокруг него сгущается тень смерти.

Уйдет ли он по своей воле, чтобы затем вернуться и стать еще более великим, чем прежде? Не окажется ли вскоре, что весь этот порядок не может существовать без него. Будет ли возвращение величайшим триумфом его жизни? Или он погибнет, настигнутый пулями тех, кому он больше всего доверял — в момент, когда ему одному известен спасительный выход из сложнейших испытаний, предстоящих Германии?

Еще старик Гугенберг сказал Гитлеру в глаза: "Вы погибнете

от пуль своих же людей". В действие вступают силы, для которых мертвый Гитлер полезнее, чем живой. Они считают, что живой Гитлер опасен, а мертвый будет силой, способной сплотить разваливающуюся партию перед лицом неизбежного кризиса. Вечная немецкая сентиментальность, туманный мистицизм и тупая верность идеалам помогут партии.

Жизнерадостная, спортивная, всегда элегантная и модно одетая Ева Браун была страстной курильщицей и очень любила танцевать — в противоположность своему "господину и повелителю", который решительно отрицал оба эти удовольствия. Отношения с Евой Браун. которая с января 1932 г. была его любовницей, скрывались от общественности.

Таким образом, одни хотят, чтобы Гитлер остался жив и понес ответственность за всю грядущую судьбу Германии, которая уже вырисовывается на горизонте и приближается семимильными шагами. Они считают, что это единственное средство, способное уничтожить его вместе с его дьявольскими идеями. Другие желают спасти миф о Гитлере. Они хотели бы, чтобы сейчас, на вершине своего успеха, Гитлер исчез, и ответственность за неизбежные поражения понесли бы другие. Невидимый Гитлер останется неприкосновенным. Его огромная легендарная сила станет тем больше, чем тяжелей будет поражение, за которое придется отвечать другим. Миф о Гитлере переживет века и разбудит силы, которые когда-нибудь обратят поражение в великий триумф.

Между тем, злой рок должен свершиться до конца. И война все равно неизбежна.

Гитлер никогда не позволял своим людям сомневаться в неизбежности войны — несмотря на то, что сам он всеми силами старался избежать ее. "Большого испытания нам не миновать", — сказал он при мне на одном из заседаний руководства. "Нам следует быть готовыми к жесточайшей изо всех схваток, какие до сих пор приходилось выдерживать нашему народу. Только после такого испытания воли мы созреем для господства, которое является нашим призванием. Мой долг — вести эту войну, невзирая на потери. Жертвы будут огромны, каждый из вас представляет, что такое тотальная война. Но она выкует нам стальной народ. Вся "мякоть" отвалится. Останется лишь кованое ядро, которое пребудет вечно. Я не боюсь никаких разрушений. Нам придется пожертвовать многим из того, что сегодня кажется нам дорогим и незаменимым. Города превратятся в руины; шедевры архитектуры погибнут навеки. Но я этого не боюсь. Мы

стиснем зубы и будем бороться дальше. И Германия восстанет из этих руин более прекрасной, чем любая страна мира".

Таковы были его восторженные фантазии, так он пытался притупить озабоченность своих ближайших сотрудников. И он все говорил и говорил о безжалостном способе ведения войны, к которому ему придется прибегнуть. Он говорил, что сочтет оправданным любое средство. Ибо это даст понять каждому, что речь идет о жизни и смерти Германии. Если Германия не победит, она навсегда исчезнет. И это хорошо, ибо сознание этого закалит его воинов, вдохнет в них безумную смелость и крайнюю решительность. А решительность заставит их хвататься за любое средство, даже если в глазах всего мира оно будет выглядеть отчаянным и недопустимым. Он не остановится ни перед какими жертвами, ради того, чтобы прорвать "линию Мажино". Он не посчитается ни с чьим нейтралитетом. Он не откажется ни от отравляющих газов, ни от бактерий, если они смогут принести ему успех. Неустанно применяя все средства, какие только будут у него в руках, без сомнений двинув в бой все резервы, он одним огромным, решительным ударом одержит победу.

Безумствуя в своей горной резиденции, Гитлер переживает редкие часы невиданного восторга, видит себя величайшим гением собственного народа и величайшим законодателем грядущего человечества. В бреду он думает о том, что на Земле еще не было человека, который смог бы всего за семь лет совершить столь много неслыханных вещей. И — если взглянуть как следует — уже сегодня все главное сделано. По крайней мере, основа заложена повсюду. И он пересчитывает свои заслуги — с "неукротимой" гордостью, не покидавшей его даже в годы тяжелейших унижений: создатель нового государственного устройства, новой великой империи, какой еще не было в немецкой истории; новых вооруженных сил, нового социального устройства. Не ему ли предстоит решить все социальные проблемы; не он ли создал хозяйственный механизм, который ляжет в основу всей экономики новой эпохи? А новейшая структура его Ордена, иерархическое устройство Рейха, новая стратегия, политика народонаселения, новое искусство? Есть ли такая область человеческой деятельности, которой бы не коснулись его революционные идеи? Он выше Фридриха, выше Наполеона, выше Цезаря!

Он думает о том, что еще семь лет ему придется бороться за внешнее величие и постоянство форм глобального Германского Рейха, а в следующие семь лет посвятить себя последнему, высшему предназначению — стать пророком, провозвестником новой веры, которая будет венцом его творения. Ибо за эрой

христианства должны последовать тысячелетия гитлеризма — и это случится не по причине установления внешнего политического порядка, а путем провозглашения нового спасительного учения, которого ждет человечество. То, что погубило Ницше, то что было острейшим противоречием в его учении — одновременное провозглашение жажды власти и дионисийского наслаждения жизнью — именно это указало Гитлеру путь.

Три раза по семь лет, произведение двух священных чисел: за этот срок его жизненная программа будет выполнена.

Но при мысли о будущих боях, о неизбежной работе, его руки начинают дрожать. Уже сама мысль о делах, назначенных на сегодня, причиняет ему почти физическую боль. Он уже не может переносить всех этих приближенных, не может видеть каждый день одни и те же тупые лица. Он становится все чувствительнее. Его нервы реагируют на самые незначительные мелочи. Любой запах задевает душу своей навязчивой ясностью. Это раздражает его. Непонятливость собственных соратников, их несговорчивость, мелочность, мещанская назойливость. Они не соблюдают дистанцию. Они позволяют себе фамильярность, которой он не терпит. Он никуда не двинется с этого места. Уединившись здесь, он будет отдавать свои приказы, как бог из-за облаков. Никто не помешает ему здесь, в Хрустальном дворце, в горах, в его орлином гнезде. Сюда ему должны доставлять всю необходимую информацию. Отсюда он будет править.

И зачем ему все время заботиться об этих назойливых подробностях? Его ли дело командовать административным аппаратом? Пусть другие позаботятся об этом. Он должен быть свободным, чтобы принимать великие решения. Зачем ему вести войну? Усталость овладевает им. Он все чаще думает о смерти. Ему вспоминается "ЗАВЕЩАНИЕ". Там написано все. Оно продлит его жизнь, даже если сейчас ему придется умереть. Мысль о завещании успокаивает его. Там написано обо всем, что еще предстоит сделать. Юные партийцы исполнят его заветы. Для них это будет святыней.

В этом завещании описана окончательная структура его национал- социалистического партийного ордена. Орденом будет руководить его преемник. Гитлер с ненавистью думает о Геринге. Оставить свой пост этому человеку! Но избежать этого никак нельзя. К счастью, это не будет долго продолжаться. Геринг долго не проживет. Завещание Гитлера содержит план Рейха, социальное устройство, новый экономический порядок. И, кроме того, оно содержит самое главное: религиозное откровение, первые сбивчивые строки нового Святого Писания, которое он

подарит миру, если останется в живых.

Но он не останется в живых. Он предчувствует это. Он отмечен смертью. Довершать его дело придется другим. Его охватывает страх. Пропадают все счастливые чувства, только что переполнявшие его. За ним следят, его подстерегают. Он слышит, как они шепчутся между собой и смолкают, когда он подходит ближе. Они смотрят все более и более странно. Они беседуют о нем. Что они говорят? Они не шутят. У них мрачные лица. Они замышляют что-то недоброе.

Что они сделают с его завещанием? Не случится ли с ним то же самое, что случилось с завещанием Гинденбурга? Они напишут другое завещание. Все пойдет иначе. Эти мерзавцы изуродуют его творение. Они украдут у него бессмертие. Этот Геринг снова введет монархию. Опустевшее место Гитлера займут Гогенцоллерны. Геринг говорит, что час монархии настал. Не для того ли он трудится, чтобы вернуть на престол Гогенцоллернов? Так хотел старый Гинденбург. Гитлер был вынужден пообещать это старику. Он не сдержал слова.

Все сразу оборачивается против него. Уже никому нельзя доверять, даже Гессу. Что за гнусная рожа у этого Гесса — с маленькими, глубоко посаженными глазами, с противно торчащими скулами! Гесс тоже врет. Все подстерегают его. Его техника, все его коварство и лицемерие обернулись против него. Среди партийцев нет ни прямоты, ни честности. Каждый следит за своим соседом как за смертельным врагом. Это было полезно вначале, когда он только-только поднялся и вместе с этими строптивцами отправился в поход за властью. Он мог использовать одних в игре против других. Но сейчас рядом с ним нет ни одного, на кого он мог бы положиться, ни одного, кто не думал бы в первую очередь о себе и своем личном будущем.

А его прежние противники в массах? Разве их не стало больше, чем когда бы то ни было? Разве они не осмеливаются снова поднимать голову? Эти офицеры и юнкера, перед которыми он до сих пор испытывает некоторое смущение, эти высокомерные чиновники, эти ограниченные промышленники! Масса начинает ускользать от него. Он замечает это. Его чутье безошибочно, его не проведешь. Люди уже ничего не хотят, они ослабли. А как же ему теперь воевать? Как вести их в бой?

Все проблемы внезапно наваливаются на него, они самостоятельны и независимы от его воли. Раньше он подгонял события, сейчас все само двинулось с бешеной скоростью. Его влечет следом. Только приложив усилие, ему удается остаться наверху. Почему все задачи вдруг стали такими тяжелыми? Он уже не волен определять. Эти смертоносные проблемы наделены

собственной волей. Они влекут его туда, куда он не хочет. Разве сейчас он должен исполнить все то, за что он страстно боролся? Неужели им удастся шаг за шагом переместить его туда, куда он вовсе не намеревался идти?

Да и достиг ли он вообще чего-нибудь? Не рухнет ли все это, когда он уже не будет стоять во главе? Если бы он, по крайней мере, ввел конституцию, если бы он по-настоящему установил свои законы! Теперь потомкам не останется ничего. Его преемники все изуродуют и извратят, они растопчут и испачкают его память — так же, как он сделал с трудами своих предшественников, своих соперников. Он него не останется ничего, кроме нескольких курьезных построек.

Строить! Наверное, его призвание — быть строителем; когда-то его не приняли в архитектурный институт, и он прошел весь этот долгий окольный путь только для того, чтобы получить возможность строить.

Какой причудливый путь! В нем уместилась вся его жизнь.

В действительности он не сделал ничего долговечного. Все развеется, как предутренний сон. Он достаточно хорошо знает массы. Он жил среди них. Он слишком близок к ним, и он всегда будет их презирать. И массы тоже будут ненавидеть и презирать его. Со всей своей задыхающейся, хрипящей злобой эти выродки отомстят за то, что однажды поверили ему, за то, что пели ему хвалу, хотя он ничем не лучше их самих. Он тоже вырос в канаве. Он обманом взобрался наверх, туда, где ему не место. И те, кто восхваляли его громче всех, первыми бросят в него камень. Эти трусы захотят взять реванш. Но сейчас они молчат и ждут его смерти — как будто он еще не умер.

А жив ли он на самом деле? Может быть, это ему только снится? У него кружится голова. Его жизнь была бредовым сном. Его назовут главным преступником. Он ничего не достиг. Только разрушил. Фундамент, на котором он хотел строить, внезапно исчез. Все как во сне. Где империя, которую он основал? Не отделятся ли Австрия и Чехословакия? Сможет ли он их удержать? Не своими ли руками он создал вековечную пропасть между Рейхом и Австрией? Где же конституция, где гауляйтерства, с помощью которых он хотел вытравить память об историческом прошлом, о княжествах и князьях? Где Великая Германская Федерация, простершаяся на всю Европу? Что будет с его планами социального устройства? Что будет с его вооруженными силами?

Сомнения и страх сжимают горло. Он снова хрипит. Он болен. Он пробует свой пульс. Он испуган. Он весь потен. Он дрожит. Пророчество, последний гороскоп! Он упустил из виду

предостережение!

Одиночество подавляет его. Он боится одиночества. Что-то ужасное скапливается вокруг него, когда он один. Он должен видеть людей. Он должен действовать. Ему нельзя думать. Только действовать!

Он идет к лифту.

ЗВЕРЬ ИЗ БЕЗДНЫ

На борту "Мейфлауэра" [14]

Мы в пути. Стремительный бег времени увлекает нас за собой. Или нам это только кажется, а время на самом деле мчится где-то в стороне, мимо нас? Куда несет нас, зажатых меж палубами нашего корабля, на жестких настилах, в затхлом воздухе, лишенных света звезд? Внизу бездонный океан, а над головой монотонно завывает опасность. В подвалах этого города, этой страны — мы словно в трюмах нового "Мэйфлауэра". И уплываем от всего, что казалось простым и привычным, уплываем, лишенные покоя и надежности, к новой земле — далекой, неведомой и, быть может, враждебной. Корабль наш — это Лондон, Англия. И мы совершаем наше паломничество к новому образу жизни, в страну иных эпох. С нами надежда, надежда и уверенность в себе — мы сумеем выдержать это нелегкое плавание.

Надежда… Да, у нас действительно есть надежда. Мечты сопровождают нас в пути. Мы грезим грядущей эпохой, тоскуем о ней; уже проступают ее смутные очертания, ее величие — возможно, это мечта о чуде. Вероятно, мы хотим найти в себе силы навсегда избавиться от однообразия и тревожной утомительности жизни. Повсюду царят опасность, страдания и мрак и трудно представить — какие еще испытания нам предстоят.

Что же оставляем мы позади? И куда нас влечет? Мучительные вопросы нынешнего переходного периода, времени между битвами и в гуще сражений, времени странствий, в котором загадочный ход событий становится непостижимым, уводящим от целостности привычного бытия.

Я выключил свет и выглянул в окно, туда, где позади теннисных кортов в багровых сумерках стелились по небу густые клубы дыма от пожара в доках. Лучи прожекторов метались по небу, перекрещивались, расходились и затем гасли. Сигнальные парашютные огни яркими всполохами разрывали полумрак и медленно опускались к земле. Апокалиптическая ночь! Где-то вверху ревели бомбардировщики, заходя на новый круг. Разрывы — чуть дальше, чуть ближе, свист бомб, падающих уже неподалеку, и вдруг — страшный грохот взрывов совсем рядом.

Я пошел вниз, чтобы присоединиться к остальным; таков уж человеческий инстинкт — собираться вместе в минуту опасности. Когда зенитная артиллерия присоединяла свои то едва различимые, то резкие залпы к бомбовым разрывам, заснуть уже было невозможно.

Зажигательные бомбы попали к нам на крышу, а одна фугасная бомба угодила в наш теннисный корт.

Мм неплохо устроились в подвале. Телефонный ящик я приспособил под письменный стол, за которым можно писать, не беспокоя других светом лампы. Мы уже привыкли друг к другу. Вместо постелей у нас одеяла, матрасы, подушки и плащи. Вот пожилые супруги мирно спят, обнявшись, как и много лет назад. Вот пара помоложе, вроде бы у них все в порядке, но почему-то кажется, что это лишь хорошая мина при плохой игре. Какой-то мужчина читает, укрывшись плащом и подложив чемодан вместо подушки. Неподалеку пожилая молодящаяся дама: она делает вид, что обнаружила наконец-то счастливое место, причем, это ее собственное открытие и здесь она вне досягаемости. Подушки и одеяла валяются по всему полу, и атмосфера здесь почти что невыносимая. Из-за моего стола я наблюдаю нелепое кокетство молодой миниатюрной девушки; она все время дергается и хихикает. Мужчина рядом с ней в защитной полевой форме — как знать, может быть, они молодожены, а может, просто друзья, юные, счастливые, беззаботные. Девушка хихикает и болтает без умолку, не обращая внимания на грохот снарядов и сотрясающееся здание.

Наше сонное общество приютило рыжеволосого розовощекого младенца. Ребенка не смущает большое количество незнакомых людей вокруг, он доверчиво копошится возле своих родителей. Они пришли из соседней гостиницы, жильцов которой эвакуировали из-за бомбежки. Малыш мирно посасывает из своей бутылочки и затем засыпает. Наш подвал переполнен людьми. Здесь есть даже несколько французских офицеров, у которых врожденный дар чувствовать себя уютно при любых обстоятельствах. Пол под нами вздрагивает, как при землетрясении. Какая-то женщина впадает в истерику. Тяжелая бомба упала неподалеку. Один из французов успокаивает ее: "c'est fini…"[15]

Затем внезапно все стихает. Зверь уполз в темноту.

Повсюду в подвалах этого огромного города люди живут точно так же. Как и в других городах, больших и малых. Люди разных стран и разных сословий, сведенные вместе, мы образуем новые сообщества.

Рушатся барьеры, исчезают предрассудки. Мы незаметно растворяемся друг в друге — рабочие и работодатели, мастера и подмастерья. Общая беда сделала нас другими.

Таких бомбоубежищ Андерсона[16] здесь многие тысячи — тысячи крошечных спасательных шлюпок в океане. Только места в них чудовищно мало. Вокруг ревут бомбардировщики и грохочут

орудия. Небольшие экипажи этих шлюпок затеряны в безбрежном океане, один на один с неизбежностью, назначенной им неведомой космической силой, нанятой на службу человеком. Что определяет, кому быть сраженным — случайность ли или судьба? Пробуждается давнишний страх, страх незапамятных времен. Страх, управлявший человеческой жизнью еще до начала истории, еще до того, как человек появился из звериного лона, до того, как впервые назвал добро добром и зло злом, и попытался понять смысл жизни. Как же далеко мы отброшены назад — на многие тысячелетия. Кто-то из нас ищет забвения в картах или вине, другие поют хором или обсуждают свою работу или будущее; и что же? Всякая нормальная жизнь стала сегодня бессмысленной. Человечество вновь лицом к лицу столкнулось с тьмой, с непостижимой силой новой неизбежности. Мы лишились состояния защищенности, ничто отныне не может уберечь и упорядочить нашу жизнь.

Здесь есть огромные убежища, громадные подвалы. Разные люди собираются в них вместе. Но среди них нет единства. Люди обособляются, образуют группы, заявляют об исключительности своего положения. Набожные и погруженные в себя, ища покоя, собираются вместе. Где-то собираются картежники или франты. Семьи со своими общими заботами держатся вместе. Договариваются друг с другом районы и улицы.

Станции метро заполнены людьми. Тысячи их расположились на платформах, в переходах, на лестницах и эскалаторах. Они принесли с собой подушки и одеяла, здесь они работают и питаются. Кто-то ревниво оберегает обжитые места от незваных гостей, кто-то бродит из подвала в подвал, как кочевник. Все ищут себе идеальное, абсолютно безопасное убежище.

А наверху древний город день за днем превращается в руины. Мало-помалу. Разрушение — дело нелегкое. Но каждая ночь увеличивает зону опустошения в этом каменном творении. Никто не знает, каким будет конец и когда он наступит. Но крепнет ощущение, что подобно тому, как много лет назад для английских колонистов на борту "Мейфлауэра" Старый свет скрывался за горизонтом, так и сейчас — на наших глазах исчезает эпоха. Целый мир — прошлый и настоящий — тонет со всем своим содержимым. Мы никогда больше не увидим его. Он исчезает навсегда.

Мировая революция

Как могло это случиться с нами? Почему это обрушилось на нас в те яркие дни незабываемого лета? Война казалась далекой, нереальной, немыслимой. Мы наслаждались жизнью. Насилие представлялось дурным кошмаром. В нашем мире царила атмосфера успеха, процветания, великолепия и веселья. Война виделась неправдоподобным сном.

Как это все случилось? Как мог один человек заразить целую нацию своей манией и навязать всему миру дух разрушения и порабощения? Отчего это стало возможным? Этот вопрос у всех на устах.

Разве не в том причина, что уже исчезли любые прочные социальные и политические структуры, на которые мог бы опереться народ? Разве революция не началась еще до того, как она была признана? Разве она уже не витала в недрах кажущейся безопасности западных стран — новая, безжалостная, беспрецедентная революция?

Возрождение Германии деградировало в нигилистическую революцию разрушения, а она, в свою очередь, разрослась до всеобщего ниспровержения, до мировой революции. От политической бесконтрольности изменилось социальное устройство. Мировой политический порядок распался. Образовывались новые объединения, вырастали в коалиции и снова распадались. Причиной тому уже была не война и ее последствия — сплотились силы, сносящие ныне старую политику.

Что останется после этих преобразований? Что можно сохранить и от чего придется отказаться? Где найти более прочное основание, на которое можно было бы уверенно опереться, нежели эта неустойчивая организация, эти новые границы и новые институты? Но давайте сначала рассмотрим внешнее проявление этой революции в нашей среде. "Вся европейская цивилизация уже долгое время терзаема пыткой напряженности. Эта напряженность возрастает с каждым десятилетием и должна закончится катастрофой. То, о чем я здесь пишу — это история ближайших двух столетий. Я характеризую то, что неизбежно, неотвратимо произойдет — как появление нигилизма", — так писал Ницше поколение назад. Национал-социализм — одна из политических форм этого нигилизма. И это не единственная и не последняя форма.

Но что такое нигилизм? Ницше предлагает свой ответ: "Понятия высшей ценности полностью теряют всякую ценность.

Конечная цель исчезает. На вопрос "почему?" нет ответа". Все становится проблематичным, люди находятся в муках неопределенности.

Большое представление, устроенное национал-социалистическим диктатором для фашистского дуче в Берлине, на Олимпийском стадионе 29 сентября 1937 г. В свете прожекторов эмблемы обоих диктаторов, свастика и менторские пучки. Между ними Муссолини, говорящий с массами. Государственный визит итальянского диктатора, с превосходно срежиссированными массовыми шествиями и парадами, стало триумфальным праздником германско-итальянского братства. Ось Берлин — Рим была установлена окончательно

Покушение на безопасность

Что-то незаметно вкралось в сущность человеческой природы. Светлая пора великолепного лета, запах опадающих осенних листьев — и вдруг все кануло куда-то. Сухие листья еще шуршали под ногами, и никто тогда не думал о смерти и разрушениях.

Демонические силы вторглись в наш укромный мир, и мы снова убедились, насколько он хрупок. Этот светлый мир мы сами водрузили поверх реального — он подобен кучевым облакам, лежащим на горах в знойный летний день. Но волшебная страна в золотом убранстве не может служить точкой опоры. Наша человеческая природа тонкой дымкой стелется над неприрученными и не поддающимися приручению силами.

То, что произошло — нечто большее, нежели простое завоевание с помощью современной техники того, что прежде казалось неприступным, непоколебимым, как линия Мажино. Великая идея безопасности человечества вновь оказалась утопией.

В те невероятно восхитительные летние дни, когда слились воедино солнце, тепло и голубое небо, ворвалась эта новая война — нелогичная, четырехмерная пространственно-временная особа, по масштабу своему совершенно не сравнимая ни с одной из предыдущих войн, с их прямолинейными внешними ходами. В самую сердцевину благополучия и безопасности ворвались смерть и разрушение. А потом вдруг опять наступил мир. Люди снова сидели на скамейках Гайд-Парка, женщины ходили по магазинам, играли дети — все как всегда. Война показалась далекой, нереальной, несуществующей — лишь умозрительная опасность, не ощущаемая на самом деле.

Что будет в результате такой войны? Уничтожит ли она наши, основанные на полуторавековом опыте гражданской безопасности, унаследованные представления, вынудит ли признать, что нынешнее общественное устройство в целом — хрупкая материя? Придется ли нам заново учиться различать вечное и мимолетное, должны ли мы будем вернуться к исконной набожности и каждый день молить Господа сохранить то, что еще способно изменяться к лучшему? Или нам надо сегодня всерьез окунуться в проблемы становления справедливой системы, которая каждому обеспечила бы максимум защиты от ударов судьбы? Защиты не только для имущих классов, беспокоящихся о своей собственности, но в первую очередь — для широких слоев населения.

Защищенность — это источник социализма любой

разновидности; защищенность перечеркивает все, что средневековье воспринимало как судьбу — болезни, страсти, смерть, а в будущем — и сверхъестественные силы возмездия и наказания. И даже защита от демонов подсознательного и прошлого. Не является ли такая безопасность просто победой разума? Обманчивой была не только безопасность существующих границ. Обманчивой была и вся концепция гражданской безопасности, ибо люди сами то и дело становились бессознательными разрушителями своей собственной защищенности.

Разве суровые испытания последнего времени не доказали еще раз всю иллюзорность существующих гарантий безопасности человека? Но это не означает, что вообще не стоило искать эти гарантии. После всего пережитого нужно в первую очередь направить все силы на то, чтобы сделать маниакальные вспышки разрушения невозможными в будущем. Но разве этого достаточно? Разве не очевидно, что пока существует необходимость в надежных гарантиях безопасности, самих по себе этих гарантий недостаточно?

Эта четырехмерная война не только угрожает уничтожить гражданские права, завоеванные за последние полтора столетия, она еще выдвигает вопрос — целесообразны ли вообще были три с половиной столетия эпохи Просвещения, освободившие человека от подчинения высшим ценностям, абсолютной власти? Стали очевидны недостатки чисто житейской философии. Для человека единственно человеческим является не ставить себя и собственные цели превыше всего, а подчинять их тому, что действительно выше человека. Гуманизм, таким образом, оказывается первой ступенью к дегуманизации, поскольку разрешает человеку быть судьей самому себе, освобождая его от ответственности перед трансцендентной властью.

Способны ли совладать с политикой эти богословские рассуждения? Что станется с демократией, если будет разрушена незыблемость законов, регулирующих ее функционирование, если не останется более никаких общепризнанных фундаментальных этических принципов? Можно ли договориться с человеком, который признает только самого себя, свои насущные потребности и цели, свое стремление к власти? Что способно заставить его признать эти понятия условными, если нет у него веры в трансцендентный порядок, при котором человеку отведено определенное место? Проблема любого антропоцентрического общества в том, что в итоге все оборачивается утратой свободы. Невозможно ожидать каких-либо здравых устремлений от существа, отрицающего духовное начало и братолюбие, —

понятий, которые истинны только в Боге.

Просвещение, разум, прогресс, осушение духовного болота человечества, обеспечение безопасности, правовая защищенность — все эти усилия, призванные освободить человека от бремени тревог, являются замечательными плодами труда человеческого. Но как только они возводятся в абсолют, как только неограниченная власть обожествляется и становится нормой жизни, они тут же из блага превращаются в проклятие, из средств поддержки — в орудие подавления.

Пророки и пропагандисты

Когда пророк Иеремия предсказал падение Иерусалима, евреи бросили его в сырую темницу. Они кричали, что "этот человек жаждет не блага своему народу, а страданий". Рискованно делать пророчества. Если настолько просто предсказать приближение зла, то почему же оно происходит? Я вовсе не жалуюсь, что некоторые мои предсказания грядущей революции не были восприняты всерьез. Чересчур невероятным казалось, что такая странная фигура как Гитлер, вынесенная на Олимп в результате брожения германской нации, человек, которого воспринимали не иначе как уголовника, как выскочку, сумел до мельчайших подробностей еще восемь или девять лет тому назад спланировать все, что ныне претворяется в жизнь. Это свидетельствует об огромной уверенности в своей силе и широте замыслов — качествах, которыми никому и в голову бы не пришло наделять этого человека. Именно это и сбило с толку противников Гитлера, не пожелавших внимать подобным предупреждениям, считавших планы Гитлера пустой фантазией или дешевой пропагандой, и которые, как теперь видно, он разработал с непостижимой точностью.

Вовсе не Авдемелех Ефиоплянин[17] вытащил меня, как пророка Иеремию из болота, в котором я оказался прошлой зимой, когда была издана моя книга "Говорит Гитлер", а звериная сущность воплощающихся ныне гитлеровских замыслов.

Операция против Скандинавии, вторжение в Голландию, скрытое перемещение войск, вероломство и продажность марионеточных правительств, пятая колонна, непостижимый крах старейшей французской демократии — все произошло именно так, как Гитлер намечал в Оберзальцберге еще в 1932 году.

Сбудутся ли и дальнейшие его планы? Наступит ли черед Великобритании, Балкан, России, Ближнего Востока, а затем и Африки, Америки и Дальнего Востока? Приведет ли мировая революция к печальному концу, к полному разрушению старого порядка или она замедлит свой ход? Найдутся ли силы, способные противостоять этой революции нигилизма? Могут ли остановить ее демократы?

С тех пор, как рухнуло господство демократии в Европе, вера в ее силу серьезно пошатнулась. Но разве крах демократии не был наиболее убедительным доказательством обоснованного презрения Гитлера к старой политической системе? Разве это не показало, что новая действительность требует новых методов политического руководства? Разве демократия не являлась по

существу системой правления лишь нескольких аристократов, каковой она и была с самого начала? Мог ли такой режим устоять перед угрозой массовых выступлений, возникновением нового индустриального общества, новых методов исполнительной власти и нового коллективного сознания?

Так ли уж важны теперь причины, превратившие Германию в националистическое государство, и стоит ли вообще размышлять над истоками национал-социализма? Разве существует на этот счет какое-либо единое мнение? Наступит ли время, когда экспертам удастся вычислить точную дату полной гибели нацизма? Произойдет ли это в результате нехватки сырья или рабочей силы, из-за новой инфляции или внешней задолженности, а может, в силу недостаточных доходов должностных лиц или по множеству иных причин? Ошиблись все — и экономисты, и социологи, и прочие ортодоксальные ученые мужи. Вопреки всякому здравому смыслу, вопреки естественному ходу вещей нацизм развивается и неуклонно набирает силу. Он подчинил себе собственную своенравную нацию, преодолел жесткое сопротивление и антипатию к себе, прогрыз себе путь через все препятствия и барьеры, подорвав силу своих противников. Для Гитлера и его малообразованных приверженцев это был Поистине триумф силы воли. Очевидно, здесь действовало нечто большее, нежели жажда реванша и стремление к сплочению нации. За спиной нацизма, кроме германского империализма, стояли и другие силы. Из чего это движение черпало способность привлекать на свою сторону враждебные ему элементы? Как удалось нацизму парализовать волю, сломить правосудие и привести в замешательство своих многочисленных противников? Это наиболее важные вопросы. Разрешив их, удастся понять ошибки и иллюзии, способствовавшие успеху революции нигилизма, ошибки, порой совершенные из лучших побуждений и добрых намерений. Удастся понять, что происшедшее с Германией, присуще не только этой стране, — весь мир подвержен этой опасности.

Почему мы стали нацистами? Я не имею в виду уголовников или деклассированных элементов, недовольных или разочарованных, я говорю о патриотах, представителях интеллигенции, людях доброй воли. Думаю, не ошибусь, если скажу, что ответ на этот вопрос следует искать именно сейчас, в круговороте сегодняшних событий. Если национал-социализм был формой германского национализма, и скорее всего его крайней формой, если само движение прекратило служить величию германской нации, то есть ли основания упрекать нас, порой с неприкрытым презрением, не только в Германии, но и

здесь, что мы продаем собственную страну, чье величие и "правда или неправда" не столь однозначны? Я полагаю, что осознав мотивы, заставившие нас отвернуться от нацизма в то время, когда он переживает беспрецедентный успех, можно было бы изменить нынешнее мнение о характере великого столкновения идей, в которое вовлечены мы сегодня.

Не думаю, что я вправе простить тех моих товарищей среди германских эмигрантов, которые не приняли вместе со мной участия в противодействии Веймарской демократии, полагая, что разногласия были намного проще, нежели в действительности. Наши судьбы могут показаться схожими, но на самом деле есть существенная разница. Различие заключается не только в том, что одни добровольно отвернулись от режима, который в свое время ошибочно поддерживали, тогда как других принудили к изгнанию как представителей старой побежденной системы.

Болес существенным отличием является то, что сейчас для всех нас представляется обычным делом, а именно — борьба против политического режима в Германии. И в желании восстановить демократию как необходимый институт жизни Европы.

Мы выступили против парламентской формы демократии и общественной веры в прогресс, а также против ложного идеализма вовсе не по пустяковой причине. Мы поступили так потому, что видели реальные признаки начала революции нигилизма, которая заявила о себе еще в Веймарской республике, задолго до национал-социализма.

Смятение

Голубое небо! Нескончаемое очарование голубого неба стоит перед глазами, когда я вспоминаю и позднюю весну, и это прошедшее лето. Сейчас преждевременно опадают пожелтевшие листья. Сентябрь только-только начался, а уже пахнет осенью. Удивительный вид открывается на Серпантин и башню Виктории[18] на заднем плане, с ее тончайшим каменным кружевом, упрятанным в леса! Мы сидим в шезлонгах, читаем, дышим, живем. И вдруг — пронзительные завывания сирен, взметнувшиеся в небо дымки шрапнели, грохот орудий. Над Лондоном эскадрильи немецких бомбардировщиков, преследуемые английскими истребителями. И прежде чем мы успели осознать, что происходит, над нашими головами разыгралось ужасное сражение. На горизонте клубятся дымы — это пожар в Сити. Вот что нам уготовано — мы вновь во власти смерти и разрушения.

Конечно же, все мы изменились за эти недели и месяцы. Кто-то не заметил этого, кто-то воспринял это с ужасом и тревогой. Потеряет ли большинство из нас последнюю точку опоры, собственную цель, инстинктивно примиряясь с чем угодно, лишь бы оно гарантировало хоть крупицу безопасности?

Как случилось, что подобный нигилизм не был даже замечен за пределами страны, его породившей? Существуют и иные объяснения, помимо обычной реакции либерального оптимизма. Вероятно, частичное разъяснение кроется в глубоко укоренившейся вере англосаксов в то, что духов зла не существует вовсе, а идолы Ваал и Молох (по сей день иудеи именуют их elilim - "ничто") оживают лишь благодаря человеческим страхам и уступкам. Конечно же, глубочайшая истина может быть обнаружена любой мало-мальски серьезной философией, претендующей находиться по ту сторону добра и зла. Но чтобы иметь право заявить этим "ничто", что они суть "ничто" и не способны ни на что, необходимо, так или иначе прибегая к их услугам, оставаться все-таки невинным младенцем, как ветхозаветный пророк. В противном случае такая позиция приведет (как это уже не раз случалось с западными политиками, полагавшимися на необоснованный либеральный оптимизм) к недальновидности, поспешности суждений и изрядному самодовольству.

Но когда приходится подыскивать объяснение этой великой революции, наши мысли погружаются в необычайное смятение. Ведь успех национал-социализма стал возможен не потому, что

какой-то проворный тактик воспользовался примитивными желаниями намеченных жертв ("…как птицы запутываются в силках, так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них". — Екклесиаст, 9:12). Мы погружаемся в трясину ложных представлений и соблазнов, трагически искажающих наши лучшие побуждения.

Один радикальный немецкий мыслитель заявил, что в нынешний век существует единственный путь, по которому можно успешно следовать, все прочее — чистой воды романтизм. Это единственное направление — последовательная механизация, рационализация и технократизация жизни, позволяющая формировать полностью подконтрольную структуру. Что бы мы не предпринимали, наши планы и цели будут координироваться в этом направлении. Мы вольны думать, что направляемся куда-то еще, но на самом деле возвращаемся к этой цели. Мировая революция — вот наша судьба. Чем искреннее мы полагаем, что выступаем против нее, тем больше содействуем ей. Политические соблазны и смятения нашего времени являются именно теми причинами, по которым мы втянуты на этот старательно избегаемый путь.

Революция только начинается

Капитуляция Франции нереальна и призрачна. В течение этих недель драматического развития событий, с тех пор как немцы вторглись в Голландию, мы все ждали ответного наступления союзных войск. Казалось, оно должно последовать, как это было и раньше во времена взлетов и падений полуторатысячелетней истории Франции. Но этого не случилось. В критический момент не оказалось резервов для наступления, не последовало и спешного сплочения сил.

Означает ли это конец Франции как могущественной державы? Оборвалась ли на этом ее история? Как бы то ни было, разве это не равносильно вынесению приговора политической системе, которая уже больше не отвечает требованиям современной действительности?

Долгое время были основания опасаться, что Германия не окажется единственной страной, где средний класс потерпел поражение, а с ним и вся демократическая система, управляемая аристократией. Подобная капитуляция может произойти где угодно, была бы лишь соответствующая ситуация. Единственно важным условием этой проблемы является податливость масс, включая и средний класс. Уже не только фашистские круги придерживаются мнения, что нынешняя форма демократии обречена, но подобные взгляды разделяет и зараженная социализмом молодая интеллигенция. Эти люди считают, что невозможно избежать тенденций к нивелированию личности и, как следствие, — разложения традиционных устоев. Они также полагают, что устаревшие формы демократии несовместимы с нынешним развитием событий по одной простой причине — нет сколь-нибудь прочного приемлемого базиса, на основе которого можно было бы прийти к согласию. Кроме того, уже не соблюдаются нравственные принципы. Единственное, что необходимо сделать в данной ситуации — это предусмотрительно освободить дорогу стремлению к полной коллективизации. В будущем развитие событий должно быть подконтрольно лишь узкому кругу лидеров, поддерживаемых специально подготовленной для этого системой. Управление страной, умело осуществляемое с помощью вооруженных сил, должно преподноситься как волеизъявление самого народа, замаскировавшись средствами массового внушения. Любой другой курс бесплоден и обречен на провал.

Одно очевидно — парламентская форма демократии испытывает стремительно растущие трудности, а государство, не

вполне осведомленное о методах функционирования этой демократии, в сущности уже созрело, чтобы исчезнуть вместе с ней. Но означает ли это, что у нас нет способа избежать нового абсолютизма, и народу не остается ничего другого, как увериться в том, что это и есть желанная свобода? Следует ли отсюда вывод, что в будущем невозможно гарантировать свободу, а только безопасность?

Здесь кроется главная опасность для будущего — опасность широкомасштабного распространения революции и концентрации всех революционных тенденций тоталитарного абсолютизма. Для нас мировая революция только начинается.

Универсальный характер революции нигилизма

Прежде всего, революция — явление всемирное. Ее невозможно запереть в Европе. Она является крайним проявлением величайшего революционного процесса, который уже пять столетий определяет судьбу западного мира. Кроме нее нет ничего, за исключением движения вспять, регресса. Не регресса в смысле обратного действия, возврата к средневековью и реставрации старинных династий, но регресса в смысле поочередной смены стоящих у власти партий. Революция нигилизма — радикальная и конечная форма тирании человечества, в силу чего эта революция обретает свое истинное лицо, превращаясь в рабство и зверство.

Вероятно, эволюция подобного рода не могла не состояться, потому что именно такое развитие событий, доведенное до крайностей, способно было вызвать отвращение. Нужна была подобная сверхлогика, дабы продемонстрировать разрушительный характер этого движения, которое в полной мере проявило себя еще во Французской революции; она также должна была показать, что коммунистическая революция, к которой так долго призывали, непременно должна была принять форму большевизма. Есть несколько особых причин, объясняющих почему так случилось, и почему именно в Германии этот эксперимент был доведен до своего крайнего предела. Пройдет ли весь мир стадию революционного нигилизма, или же нам удастся избавить его от этого — вопрос риторический. Чтобы ответить на него, требуется тщательно изучить природу современного мирового кризиса.

Опасность заражения всего мира революцией велика. Ни один уголок мира, ни одна нация несвободны от революционных микробов. Методы лечения болезни зависят от правильно поставленного диагноза, задолго до того, как болезнь начала прогрессировать. Подлинные средства излечения должны быть найдены в огромном наследстве неисчерпаемой цивилизации. Ни чудотворцы, ни маги не предоставят их нам.

Революционная инфекция

Гитлер расчистил себе путь к волевому центру демократии с помощью нескольких простых идей. Он сбил социалистов с пути истинного лозунгом, что эта война капиталистическая, и, следовательно, социалисты не заинтересованы в ней, но их время еще наступит. Он парализовал решительность имущих классов, заявив, что война неминуемо ликвидирует всю частную собственность: если она будет вестись до конца, то неизбежным ее следствием будет именно то, что война должна была предотвратить, то есть наступление коммунизма, олицетворяющего собой всеобщую нищету. Массы возьмут власть в свои руки и в конце концов установят диктатуру. Людей, далеких от политики, Гитлер убедил идеями, единственно их интересующими — "Для чего война?", "Наслаждайтесь жизнью!", "Сила — в радости!", "Счастье, мир, безопасность!".

Мир, — говорил он, — может быть обеспечен в одночасье, будь у народа решимость, и если здравый смысл человека с улицы завладеет умами политиков. Гитлер сумел завоевать сердца простых людей, потому что сам был выходцем из народа.

Если кто и обострил обстановку, так это бонзы, лидеры рабочей партии. Повсюду возобладал один и тот же способ извлечения денег из кармана "маленького человека", что и привело к концу спокойной жизни.

Существует и другой класс, на который рассчитывал Гитлер. Это предприимчивые, беспокойные личности, полные жизненных сил. К ним он обратился с басней о дряхлости европейского порядка, об истощении цивилизации, уже отжившей свой век, об анемии и обветшалости некогда почитаемого христианского общества. Сильный должен повелевать, слабый должен подчиняться. Разве не это говорил Ницше? И разве не это было загадкой всех переломных эпох? Новое время требует новых идей и новых заповедей. Вовсе не язык отличает людей и государства друг от друга, а их расовая принадлежность, предопределяющая их отношение либо к классу господ, либо к классу рабов. Будущее принадлежит новой европейской аристократии, состоящей из сильных безжалостных людей действия, которые наложат свой отпечаток на новую великую Европу.

Еще большей значимостью наделена другая группа, на которую рассчитывает Гитлер. Это прогрессисты, выступающие за рациональное планирование. Может показаться парадоксальным, но, тем не менее, это сущая правда, что Гитлер всю эту группу включил в сферу своего влияния. Представления о Гитлере, как

человеке здраво понимающем прогресс, в том смысле, что его нельзя так просто остановить, могут выглядеть странно. Но разве в действительности Гитлер не устраняет все препятствия на своем пути для разумного преобразования Европы или всего мира? Есть ли оправдание этой европейской системе бесчисленных мелких государств, этим нескончаемым препонам, этому искусственному протекционизму? Есть ли какой-то смысл в национальном суверенитете нескольких десятков независимых государств в то время, когда технический прогресс преодолевает все границы? Ведь жизнь наверняка безжалостно предъявит свои требования. И не глупо ли и бесполезно противиться новой эре из-за своих симпатий и антипатий вместо того, чтобы всячески способствовать ей?

В течение полутора столетий все, что по своей природе было планируемым, обустроенным, централизованным, стандартизированным и сконцентрированным, все это рассматривалось как прогресс и обновление, как противопоставление всему отсталому, неорганизованному и традиционному. Как же, в таком случае, все значительные усилия национал-социалистов, с их невероятной концентрацией и централизацией, с их планированием и организованностью, сумели испортить впечатление в глазах тех, кто представлял будущее человечества неизбежно в форме глубоко рационализированной системы? Расовая доктрина Гитлера может выглядеть неумной и отталкивающей, его политика — ничтожной, а методы пропаганды — абсурдными. Но несмотря на все это, этот человек выступает на переднем крае истории. И, конечно, было бы неплохо прийти к согласию с ним, вместо того, чтобы действовать против него и против времени. Несомненно, этот довод приводится в различных кругах, в том числе высокоинтеллектуальных, но этим не исчерпываются различные подходы нацистов к специфическим группам. Например, к психоаналитикам, которые очарованы попыткой национал-социалистов освободить себя от темной стороны цивилизации. Есть и те, кто привык думать исключительно с биологической точки зрения, и которые готовы признать, что только динамизм находится в гармонии с законами существования, и что статический порядок означает истощение жизненных сил.

15 сентября 1938 г. Гитлер выиграл первый раунд в своей игре вокруг Чехословакии: премьер-министр Великобритании Чемберлен прибыл к нему в Оберзальцберг для ведения переговоров.

Именно идеи, а не просто голые факты, играют решающую

роль в борьбе за новый порядок. Существенным в этой борьбе является не просто количество производимых товаров, превосходство в вооружении или в запасах полезных ископаемых, а идеи, которые парализуют сопротивление и распространение разногласий. Именно эти идеи предотвратили быстрое сопротивление революции и одолели его, а также приобрели своих сторонников во всех странах мира.

Но как, спросите вы, нацистская революция может быть поставлена рядом с Великой французской революцией, обязанной своим величием идеям свободы и равенства? Конечно, основополагающие идеи этих двух революций не поддаются никакому сравнению. Но они схожи в том, что революция нигилизма, как и революция за права человека принимает форму непрерывного процесса обновления, противодействуя старому режиму. Именно этот факт был поставлен на карту, причем так умело, что это устраивало любую из попавших под влияние нацистов группу. И этот же факт предоставил Гитлеру явное преимущество перед своими противниками. Национал-социализм как политическая сила, стоящая за этой революцией, благодаря своей тщательной пропагандистской завуалированности всегда выступает как сила нового, молодого против устаревшего, бесплодного и косного. Нацистские деспоты никогда не уставали указывать на то, что новые мировые империи и новый порядок могут быть созданы и сохранены только посредством новых идей управления. Миллионы союзников Великобритании во всех странах мира не смогут сами определить для себя суть конфликта: они сделают это, если только их вдохновит общая идея мирового порядка, отличающегося от того, который предложил им национал-социализм. Эта общая идея не должна быть только альтернативой нацистской, она должна взять верх над ней путем убеждения в том, что она располагает к себе своим этическим превосходством и ясным содержанием. Но в то же время по своему масштабу она, по крайней мере, должна быть равной нацистской. Это должно быть всеобщей задачей достижения такого порядка, который можно противопоставить нацистскому стремлению к безграничному мировому господству.

Типичная слабость старых режимов

Типичное отношение представителей старого режима к новым революционным элементам характеризуется прежде всего неверием в собственные силы и переоценкой неведомых агрессивных сил революционеров. На этой позиции и строится политика попустительства, стремление отговорить, вместо того, чтобы с самого начала встретить революционные элементы сильным и решительным противодействием. У старых режимов отсутствует инстинкт самосохранения. Государственные мужи утратили способность различать, что полезно, а что губительно. Всякий раз старый режим теряет чувство соразмерности. Он пасует перед пустяками и не замечает перед собой настоящих, готовых к действию сил. Его легко обмануть. В результате, он чаще всего совершает ошибки в своих действиях против новых сил. Старый режим проявляет отвратительную жестокость там, где благоразумнее было бы уступить новым элементам, и капитулирует, отрекаясь от жизненно необходимого порядка, там, где следовало бы оказать решительное сопротивление. Это характерная черта капитулянтского строя, нерешительного и противоречивого в своих действиях. Он никогда не знает, где находится и чего хочет. Старый режим предпочитает бездействовать, нежели совершить хоть одну ошибку — с такой готовностью что- либо взваливать на свои плечи всякая ответственность постепенно исчезает. Его настроение меняется самым неожиданным образом от ничем не оправданного оптимизма и добросердечия до самого мрачного пессимизма. Старый режим становится рассадником всякого рода слухов и сплетен. За внешней лояльностью к существующему правительству скрывается откровенный скептицизм, и идеи и взгляды революционных элементов непрерывно просачиваются в сознание старого режима, постепенно деформируя и разлагая его. В конце концов подобное мировоззрение становится настолько обыденным, что теряется всякая способность что-либо делать, сопротивляться ходу событий, кажутся бесполезными любые попытки противостоять движению, порожденному логикой ситуации. Единственное, что остается — это надежда на личную неприкосновенность. Так постепенно человек капитулирует перед самим собой. Каждый хотел бы поступать с достоинством и прямотой, присущей ему, но каждый вынужден склоняться перед неизбежностью. Кто поступает иначе, тот либо глупец, заслуживающий того, что получает, либо невежда, вынужденный расплачиваться за свои собственные ошибки. Попытки

осознанного сопротивления, при уважительном отношении к убеждениям, — нелепы. У старого режима нет убеждений. Отрекающаяся власть теряет ощущение собственной правоты и приобретает вместо этого жалкий скептицизм по отношению к любым гуманистическим нормам.

Здесь, в Англии, отношение демократов к нацизму, фашизму и большевизму напоминает отношение старого режима на материке к новым революционным силам. Я не утверждаю, что демократы отрекаются от власти, но, откровенно говоря, долгое время они вели себя так, будто были готовы отречься.

Секрет успеха Гитлера в борьбе со своими противниками в Германии и его внешнеполитические успехи заключаются в неприметной манипуляции комплексом неполноценности старого режима перед лицом революционных сил. Нацизм использует всю гамму чувств, вырабатываемых этим комплексом — от нерешительности до полного паралича воли и ощущения бесполезности всякого сопротивления.

Нацизм всегда агрессивен и претендует быть носителем всего нового, грядущего, энергичного в противоположность старому, отжившему, закостенелому. Быструю результативность подобных методов продемонстрировали недавние события во Франции. Идеологическая монета нацизма имеет хождение в любой части света. Нацистские лозунги распространяются повсюду и повсюду приживаются, а вместе с ними приживаются и нацистские концепции и взгляды.

От "жизненного пространства" до "прав молодых наций" и "нового мирового порядка" — такова вереница одурманивающих фраз, сфабрикованных нацизмом, которые просто пронизывают бездеятельные и беззащитные демократические государства, медленно, но неумолимо изменяя как их интеллектуальную, так и политическую жизнь. Этот процесс куда более сложный и коварный, нежели сравнительно безвредная деятельность пятой колонны или щедро оплаченных наемников. Исподволь подвергается разрушению воля нации к самосохранению; нация не предпринимает никаких действий, чтобы защитить себя.

Это куда больше, чем просто пораженчество, это — полное смятение духа, поражающее нацию, процесс, долгое время остававшийся незаметным и потому теперь оказавшийся столь внезапным.

Самым разрушающим элементом этого процесса становится паразитирование на воле к жизни, ослепляющее тех, кто стал жертвой собственных интересов; слепота перед смертельной опасностью, которая, несомненно, напоминает эйфорию и легковерный оптимизм, столь характерные для умирающих.

Это те опасности, на которые еще не поздно обратить внимание. Единственная возможность обеспечить свою безопасность — это постоянно и бесстрашно смотреть правде в глаза. Все те ошибки, которые мы совершили в Германии относительно нацизма и взаимоотношений с ним, повторяются и в других странах. Они являются результатом неспособности обдумывать те или иные понятия, результатом ошибочного оптимизма и совершенно неверного представления о ситуации в целом. И прежде всего — это результат использования понятий и норм, бытующих среди нас, но никак не соотносящихся с новыми условиями.

Сущность этой войны

Город живет своей обычной жизнью. Переполнены магазины, на улицах деловая суета. Впечатление такое, будто людям, поглощенным повседневными заботами, нет никакого дела до сообщений, приходящих оттуда, с той стороны Ла-Манша. Но это лишь на первый взгляд. Внешнее спокойствие — всего-навсего защитная реакция, позволяющая сохранить самообладание и здравый смысл. Ведь решается судьба нации, которой предстоит столкнуться с чем-то совершенно неведомым и, скорее всего, разрушительным.

Несмотря на грозящую опасность, нет ни слова упрека, даже мысли не возникает искать козла отпущения. И хотя в течение двух-трех недель скрываемое беспокойство стало видимым, не ослабевает решимость, на лицах лишь глубокая озабоченность. Люди подняли головы и расправили плечи и неизбежное встречают с упорством и непостижимой энергией.

Пережить эти дни в этой стране, в этом городе является привилегией. Вся Европа ощущает влияние и воздействие нравственного здоровья этой нации. Именно ей суждено, приняв вызов, изменить неизбежный ход событий. А нам суждено стать свидетелями этого противостояния, которое предопределит судьбы будущих поколений.

Но разве не удивительно, что даже сейчас истинная природа этой войны не осознана? Да и война ли это? Разве на самом деле это не мировая революция? Военный аспект не является сущностью происходящих событий, это в конце концов — вторичное, завершающее средство. Это — не война 1914 года, ничего схожего не имеет она с баталиями XIX столетия или классическими войнами Мальборо[19]. Важно то, что боевые действия в этой войне — лишь видимая сторона медали. Подлинная же война скрыта от глаз, и люди о ней ничего не знают. Боевые действия выполняют, безусловно, важную функцию, как в любой "традиционной" войне: нанести противнику первое поражение, а затем полностью его уничтожить. "Первое поражение" — вот что существенно. Расколоть будущие силы сопротивления — такова была задача предварительной политической борьбы. Осуществить революционный раскол. Вполне возможно оказать сопротивление преследованиям, сопровождающим проигранную битву. Недавняя история знает тому массу примеров. Проигранная битва может даже обернуться победой, если будет оказано сопротивление в явно безнадежной ситуации. Но в осуществлении

предварительного раскола Гитлер, несомненно, преуспел. Он выиграл первое сражение. Этого нельзя отрицать. Необходимо признать и то, что эта битва приняла форму революционного раскола политических сил.

Гитлер в точности достиг своей цели, намеченной еще в 1932 году, до захвата власти. Но суть его достижений не в высадке десантов, не в пятой колонне и не в использовании предателей, хотя и этого нельзя сбрасывать со счетов. Существеннее другое — планомерное расширение парализующей растерянности и разобщение нации. Задача, которую можно решить только в том случае, если все слои государства и правительство уже поражены латентной революцией.

Здоровая, прочная демократия, конечно, может потерпеть военное поражение, но она не должна была подвергнуться столь сокрушительному разгрому, как это произошло во Франции, где превосходство противника оказалось настолько ошеломляющим, что всякое сопротивление было просто бессмысленно. Отсюда вытекает существенный вопрос: как возникло это материальное превосходство, и почему столь здоровая нация не приняла необходимых защитных мер? Роль Гитлера в подавлении физического сопротивления нации заключается в использовании парализованной ранее воли к жизни. Не находись страна в условиях скрытой революции, этот политический фокус не удался бы. Не парализовав воли к сопротивлению, не удалось бы создать такой могучей военной машины. Нации, попавшие под его влияние, уже до того носили в себе зародыш разложения. Гитлер знал, как наполнить ядом бактерии распада, как вызвать лихорадку, ускоряющую разложение; но необходимым условием было заблаговременное заражение жертв и ослабление их сопротивляемости.

Даже для Гитлера подобное революционное разложение поначалу было не более чем тактической хитростью. Сначала он и не помышлял ничего большего, кроме как политическими средствами облегчить ведение боевых действий или же вообще обойтись без них, а действовать исключительно политическими методами. Первоначально Гитлер не был вождем мировой революции, каким является ныне. Он и его генералы опирались на опыт взаимоотношений Людендорфа[20] с Россией. Они изучили опыт германского Генерального штаба, накопленный при засылке Ленина и Троцкого в Россию, и на основе этого выработали собственную систему и доктрину — стратегию экспансии.

Но случилось непредвиденное. Военная сторона дела вышла из-под контроля. Революционный курс, подчинивший немецкую

нацию новой военной дисциплине, оказалось, жил по своим собственным законам. А причина в том, что Германия уже находилась в состоянии латентной революции, которая разъела все элементы общественного строя. Революция вышла из-под контроля своих создателей и покровителей: она отбилась от рук, пошла вразнос и подчинила военные и экономические элементы своему собственному контролю. Вся жизнь была подхвачена сумасшедшим потоком перемен.

В любой войне два момента: революция есть ее сущность, и — всякое революционное движение уже неостановимо, потому что все страны давно подготовлены к этому. Они сами предопределили квазиреволюционное разрушение своей экономической, политический, социальной и духовной жизни.

Пределы военной эффективности

Как не велик был соблазн применить вооруженные силы в этой войне, военное руководство все же вынуждено было признать, что одними боевыми действиями невозможно одержать победу и даже достойно обороняться. Но и нанеся лишь политическое поражение, войны не выиграть, даже более бездарной, чем предыдущая. Разве успех был бы возможен, если бы характерные черты нигилистической революции, а стало быть и новой тирании, загодя не проникли в страны-победительницы и не повлияли бы на их будущую структуру?

Мы все втянуты в этот процесс. Существует двойная угроза того, что в этой войне возобладают боевые действия. Революционное воздействие на эту войну учитывается недостаточно или же вовсе упускается из виду. Революция определяет дальнейшие события. Не может быть большей ошибки, чем намерение бороться с мировой революцией ее же собственными методами. Такая попытка была предпринята Германией, и она провалилась. Это привело только к радикализму революции. Нет ничего более бесполезного, чем копировать организацию и методы тоталитарной тирании. Что необходимо, так это осознать новую обстановку, которой воспользовались новые силы для достижения своего временного превосходства. Эта обстановка слагается из технических, политических, экономических и даже психологических аспектов. Они же и вызвали такое состояние человеческого сознания и такие его чувства, которыми умело управляли и пользовались в своих интересах тоталитарные силы. Если военное сопротивление по своей силе не равняется силе врага, то такое сопротивление тщетно. Но на этот раз нельзя позволить политическим писакам свести на нет все, что завоевали солдаты. То, что достигнут военные лидеры, будет лишь тенью победы, если не осознать, что их работа является всего-навсего частью одного большого целого.

Дорога к новому миру

Все стало похожим на сон. После этих ночей мы с трудом вернулись в атмосферу повседневной жизни. Что может быть более важным и существенным, чем сопротивление?

В прошлой войне человек на фронте был вырван из повседневной жизни. Покой и семья, все привычные понятия скрылись во мгле, сделались призрачными и невероятно далекими. Человек потерял связь с прошлым. Сегодня же величайшую сложность представляет примирить гражданские и военные потребности. Эта задача каждый день, каждый час подбрасывает все новые и новые проблемы.

Британская нация обладает врожденной рассудительностью. Она не забегает вперед и таким образом сохраняет способность сопротивляться и восстанавливаться в условиях опасности. Ее инстинкты тесно связаны с природой, с реальностью, несмотря на урбанистический, индустриальный характер этой цивилизации, чего не скажешь о нас, живущих на материке.

Стадность стала тяжелой ношей, но этой нации удалось сберечь свою жизнеспособность. Удивительно, как умело люди сохраняют здравомыслие. Ни малейшей паники или нервозности, нет даже разговоров о том, что все рушится. Как-то ночью я возвращался домой на такси по затемненным улицам; орудийная пальба шла неподалеку между деревьями. Бомба упала в сквере, как я прикинул — в каких-то ста ярдах от нас. Мы на фронте — без всяких сомнений.

Однако здравый смысл и в дальнейшем не достигнет той степени понимания, которая необходима, чтобы осознать реальное положение дел. Легко навлечь на себя подозрения в пораженчестве, если обращать внимание на будущие фазы революции, которые уже появляются на горизонте. Гитлер прибегнет к любому доступному средству борьбы, особенно когда его звезда начет угасать. Он никогда добровольно не отречется от власти, а скорее попытается в своем падении увлечь за собой весь мир и, вероятно, достигнет своих излюбленных Сумерков богов. Так или иначе, он уже сейчас чувствует, что ему ничего не остается, как войти в историю величайшим разрушителем всех времен. Возможно, это и есть сокровенное подсознательное желание его уставшей души, его болезненное неприятие цивилизации.

Невозможно вообразить себе весь ужас расчетливо подготавливаемого разрушения. Химические лаборатории Германии работают над созданием отравляющих газов, фабрики

производят желатин, в котором покоятся бактерии для распространения эпидемий. Поэтому поистине дьявольскому плану подвергнутся заражению порты и корабли Великобритании, и таким образом для английских судов будет установлен карантин, закроющий им все порты мира. Это означает, что Британия попадет в полную блокаду. Правда, Британские острова невозможно в одно и тоже время подвергнуть заражению и оккупировать. Но если они не могут быть оккупированы, то обязательно должна быть предпринята попытка их заражения. Острова наиболее удобны для подобной формы нападения. Это касается и отдаленных континентов. Вполне вероятно, что возбудители дизентерии, тифа и сибирской язвы, которые сейчас взращиваются, как когда-то в мирное время выращивались домашние животные, предназначены и для Америки. Быть может, эти рассуждения, как и сама возможность нападения на американский континент, все еще считаются фантастикой.

Нацисты могут вскоре предоставить заверения и доказательства своей дружественной незаинтересованности в США.

И несмотря на опыт государств, уже познавших на себе всю искренность таких заверений, найдется немало таких, которые поверят в них, потому что они отвечают их целям или же потому, что вера в них вызывает меньше беспокойства. Единственный способ противостоять этому легкомысленному оптимизму — разъяснить истинный характер существующей опасности.

Гитлер и его соратники знали, что мир находится в состоянии невиданных доселе перемен. Эти преобразования могут быть как ускорены, так и замедлены. Могут они обернуться и революционной катастрофой. Широкомасштабная мировая революция могла бы предоставить Германии возможность достичь мирового господства, а группе безжалостных реалистов внутри самой Германии — упрочить их собственную власть.

Поначалу Гитлер находился под влиянием пангерманских и Volkischen[21] антисемитских расовых фанатиков. Он верил, что вслед за Великобританией настанет германский черед мирового господства, точно так же, как Британия сменила Испанию. Он видел возможность достижения такого владычества (возможность, которая может больше и не представиться) в создании условий для мирового революционного кризиса. Гитлер был убежден, что только мировая революция приведет Германию к лидерству. Следовательно, его задачей было ускорить ход мировой революции и оказать финансовую помощь деструктивным подрывным элементам во всех странах. В заблаговременном распознании наступления мировой революции и в способности

использовать ее в своих целях кроется изначальное преимущество нацистских лидеров перед прочими силами и отдельными личностями. Даже умудренные опытом политики с националистическим уклоном видели только "кризисы" и "Ла-Манш" на горизонте. Только Гитлер осознал, что есть и другие неразрешенные вопросы, помимо кризиса во внешней торговле, недостатка сырья и требуемого пересмотра границ. Благодаря собственной проницательности или же с помощью своих друзей Гитлер понял и другое. Он понял, что нация может действительно стать мировой державой, если только обретет господство на море, подразумевая при этом и океаны, в отличие от присущей германцам привычки думать о море, имея в виду лишь Балтийское и Северное. Мышление Гитлера — мышление австрийца, сухопутного жителя, прожившего много лет не видя моря в глаза, мыслившего по-континентальному. Для него морс представлялось чем-то чуждым и довольно мрачным. Он не любил его с той же силой, с какой любил горы. Гитлер так никогда и не поладил с ним. И тем не менее, он пришел к выводу и всегда его придерживался, что нация, которой предстоит управлять миром, должна господствовать в океанах. Он также понял, что нового мирового владычества можно достичь, только разрушив существующее.

Соблазн Британии

Чтобы получить правильное представление об истинных намерениях Гитлера относительно Великобритании, нужно иметь в виду, что по крайней мере уже последние десять лет Гитлер вполне отдавал себе отчет в том, что Германия может стать господствующей силой в мире, лишь если будет уничтожено британское могущество. Предложения Гитлера о заключении соглашения с Британией, однако, были настолько же искренними, как и его нежелание войны с ней. Основной ошибкой имперской политики Германии он считал то, что было позволено разгореться войне между восходящей и умирающей мировыми державами. Гитлер и его ближайшие соратники утверждали, что война принесла Британии возрождение, замедлив процесс распада, вместо того, чтобы ускорить его. Любая новая война только укрепила бы волю британцев к выживанию и, возможно, вызвала бы новое возрождение, вместо окончательного разрушения. Болес того, столкновение с Британской империей в военном отношении было бы рискованным предприятием. Империя обладает большим силовым потенциалом, который невозможно заранее оценить по достоинству. Так или иначе, война будет возможна только с метрополией, но никогда с империей в целом, которая рано или поздно получит помощь Соединенных Штатов.

Исходя из этого, Гитлер пришел к выводу, что Британию необходимо разрушить изнутри. Она должна быть связана с Германией союзом и внутренне подвергнуться изменениям, морально пасть, должна быть доведена до распада. Таков был смысл известного плана, носившего название "junior partnership"[22]. Целью неимоверных усилий Гитлера было вовлечь Британию в союз с Германией.

Благо ли для Великобритании, что началась эта война? Я не пытаюсь ответить на этот вопрос, но будущее Великобритании и Лиги Наций никогда так серьезно не ставилось на карту, как сейчас, когда существует возможность примирения с нынешней германской системой мировой революции. Первостепенная ошибка Гитлера состоит в том, что ради показного величия он упустил возможность бескровной победы, хотя этот успех, конечно же, не произвел бы такого театрального эффекта. Неизвестно, что побудило его избрать этот курс вопреки собственной дальновидности. Может быть, Риббентроп, который, несмотря на всю свою проницательность, был всего лишь посредственной личностью с ограниченным кругозором? Он-то, вероятно, и сумел убедить Гитлера, что нет необходимости идти

долгим окружным путем, чтобы разрушить империю, поскольку Англия слишком выродилась, чтобы осмелиться вести войну.

Прослеживается явная параллель между первоначальным намерением Гитлера подорвать мощь Британии изнутри и его тактикой в отношении германских консерваторов, с которыми он заключил соглашение в 1933 году. Несмотря на это соглашение, в течение двух лет он полностью лишил их власти. Это было выдающимся образчиком двуличности. Вероятно, Гитлер достиг бы не менее значительного результата, если бы исподволь лишил Великобританию ее оплота, и удачно осуществил план "младшего партнерства".

Как бы там ни было, война не положила конец попыткам Гитлера завоевать Британию изнутри. Эти попытки только сейчас начинают всерьез предприниматься на новых рубежах. Причем, "война нервов" или "психологическая война" — слишком слабое для них определение. Не так уж трудно проследить ход мыслей Гитлера в его стремлениях подорвать национальное единство врага. Народ Великобритании, должно быть, рассуждал он, ничем не отличается от народа любой другой индустриальной держаны. Он также требует безопасности, имея в виду мир, требует удобств и развлечений, подразумевая лучшие условия жизни. Народу легко доказать, что война неизбежно снизит его жизненный уровень. В тот момент, когда народ осознает всю бесполезность своих жертв и лишений, он потеряет всякую заинтересованность в войне. Энтузиазм проходит быстро, массовый патриотизм самое непостоянное чувство в мире. Люди могут жертвовать чем угодно только короткое время и то, если они каждый день видят, что их жертвы не напрасны. Но если время идет, а опасение, что их жертвы тщетны, растет, то моральное состояние людей, в какой бы стране они не находились, сильно ослабевает. Подобные выводы, сделанные с жестокой беспристрастностью, привели сегодня к воздушным налетам и бомбардировкам промышленных городов Англии. Любое общество, заявил бы Гитлер, которое еще не зажато подобно германскому или итальянскому в железные тиски тоталитарной дисциплины с ее терроризмом, непременно восстанет в ситуации, в которой оно теряет все, что имеет. В демократическом государстве можно вынудить правительство капитулировать. Даже в момент, когда близится реальная победа, правительство может лишиться ее из-за восстания народных масс.

Но только не в Германии можно ожидать восстания. Восстание возможно там. где народ находится только в начальной фазе революции, то есть в демократических государствах. Германия же, воспользовавшись недовольством в отдельных районах надвигающимся крахом, ввела военную экономику, начав

с нормирования всего и вся — якобы кратковременных мер, правда, слишком поздно и в недостаточных объемах. Почему бы и демократам не опробовать нацистские методы для наведения порядка в стране? Но они никогда не осмелятся установить режим, при котором массы удерживались бы под контролем даже **в** трудной ситуации методами террора и беспрекословного подчинения. Британскому народу, рассуждал Гитлер, рано или поздно все это надоест, как когда-то французам, и он станет прислушиваться к тем, кто в течение долгого времени усердно пытается разъяснить, что нацизм борется не против народа, а только против старого режима. Таким образом, ему, Гитлеру, удастся, вместо того, чтобы убеждать немцев, убедить британских и французских демократов, занятых лишь разговорами, в том, что речь идет об установлении нового порядка, а не о завоевании в традиционном смысле.

Наконец, заключает Гитлер, все эти группы, с которыми он до недавнего времени был в тесном контакте, все еще существуют и по-прежнему верят его обещаниям и заверениям, что Германия действительно не имеет никаких претензий к Британии. Два государства, скажет он, Британская империя и Великая Германская Европа, могут жить в мире друг с другом. Зачем же им воевать, когда они несомненно друг друга дополняют, к чему сражаться, когда Франция утратила свое могущество и явно пришел конец старому порядку суверенных национальных государств Европы? Ради чего Британии снова сражаться в Европе? Разве не вздохнет она с облегчением, сбросив с плеч этот груз? Какое дело Британской империи — величайшей мировой державе, пусть и находящейся всего в двух шагах от материка, — до континентальных проблем? Все эти моряки и население колоний, привыкшие к мировым просторам, давно потеряли всякий интерес к европейскому материку и готовы предоставить ему самому расхлебывать последствия собственной неосмотрительности. Воевать? За что? Неужели нельзя избежать войны, если Франция найдет общий языке Германией? Не полнейшее ли безумие война, которая приведет к абсолютному изнурению? Не лучше ли как можно быстрее заключить мир, пока истощение сил не стало всеобщим? И не ради ли порядка, в котором все человеческие ценности будут полностью уничтожены, ведется эта война? Быть может, можно избежать всех этих непредвиденных осложнений? Не обернется ли эта война для людей именно тем, чего они старались избежать любыми способами — экономическим планированием, бесправием, тоталитаризмом, всесилием государства и бюрократии? И разве не потеряют они безвозвратно все то, за что готовы были

сражаться — свободу и независимость, нерушимость правосудия и порядка? Разве война не вовлекает их в революцию, в которой не будет победителей, а только одни проигравшие?

23 августа 1939 г. министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп (за его спиной — Молотов и Сталин) подписал в Москве пакт о ненападении между Германией и Советским Союзом. "За нашу новую дружбу". — сказал Сталин на банкете, устроенном после подписания. Союзу смертельных идеологических противников не суждено было продержаться и двух лет.

Мы должны быть готовы к обманчивым аргументам подобного рода. Из естественного влияния на людей, их беспокойства, надежд враг выкует свое оружие борьбы. Это оружие может оказаться смертельным, если люди будут недостаточно умело бороться за свои права, или же вообще откажутся от борьбы. Если наступят месяцы военного бездействия, месяцы ухудшающихся условий существования, когда жизнь и безопасность будут находиться под постоянной угрозой, будут широко распространяться лозунги, которые уже некогда лишили один народ своего исторического величия. Конечно, для эмигрантов они не играют никакой роли. И все же, они будут распространяться подобно лесному пожару.

Люди ведут легкомысленные разговоры об изменниках и наемниках. Но возможность осуществления интриг Гитлера основывается на том факте, что во время кризиса не существует обычных понятий заинтересованности, чести и патриотизма. Гитлер умело пользуется путаницей между истинными и кажущимися жизненно важными интересами класса или народа. Во все времена, во всех странах люди склонны отождествлять свои собственные интересы с интересами общества. В мирное время существует организация беспристрастно выявляющая общественное мнение большинства населения. Но для времени, когда весь мир подвергается изменениям, характерно отсутствие этого справедливого органа. Отсюда следуют разногласия и паралич воли, которые несут гибель старому режиму.

Именно в этом направлении Гитлер наверняка развернет крупномасштабные действия. Лишить Британию могущества — такова его главная цель. Политическое соглашение между Британией и Германией следует, конечно, рассматривать как само собой разумеющееся. По этой причине политические усилия в этом направлении всегда будут восприниматься с одобрением во многих слоях общества. Подлинное соглашение могло бы, в

самом деле, гарантировать мир во всем мире на долгое время. Необходимо сделать всего лишь небольшие усилия, чтобы прийти к выводу, что нынешний режим не должен становиться помехой к такому соглашению. Чем отличается один германский режим от другого? Они оба не очень привлекательны и содержат неприятные элементы. Здравый смысл подсказывает: нужно иметь дело с тем, что есть, а не дожидаться того, что хотелось бы видеть. Важно воспринимать немцев такими, какие они есть, и не повторять ошибки 1918 года, когда державы-победительницы настояли на демократическом режиме, который, как показало время, оказался неспособным предотвратить откат Германии обратно к несвободе и авторитарности. В настоящее время путь к таким идеям закрыт из-за возмутительных действий Франции, которая после всего, что случилось, заключила соглашение с Германией. Будь такое соглашение ранее заключено с Британией, можно было бы сохранить мир в Европе. Но существовала ли действительно возможность такого соглашения? Я играл роль адвоката дьявола — не больше не меньше. Поэтому считаю, что сейчас очень важно определенно заявить, что любое соглашение, заключенное перед войной с нынешним германским режимом, несомненно означало бы разрушение Британской империи. То же самое можно утверждать в отношении любого соглашения, заключенного в настоящее время. Разрушение Британской империи является краеугольным камнем политических устремлений Гитлера.

Поразительно, как мало внимания уделяет большинство политиков задаче проникновения в мышление своего противника, хотя самым важным для эффективного предвидения действий противника является именно способность поставить себя на его место. То, что никогда ранее не случалось, эти политики склонны рассматривать как нечто невозможное; если же они столкнутся с этим нос к носу, то, безусловно, откажутся поверить в него, потому что все становится слишком простым и очевидным. Методы предстоящей политической войны настолько же просты, как и те, что вызвали падение Франции.

Снова и снова тот же самый прием: личности, которые идут по дороге, ведущей к разрушению, остаются совершенно слепы к тому, что представляет собой этот путь — путь, по которому их ведут. Следуя этим путем, они воспринимают идеи и лозунги, вложенные в их головы и уста искусным знатоком революционной техники. Из-за своей слабости они вообразили, что это их собственные идеи.

Зондирование Соединенных Штатов

Человеческое мышление по-прежнему слишком медлительно и слишком поверхностно во всем, что касается будущего американского континента. Только англосаксонский мир обладает силой, способной преодолеть революцию нигилизма, противопоставив абсолютизму тоталитарных государств с их принципами подчинения и террора идею управления свободно взаимодействующих между собой объединений. Обе эти системы имеют историческое объяснение. Понятия свободы и демократии в Англии и США иные, нежели в континентальной Европе, включая Францию. В этом отношении элементы, являющиеся общими для обоих полушарий, а также различия между ними прояснились много лет назад, когда Токвиль[23] опубликовал свое замечательное исследование политической системы США. После великой атаки Берка[24] на Французскую революцию никогда не забывалось, что демократические свободы Англии имеют мало общего с тем, что Франция завоевала в 1789 г. в результате кровопролитной борьбы, с применением столь знакомых методов терроризма. Завоеванное с таким трудом было утрачено, затем отвоевано и вот теперь снова приносится в жертву.

Англосаксонская демократия — продукт длительного непрерывного развития. Она развилась из древнейших форм общинной свободы и самоуправления. По сравнению с ней, французская демократия — полная противоположность. Французская демократия образовалась в результате отхода от традиций. Этот разрыв исторической преемственности так и не был преодолен. Французская демократия была радикальным начинанием. Она отличалась доктринерством и рационализмом. Благодаря идее рационального планирования она представила миру одно из самых соблазнительных политических искушений. Именно во Франции терроризм был использован в политических целях, и именно там возникло понятие tabula rasa[25], представляющее собой идею разрушения всех существующих общественных институтов, возникших в результате долгого и постепенного развития, а также идею замены всей нерациональной системы — этого продукта исторического развития — чем-то радикально новым и логически выверенным. Благодаря якобинству и культу разума Французская революция стала матерью всех континентальных революций, вплоть до революций большевизма и нигилизма, и положила начало новому абсолютизму, проникающему в сферу личной жизни и в

сокровенные мысли отдельного человека.

Англосаксонское представление о руководстве берет свое начало непосредственно в средневековых институтах самоуправления замкнутых групп и сообществ. Непрерывная нить поступательного развития тянется от старинных графств к Британскому Содружеству и Североамериканскому союзу. Ни Великобритания, ни Америка не имеют того опыта, которым обладают государства на европейском континенте. То, что рейх значил для германцев до Бисмарка, в отличие от Пруссии или Австрии, дошло неизменным до настоящего времени, игнорируя любые тенденции к централизации, бюрократизации и схематическому развитию. Величайшая прочность англосаксонского государственного устройства и неистощимая способность к восстановлению заключается в том, что его органы самоуправления не превращаются в механизм подавления, а просто приспосабливаются к современным условиям. Может показаться, что эти органы содержат элементы слабости. На самом деле, это элементы силы. Только в таких сообществах могла быть предпринята попытка управления гигантскими территориями без принуждения их к повиновению. Это управление осуществлялось посредством тех же самых свободных институтов, которые в недалеком прошлом казались приемлемыми только для небольших территорий, в которых обучали свободному сотрудничеству с метрополией. Люди, обладающие даром умелого управления и выросшие под влиянием этих учреждений, презирают тиранию и не допускают проявления насилия или хаоса.

Если какие-то страны казались невосприимчивыми к искушению тоталитаризмом, то это наверняка были англосаксонские страны, и никакие другие. Но почему?

Англосаксонский мир лежит открытым для потрясений и уже испытал на себе удары, потрясшие его до основания. И порой кажется, что он уже теряет способность замечать разницу между понятиями свойственными ему по духу и понятиями чужеродными. Существует, к примеру, понятие рационального планирования, перекочевавшее из технократического общества, где оно определяет социальную и политическую жизнь. Когда это понятие претендует на превосходство во всем, что уже исторически сложилось, когда насаждает требования, являющиеся продуктом любой революции, — тогда оно становится по сути своей революционным. Рациональное планирование как принцип — это не просто средство, обрывающее связь с прошлым и разрушающее историческую преемственность. Там, где оно укореняется, там расчищается путь революционным силам.

Кроме того, существует новый феномен масс — это огромные аморфные, колеблющиеся группы людей, не имеющие где-либо корней. Сюда относятся не только жители больших городов, но и жители сельской местности. Они встречаются и среди фермеров и колонистов, в маленьких городах и в интеллектуальных центрах. Везде, где возникает типично массовый характер, исчезают все высшие человеческие ценности. Их место занимают примитивные эмоции, первостепенными становятся желание безопасности и требование счастья. Смысл этого роста масс, подвергающих человеческую цивилизацию в целом опасности прекращения развития, всем нам стал особенно понятен за последние двадцать лет. Именно это, а не безнравственное нападение Гитлера, несет смертельную угрозу нашей цивилизации. Наступление Гитлера не оказалось бы столь опасным, если бы не существовали благоприятные условия, сложившиеся в результате подъема масс.

Вот где кроются возможности для гитлеровского нападения на США. Рано или поздно Гитлер, возможно, решится на военные действия, но будет исходить из собственной, столь присущей ему концепции — разрушения изнутри. Там, где рациональное планирование успешно заявляет о себе как о супернауке политического руководства, уже невозможно найти критерии оценки условий и ограничений, навязанных существующей обстановкой.

Когда массы отвергают собственный исторический опыт, в образовавшемся таким образом пространстве быстро развивается ноля к радикальному перевороту.

Гитлер считал, что он сумеет заранее обнаружить признаки полномасштабной революции в США. Это придавало ему уверенности, и он не обращал внимания на постоянные предостережения таких людей, как Фриц Тиссон, о том, что новая Германия должна любой ценой до биться расположения Соединенных Штатов и ни в коем случае это расположение не потерять. Доводы этих политиков основывались на элементарной цепочке рассуждений.

Если бы Германия могла рассчитывать на поддержку или хотя бы терпимость Соединенных Штатов, то было бы сравнительно легко добиться и одобрения Великобритании. И то и другое было существенным для признания законных и разумных намерений Германии избежать войны, которая, случись, неминуемо превратилась бы в мировую войну.

Гитлер отказывался внимать этим советам: он не воспринимал Соединенные Штаты как державу, имеющую серьезное значение; США не были для него предметом восхищения. Его отношение к ним было смесью особого

презрения и неохотного признания жизнеспособности и технических возможностей этой страны. Прежде всего, Гитлер презирал политическую систему США. Он вообще презрительно относился к жизни Штатов, считая ее легкомысленной и неразвитой. Ни Северная, ни Южная Америка, думал он, все еще политически и социально незрелы, никто из них не приобрел прочных политических и социальных форм на сколько-нибудь долгий срок. Все может случиться на этом континенте, ему еще предстоит претерпеть великие исторические потрясения. В Америке политическая стабильность кажется нереальной, она — всего лишь фикция, которая в любой момент может быть уничтожена. Кажется вполне вероятным, что в результате противодействия либеральной и индивидуальной свободе в США может быть установлена очень строгая дисциплина и навязан централизованный государственный механизм. Раз в Америке начались политические беспорядки, то все может произойти. Может последовать продолжительный хаос, полный паралич и распад искусственной индустриальной системы, сила которой — только кажущаяся. Затем может наступить новая фаза примитивного колониального существования, способная излечить страну, если ей предоставить новую опору в виде возврата к аграрным условиям. Следовательно, думал Гитлер, национал-социализм должен приложить усилия, чтобы как можно быстрее занять прочное место в политической жизни США и иметь возможность влиять на события. Национал-социализм не может быть безразличен к судьбе американского континента, поскольку в мире уже не существует изолированных территорий, как бы огромны и экономически самостоятельны они не были. Возможно, удастся привлечь США на сторону молодых наций, но для этого требуется, чтобы существующий там демократический режим пал.

Гитлер часто заявлял тем, кто пользовался его доверием, что он не боится США как державы, потому что обладает средствами доставки в любое время на американский континент революции, незнающей себе равных. Рано или поздно пробьет час Америки, и массовые волнения ознаменуют собой новое будущее. Если бы кто-то спросил Гитлера, каким образом возможен этот переворот, он бы ответил, ссылаясь на изобилие фактов, о которых в Германии никому не известно. Он бы указал на постоянно растущие массы людей, лишенных корней, и предрек бы крушение старого мира колонистов, придерживающихся определенных социальных и политических взглядов. Существует, говорил он, огромная армия разочарованных в бизнесе, тех, кто не выдержал конкуренции. Именно они составляют класс, формирующий повсюду запас сил для новой революции. Затем

идет особый мир безответственных молодых людей, мир авантюристов и гангстеров. Существует и не менее важный контингент отдельных индивидуумов, которым доставляет наслаждение жестокость и пытки. В глазах нацистской элиты Америка представлялась миром, полном явной жестокости, в котором воля к власти и готовность к безжалостному применению насилия были скрыты лишь тонким слоем условностей, причем эти условности в любой момент могли быть преодолены. Поистине благодатная почва для подрывной пропаганды и для формирования революционных кадров! Можно субсидировать контрабандистов и других противозаконных элементов. Никогда не было недостатка в тех, кто ради денег готов выполнять любую работу. Любой политический лидер, занимающийся своим обычным делом, кажется тесно связанным с идеями нацистской партии.

Затем, продолжил бы Гитлер, нужно учесть все национальные разногласия. Бывшие европейские народы, еще не совсем американизированные во втором и даже в третьем поколении, загнанные в гетто больших городов, особенно чувствительны к любому сорту пропаганды. Или взять тех, кто остался в тесном контакте со своей родиной, и обладает, таким образом, раздвоенной преданностью, что в настоящее время очень опасно. Когда даже население стран с давно укоренившейся национальной традицией может быть поколеблено в своей вере, в своей преданности этим традициям, и которое можно склонить отказаться от всех своих убеждений, как от поношенного плаща, чего уж следует ожидать от эмигрантов, которых еще не затронули политические и социальные идеи Нового света!

В заключение он бы указал на отсутствие в США боеспособной армии и строгой дисциплины, сдерживающей проявление индивидуализма и неограниченных свобод. Кажется, все пронизано коррупцией и продажностью, даже в высших слоях общества. Концентрация на ловком бизнесе не может не нейтрализовать запрещения, которые все еще существуют в Германии и в европейских странах. Кроме этого, в Америке настолько много амбициозности, что в результате можно подкупить выдающихся людей, внушив им патриотические чувства. Несмотря на явно бедственное положение и слабость, лозунг "проснись Америка" может оказать большое воздействие на них. Перспектива спасения Америки от бедствия может стать соблазном для патриотов, которые находятся в отчаянном положении.

В Германии нацизм проложил себе путь к победе с помощью элемента, известного как "зыбучие пески". Массы аполитичных

людей, разоренные войной и инфляцией, потеряли все. Маленькие люди, у которых не осталось никакой надежды, служащие и чиновники; их больше, чем рабочих ниже среднего класса или пролетариев. Масса такого экономического, политического, социального и морального "зыбучего песка" особенно велика в Америке. А Америка уже больше не является страной неограниченных возможностей. Сохранились старые элементы напряженности, к ним добавились новые: расовый, негритянский вопрос, разногласия между Северными и Южными штатами. Гитлер рассчитывал извлечь серьезную выгоду из расовых проблем. Он верил, что разногласия, вызвавшие гражданскую войну, отнюдь не устранены. Гитлер рассчитывал вызвать такие же разногласия, как и в Германии, оживив былые расхождения во взглядах и распри. Ему казалось, что существует возможность возврата к старым и более качественным формам американского общества. Таким образом, он хотел склонить на свою сторону ту часть нации, которая скептически относится к силе современной массовой демократии, и которая с упоением смотрит назад, на времена своих предков, как на романтическое прошлое, куда более приятное и надежное.

Помимо прочего, существовал еврейский вопрос. Казалось почти детской забавой разжечь антисемитизм в Америке и использовать его для активизации революционных элементов, как это было сделано в Германии, имея в виду огромное еврейское население в городах и проникновение евреев в преуспевающие круги. Активный антисемитизм, в котором нацизм постепенно достиг совершенно безнравственных результатов и рупором которого стала газета Юлиуса Штрайхера, оказался средством, благодаря которому первые действующие пропагандистские группировки распространились по всему миру. Уже видно какую роль в успехе Гитлера сыграл антисемитизм и кампания против масонства во Франции. То же самое было и в Польше, и в Чехословакии, и в Австрии. Повсюду антисемитизм становился отправной точкой в разжигании раздора, в расколе политического единства, сеял подозрительность и расчищал путь для революционного наступления на частную собственность.

Не мне судить о правильности или ошибочности гитлеровских планов относительно США. Моя задача — лишь показать обратную сторону этих идей. Многое из того, что он говорил, было всего лишь реакцией на текущие события и ничего более. Многое было отражением идей его окружения, которым он не всегда следовал. Перед всем миром стоит острейший вопрос — каким образом американцы будут реагировать на угрозу нигилистической революции. Если иметь в виду только

воздушные налеты, попытки вторжения или крупномасштабные диверсии — значит совершенно недооценивать эту угрозу. Опасность таких действий, конечно же, существует. Технические возможности настолько возрастут в ходе этой войны, а политическая ситуация может оказаться настолько благоприятной, что рано или поздно может произойти оккупация Америки вооруженными силами другого континента. Но реальная угроза все же кроется в революционных действиях, причем совершенно непохожих на то, что уже испытали или еще испытают на себе Британия или Франция, а именно — огромное революционное движение. Заимствованные идеи и лозунги нигилистической революции, которая как и любая другая революция выступает инструментом освобождения и установления нового порядка, уже оказывают свое воздействие на массы. От них нельзя отгородиться, поскольку изоляция была давным-давно разрушена. В этом смысле американский континент уже находится в самой гуще борьбы, независимо от его желаний или теорий. Никакие заявления не могут избавить американцев от участия в этой войне. Бездействие или отказ от борьбы с нацизмом и революцией означает играть на руку этой революции и способствовать нацистскому мировому господству. Как бы не относиться к гитлеровским высказываниям о том, что для США существует единственный выход — либо ввести диктатуру, подобную нацистской, либо сдаться на милость большевизма местной закваски — так оно и есть на самом деле.

Не следует с пренебрежением относиться к идеям Гитлера, даже если они выглядят совершенно абсурдными. В настоящее время истерия и внушение имеют пагубное влияние и способны вызвать такие политические последствия, которые могут быть расценены вовсе не как достижения, а как нечто нереальное. Феномен коллективного подсознания масс требует тщательного изучения. Здесь, в подсознательных психических процессах лежат псевдосозидательные силы массовой истерии и мании, готовые в любой момент внезапно вызвать к жизни мир, в возможность которого никогда бы не поверил ни один здравомыслящий человек. Если Америка является страной, народ которой все еще держит наготове ружье для защиты своей свободы, вместо того, чтобы просто открыть свои чековые книжки и завоевать благосклонность новых революционных сил, пожертвовав приличную сумму, то в самом деле нет необходимости испытывать страх за исход революции нигилизма в этой стране. Просторы Америки в некотором роде представляют собой тормоз для революционной атаки. Возможно, революции будет оказано местное сопротивление, но возможно и то, что огромные

просторы Америки послужат защитой от государственных переворотов, основанных на принципе Троцкого по организации кадров, способных занять в определенных местах жизненно важные центры власти до того, как сможет вмешаться правительство. Материальные ресурсы США колоссальны, может быть, величайшие в мире. Но они остаются неорганизованными. Они находятся в такой форме, которая не позволяет организовать объединенную защиту. Вероятно, самая лучшая из всех существующих организаций на американской земле находится в руках именно той группы населения, которая нелояльна к существующему режиму. Государственные перевороты и революционные движения всегда обязаны своим успехом победе организованного меньшинства над неорганизованным большинством.

Кое-что еще о технике Гитлера

Гитлер и его ближайшее окружение все время поглощены различными идеями и планами, которые, зачастую противоречат друг другу. Этим объясняется множество взаимоисключающих утверждений касательно нацистских намерений. Некоторые из них были раскрыты в моих докладах. Их же и использовали против меня, как доказательство моей неблагонадежности. Фактически, это один из неизменных элементов тактики Гитлера, заключающейся в том, чтобы находить примеры подобных недоразумений. Гитлер по отношению к Соединенным Штатам ведет себя точно так же, как он действовал в отношении Германии до захвата власти, и так же, как в Австрии, уже будучи единоличным правителем. Он позволяет одновременно развиваться многим видам деятельности с различными целями и стремлениями. Он предоставляет неограниченные возможности сразу нескольким деятелям с различными политическими взглядами. Такая тактика является результатом тщательно обдуманной техники, способствующей сокрытию истинных намерений. Гитлер способен посеять вражду между двумя политическими курсами, чтобы затем выбрать тот, которому он отдает предпочтение. Он способен полагаться на различные организации, враждующие между собой. Таким образом, фразы и лозунги Гитлера — не более чем признак его стиля, и, возможно, они соответствуют его конечным целям.

По закону о чрезвычайных полномочиях от 24 марта 1933 г. правительство на четыре года уполномочивалось издавать законы без участия рейхстага и госсовета. Парламент утратил функции ратификации и контроля и вскоре, как говорилось в народе, стал "самым высокооплачиваемым самодеятельным хором". Депутатам оставалось лишь голосовать "за" и вставать, чтобы, вытянув руку в нацистском приветствии, петь "Хорста Весселя".

Предположения относительно того, что сделал бы Гитлер, если бы Америке, в конце концов, пришлось оказать активное сопротивление нацизму, изначально неопределенны и противоречивы по другой причине. Его политические методы полностью эмпиричны и экспериментальны. Он на ощупь пробирается вперед, используя всевозможные интриги, и на этом пути постоянно сталкивается, на его взгляд, с очень серьезными проблемами. Он детально разрабатывает свои концепции, согласовывает их с требованиями сегодняшнего дня. В этих

концепциях он учитывает нынешнюю ситуацию и постоянно вносит поправки, соотнося их с событиями текущего момента. Он корректирует и адаптирует свои идеи. И все это говорит о том, что Гитлер — кто угодно, только не доктринер, хотя он и с удивительной решимостью придерживается особого курса, постоянно возвращаясь к нему. Для столь бесцеремонной системы как нацизм, существует множество средств, позволяющих предотвратить активное участие США в войне против Германии. Неоспоримо, что лозунги активно усваиваются. Стоило бы тщательно исследовать вопрос, насколько пополнится запас идей изоляционизма из мастерских, вырабатывающих нацистскую пропаганду. Эта пропаганда всегда присоединяется к существующим идеям, воздействуя на них и осторожно видоизменяя их таким образом, чтобы выработать орудие, которое сослужило бы добрую службу нацизму. Нет больше Европы о которой стоило бы беспокоиться: так должны думать на американском континенте. Ничего не осталось от реальной демократии на европейском континенте. Подобные идеи продолжают господствовать и оказывать свое воздействие. Любые переговоры становятся опасным делом, когда они затрагивают исключительно экономические интересы: подрывная экономическая пропаганда, изложенная грубым, вульгарным языком, рассчитанным на массы, подвергается рационализации и облагораживается на подступах к особенно высокопоставленным группам и личностям. Для каждого найдется своя эффективная форма. Такие действия не должны считаться обычными защитными мерами: нацисты уклоняются от них. Есть только одна эффективная защита — в одинаковой степени индивидуальная и выразительная формулировка определенных идей, в их детальном рассмотрении, а не в общих выражениях.

Секрет разрушающей эффективности Гитлера лежит в искусно продуманной комбинации соблазнительных предложений с разумными замечаниями, внушающими доверие, и эти предложения апеллируют к бесспорным фактам. Невозможно переоценить пропагандистскую силу нацистских идей, которые были осуществлены на практике. Никто не пытается продемонстрировать, что мир можно перевернуть вверх ногами для разнообразия. Что демонстрируется, так это то, что во многих вопросах нацистский порядок опирается на жизненно важные силы сегодняшнего дня, отбрасывая устаревшие идеи ортодоксальной экономики и политики. Постоянно существует опасность, что действительные достижения в тоталитарных системах смогут отвлечь внимание от другой работы диктаторов, работы, которая раскрывает их истинную сущность. Таким

образом, организация обеспечения занятости или неортодоксальная внешняя политика оказали свое воздействие на различные высокопоставленные круги противников нацизма. Общественные соглашения по улучшению благосостояния народа и даже внешнеполитические действия нашли сторонников, потому что они отвечали жизненно важным требованиям.

Высказывания Гитлера зачастую рассудительны и прогрессивны и находятся в одном ряду с популярными тенденциями. Так, фраза "Новый европейский порядок", содержащая идею размещения европейских национальностей в пределах общей политической структуры, выглядит убедительной для любого неевропейца. Массовая пропаганда взывает к эмоциям, но индивидуальная пропаганда оказывает воздействие на интеллект, убеждая силой аргумента. Странно, насколько легко этот второй тип пропаганды незаметно проникает в сознание. Гитлер всегда ясно понимал различие между двумя этими видами пропаганды.

Например, хорошую возможность для пропаганды в США давала критическая экономическая ситуация. Бизнес и общественное возмущение несут большой потенциал для пропаганды. Как много американских граждан, столкнувшихся с финансовыми трудностями, заботятся о демократии? Как много их выбросило за борт все обычные представления, за исключением одного, — как заработать деньги любыми средствами? В конце концов, все другие возможности добиться успеха в бизнесе исчезли. Но все еще остается некоторая надежда извлечь пользу из политической вражды.

Главная цель Гитлера — вывести из строя механизм, регулирующий нормальное взаимодействие правящих и оппозиционных партий. Он пытается посеять вражду между политическими лидерами различных стран и внести элемент нетерпимости в существующее политическое соперничество. Он надеется на новых лидеров, вышедших из различных кругов, использующих новые политические лозунги и методы. Элита или группа лидеров в борьбе за власть никогда не смогут противостоять соблазну расторгнуть существующее политическое соглашение для того, чтобы упрочить свою власть.

Новая элита

Лишить собственности старую элиту, старую группу лидеров — это для гитлеровской политической стратегии имеет первостепенное значение. В Германии президент Гинденбург возложил на него обязанность сотрудничать с существующими лидерами и соглашаться с их методами. Но Гитлер, путем умелого сочетания жестокости, коррупции, политических преследований и подкупа в течение трех лет устранил их от власти. Он преуспел, вытесняя целые корпуса чиновников и юнкеров из их сфер влияния. Детали этой нещепетильной внутренней войны уже не имеют значения. Что действительно важно, так это то, что Гитлер приспособил эти методы для воздействия на элиту Соединенных Штатов, с которыми он находился в состоянии войны.

Нельзя сказать, что он полностью провалился. Пятая колонна — второстепенное дело наряду с мероприятиями по ослаблению нынешней элиты и оказанию помощи зарождающейся. Этот процесс не подразумевает полного изменения личности, а только формирование новых групп. Этот тщательно организованный процесс может быть нацелен на сплочение новых и существующих групп. Важно расстроить существующее пополнение старой элиты, подрывая репутацию ее членов и воздвигая трудности на их пути. В Германии Гитлер добился значительного успеха, когда обвинил старых лидеров в предполагаемой коррупции. Но для других стран этот прием неприемлем. Однако с помощью сплетен и слухов, посредством неоправданной и однобокой критики, он сумеет поколебать доверие к ним и подорвать их репутацию. Для этого в каждой стране должны быть найдены сообщники. Нет необходимости даже платить им; все, что требуется — это с помощью собственных аргументов привести их в действие.

Нынешняя ситуация благоприятна для Гитлера. Кризис в демократических странах препятствует успешному отбору и воспитанию элиты. В политической, экономической и интеллектуальной жизни, вне существующих партий и корпоративных организаций появились новые группы. Эти группы состоят не только из подрастающего поколения, которое обыкновенно нарушает баланс сил между группами лидеров, не являются они и аутсайдерами на краю организованного общества. Они — это решительные личности, идущие своей дорогой. Характерной чертой революции является то, что личности такого типа объединяются и формируют новые политические и социальные группы. В обычное время эти деятели никогда не

имели бы возможности привлечь к себе общественное внимание.

Особо выдвигаются вперед два типа: тс, кто потерял безопасность существования — это утописты и доктринеры-интеллектуалы, циничные авантюристы и предприимчивые дельцы, а также террористы. Это уже верный признак приближающегося кризиса, когда такие типы, которые обычно не интересуются общественной жизнью, начинают искать брешь в солидарности старой политической элиты, требуют своего участия в решении важных вопросов или же настаивают на исключительном руководстве.

Наоборот, каждая система управления, вынужденная находиться на позиции старого режима, допускает наиболее поразительные ошибки в назначении на важные посты.

Для старого режима почти всегда характерно то, что его лидеры обладают некудышними способностями, слабой энергией и интуицией. Обратный отбор происходит у людей, лишенных таланта и, часто, даже бесхарактерных. В результате, наблюдается переход всех способных людей с твердым характером, и даже тех, кто принадлежит к элите, в оппозицию, откуда они требуют смещения нынешних лидеров и отказа от существующей системы пополнения руководства.

Старая элита, таким образом, оказалась под давлением тех групп, которые, обыкновенно, оказывают ей поддержку. Оппозиция, зажатая между прежним режимом и выдвинутыми народом лидерами, обладающими огромной инициативой, оказала плодотворное влияние на общественную жизнь Англии, находившуюся в зрелой форме демократии. Только в молодых демократиях, не имеющих опыта демократического управления, как, например, в Германии, молодые и уже не очень молодые, скептически настроенные и циничные объединились в оппозицию, и эта оппозиция переросла во взрывчатку, которая и разрушила старый политический порядок. В революционное время события развиваются иначе: даже в зрелых демократиях среди руководящей элиты зреет идея самозащиты от возрастающих трудностей и от давления, исходящего из оппозиции, путем создания несменяемого руководства, дабы заставить замолчать беспокойных противников. Эта руководящая элита прибегает к помощи не только давления партийной машины, но и к силам государства.

Это, тем не менее, вызывает ряд ошибок и просчетов, которые исчезают, как только исчезают группы, требующие несменяемого руководства. В результате, следует борьба за ключевые позиции, исходя из которой те, кто уже обладает этими позициями, никогда от них не откажутся. Если начался этот процесс, то

можно считать, что революция в полном разгаре и остановить ее уже невозможно. И тогда безжалостная иностранная группа, обладающая большими интеллектуальными ресурсами, относительно легко использует личную вражду, чтобы добиться власти над целой нацией.

Несменяемость современной элиты

Тот факт, что современные политические группировки, однажды достигшие власти, уже с трудом могут быть свергнуты, говорит о неосознанном беспокойстве или надежде всех политических партий в современных демократиях. Это новый элемент политической жизни. Законная периодическая смена правительства, пусть иногда вынужденная, уже больше не является обычным делом политической жизни. Это объясняется двумя факторами. Современные средства пропаганды и подъем масс постоянно увеличивают риск падения этих правительств. Необходимо уберечь политическое руководство от провала, вызванного случайным демократическим большинством, и от гибельного курса, который они могут взять. С другой стороны, сила современного государства столь ошеломляюща, что почти невозможно группу, обладающую этой силой, в любой момент заставить отказаться от власти. Это делает политическую борьбу очень рискованной. В любой момент может случиться так, что конвенция, на которой основывается деятельность политических сил, будет разрушена одной из партий, и, в результате, страна столкнется с тем, что эвфеместически называется авторитарным режимом, но что, в действительности, следует назвать современной абсолютистской тиранией. Всех мучает вопрос: как долго сможет современная политическая партия и ее лидеры противостоять соблазну злоупотребления властью, сосредоточенной в руках современного государства, если эта партия установила контроль над ней. В новом государственном руководстве уже больше нет способов замещения одной группы правителей другой. Это означает, что группы, которые первыми овладели современными средствами власти и полны решимости использовать их, почти невозможно сместить со своих позиций, и, таким образом, они в недосягаемости критики. Но это не все; это также означает, что будет вестись скрытое соперничество, которое определит, какая группа первой отбросит устаревшие правила управления парламентской демократией и извлечет пользу из существующей политической обстановки.

Любая из этих групп сможет достаточно искренне поверить, что она поступает не из личного интереса, а для будущего нации или ради свободы, или ради социализма, а то и ради "нового порядка" и, таким образом, может получить поддержку. Люди всегда готовы что-то делать для общей цели, но не смогли бы сделать того же для своей собственной выгоды. Я думаю, что не преувеличиваю, говоря, что подобного рода размышления

повлияли на резкую перемену французской политики. Подобные страхи или надежды существуют во всех странах, которые все еще отстаивают демократическое существование. Опасаются или надеются, что никто не откажется от огромных преимуществ, которых можно достичь за счет военных требований или же от подобным образом созданного механизма контроля общественного мнения.

Одни надеются, другие опасаются, что государственный переворот планируется для исключительного момента, чтобы наделить особую группу представителей некоторого класса или классов абсолютной властью. Такие амбиции или подозрения вызывают бурный поток обоюдного недоверия, отравляя политическую жизнь. Каждая сторона подозревает другую в намерении захватить власть и боится быть отброшенной в тень на неопределенное время.

Повсюду в этой войне ведется скрытая борьба за власть и эта борьба предоставляет огромные возможности для влияния на внешнюю политику. Не говоря уже о том, что наличие этой войны выявляет истинную ситуацию — как ситуацию всеобщей гражданской войны и всемирной революции, в которой боевые действия являются только одним из признаков. Можно предположить, что в эту гражданскую войну будут вовлечены все нации, причем, способом, совершенно отличным от всех предложенных в настоящее время. Ошибочно считать, что существуют только национальные разногласия. Они, вероятно, претерпят еще не одно изменение в ходе этой войны.

Россия и борьба за монополию

С помощью соперничества между старой и новой элитами можно не только свергнуть демократический режим или подавить его; это соперничество можно использовать также и как средство борьбы с Советским Союзом. Непохоже, чтобы Гитлер отказался от своего секретного оружия в отношениях с Россией и ограничил себя военными мерами, даже если бы определенные детали его политических приготовлений и стали известны. Политическое воздействие на Россию невозможно проводить на том же уровне, который гарантировал успех в случае с западноевропейскими нациями. Ничего не добиться, используя недовольные элементы в Советской России. Поддержка националистических амбиций, которую Германия предоставила агитационным центрам на Украине, совершенно не соответствует главной цели — оказать губительное воздействие. Совершенно ничего не получить от работы с классами, лишенными собственности. Есть только две возможности обрести влияние — расположить к себе советские вооруженные силы и завоевать доверие молодого поколения советской интеллигенции.

Не очень важно, была ли нацистами на самом деле предпринята попытка в первом из направлений и как долго она продолжалась. В любом случае, даже если бы она и была предпринята, то не имела бы успеха и непохоже, чтобы она повторилась. Остается другой путь, и наверняка, Гитлер последует им.

Казалось бы, безнадежное дело — пытаться склонить на свою сторону часть большевистской элиты, но это не совсем так. Все станет понятно, если рассмотреть интеллектуальное развитие молодого поколения интеллигентных советских служащих, особенно в области техники. Эти молодые люди не знакомы с дореволюционным временем. Единственное, во что они верят, так это в силу техники, а большевистские доктрины имеют для них второстепенную важность, если вообще не устарели. Из молодых представителей технократии и бюрократии вырос класс, который верит только в рациональное планирование и в порядок, в котором все, по своей природе иррациональное, все, что попахивает историческим и идеологическим, было бы сметено. Среди этих молодых людей идеи национализма, идеи индивидуальной общественной морали или духа коллективизма считаются одинаково избитыми.

Возможно, что в результате усилий Гитлера, направленных на то, чтобы войти в контакт с этой элитой, Россия постепенно будет

втянута в сотрудничество с Германией, и, таким образом, попадет под германское влияние. Конечно, это будет длительный процесс, но он может привести к успеху. Большой трудностью для Гитлера является то, что он не может позволить себе ждать. Но, может быть, и хорошо, что перед войной он предпочел этот метод, направленный на включение обширных русских территорий в сферу своих интересов и ассимилирование молодых советских лидеров или использование их как орудие в своих целях.

В любом случае, ему придется решить, какой будет будущая позиция России. Его великое Европейское государство не может быть создано, если продолжает существовать Славянский союз как независимая политическая система.

Сегодня Россию относят к задворкам Европы. И это не только вопрос об Украине. Взглянув на карту, становится ясно, что географические изменения между центральной и восточной Европой такие же медленные и неощутимые, как и этнографические. Нынешняя ситуация не позволяет существовать долгому равновесию сил, когда часть славянских народов находится в гитлеровской Европе, а часть — в Советском Союзе. Контроль над Балтикой и, что не менее важно, над Балканами — будет оставаться яблоком раздора до тех пор, пока будет существовать независимый Советский Союз. Где бы Германия не предъявляла свои права на нефтяные месторождения, Россия будет в опасности, поскольку у Германии нет реальных гарантий своего влияния над ними, пока они не окажутся постоянно и безусловно в ее владении. Избыточное население восточной Европы, превосходящее по уровню рождаемости западную и центральную Европу, также очень важный фактор. В военном отношении Гитлер — сторонник Людендорфа, для которого уничтожение русской всесокрушающей силы было величайшим немецким достижением в первой мировой войне. И если бы из этого был сделан соответствующий вывод, то это освободило бы не только Германию, но и весь мир от ужасного кошмара. Опасность, известную Западу как пангерманская угроза, затмила неотвратимо надвигающаяся панславянская и паназиатская. Подобные опасения высказывались немецкими публицистами и генералами, которые, подобно генералу Гофману, после поражения Германии в 1918 году, продолжали придерживаться мнения, что Германии необходимо отыскать возможность разрушить поднимающийся Советский Союз ради европейской безопасности и прочного продолжительного мира.

Россия принадлежит Европе, а ее азиатские отдаленные регионы — обширная новая территория для расселения всех народов Европы. Какие превосходные перспективы предлагает

этот план всем неугомонным авантюристам различных наций континента, людям, которые не хотят вступать в англосаксонский мир или же не имеют возможности для этого! Какие неограниченные возможности предоставят эти азиатские территории, когда они перестанут находиться в ведении России, а будут отданы в распоряжение всех наций центральной и восточной Европы и станут доступны для крупномасштабных переселений!

О массовом собрании гитлерюгенда на берлинском стадионе "Олимпия" французский посланник вБерлине сообщал следующее: "Когда появляется Гитлер, толпу сотрясает мистическая судорога, и первые возгласы, раздающиеся перед тем. как она выразит ему свою веру, напоминают рыдания. Эта фанатическая молодежь способна форсировать Маас и атаковать нас".

Таковы были идеи политических генералов Великой войны, теперь они принадлежат нацистским лидерам. Россия, говорят они, не представляет собой этнографического целого. Она нуждается в европеизации путем разделения на этнографические компоненты, и управление ею должно основываться на новых принципах. Эти идеи были взяты Гитлером в модифицированной форме, но без существенного изменения. Есть книга, и не кого-нибудь, а самого Ф. Нансена, в которой речь идет о Сибири как о земле будущего. Гитлер использовал идеи из этой книги на свой манер. На его взгляд, европейский континент и равнины Северной Азии составляют одну крупную территориальную единицу. Пространство до Владивостока — это не только поле деятельности немецких националистических пропагандистов, но также и цель Гитлера, которая не так уж и далека от реальных возможностей, хотя и кажется невообразимой. Но почему бы и не навязать разумный порядок на обширной территории с помощью сильной воли и новыми методами организованного сотрудничества? Разве любая крупномасштабная систематизация европейской экономики не требует создания территориальной единицы подобного масштаба, которая полностью обеспечивала бы себя сырьем? Я слышал, как Гитлер рассуждал о том, что может произойти с территорией, подобной Сибири, если она будет находиться под властью Германии с ее дальновидной администрацией. Это будет новая Канада, новый вид Америки, с огромным пространством для поселений, с большим простором для деятельности, страна, в которой разумное планирование перекроет путь разрушительному действию капиталистической эксплуатации. Гитлер рассматривал Россию как искусственное

образование, которое, не говоря уж о большевистской системе управления, больше не имеет какого-либо оправдания своего существования. Затрагивая подобные темы, Гитлеру нравилось наделять свои идеи примерами из истории или романтикой, вроде того, что Рюрик — норманский основатель Русского государства. Идея, что этой огромной стране могут придать новую политическую форму только нордические германцы, предназначена для оказания должного влияния на окружение Гитлера. Но сущность этих положений требует внимания, и их следует воспринимать серьезно. Идея создания гигантского государства не посредством войны, кладущей конец России, а с помощью альянса, симбиоза вполне вообразима. Почему бы двум союзам, германо-европейскому и Советской России не позволить себе создать великую федерацию, образовав общую централизованную власть с объединенными административными органами? Препятствием к этому является различие в социальном и культурном уровнях. Большевистские лидеры будут иметь основания для беспокойства, что их вытеснят со всех важных позиций и отведут им второстепенную роль. Но в этих различиях найдется большой соблазн для руководителей технических областей, которые, присоединясь к верховным властям, займут там место, когда наступит их черед. Часто утверждают — но есть ли для этого основания? — что Сталин хотел бы иметь возможность использовать немецкую интеллигенцию для достижения стабильности в развитии России. Случись это — ничто бы не мешало процессу унификации огромной континентальной территории Евразии. В любом случае, Гитлер вынужден попытаться уничтожить Россию как независимый центр власти, существующий наряду с его собственным Европейским Рейхом. Логика событий заставит его предпринять такую попытку. Но даже используя всю силу гестапо и оккупационных войск, он не сможет вечно держать завоеванные нации в подчинении. Если он желает установить нацистское владычество на ближайшую тысячу лет, ему необходимо сделать то, что он уже и начал делать — это сконцентрировать все средства власти, монополизировать все механизмы власти. Промышленность, включая производство оружия, занимает главенствующее положение в государстве. Она должна быть монополизирована. В Европе не должно быть другой промышленности, кроме германской. Это же относится и к сырьевым ресурсам, электроэнергии и средствам транспорта. Развиваются крупные монополии — орудия тотального владычества; только с их помощью нацизм может надеяться на долговременное господство на обширной территории империи, охватывающей всю Европу.

Может ли существовать наряду с этой системой другая, основанная на такой же монопольной организации, и которая в значительной степени богаче людскими ресурсами, плодоносными землями и полезными ископаемыми, имеет большую территориальную протяженность? Говоря откровенно, в Евразии есть место только для одной монополистической империи. В результате, неизбежно наступит л ибо решительная борьба за абсолютную власть между двумя системами, либо тесный симбиоз. В рамках этой системы невозможно развернуться независимым силам и автономным органам. Только тирания центра единствен но обладает всеми ключевыми постами и всеми монополиями.

Сотрудничество

Что случится с остальным миром, если Гитлеру удастся завоевать Британию? Войдет ли Канада в Северо-американский союз? Что произойдет с Австралией и Новой Зеландией? Высказываний Гитлера на этот счет мало, и все они противоречивы. Насколько сейчас можно судить, он не знает, придется ли оставить континент на японцев, или же превратить его в один из германских доминионов и таким образом сохранить для белой расы. Это, рассуждает он, если и можно осуществить, то только под руководством Германии, разместив там немецкие поселения. Гитлер сильно нервничал, когда дело касалось бывших германских островных владений в Тихом океане, некоторые из которых сейчас находятся под мандатом Японии, и когда речь шла о территориях Новой Гвинеи и голландской Ост-Индии. Но он также высказал мнение, что все эти колониальные амбиции нужно попридержать до времени: главной задачей сейчас является добиться дружбы и поддержки Японии. Что должно произойти в дальнейшем, невозможно предвидеть.

Гитлер, кажется, не был вполне сведущ в этой проблеме. Но его несомненный инстинкт власти подсказывал ему, что подобно Британской империи, он должен повсюду иметь свои базы. Мировое господство требует вездесущности. Присутствовать везде, настаивать на своих требованиях без каких-либо заявлений о своей незаинтересованности, — таковы были его принципы, часто используемые во внешней политике. Подобно выскочке, исподтишка следящему за своими богатыми соседями, дабы разгадать стиль их жизни, Гитлер изучил британское мировое могущество ради чаевых, которые он мог бы от этого получить. Главный вывод таков — нация, претендующая на мировое господство, должна уметь наращивать свою силу и быть способной держать под контролем все континенты и океаны. Гитлер усвоил этот принцип, несмотря на врожденную привычку мыслить, как сухопутный человек.

Африка, тем не менее, принадлежала к сфере, относительно которой Гитлер имел гибкую концепцию. Он считал этот континент неотъемлемой частью Европы, точно так, как Южная Америка является частью американского континента. Относительно Африки Гитлер уже давно разработал схему германо-итальянского разделения сфер влияния. Были ли эти намерения искренними или нет, сейчас нет необходимости разбираться. Поначалу Гитлер главным образом интересовался Центральной и Южной Африкой. Одним из его излюбленных

замыслов в колониальной политике было не только получить обратно немецкую — юго-западную и восточную Африку, объединив их с бельгийскими, французскими и португальскими владениями, но особенно он хотел отвоевать для Германии бывшую Бурскую республику и вообще всю Южную Африку. Его явная антипатия к колониальным захватам была не более чем ширмой, чтобы склонить Великобританию на свою сторону в начальный период германского возрождения. Его главной задачей в Африке в то время было обеспечить себя законным обоснованием операций, благодаря чему он мог продолжать действовать в своей собственной манере, т.е. сеять смятение и раздор и таким образом подтачивать политическую почву.

Что касается Южной и Центральной Америки, то его взгляды можно изложить несколькими словами: здесь его пропаганда прежде всего опиралась на расизм и лозунг о господстве расы хозяев над цветными народами — принцип неравенства людей. Однако недавние разоблачения показали, что это было просто дымовой завесой, под прикрытием которой продолжались реальные политические интриги. Цель та же, что и в Африке — обрести прочное положение на континенте, благодаря которому можно было бы продолжать дальнейшие операции. Если хотя бы одно государство могло попасть под влияние инспирированного Германией управления, это взбудоражило бы весь континент. Как можно было согласовывать намерение поставить в зависимость от нацистов всю Южную и Центральную Америку с заявлением, что эта же самая территория была сферой влияния испано-итальянских интересов? Но это не стало для Гитлера существенным препятствием, покуда велись совместные революционные приготовления.

В отличие от Африки и Америки, Дальний Восток рассматривался Гитлером как область, имеющая косвенную важность. Это — плацдарм, создающий трудности для Британии, дабы ослабить ее и разрушить ее авторитет, а также посеять мнение, что британское мировое господство приближается к своему концу. Таким образом проводилась нацистская политика, подобные ходы применяют обманчиво-честные маклеры. Политические и научные институты, основанные гитлеровскими специалистами, очевидно, с определенным успехом проводили работу в этом направлении. Гитлер неоднократно заявлял, что в этой области его политика полна противоречий: белая раса обязательно потеряет престиж и господство, пока Германия и Британия будут находиться в состоянии войны, если эта война наступит, но восхождение немецкого народа к мировому владычеству оправдывает любые временные жертвы белой расы.

Проблемы должны решаться в порядке очереди. Потерянные территории и утраченное влияние должны быть обретены снова. Нетрудно увидеть, чего хотел Гитлер на Ближнем и Среднем Востоке. Этот регион занимает важное место для разрушения Британской империи, кроме того, это — нефтяной район. В конечном счете, отсюда, в союзе с Италией, он сможет контролировать весь испанский мир. Сотрудничество — одна из уловок Гитлера, применяемая им в том случае, когда он считал, что сможет поглотить нации или же их отдельные элементы, не прибегая к их захвату. Так, он предложил сотрудничество Польше, искал временного сближения с Советской Россией. Италия — партнер Гитлера, рано или поздно сделает то же открытие, какое сделали партнеры Германии в первый год нацистского правления. Сотрудничество — это также тактический способ сеяния раздора между народами Европы и исламскими странами. Восстановление независимости всех народов и племен, находящихся ныне под британским и французским владычеством, звучит правдоподобно и заманчиво. Великая Аравия, введение всех магометанских народов в великий панисламский союз, полный суверенитет Индии — все это лозунги гитлеровской пропаганды. Что касается его истинных намерений, то он изложил их с циничной прямотой своему окружению. Несмотря на весь опыт прошлого, все еще существуют круги, внимающие сиренам Гитлера и тешащие себя иллюзией, что случившееся с другими, не может произойти с ними. Почему бы не попробовать дружить с Гитлером? Это очень знакомая мелодия, впервые исполненная в Германии. Секрет успеха Гитлера кроется глубоко в душе человека. После всего, что случилось, он все еще убеждает избранные им жертвы без спешки вложить свои головы в его петлю. И нет конца этой доверчивости.

Новая социальная база

Мировое господство не означает только подчинение. Оно подразумевает новый общественный порядок во всем мире. Эти два положения тесно связаны друг с другом. Если призыв к мировому господству — не пустые слова, не утопия, то это господство должно принять совершенно особые формы. Вполне допустимо, что истинное намерение заключается в том, чтобы удерживать постоянное господство над огромными территориями. Это заставляет многих критиков нацизма питать призрачную надежду, что такое господство не окажется уж очень ужасающим. На самом деле, именно здесь, среди яркого оперения захватывающего нового мирового порядка, скрывается отравленный наконечник.

Так уж сложилось, что мои высказывания о гитлеровских идеях как об общественном порядке, основанном на новых классах рабов и господ, были встречены почти как личное оскорбление. В чем тут дело? Не кроется ли объяснение в неосознанном ощущении, что замыслы Гитлера в основе своей весьма соблазнительны? Очевидно, в этом скрывается что-то вроде подсознательного желания критиков моей книги "Говорит Гитлер" и вытекающего отсюда логического вывода: такими идеями нельзя вдохновить, поскольку они и так носятся в воздухе.

Бесспорно то, что они витают в воздухе. Никто иной как Ницше, столь абсурдно истолкованный интеллектуальным снобизмом германских либералов, создал почти что религию из права сильного над слабым. Как удивительно все меняется! Идеи, сиявшие на знаменах интеллектуальных прогрессистов последние пятьдесят лет, несшие свежий ветер в наш удушливый обывательский мир, теперь, когда взошло солнце Гитлера, неожиданно оказались преступными. Они оказались преступлением, потому что были возведены в ранг новоиспеченных заповедей на волне неприкрытого антисемитизма. Но не Гитлер пустил в ход эту новую теорию властвования человека, стоящего по ту сторону добра и зла, над обычными людьми. не его заслуга в том, что эти идеи были восприняты повсеместно. Эти идеи существовали задолго до того, как он о них услышал. Гитлер просто использовал, и не более того, всеобщую революционизацию духовных норм.

Не окажись ничего соблазняющего в нападках Гитлера на цивилизованный мир, не подвергнись цивилизация саморазрушению, а ее гуманные ограничения усиливающемуся

износу — разве могло бы все это произойти на самом деле?

Не думаю, что хотя бы часть гитлеровской тайной доктрины способна была вызвать такое духовное смятение, как его проповедь господствующей расы, управляющей всеми цветными и слабыми нациями. Но слабые на самом деле оказались не столь уж слабыми: в форме народных масс они выросли в мировых тиранов. А сильная, свободная и творческая личность оказалась зависимой от масс и сама стала нуждаться в защите. Поднимающиеся массы — эта новая политическая мировая сила, непременно требуют вождя. Использование масс для своих собственных целей и извлечение пользы из самообмана сил, формирующих оппозицию против подъема масс, — таковы приемы, принесшие Гитлеру успех. И успех этот будет сопутствовать Гитлеру до тех пор, пока не оформится ясное представление об элементах, открывших массам новую эпоху. Тс из элементов, которые необходимо просто признать — нужно признать, те, которые можно преодолеть — нужно преодолеть, поскольку природа их смертельно опасна, как сам нацизм, ставший ни чем иным, как типичным феноменом эпохи масс.

Достаточно уже того, что Гитлер вскружил голову тем, кто помешан на биологическом обосновании права сильного над слабым, чем и добился их скрытой симпатии. Вопроса не решить обвинениями в адрес тех, кто говорит, что все заявления Гитлера — обыкновенная пропаганда. Напротив, единственный способ избавиться от нынешнего смятения умов и разрушить соблазн нигилизма — открыто высказывать свое мнение о них.

Не было простым совпадением, когда много лет назад, во времена моей юности, один всемирно известный берлинский врач оказался настолько любезен, что преподал мне несколько начальных уроков концепции Herrenmensch — человека-повелителя, а сорок лет спустя, в Париже, один из ведущих французских врачей, к моему удивлению, сообщил мне информацию того же рода, утверждая, что именно эта теория сделала Гитлера великим человеком.

Но положение дел не улучшится, если признать эпоху масс неотвратимой неизбежностью и капитулировать перед ней, приняв проповедь псевдо-биологов с их циничной псевдо-логикой о праве сильного над слабым. Покуда народ согласен довольствоваться этой теорией, Гитлер и впредь будет извлекать пользу из смятения умов, что позволяет ему с успехом выступать в роли спасителя. Его способности в этом хорошо известны.

Марксисты всех мастей выражают озабоченность тем, что Гитлер перенял многое из того, что они сами проповедовали. В то время как большинство экономистов и политиков, придерживаясь

мнения, что человек — хозяин в собственном доме, свободно вздохнут, полагая что наконец-то положен конец глупым мечтаниям фальшивой филантропии и ложного гуманизма, обе диаметрально противоположные школы мысли сумеют найти поддержку в нацизме. Это не только показывает существование смятения и самообмана в эпоху кризиса, но и доказывает, что нацизм фактически использует болезненные стороны этого кризиса.

Единственная польза, извлекаемая нацизмом в настоящее время из своего мирового признания, — это расширение его влияния во внешней политике. Включаясь во внешнеполитическую деятельность, он сеет зерна нигилистической революции в новую почву. Возможно, именно это и привело к практическому военному успеху во Франции. Гражданская война продолжается, подготавливаются новые фазы революции, которые невозможно предвидеть. Что заметно уже сейчас, так это эффективность нацистов во внешней политике. Что касается внутренней политики, то здесь деятельность нацистов, которая может привести к совершенно новому раскладу сил, не предсказуема.

Прогресс и варварство

Необходимо лишь по-другому назвать противоположные по своей сути господствующий и порабощенный классы, чтобы осознать, что такое разграничение становится, в сущности, неизбежным в условиях нынешнего кризиса. В новых социальных условиях четко видна разница между свободной элитой и массами, которых удерживают в рамках порядка с помощью принуждения и террора. Трудно говорить что-либо против такого человека, как Зигмунд Фрейд, принимая во внимание, что этот сторонник гуманизма выстрадал свое болезненное мировоззрение. Несомненно, он был внутренне тесно связан со всеми разрушительными тенденциями нашего времени и поэтому стал одним из главных провозвестников торжества нигилизма. Фрейд откровенно заявляет о своем восхищении тем, что "прогресс заключил союз с варварством". Он восхваляет смелое начинание Советской России, где сотни миллионов угнетенных шагнули на более высокую ступень развития "благодаря изъятию у них притупляющего разум наркотика религии" и здравомыслию, ограничившему пределы сексуальной свободы. "Но в то же время массы подверглись самому безжалостному принуждению и лишились всякого свободомыслия". Фрейд продолжает: "Мы расцениваем это как освобождение от тягостной опеки, тогда как в случае с немецкой нацией видно, что подобный рецидив почти что доисторического варварства может произойти без взаимодействия с какой-либо прогрессивной идеей". Несмотря на такое освобождение, Фрейд находит странным, что "сегодняшние консервативные демократы стали сторонниками развития цивилизации, и что уж совсем удивительно — с ними заодно и католическая церковь, отстаивавшая распространение рецидива варварства", — и это церковь, бывшая в прошлом врагом свободомыслия и познания истины.

Думаю, не будет преувеличением, если скажу, что признав освобождение от рецидива варварства в Германии и тот удивительный факт, что католическая церковь стала центром свободомыслия, мы достигаем критической точки величайшего исторического кризиса, в который оказались вовлечены. Но великий ученый демонстрирует поразительную неспособность сделать правильный вывод из своей глубокой обеспокоенности единением варварства и прогресса. Вероятно, здесь он уподобляется одному из тех пациентов с невротической заторможенностью, которых сам столь часто анализировал.

Разве нет тут сходства со спровоцированным неврозом по

отношению к сущности цивилизации как составной части непрерывного развития? И разве это развитие не является составной частью непрерывного "освобождения от чего угодно" и уж в любом случае — от всяческого принуждения или запрета? Разве на самом деле цивилизация не является некой системой запретов, уз и ограничений, которым каждый человек обязан подчинять свою жизнь? Разве суть цивилизации не в создании основных обязанностей? И разве вопрос о значимости или отсутствии значимости таких обязанностей, их изменения и приспособления, никак не связан с самой необходимостью таких обязанностей и правил для установления и поддержания цивилизации?

Человека, считающего, что он свободен ото всяких ограничений, необходимо полностью изолировать. Такая специфическая свобода подразумевает отход от прогресса, когда отбрасываются все принципы регулирования и ограничения. Каждый, кто воспринимает религию как человеческий невроз, нуждается в лечении точно так же, как пациент, обуреваемый навязчивой идеей. И не стоит удивляться, если на этом месте провозгласят светскую доктрину, обязательную для каждого, и этот порядок станут утверждать с помощью самого безжалостного принуждения. Описание всего этого можно найти в трудах одного из величайших знатоков человеческой души, еще дофрейдовской эпохи, — Достоевского. Это может избавить людей от чувства облегчения, что с варварством в Германии было покончено раз и навсегда без использования какой-нибудь прогрессивной идеи.

Под "национал-социалистическим орденом нордически настроенных людей" подразумевалась СС, основной фактор власти в Третьем Рейхе. "Я знаю, — сказал рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, — что в Германии есть множество людей, которым становится плохо от одного вида черного мундира: мы относимся к этому с пониманием…"

Почему отсутствие взаимосвязи между прогрессом и варварством должно приносить облегчение? Думаю, что сумею восстановить ход этих размышлений. Тот факт, что вторжение варварства в Германию "никак не связано с прогрессивной идеей", предоставляет косвенное оправдание насилию в любом государстве будущего, в любом государстве Левиафана. Принуждение, хотя с этим можно спорить, неизбежно в нынешний период перехода от позднего капитализма к коммунизму. Если насилие и принуждение не использовать — конечно же, только в переходный период — ради прогресса и нового общественного

устройства, они непременно станут инструментом, который против них же будут использовать Поистине жестокие люди, и в конце концов государство окажется настолько варварским, что выход из этого состояния будет сопряжен с неимоверными усилиями. Варварские методы, напротив, необходимы на переходном этапе, но им нет места в новом и свободном цивилизованном мире. Эти доводы не означают, что аппарат насилия национал-социализма достоин порицания. Наоборот, с началом войны, обещающей, похоже, быть долгой, и которая, вероятно, ознаменует скорый конец эпохи капиталистического развития, целесообразно сохранить отдельные элементы механизма всеобщего контроля, чтобы использовать их в критические моменты в направлении, противоположном движению цивилизации.

Ни принуждение, ни терроризм или безжалостное угнетение больше уже не вызывают, как мы видим, отвращения — они используются в интересах грубой силовой политики.

Это очень важный вопрос, и стоит поразмыслить над нынешними проблемами, чтобы прийти к логическому выводу, пока время еще позволяет. До сих пор мы живем в переходном периоде, в котором все государства и каждая политическая группа имеют своих союзников и своих противников, сочувствие которых или вражда были не так истинны, как казалось. Мы приближаемся к тому моменту, когда будут выяснены подлинные позиции и противоборствующие идеи. Эту войну нельзя свести просто к борьбе за превосходство одной нации над другой. Для нации, подвергшейся нападению и все же сохранившей свою государственность, существенным становится понимание того, что представляет собой сила "консервативной демократии" и что дает ей право выступать не только защитником развития цивилизации, но и подлинным ее орудием.

Сейчас нам надо сделать логический вывод из нашего опыта, полученного при возврате в варварство, не связанное ни с какой прогрессивной идеей, вывод о том. что необходимо избегать всего, что вновь может привести к системе тотального подавления. Но поскольку в высших политических кругах любое такое заключение отвергается, похоже, с маккиавелиевской подоплекой, неважно, признанной или нет, так или иначе придется прибегнуть к принуждению, по крайней мере, его следует использовать для благородных целей.

Толкователи новой цивилизации, также, как и нацисты, считают, что она продлится тысячи лет. Они противопоставляют ее тысячам мучительных десятилетий переходного периода. Но мы уже столкнулись с горечью настоящего времени, а

тысячелетия, которые наступят, еще не есть реальность. Наши заключения не совпадают с выводом этих толкователей. Если должны быть выявлены элементы религиозной самодисциплины масс, и если нужно низвести массы до стадного состояния, и если этим массам поведают, что все этические нормы — всего лишь прикрытие для защиты интересов имущих классов, тогда наш вывод будет заключаться в том, что ничего другого не остается, как все время держать массы в сетях системы тоталитарного принуждения.

В таком случае, возможно, останется класс "свободных людей", которые, как представители культуры, будут возвышаться над этими массами. Это будет дорогая и страшная замена цивилизации. Но можно ли на самом деле сомневаться в том, что существование нового классового государства, этого общества, управляемого ничтожным меньшинством, имеет преимущество над современной капиталистической системой?

Однако цивилизация и высокие моральные стандарты возможны только тогда, когда они вырастают из чувства морали и ответственности индивидуума, если свобода участия в политической ответственности и в политических решениях может быть допущена только на основании общепринятых этических принципов. Нужно воздержаться от соблазна использовать всю мощь механизма принуждения, даже если это и могло бы способствовать национальному прогрессу. Лучше отказаться от любого, достигаемого таким образом прогресса, чем подвергнуть себя смертельным опасностям системы принуждения.

Но можно прийти и к другому выводу. Прогресс не может состоять из чего-либо, что разрушает само основание цивилизации, то есть религиозную свободу и моральную ответственность. Сущность прогресса — это не освобождение от прошлого опыта и старых принципов, это пересмотр их таким образом, чтобы они соответствовали требованиям сегодняшнего дня. Культура и цивилизация не только синонимы прогресса: они также включают в себя силы сохранения и подразумевают продолжение многовекового развития человечества.

Хвала компромиссу

Обстановка все более накаляется, воздушные тревоги следуют одна за другой. Предполагается, что к сегодняшнему дню уже завершены все приготовления для высадки германских войск. Будет ли действительно предпринята попытка десантирования? Две бомбы, упавшие ночью возле нашего отеля, были малого калибра; стекла в моей комнате даже не треснули. Утром неподалеку на площади взорвалась часовая бомба большой мощности. Отель потрясло до самого основания. Поток воды хлынул на улицы. Только что Би-Би-Си передало, что вчера было сбито 185 германских самолетов. Снова подвергся бомбардировке Букингемский дворец. Одна бомба упала возле станции Виктория и разнесла ее на мелкие части. Дождь и туман. На руку ли это гитлеровским намерениям? — спрашиваем мы себя. С ним ли по-прежнему его демон? (Абраксас[26] — вот имя бога, по ту сторону добра и зла). В районе канала пока все спокойно.

Позже пришлось пережить несколько неприятных моментов. Пять или шесть бомб упало на соседний район. Взрывов не последовало. Будь это часовые бомбы, пришлось бы эвакуировать весь район. В отличие от других районов для нас эта ночь была спокойной. Ужасно проезжать по знакомым улицам и наблюдать ежедневные признаки разрушений. На сегодняшний день разрушено несколько крупных магазинов и множество мелких лавочек. Число разрушений растет с каждым днем; если подсчитать все, получится небольшой город.

Как долго это будет продолжаться? Рано утром после короткого сна, когда зенитные орудия прекратили огонь, как чудо появился свет, и время, кажется, остановилось. Показалось — за окном заря христианства. Но продолжалось это одно лишь мгновение. Это был промежуток между веками. Время исчезло. Это был наш день милосердия, время, когда можно перевести дух.

Поразительно, насколько глубоки корни традиций и насколько эти традиции отличаются друг от друга в разных районах этого города. Лондон — мировая столица, которая не подверглась единообразию, не превратилась в глубоко централизованный механизм, а сохранила самобытность и самостоятельность каждого округа в отдельности. Возможно, что это играет важную роль в битве за Лондон. Идеальная схема для наших сверхрационалистов — единая газовая сеть, единое электроснабжение, единая канализационная система — помимо обычных многочисленных слабостей в настоящее время имеет особые недостатки.

Этот же город состоит из целой сети независимых сообществ, и хотя ни одно из них не рассматривается как самостоятельное, каждое из них сохраняет личную инициативу небольших общинных групп.

"Это — гениальный продукт древнего простого и главным образом доморощенного восприятия страны", — писал Берк об Англии. Что делает ее настолько сильной, что она в состоянии выдержать апокалиптическую бурю и остаться неизменной? Это — плотная толща истории, не знавшая радикальных потрясений и зарождения новых доктрин, — только непрерывное развитие. Это — глубокие корни общественной жизни, никогда полностью не терявшие своей простоты и старинной патриархальности. Здесь истинный союз "крови и земли", который в других странах не более чем пропагандистский лозунг, здесь глубоко укоренившаяся верность семье и дому является действительностью, принимаемой как данность. Здесь нация сохранила древнейшие элементы, позволяющие вовремя остановить бедствия. Здесь, несмотря на разительный контраст между ослепительным блеском богатых и горькой нищетой бедных, никогда в обществе не существовало полного непонимания. Твердые гранитные глыбы средневековья со всей силой вламываются в сегодняшний день.

Неудивительно, что любой человек, недавно родившийся в этой стране, сразу ощущает себя ввергнутым на полстолетия назад. Многие черты викторианской эпохи живут или по крайней мере находятся в дремлющем состоянии. Эта война может смести их прочь, но пройдет это без потрясений, без замены на новые идеалы какого-либо радикального переворота. То, что в Германии называлось силой традиции и было заслугой социальных привилегий, здесь, в Англии, является неизменно важным и созидательным элементом. Следовательно, новая Англия вырастает из старой, не меняя своей сущности. В этом и есть секрет британской силы и ее способности к обновлению.

Гитлер замечает только старый режим, последнюю фазу уходящего века, викторианскую эпоху. Он не замечает вечной юности этого народа, медлительного и даже скучного, на первый взгляд, но в действительности сохранившего и постоянно обновляющего свои жизненные силы. Этот народ напоминает жителей сельской местности, столь мало понятных горожанину. Несмотря на свои города, англичане сохранили что-то глубинное — крестьянский склад ума, здоровое природное чутье, умение выжидать, неприязнь к частым переменам на скорую руку, неспешное обстоятельное мышление.

Мы, немцы, были не одиноки на континенте, отрицая

преимущества унаследованных и совершенствуемых исторически сложившихся форм нашей собственной политической жизни, приспосабливая их без изменений к новым условиям. Наша история напоминает пульс с перебоями. Нас бросает от одного потрясения к другому. Но здесь, в Великобритании, среди постоянного приспособления к политическим и социальным изменениям, остается неизменным главное. Это — не случайный дар судьбы, а результат редкого, быть может, уникального таланта выдержки и самоограничения.

Мы, немцы, да и не только мы, никогда не были в состоянии оценить значимость политического компромисса в жизни демократического общества. Для немцев компромисс означает отсутствие убеждений, слабость и беспринципность. Идти на компромисс — значит поступаться своими интересами. Вот почему немцы говорят о компромиссе, как о Kuhhandel[27] — сделке сомнительного свойства, как о желании уклониться от принятия решений.

В Великобритании компромисс — результат цельного, глубоко этического и христианского по своей природе понимания, что ни один человек не может быть единственно и всецело прав, что возможно лишь приближение к истине. Достичь взаимопонимания можно лишь путем компромисса между различными точками зрения на то, что есть истина. Компромисс исходит из нравственной убежденности, что ни одна партия или отдельная личность не в состоянии обладать абсолютной истиной относительно представлений об этом мире.

Мы, жители континентальной Европы, каким бы не было наше прошлое и наш образ мышления, всегда считали, что именно мы владеем единственной и абсолютной правдой. Правы только мы и те, кто разделяет наши мысли. Кто не с нами, тот либо глуп, либо враждебен. Таким образом, и наша политическая жизнь порождена все тем же элементарным невежеством, нетерпимостью и догматизмом.

"Всякая форма правления, — говорит Берк, — а на практике каждый смертный, ищущий выгоды и удовольствия, всякий добродетельный и благоразумный поступок — все проявляется в компромиссе и товарообмене." Это — величайшее и нестареющее высказывание.

Но этот существенный и необходимый элемент демократии сегодня, кажется, находится в опасности даже в этой стране. Правда, это не та опасность, которая существовала во Франции накануне ее падения. Опасность сбиться с пути лежит в своего рода "непостоянстве" величайшего мирового кризиса в Британии по сравнению с материком. Определенные пути развития

общественной жизни Европы XIX века в Англии до сих пор рассматривают как улучшение, к которому надо стремиться, тогда как на материке их уже восприняли как опасную дорогу, ведущую к абсолютизму. Политика, направленная на централизацию и рационализацию, в Англии все еще считается прогрессивной, ведущей к улучшению. Эта политика включает мероприятия по концентрации некоторых промышленных предприятий и копированию административных механизмов, присущих материковой Европе. Таким образом, существует явный риск проникновения континентальных идей и методов в политическую жизнь Англии, поскольку уже трудно избежать централизации и рационализации. Вероятно, все, что считалось прогрессивным и стоящим подражания на материке, просто раскрывает себя как ошибочное направление и губительная политика.

Правда, будущий мир невообразим без систематического урегулирования многих сторон экономической и общественной жизни. Невозможно выступать против недоктринерского планирования, основанного просто на удовлетворении практических нужд. Но сейчас в дверь британской, пока еще здоровой общественной жизни стучится легко усвояемая теория всеобщего рационального планирования. Если страна поддастся этому искушению, тогда произойдет то, что годами предвещали нацисты. Логика событий заставит принять их идеи и системы даже вопреки желанию демократов. Нужно опасаться, что Великобритания заразится континентальным стилем радикального доктринерского мышления. Эта нация способна воспринимать только явную опасность. Следовательно, бывают моменты, когда она уступает другим. Она не замечает многие приближающиеся опасности, но, с другой стороны, ее инстинкты безошибочно и сразу реагируют на воздействие реальности.

Новая реальность

Изменения в реальности — как вокруг нас, так и внутри нас — вот что может заставить отказаться от методов политического компромисса.

Что же это за изменения? Они заключаются в следующем. Техническая революция настолько изменила материальную основу нашей жизни, что государственное и общественное устройство прошлого больше не подходит ей. Настолько возросли возможности государственной власти, что и для тех, кто обладал этой властью, и для тех, кто подчинялся ей, сложилась абсолютно новая ситуация. А новой силой, вызвавшей это явление в человеческом сообществе, оказались массы, освободившиеся ото всех традиционалистских связей. В конце концов наши взгляды на жизнь столь значительно изменились, что кажется, будто и умом и сердцем мы находимся в другом мире.

Как удивительно быстро помутилась умственная прозорливость Запада. Происходит смена сознания, совершаются таинственные неостановимые изменения под которыми исчезают целые системы воззрений. Основополагающие принципы прошлого просто-напросто забываются, люди начинают говорить на совершенно незнакомом языке, новое мировое мышление брезжит на горизонте. Это не то изменение, которое происходит с каждым, когда он, повзрослев, видит вокруг себя молодое поколение с их непонятными интересами и заботами, отчего постепенно изменяется и его мир. За последние двадцать, а может, и тридцать лет, мир вступил в новую фазу и его развитие стало более быстрым. Никто не в состоянии избежать этих изменений.

Все это, как ни странно, живет с нами с незапамятных времен. Это — демон разрушения, изгнанный из нашей обычной жизни цивилизацией. Это — страстное желание, внезапно переросшее в огромную потребность избавиться от любви к дому и семье, отбросить все ограничения, налагаемые цивилизацией. Нет ни малейшего родства со школой Руссо, с ее романтическим поиском первозданности. Это — дискомфорт среди достижений ненавистной цивилизации, что присуще любой революции, но в более грубой и более жесткой форме. Не надо обманываться, это стремление к возврату в первобытные формы ощущается не только немцами. Это сильнейшее желание освободиться от оков и обязанностей высшего гуманизма охватило массы всех стран.

Это рабское восстание примитивизма, этот калибанизм[28] может прийти к нам, будучи облеченным в одежды

мужественности. Современный героический культ на самом деле ничего из себя не представляет, кроме слабости, беспомощности, безответственности и страха перед проявлением силы воли. Слабость, лишенная всякого налета мужественности, — вот еще один аспект сущности нового времени, который проявляется в требовании безопасности любой ценой. Это требование вытекает из преувеличенного страха перед опасностями жизни. Все может быть принесено в жертву, всем нужно пренебречь, любой человеческой обязанностью, ради того, чтобы достичь безопасности. Готовность служить кому угодно — человеку или дьяволу — лишь бы гарантировалась безопасность. Таков нынешний образ мышления, и уже не только масс. Именно это приводит людей разного культурного уровня — торговца и профессора, священника и служащего, аристократа и генерала на одну ступень с огромной массой голодных и неимущих, принадлежащих к низам и к рабочему классу, и эти люди отбрасывают все унаследованные понятия и принципы ради того, чтобы довериться чародею, обещающему безопасность.

Какая ирония в том, что чудотворцы, создающие чудобезопасность, вслед за этим превращаются в пророков, предвещающих наступление опасной жизни и уводят своих, ищущих безопасности клиентов в ужасающую небезопасность городов, подвергающихся бомбардировке!

Столетие назад дальновидные люди многих стран предрекали подъем аморфных масс, видя в этом кульминацию кризиса и разрушение всех целостных общественных структур. Во Франции Алексис де Токвиль, в Швейцарии Якоб Буркхардт[29] описывали этот процесс до того, как он начался. Пруссия, в лице Радовица, друга Фридриха Вильгельма IV, имела своего провидца эпохи масс.

В чем суть этого феномена? Это не освобождение от четвертого или пятого сословия и не пролетарская революция, приводящая к коммунизму и, следовательно, к новому бесклассовому обществу. То, что возникло, не могло принести миру какие-либо ценности, а лишь желание потреблять то, что уже существует, и отказаться от остального как от бесполезного груза. Коммунизм, в своем стремлении установить новый социальный строй и новую экономическую систему, в своем олицетворении просвещения и рационализма и даже атеизма и антихристианства, ратуя за планирование в экономике, за государственный социализм и государственный контроль за жизнью людей, — он все еще на стороне подъема масс, на стороне окончательного выражения и завершения идей, возникших еще при капиталистической системе, или же является защитой против

этого подъема масс. Но сам он не олицетворяет собой подъем масс. Советской Россией управляют не массы, а довольно специфический тип новой буржуазии и бюрократии. Но за большевистской системой, так же как за демократическим или любым другим государственным и общественным устройством нашего времени кроется угроза подлинной революции — анархии масс. А это будет означать крушение и полное уничтожение всех достижений цивилизации. Разрушение всяких различий, всего общественного политического порядка, ранговых и сословных степеней. Это будет победа примитивизма и культа глупости над всем разумным, над всякой творческой деятельностью. Это стоит за спиной всех наших усилий. И это реальность, а не политическая фикция, и не состояние, тщательно разработанное партийным режимом. Вероятно, это неотвратимая судьба нашего века. Как предвидел Токвиль, сегодня, кажется, уже не ставится вопрос о предотвращении подъема масс, сегодня можно только пытаться удержать этот процесс как можно дольше под некоторым контролем, для того, чтобы он был не столько разрушительным, сколько полезным.

Эта проблема выходит за пределы нынешней политики и затрагивает нашу судьбу. Не существует нации, для которой это не имело бы рокового значения. Может быть, в прошлом внимание было направлено, главным образом, на психологическое состояние масс, на их особый тип эмоциональной возбудимости и интеллектуальной апатичности, а также на их восприимчивость к силе внушения. Но изменения в характере масс не менее важны. Массы уже больше не образуют нацию. Во всех нациях массы похожи, и они одинаково реагируют на происходящее. Они не являются национальным элементом. Они больше не могут служить основой национальной политики или национальной защиты. Они аморфны и не поддаются каким-либо формирующим влияниям. Они уже не образуют единый класс. Это то, что левые политики не смогли понять. Массы не способны защищать цивилизацию, они только пользуются ее плодами. Они невосприимчивы к культуре. Если чем и отличаются прошлые условия от настоящих, так это тем, что все формы общественной жизни растворяются в бесформенности масс, что вся цивилизация движется к всеобщему массовому обществу. Современные массы уже больше не являются элементом несостоятельности и нише- ты, растворившимися в социальной структуре. Они становятся единственной формой общества и управляющим элементом.

Еще один принципиальный фактор изменений — техническая революция. Здесь возникает вопрос, была ли техническая эпоха

неизбежной нашей участью, оставалось ли нам только одно — безоговорочно и бескомпромиссно принять и поддержать технический характер нашей цивилизации без романтического прошлого, без чувства жалости или негодования? Если планирование уже стало нормой и уже появляется новый тип человечества, то разве это не верный курс, ведущий процесс к завершению и разрушающий связь со всякими традициями? Разве не следовало бы нам просто принять логическое значение нашей ситуации и сделать человека слугой своего же изобретения — машины?

Что такое машина? Человеческое благосостояние? Или эффективный инструмент, служащий для концентрации человеческой власти? Разве не правда, что технический прогресс подразумевает господство и подчинение, а не то, как его представляет каждый, кто верит в прогресс — что он служит удобствам и наслаждениям человека? Если технический прогресс превратится в религию, то перестанет быть инструментом человеческого благополучия и будет преследовать свои собственные цели, и на этом пути его сущность — быть средством увеличения власти — станет эффективной, как политическая сила. Мировоззрение технократа, главным образом, рационально, он ставит перед собой цель органического построения мира людей, рационализации всей жизни. Это требует нового концентрированного и централизованного использования всех технических средств. Таким образом, технический прогресс создает новый мир, который последовательно приближается к тотальной рационализации.

Это, кажется, указывает на единственное направление, следуя которому преобразованный мир может обрести свою надежную форму. В этом мире машин больше нет достоинств, только функции. Историческое развитие заменено рациональным строительством, политические убеждения — определенной задачей. В этом мире машин находится обычный отдел планирования, наделенный полномочиями определять функции без апелляции. Это конечная и крайняя фаза интеллектуального движения, которое началось с просвещения и рационализма. Она означает переустройство человеческого общества в систему точных отношений.

Была ли возможность для наших нынешних форм политической и общественной жизни противостоять этой перемене? Разве не следовало бы найти новые формы, заложить новые регулирующие принципы? В любом случае, эта подлинная революция устанавливает нормы пригодности для наших старых стандартов суждения. Существующие оппозиции становятся

бессмысленными. Образовались новые ассоциации и новые оппозиции. Эти трансформации не могли не сопровождаться рядом ошибок и самообманом. То, что могло бы помочь, было отброшено, и на вооружение было взято то, что принадлежало к арсеналу противников. В этом — признак кризиса, когда каждый сражается на фронте ошибок и может сражаться за то, что хотел бы сохранить, а сохраняет то, за что сражаться не может. В такое время нет четко выраженных фронтов.

Означает ли это, что величайшие идеи и принципы западной цивилизации отжили свой век и в данный момент должны быть отброшены? Или же следует искать убежище в самих этих принципах и подавить революцию в зародыше? Каждый исторический процесс должен быть завершен. Старый еще не отжил свой век, а новый не может быть полностью вырван с корнем. Техническая революция, подъем масс, развенчание всех европейских стандартов — все это невозможно остановить. Мы должны продолжать идти впереди них. Мы не можем вернуться. Обратной истории не бывает. Тот, кто пытается возвратиться назад, неизменно разрушает все, к чему стремится. Но есть третий путь. Он не ведет к радикальной революции и не ищет путей назад, в прошлое.

Этот курс приняли подлинные силы нового времени, чтобы образовать с оставшимися принципами прошлой истории новый союз.

Путь к варварству

Чего мы все ждем? Что-то неизбежное и зловещее висит в воздухе. Нынешнее затишье переполнено напряжением. Теплый осенний день, я сижу в тихом укромном уголке Кенсингтон-Гарденз[30], среди его вечного цветения. Подняв глаза от усыпанных листьями дорожек, можно увидеть только верхушки деревьев; никаких городов, никаких войн. Небеса буйствуют тяжелыми тучами, резкие очертания которых предвещают шторм. Тень гоняется за солнечным светом. Неподалеку от того места, где я все лето делал записи, лежит часовая бомба. Скоро там будет огромная воронка. Другая бомба находится где-то рядом с кафе. Сучья с деревьев сбиты осколками. Пригревает солнце. Мир затаил дыхание: из бездны крадется зверь, уже готовый к прыжку.

Растет число разрушений, но внешне жизнь едва ли изменилась. Несмотря на объявленную воздушную тревогу на улицах множество людей. Никто не замечает воздушных налетов. Местами улицы перегорожены канатом. Время от времени слышится взрыв часовой бомбы. Деловая жизнь продолжается, среди людей нет и следа усталости. Везде, куда не поедешь, можно увидеть трогательные и впечатляющие картины. На каминной доске верхнего этажа дома, разрушенного до основания, все еще стоит небольшая коллекция фамильных фотографий. На стене висят сувениры. Отдельные фрагменты комнат и мебели подвешены в солнечном свете над бездной.

Люди должны дорого поплатиться за изменение истории: даром ничего не приходит. Только что мы обсуждали, можно ли было избежать этих ужасных событий. Размышлять над этим бесполезно. Может быть, их надо было избегать именно в такой форме? Но где были государственные деятели и политические группировки со своей предусмотрительностью и влиянием, которые могли вовремя принять необходимые меры? Мыслимо ли без этого вторжения безжалостной силы сочетание нового и старого, в котором мы все еще живем? Этот новый европейский союз и новые социальные и экономические структуры, которые сейчас становятся неотъемлемой его частью? Как может стать реальным этот новый центр мира, который неуклонно растет на глазах в форме великого Британо-американского союза государств? Между Америкой и Великобританией будет новое Средиземное море, Атлантический Бассейн и вокруг него образуется будущая великая империя мира — Pax- Atlantica.

Вопрос о том, начнет ли Гитлер вторжение или же предпочтет воздержаться от десантирования, незначителен по сравнению с

главным: достаточно ли сил противостоять атакам, так чтобы война закончилась действительно "славной" победой, в том смысле, что на этот раз будут предприняты необходимые действия? Это будет не только строительство новых зданий, не одна лишь отмена социальных привилегий, не только наказание за вину и не только освобождение от бедствий и голода. Это будет действительно великий мир.

Сейчас все это далеко, на том будущем берегу, куда должен прийти наш "Мейфлауэр". Пока же мы в окружении действительно нового варварства, среди таких ужасных разрушений, которые и не снились диким безумцам прошлого.

Но мы не сумеем осознать ужасную природу этого варварства, если за его спиной будем видеть только омерзительное лицо человека со странной прядью волос на лбу, а также его коллег, или просто результат вечной тевтонской разрушительности. Офицеры, отдающие сегодня приказы молодым немецким летчикам обстреливать детей и женщин, всего лишь стрелочники на железной дороге варварства. Не они создали это варварство. Оно выросло в среде нашей цивилизации задолго до их рождения.

Оно окрепло с подъемом масс, с их новой животной природой, по ту сторону добра и зла. Оно пробудилось с идеологическим разоблачением всех человеческих понятий и норм в процессе духовного освобождения и развития человечества. Это варварство выросло на полигоне машинного века в результате точной работы прикладной науки. Варварство — неизбежное следствие измененной действительности. Это — истинное лицо великой революции, революции, которая не просто метафора, а реальность.

Необходимо понять сущность этой революции, отделить ее внешние аспекты от ее истинной природы. В этом городе, который подвергается усиленной бомбардировке, среди этого героического упорного народа трудно сохранять хладнокровие, необходимое для исследования глубоко лежащих причин и ростков революции.

Невидимая революция

Практичный политик или государственный деятель в любом случае обычно прибегает к наиболее очевидным мотивам и объяснениям. Нередко они подвергаются соблазну. Соблазн учесть более отдаленные перспективы и более глубокие причины, чтобы приобрести дальновидность, приводит к близорукости в отношении важных задач сегодняшнего дня. Но за практичной рассудительностью таится другой соблазн, не менее сильный — считать проблемы не настолько серьезными, каковы они на самом

деле.

Кто не замечает в этой революции ничего, кроме нападок Гитлера на мир во всем мире и признаков всеобщего экономического кризиса, тот придаст нашей революции слишком невинный характер. Это поразительно напоминает непонимание Французской революции и ее методов полтора столетия тому назад. За незабываемые двадцать пять лет британского сопротивления этой революции стала очевидна степень падения, положившего конец одобрению Кастлеро одного из наиболее значительных принципов революции, признанию им того факта, что война против Наполеона была не более чем войной кабинетов, но не народов. В то время идея народной войны была такой же подозрительной в глазах официальных политиков, как ссйчас подозрительна идея мировой революции.

Соотнося этот примере нынешним временем, мы должны ожидать от ведущих государственных деятелей этой страны признания того, что нарастающая борьба уже больше не является войной между двумя империями за гегемонию в Европе или войной самообороны одной державы от другой, а что это — всеобщая гражданская война, она присутствует в любой нации, на каждом континенте.

Внутренне возмущаться революцией не более полезно, чем закрывать на нее глаза. Эта революция представляет собой вторжение иррациональных сил в наш цивилизованный мир, и, следовательно, эта революция по необходимости варварская и разрушительная. Она — результат развития, которое должно продолжаться до своей конечной стадии. Антигуманизм, варварство уже присутствуют в аппарате человеческого прогресса — это машина. Прогресс и варварство более тесно связаны друг с другом, чем полагал Зигмунд Фрейд. Они по необходимости взаимосвязаны.

Человек с наивным взглядом на прогресс видит в нем только триумф человеческой воли и разума над природой. Он не может осознать, что это его наивное понимание прогресса вызвало в нем самом перемену, и что он попал в подчинение машине. Машина изменила сознание человека. Она изобрела новые автоматизмы в душе человека и оказалась источником глубокого эмоционального расстройства. В этой ситуации всеобщей ослабленности, легко возбудимого интеллекта и общедоступных развлечений подвергаются разрушению все идеологические и этические нормы, уничтожаются духовные ограничения, люди попадают в зависимость от своих реакций, от внезапного возбуждения и собственной импульсивности. Создана благоприятная почва для исключительного злоупотребления

инстинктивными силами общества. Это злоупотребление эвфемистически нарекли пропагандой.

Между силами внешнего и внутреннего изменения, которые вызывают перемену в характере человека, появились новые массы. Не хватало возникновения экономического кризиса и политической нестабильности, чтобы рухнула вся фиктивная безопасность среднего класса, чтобы массы оказались предоставленными самим себе, чтобы появился страх за средства существования.

В этом перевороте нет больше подлинного сообщества, "общество больше не реальность — есть только массы", — так обычно говорил циничный, но сообразительный Карл Шмидт, бывший ведущий адвокат национал-социалистов. Сообщество как организм стало романтическим воспоминанием. Политика, основанная на его существовании, была обречена на провал.

Не так ли было и с Францией?

Французская трагедия

Чарующая безмятежность сюиты Куперена[31] словно проветривает прокуренный холл отеля. Французская радиостанция де Голля, несомненно, самое лучшее, что было создано на радио в плане культуры. Цельность и вместе с тем разнообразие ее программ, изысканный высокий уровень, не позволяющий опускаться до безвкусицы и пошлости, делает эти передачи всегда впечатляющими. Из этих передач льется наружу все богатство и чистота духа французского народа его жизнерадостность и остроумие.

А что же происходит с "сопротивлением угнетению", с великими идеями свободы, равенства, прав человека, прогресса, глубочайшим воплощением которых стали эти передачи? Они, несомненно, все еще живы и никогда не исчезнут из человеческой истории. Невероятно глупо предполагать "обратный ход" Французской революции! Какой вздор — пытаться политическими мерами положить конец всеобщим правам человека, выбросить их на свалку! Если в этом заключалось намерение нынешнего французского правительства, то все это похоже на фарс. Но предполагалось ли это все на самом деле? Легко заявлять о своей преданности идеям, которые мы все разделяем, но проблема состоит в том, чтобы обеспечить им правовые гарантии в настоящее время и для настоящего времени.

Однажды, уже после Мюнхена, я беседовал с двумя весьма интеллигентными французами, истинными католиками, известными членами судейской корпорации. Один из них ехал со мной, чтобы повидать кардинала Вердье. Мы говорили о неизбежности войны с нацизмом. Оба были глубоко обеспокоены

дальнейшим развитием событий. Их мнение о Мюнхенском сговоре было не настолько резким, как мнение Бернана, называвшего это соглашение "отвратительным фарсом, чудовищной ошибкой, в результате которой всякое отребье сможет надругаться над мирно дремавшей Францией". Но с тем же отчаянием они говорили о дремоте Франции, о неизбежной гибели этой нации. Для меня это было как бы отражением тех чувств, которые мы испытывали в Германии накануне нацистской революции — крайняя потребность преодолеть апатию и изменить несправедливый государственный строй. Не могло не вызывать опасения то, что почти в каждой нации континента обнаружилась потребность новой интеграции — "примириться и перегруппироваться под знаком и в духе Франции прошлых времен", — как определил это в отношении Франции Бернан.

Не осознавать всего масштаба французской трагедии — значит отказаться от представившейся возможности всерьез осмыслить нашу судьбу. Не интриги и не продажность, не подлость честолюбцев или старческое слабоумие реакционеров породили эту безумную и трагически ошибочную идею — пойти на соглашение с нацизмом. Величайшая правда в том, что все слои французского народа забастовали. Они отказались от борьбы. С них было достаточно всей этой политической возни. Они хотели просто жить, пусть даже так, без чести, лишь бы оставалась надежда хотя бы сохранить самих себя. Означает ли это отход от истории или возврат в крепостное состояние, как это предвидел Гитлер для Франции еще задолго до ее падения? Если нация теряет веру в свое величие, безропотно довольствуется тем, что есть, скептически относится к высоким эмоциям и жертвам, ограничивая себя умеренностью в материальных благах жизни, — такая нация прекращает существовать как держава, оказывающая влияние на ход истории. Отступление от великих политических задач и сосредоточение на защите заморских владений, как определено это для Франции Мюнхенским соглашением, явилось началом логического курса, приведшего к самодовольному одобрению положения, при котором не принимаются во внимание миллионы французских колонистов и продолжается оккупация ее собственной территории, — при этом Франция все еще воображает, будто способна выжить благодаря своему бессмертному духу.

Смирившаяся таким образом нация, руководствуется уже иными принципами, нежели gloire или liberte, или egalite, или patrie. Нет ли здесь воздействия изменившегося сознания, о котором я недавно упоминал, охватившего целую систему мировоззрения, исчезновения самого понятия нации и

общественного долга на фоне роста масс? Массы, больше не готовые сражаться или приносить жертвы по той причине, что они стали слишком практичны и скептичны, чтобы поверить в реальность высоких фраз и идеалов, политическая элита, озабоченная собственным положением в политической жизни страны и потому не сумевшая сделать того, что было необходимо, — такова была Франция до катастрофы, страна интриг, не более того, краб-отшельник, укрывшийся в чужой раковине, слишком великой для него, страна, не сумевшая ничего извлечь из традиций и исторического предназначения Grand Nation,[32] кроме красивых фраз. Эта катастрофа произошла не только потому, что нация обессилела, и не потому, что Франция "уже больше не могла выносить слез", и не по причине всеобщего гедонизма — просто стало очевидным, что иссяк дух нации.

Франции не стало задолго до ее поражения, задолго до того, как генералы-католики попытались украсить фасад страны. Но если спросить, почему они не действовали раньше, то обнаружится трагическое замешательство, в котором оказалась вся нация. Даже если бы генералы и предприняли хоть какие-то реальные действия, результат был бы тем же самым — раскол нации, то к чему и стремился Гитлер в своей политической борьбе. Вполне вероятно, что нация еще обладала достаточной силой для бунта, для политического протеста против вынужденных преобразований. Могли бы вспыхнуть даже политические беспорядки. Но великого национального подъема произойти не могло. Пока не разразилась война, условий для этого просто не существовало. Не могло возникнуть никакого национального подъема по одному лишь требованию будь то правых или левых сил. Вот почему, в свою очередь, потерпел неудачу эксперимент Блюма. И уже ничего не оставалось делать, как ждать и надеяться на чудо, молча созерцая происходящее, что и предпочли многие дальновидные политики.

Подлинные причины этой трагедии раскрывают характер второй мировой войны в истинном свете — как войны гражданской. Мне видятся те же самые причины, которые сделали немецких патриотов орудием нацистов. Во Франции была, как в свое время и в Германии, та же отчаянная решимость увести нацию, дремотно пребывающую в самообмане и мнимой безопасности, с ложного пути и обновить ее жизнь, опираясь на историю и традиции. Именно эта отчаянная решимость и трагическое смятение не могли не привести однажды к чудовищной несвободе и саморазрушению.

Мне попалась одна французская газета, которая использует тс же самые выражения, что и мы, когда были захвачены идеями

нового устройства государства, еще до нацистской революции. "Государство освободится от решения многих вопросов, находящихся не в его компетенции", — пишет газета, и далее обращается к "ячейкам Франции — семьям, профессиональным объединениям, регионам", которые "добьются благотворных результатов от многообещающей децентрализации". В официальном обращении содержалось утверждение, что Франция "была в политическом, экономическом и социальном отношении исчерпавшим себя государством". Из другого заявления можно процитировать несколько отрывков, в точности воспроизводящих наше десятилетней давности мнение о Веймарской республике. "Полное преобразование" становится необходимым, путь для него был подготовлен "двадцатилетним периодом нестабильности, недовольства и скрытого протеста". "Долгое время, — говорится далее, — большинство французов, преимущественно молодежь, не состоящая ни в одной партии, которые вызывали у них отвращение, держались в стороне от общественной жизни с ее продажностью, мечтая лишь о политическом и нравственном преобразовании своей страны". Что касается будущего Европы, то "великие ошибки должны оказаться благом, экономическая жизнь должна опираться на фундамент организованного сотрудничества, а это сотрудничество, свободное от какой бы то ни было идеологии, должно занять место исключительно политической формы европейского баланса сил".

Ощущение, что мы присутствуем при завершении некой эпохи, было широко распространено накануне войны среди очень многих представителей французской интеллигенции. Скажем, католики представляли этот конец в виде последней стадии величайшего процесса секуляризации, высшей точкой которой была Французская революция. Один государственный чиновник, кроме образования не проявлявший интереса ни к чему, говорил мне в 1938 году, что существует единственный выход — самым коренным образом изменить французскую систему образования, отказавшись от интеллектуализма и ныне действующих педагогических институтов; только такие меры могли бы спасти страну от гибели. Необходимо, говорил он, отказаться от Вольтера, Руссо и энциклопедистов, а вспомнить о Паскале и Декарте. Руководство к действию нужно искать не в XVIII, а в XVII столетии. Можно подытожить высказанные в ряде политических дискуссий мнения в роковую зиму 1938-39 годов. Они свидетельствуют о беспокойстве класса отчаявшихся патриотов, которые оказались в тени политической жизни Франции, с ее колеблющимися, духовно обессиленными массами, неохотно работающими и совсем не готовыми к жертвам. Франция больше

не была способна к героическому сопротивлению. Все усилия были направлены на то, чтобы выиграть время, пусть даже ценой временного унижения, ради того, чтобы подготовить новую Францию и спасти ее от духовной и физической смерти. Как гласит аргумент этих людей — нация даже биологически была не в состоянии вынести тяжелые жертвы своей крови. Поток крестьян в город и падение рождаемости должны быть остановлены до того, как нация сможет противостоять лишениям новой великой войны.

Не думаю, что мы поступаем справедливо или политически мудро, осуждая тех, кто видел приближение краха Франции и тех, кто пытался избежать его, для того чтобы выиграть время. Или же когда ставим их на один уровень с политиками, которые хватаются за любую возможность получить выгоду за счет других людей, и кто выставляет себя на передний план. Трагическая дилемма заключается в том, что меры, которые могли бы вызвать духовное возрождение до катастрофы, были невозможны из-за трудностей предвоенного времени; если же к ним прибегнуть сейчас, среди отчаяния национальной защиты, они могут только скрыть от нации истинную меру ее бедствия или же, по крайней мере, отвлечь от нее внимание. Это вкупе с подрывными политическими элементами и врагом-победителем, который сейчас оккупирует страну, могло бы стать компромиссом ради необходимости будущего подлинного возрождения. В этом кроется одно из величайших недоумений нынешнего периода, в котором так много самоуспокоенности и заблуждений.

Силы регресса

Те, кто относит себя к силам прогресса, в действительности являются ставленниками регресса. Это парадокс нашего кризиса. Нельзя не заметить связи между прогрессом и современным варварством. Это относится не только к нашей внешнеполитической жизни. В нашем духовном кризисе мы также оказываемся посреди долговременного и полного изменения человеческого развития. Вера в единственно морального Бога представляла собой силу великих отшельников, живших за тысячи лет до нашей эры. Эта вера столкнула их с массами, которые поклонялись стихийным демоническим силам, и которые надеялись умиротворить их посредством магических обрядов. Далеко на темном фоне истории человечества идет эта цепь людей божественной силы, которым человечество обязано своим прогрессом настолько, насколько оно приняло их духовное учение, отказавшись от алтаря Ваала и жертвоприношений в капищах, и стало служить Богу в душе и в делах своих.

Это яркое пламя оспаривается огнями другого типа. Миссия и задача ведущих духовных деятелей нынешнего Запада в том, чтобы освободить себя от всякой веры в любой духовный и моральный центр Вселенной и восхвалять это как духовное достижение. Как новые предсказатели божественной расы, племени, соединения воспроизводящих сил природы, они противятся Богу, который есть Дух, восхваляющий вечные муки. Западные страны отброшены на тысячелетие назад в старую борьбу Израиля против идолопоклонничества, против молодых послушников Ваала, ныне именуемого биологизмом, и против Молоха — все еще могущественного Бога, который благословляет господство в обмен на человеческие жертвы. Человечество еще раз оказалось в пустыне, дрожа среди ужаса и мук жизни, возвращаясь к магическим ритуалам, оно преклоняет колени перед жестокими людьми, которые предлагают ему иллюзию безопасности.

Что заставило нас в нашу эпоху увидеть величие духа в такой гибели, а не в тех правоведах высокого гуманизма, которые, как когда-то Моисей, противопоставили вере в магию и суеверным страхам великое послание единственного Бога, для которого неприемлемо сжигание на костре жертв. Это огромный шаг назад — увидеть духовное величие в гибели. Может быть, современные колдуны и магистры должны были появиться для того, чтобы открыть нам глаза на подлинное наше состояние?

Сегодня народ потрясен полным отсутствием принципов у

интеллектуалов, продажностью науки, византизмом ученых и художников. Фактически все это подготавливалось давно, когда только зарождались эти новые софизмы и способности, находящиеся в услужении того, кто платит. Интеллект прекратил воспринимать себя всерьез еще задолго до того, как нацисты пришли к власти. За необыкновенной серьезностью профессиональной науки и шумным принципиальным протестом скрывался полнейший цинизм, который насмехался над собой и был готов служить любой силе.

Но это не признак силы — избавиться от обязанностей высшей гуманности с видами на сверхчеловека, который свободен их игнорировать, а также наслаждаться земными благами или без зазрения совести следовать инстинктам белого, коричневого или любого другого цвета зверя. За всем этим бахвальством псевдогероизма выступает не сила, а слабость вялого болезненного духа. Это уклонение от трудных задач цивилизации, "дискомфорт в цивилизации", инертность и леность много лет назад средневековая церковь включила в список смертных грехов.

Долгое время задачей одного в некотором роде писателя, выдавшего себя за поборника прогресса, было заставить варварство походить на прогресс. Либеральное Просвещение в религии видит только иллюзию, болото страха и примитивность чувств. Осушение этого болота — есть основная задача воспитания человеческой расы. Либеральное Просвещение вместе с Фрейдом с огорчением обнаружило, что большинство людей не способны подняться выше детского уровня понимания религиозной жизни. Но близость подобного интеллектуального прогресса к источнику современного варварства, показанная таким великим просветителем, как Фрейд, выведена на основании того факта, что жизнь полна грубости. Мы не могли жить, говорит он, без палеолитов, и упоминает три из них — развлечения, помогающие забыть нашу бедность, удовлетворение суррогатами и возбуждение.

Здесь мы сразу оказываемся в гуще тех режимов, которые как и нацизм, чтобы стать политическими лидерами, извлекают пользу из восприимчивости масс к пропаганде и из их интеллектуального невежества. Итак, три суррогата — развлечения, удовлетворение суррогатами и возбуждение.

Именно сторонники Просвещения и интеллектуального прогресса вручили в руки современной тирании оружие обскурантизма. Такое злоупотребление прогрессом приводит к варварству. Но разве сам термин "прогресс" правильно употребляется? Разве либерализм не ведет к своему собственному

разрушению, когда следует своим принципам до их логического завершения? Этот парадокс ведет к новому этапу в политическом лабиринте.

Самодовольное посягательство на природу, подчинение природных сил воле человека, установление контроля науки над жизнью являются целью просвещения и прогресса, но все это не приводит нас к порядку, в котором, как надеются люди, не будет места для боли, и в котором наслаждение — основной принцип существования. Дорога гуманизма ведет назад — прямиком в животный мир. Сегодня Просвещение возвращается во мрак, из которого оно вышло. Если каждый из нас будет вести себя так же, как параноик, представляющий мир таковым, какой ему нравится, вместо реального, с которым он не может примириться, если мы будем относиться к религиям человечества как к средствам развлечения масс, то мы достигнем полного нигилизма и хаоса, из которого сможем выбраться только через систему подчинения, посредством нового абсолютизма и современной тирании.

Кто будет отрицать, что Просвещение оказало неизгладимое воздействие на гуманизм? Представление о человеке как разумном существе и идеи о его уникальности и индивидуальности первым делом дают возможность установить всеобщий стандарт человека, независимо от рождения и социального положения. Таким образом, эти идеи устанавливают точные стандарты того, что правильно, а что — неправильно, стандарты добра и зла, разумного и неразумного. Но в настоящее время разум сам подвергается сомнению со стороны просвещения. Расширение этнографического значения положило конец господству разума. Интеллектуальное движение освобождения считается одной из величайших вех развития человеческой расы. Нет смысла надеяться, что этого не случилось бы, даже если бы это и привело к настоящему состоянию общества, к всеобщему смятению. Абсурдно пытаться повернуть вспять развитие, как хотелось бы того некоторым личностям в Германии и Франции. Что необходимо сделать, так это установить границы, в пределах которых просвещение и рационализм находились бы в дружеских благотворных отношениях. Приходится сражаться не с самим просвещением, а с его злоупотреблением разумом, который занял главенствующее положение и, следовательно, предоставлен самому себе и будет во власти любой внешней атаки.

Мы сами были растроганы благородством гуманизма незадолго до вторжения современного варварства. В дни нашей молодости мы все еще испытывали беспокойство за нашу свободу, когда изучали несметное богатство интеллектуального наследия.

Позднее, когда мы начали тревожиться интеллектуальным разграблением Рима, еще раз возникла потребность в гуманизме, тепло встреченном энтузиазмом молодых переустроителей жизни, потому что их вожди чувствовали, что им по силам спасти мир от варварства. Но имели ли они эту силу в действительности? Разве они не страдали той же слабостью, которая привела интеллект к капитуляции перед инстинктами? Почему гуманизм оказался бессилен перед лицом наступления восходящего нигилизма? Почему его представители один за другим капитулировали и примирились с прогрессивным варварством?

Цель и оправдание гуманизма — облагораживание человека. Но что такого есть в человеке, что позволяет ему любить? Человек, как он есть? Или же его совершенство? Какая цель у этой человеческой любви? Она нацелена на благополучие и гармонию. Она нацелена на искоренение зла, она отказывается признать зло. Какой странный взгляд на человеческую природу. Какое подавление правды! "Человек добр" — это афоризм Руссо. Эта идея, повсюду провозглашавшаяся Французской революцией и просвещением, — всего-навсего ложь. Человек не добр. Именно подобное оптимистическое представление о человеке ослабляет гуманизм. В человеке присутствуют два начала: созидательные духовные силы, стремящиеся выйти из темноты к свету, как говорил Гете, и стремление к гибели, к разрушению и самоуничтожению. Какой бы ни была современная интерпретация второй стороны человека, будет ли это называться "дискомфортом среди цивилизации", "темной стороной цивилизации", но если точно придерживаться старого христианского определения, то назвать ее следует злом.

Нас учат видеть различие между "зарождающимся гуманизмом", последним дуновение древнего дохристианского мира и "загнивающим гуманизмом", замкнутом на себе, постулирующем единственный стандарт и смысл жизни в самом человеке.

Существует ли организм, который можно было бы назвать автономным человеком? Разве этот термин — не отрицание глубокого и наиболее плодотворного развития человеческого духа, берущего свое начало от иудейских пророков через античный гуманизм к христианству? Без христианского духа гуманизм — пустой звук. Без христианской серьезности гуманизм безответственен, а без этической силы христианства — он слаб.

В нападках на гуманизм нас не интересуют причины, ради которых Парето выносит ему приговор: нацизм это или фашизм. Наш довод — это не признак слабости, которая овладевает

людьми, когда они в упадке и их инстинкты отныне не надежны. Наш довод показывает, что человек не способен своей собственной волей преодолеть дух разрушения в своей природе, дух зла.

Употреблять понятие "зло" и воспринимать его как реальность, значит попасть под подозрение в обоих полушариях, как ограниченный реакционер, но зло — реальность. Его невозможно изгнать из нашей жизни. Гуманизм, который полагается на доброту, заложенную в человеческой природе, создает себе тем самым свой собственный коррелятив, цинизм или, говоря языком эвфемизмов, — реализм, который полагается на вечно неисправимую животную природу человека. Таким образом, вместо общепринятого критерия, который объединяет всех людей, существует противоречие, приносящее неприятности любому порядку. Одно толкование жизни остается интеллектуальной роскошью, изящной фразой для оратора, а другое — управляет реальными отношениями между людьми. Именно гуманизм открывает для цинизма путь к власти. Цинизм обеспечивает благовидные предлоги для вынужденной капитуляции перед силой. Принятие вещей такими, какие они есть — всегда означает бегство в безопасность.

Гуманизм не обеспечивает спасения от опасностей, окружающих человечество. Следовательно, он предлагает только один выход — через подчинение ощутимой силе. Только это обеспечивает безопасность с тех пор, как была отвергнута вера в невидимую божественную власть. Альтернативой этому бегству в безопасность является прыжок в авантюру, в наркотическую активность. Этот прыжок вперед — преодоление страха агрессией.

Не следует искать истинные силы регресса в политическом курсе, где их обычно ищут привилегированные классы, в узости мышления реакционеров, которые низвели бы жизнь до устаревших форм, они — в вечном желании человека обладать привилегиями. Эта форма социальной реакционности, форма классового сознания наивна по сравнению с другими силами регресса, которые нацелены на то, чтобы отбросить высшие формы человеческого бытия назад в примитивизм, безответственность и зверство.

Двойной аспект социализма

Вдалеке остались родина, мир, спокойствие. Только в этой стране впервые остро ощущаешь тяжесть последнего времени и накопившуюся усталость. Отсюда исходит ясность и свежесть. Каждый, кто попадает в эти освященные веками места, погружается в атмосферу великого прошлого. Изваяния древних римлян вдоль садовой стены, лебеди в крошечном водоеме, безмолвие старинной счастливой земли — война будто исчезла. Но зверь крадется за оградой. А величайший мир, мир интеллекта во всем своем великолепии раскинулся вокруг.

Мы выходим на ночную террасу. На горизонте пляшут языки пламени, доносится отдаленный гул и грохот. Там, где лежит великая столица, проходит фронт — такой же отчетливый, как и в прошлой войне. Только на этот раз Лондон сам оказался фронтом.

Зверь и здесь настигает нас — ночной покой разрывается монотонным гулом бомбардировщиков в вышине. Никому не удастся заснуть в своих великолепных постелях под расцвеченным небом и старинной живописью на стенах. Таинственная жизнь старых домов звучит в ночи мрачными голосами. Каждый понимает, что он втянут в орбиту великой традиции.

Англичане обрели умение восстанавливаться только благодаря своей сдержанности, благоразумию, мудро избегая крайностей. Как вырваться из порочного круга парадоксальной взаимосвязи прогресса и варварства? Именно здесь, в Британии, можно найти ответ на этот вопрос.

В этой стране не только компромисс поддерживает политическую жизнь в здоровом состоянии. Причину способности людей к подлинному компромиссу нужно искать в инстинктивном ограничении всей жизни, нежелании следовать чьим-то мыслям точно так, как индивидуум редко может быть совершенно правым, также редко в человеческих отношениях возможно довести принципы и идеи до крайности. В этом кроется долговременное здравомыслие британской жизни в эпоху интеллектуального кризиса. Британия Поистине свободна от доктрин и теорий. Благотворное воздействие либерализма оборачивается саморазрушением. Социализм из процесса справедливого уравнивания превращается в тиранию только тогда, когда этим необходимым элементом западной жизни доводится до крайнего предела, и когда достигнув этого предела, он становится своей противоположностью.

Если идеи, регулирующие нашу жизнь, доводятся до логического завершения, если они возводятся в абсолют, они превращаются в неизбежный абсурд. Идея становится абсолютной, когда она поднимается до уровня доктрины, когда служит материалом для создания системы и когда она провозглашается как цель, которой нужно следовать, или как истина, принимаемая бескомпромиссно и безоговорочно, и когда эта идея служит средством для достижения цели, полученной в результате опыта, и инструментом порядка, который постоянно изменяется. Здесь кроются причины нашей несчастной немецкой судьбы. Именно эта неискоренимая привычка — доводить все до своего логического завершения и строить систему из этого, приводит нас снова и снова к интеллектуальному и политическому краху. Чтобы вселить в нас уверенность в будущее Англии, едва ли можно придумать что-нибудь лучшее, чем привести факт, что здесь социализм сам по себе не доктринерский, что он остается свободной формой марксизма, управляемой практичной, непредубежденной партией социальных реформ.

Устарела ли доктрина марксизма как фактор, влияющий на политическую жизнь? Будь это так, это означало бы, что социалистические партии континента и рабочие организации, использующие язык марксизма, должны найти не только новую терминологию, но и новые методы политической пропаганды. Гитлер не уклоняется от признания, что он обязан многими своими методами и политическими суждениями марксизму. Он осмелился рядом действий доказать, что политический марксизм, по крайней мере в Германии, только пропагандируется, но никогда никто не рискнет осуществить его идеи на практике. Это довольно жесткое и несправедливое утверждение. Официальные представители изгнанных из своей страны немецких марксистов обиделись на меня за откровенное упоминание об этом.

Многое в настоящем социальном устройстве устарело и от многого необходимо отказаться, как от ненужного хлама. Самой дряхлой вещью в этой коллекции хлама является континентальный доктринализм, родившийся из неисторических рационалистических концепций. Этот доктринализм уже начинает приобретать влияние за пределами континента. Мир XIX столетия безвозвратно ушел в прошлое. Вне сомнения, это означает, что от пережитков феодальной системы и от остатков викторианской эпохи придется избавиться так же, как и от элементов эпохи Вильгельма II. Но существуют и другие элементы, которые также принадлежат к XIX столетию. Это — необоснованная вера в материальный прогресс, псевдогуманный

оптимизм, одержимость рационализмом.

И Гегель и Маркс принадлежали XIX веку, демократическому индивидуализму национальных государств и абсолютизму великой Пруссии. Оба верили в возможность изменения человеческой природы путем изменения общественных институтов. Они полагали, что можно создать человека совершенно отличного от того, каким он является сейчас — двойственным существом, нисколько не соответствующим высшим требованиям, постоянной чертой которого является состояние разлада с самим собой.

Нацизм, конечно, перенял все националистические и милитаристские идеи, которые в прошлых десятилетиях использовали наши так называемые реакционные националисты. Позднее эти идеи нацисты довели до крайнего предела. Но не это делает нацизм столь опасным. Он похож на новую форму пангерманизма или прусского милитаризма, которые пока еще непреодолимы. Нацизм развивает свои огромные разрушительные политические силы за счет слабости противостоящих ему систем, и путем использования ресурсов и методов, разработанных и подготовленных не на националистической, а на социалистической и марксистской почве. Предполагается, что эти ресурсы должны дать волю безграничному разрушению, но они никогда не построят новый мир.

Здесь выдвигается задача, которую мы, кажется, не сможем понять — задача открытия нового порядка, который наделит новые общественные органы вечными элементами нашего исторического развития. Эти элементы ныне созрели для демократической формы существования, но это происходит без заимствования форм своего вечного врага — тоталитарной тирании.

После объявления войны США 11 декабря 1941 г. Гитлер заявил рейхстагу: "Если провидению будет угодно, чтобы германский народ не миновал этой схватки, то я буду благодарен ему за то. что он доверил мне возглавить историческую битву, которая на ближайшие пятьсот или тысячу лет определит ход не только нашей, германской истории, но и ход истории всей Европы, и даже всего мира".

Заключается ли прогресс, в разумном и реалистическом его понимании, в движении к всеохватывающей рациональной системе, всеобщему коллективизму? Будущая ли это цель? Разве прямой противоположностью этому не является активное сотрудничество многих независимых групп, ни одна из которых не компетентна установить всеобщий контроль? Не означает ли это, что все эти абсолютистские доктрины и проповеди

исторического или любого другого материализма, все эти идеи рационального планирования составляют одну сторону, в то время как по другую сторону находится все, что ассоциируется со свободой, демократией, многопартийностью, инициативой, моральной ответственностью индивидуума, сохранением личной, духовной и моральной независимости, с прогрессом и дальнейшим развитием цивилизации и культуры Запада? Все это поднимает вопросы, которые показывают, что средний класс и рабочие не могут больше оставаться в противоположных лагерях, а должны стать партнерами в общем деле.

Немецкая социал-демократия имеет двойственный характер. Несправедливо упрекать ее в том, что в годы предшествующие великому кризису она была слишком демократичной, чтобы захватить и удержать власть незаконными методами. Это лишь одна сторона социал-демократии. Национал-демократическое чувство ответственности и истинно демократический характер заставили ее ограничить свою борьбу за власть и подчинить свои действия идеям беспристрастной справедливости. Не следует нападать на лидеров социал-демократии, проявлявших определенную сдержанность. Их нужно поблагодарить за создание нового рабочего движения, которое, возможно, разовьется в будущем, и за сохранение морального духа для него. Благодаря этому духу можно будет обрести особую значимость и известность в предстоящем мире.

Группа горных стрелков использовала свое наступление на Кавказе для установления спортивных достижений: 21 августа 1942 г. они взошли на Эльбрус. самую высокую вершину Кавказа (5629 метров) — и установили там имперский военный флаг. Но, несмотря на то. что о поднятии флага узнал весь мир. Гитлер был в ярости. Он кричал. что честь его армии — в том. чтобы побеждать русских, а не в том. чтобы взбираться на вершины.

Но существует и другой аспект старой социал-демократии, ставший одним из источников роста современного тоталитаризма. Здесь находилась та благодатная почва, на которой пышным цветом разрасталась ядовитая поросль, ничего общего не имевшая с рабочим движением и стремлением к более справедливому общественному устройству, — атеизм, методично насаждаемый исторический материализм, рационализм, освобождение плоти и духа, а также все те идеи всеобщего принуждения, диктатуры, планирования, уравниловки, коллективизации вплоть до веры, которые насаждались правительством и наукой, базирующейся на произвольных

предпосылках. Будто бы наука наших ортодоксальных марксистов с их аксиомой исторического материализма была не настолько ad hoc[33] доктриной, и будто бы "идеологическая суперструктура" не столь умышленно рассматривала человека как исключительно социальную предпосылку, чем это делала "artbedingt" [34] , — наука, приспособившаяся к порядку нацистов! Будто бы все эти идеи, столь гротесково выродившиеся в иррациональные доктрины нацистского расизма, не имели своего полного прототипа среди рационалистической сферы! Спортивные общества и культурные организации социал-демократической партии, ее литература с характерным партийным жаргоном, ее войска, поддерживающие порядок, ее марши и церемонии с развевающимися знаменами — сами становятся примером для коричневых батальонов и всех других организаций национал-социализма.

Этот второй аспект социал-демократии несомненно был таким же значительным, как и движение за интересы рабочего класса. Никто не будет сомневаться в огромной образовательной работе и в значительных положительных достижениях социал-демократического движения. Если германский рабочий принадлежал к одному из лучших или наиболее надежных типов населения современной Германии, то это только благодаря неутомимой работе нескольких поколений безвестных социалистических учителей и лидеров. Но эта удивительная работа была парализована коллективистской доктриной и ее воздействием, требовавшим только нового дополнительного фактора для того, чтобы превратиться в руководящую силу нашего времени — революционное движение нигилизма.

Таким образом, будущему рабочему движению придется решать: которой из этих целей оно отдаст предпочтение? Второй, возложившей на себя сущность движения, как чуждый элемент, или первой, представляющей собой обучение ответственных личностей на базе нашей западной культуры? Если продолжать следовать обоим путям развития, это может парализовать социал-демократию как созидающую силу в государстве и в истории. Социал-демократия не являлась бы фактором, влияющим на будущее установление справедливости и гармонии, а была бы очагом скрытого революционного разрушения. Весьма важно вырваться из этой двойственности и решить в пользу законности, с которой этот континент две тысячи лет назад начал свою историю.

Великое рабочее движение будет главным политическим и общественным достижением в переустройстве Европы. На его основе должен покоиться вечный мир. Но это станет

невозможным, если социализм будет твердо придерживаться идеи радикального переустройства общества, так как это можно осуществить только средствами современной тирании. Если, с другой стороны, цель социалистов — примирить законные права на собственность и на частные предприятия с фактами новой концентрации средств производства и с социальными службами, то тогда не составило бы труда подлинному традиционализму заключить длительное соглашение с социализмом.

Идеи доктринерского социализма никогда не смогут быть претворены в жизнь без тирании. Диктатуре, которая согласно социалистической доктрине, должна быть диктатурой только для воспитания, суждено стать постоянной формой социалистического общества.

"Не существует социализма, который можно насадить без авторитарных средств, — утверждает Пиро. — В нашу эпоху государство осуществляет власть в пределах одной нации". Спорно, что нам придется продвинуться сразу к истинному интернационализму, минуя форму национального государства, и что именно устройство государства в рамках одной нации придется изменить. Несомненно, так думает большинство представителей социализма, которые только недавно стали его приверженцами, пока еще они не осознали неосуществимость своей доктрины на базе национального государства. То, что невозможно в пределах отдельной нации и национального государства, может быть осуществимо в социалистической Европе или в действительно мировом государстве.

Социалисты, несомненно, правы, полагая, что ни один новый порядок, будь то социалистический или экономический, или даже политический, недостижим в рамках отдельного национального государства. Поэтому положить конец системе государства в рамках одной нации — одна из задач будущего. Но что должно занять место этой системы? Может быть супергосударство, интернациональное государство социальных служб со всеми соблазнами, которые представляют власть всемогущей элите?

Признание революции

Новая речь Черчилля относится к древнему типу. Она демонстрирует присущее ему мастерство излагать простыми словами в классическом стиле как раз то, что лежит невыраженным в наших сердцах, и то, что никто из нас не мог бы облачить в слова. Не будет ли преувеличением сказать, что в ней чувствуется дыхание шекспировского слога, способного разжечь энтузиазм как заурядного обывателя, так и высококультурного человека?

Британская нация не нуждается в массовом внушении и не нужно ее приводить в состояние массового гипноза для того, чтобы она выдержала суровые испытания. Не могло быть лучшего признака, чем эти речи, свидетельствующие о здоровом духе ее жизни и указывающие на то, что в Англии процесс формирования масс до некоторых пределов был ограничен. Эти речи можно считать в некотором роде положительным полюсом, противоположным отрицательному полюсу пропаганды, в узком смысле недоброжелательной и глубоко разрушительной по сути, уничтожающей духовные силы, и которая, таким образом, рано или поздно отомстит за себя нации, поддающейся ее воздействию. Речи

Черчилля показывают, что, несмотря на подъем масс, существует язык, адресованный нации с интуитивной уверенностью, не приводящий ее в состояние возбуждения и не делающий ее восприимчивой к внушению с помощью таких средств, какие использовали тоталитарные шаманы, вооруженные магическими барабанами. Этот язык должен использоваться для того, чтобы завоевать доверие масс. Это здоровый язык, в отличие от языка декадентства и безумия. Это язык мужества, противостоящий коварным истерическим женским воплям. Это язык ясного рассудка взамен скучного размышления, наподобие того, какое имеет больной, скрывающий от себя ощущение наступающей смерти.

Чувствуется уверенность, что решение будущего нынешнего столетия находится здесь, в этом моральном решении, которое каждый разделяет посредством испытаний.

Существует множество крошечных фрагментов, из которых можно сложить картину возрождения и преобразования жизни. Это добрые и кроткие женщины, совершающие невероятные подвиги и проявляющие смелость и выносливость — качества, так сейчас необходимые. Это дети, смеющиеся среди развалин и грохота обваливающихся домов. Спокойно, без суеты проходят

люди, окруженные смертельной опасностью. Они спасают друг друга, приходят на помощь и расчищают развалины. Группы несчастных людей, лишившихся своих домов, с вызывающим восхищение терпением сидят на улицах у входа в бомбоубежище. Деловые люди стоически продолжают работу. Только что они были вынуждены покинуть свои офисы из-за бомбежки, но тут же сразу собрались вместе и восстановили прерванную нить рассуждений.

Много лично осязаемых деталей оживляют эту картину жизни. Едва ли найдется кто-то, кто не был бы так близко к смертельной опасности или же по счастливой случайности не был бы спасен от смерти. Есть семьи, чьи дома многократно бомбили. Есть семьи, потерявшие все. Повсюду можно услышать истории о много раз пережитых смертях и разрушениях — уничтоженное имущество и рухнувшие надежды. Но все же везде присутствует несгибаемый юмор отважных сердец, встречающих опасность шуткой, вместо громких фраз или проклятий.

Если в мире существует место, из которого можно управлять преодолением всех этих испытаний, то это место — в этом городе, в этой стране. Здесь находятся реальные силы, способные преодолеть нигилизм.

Так как невозможно довести войну и революцию до конца посредством новых соглашений Лиги Наций, фундамент для высшего мирового порядка должен быть заложен пока еще война находится в развитии. Но этот фундамент не может быть воздвигнут в пустоте и не может быть принят в академической программе. Развитие нового порядка должно происходить в реальной жизни. Таким образом, новому порядку необходимо здоровое и сильное сердце, необходимо, чтобы он стал реальным и прочным фактом.

Признается ли факт, что мировая революция находится в развитии, что за военной и политической агрессией так называемых молодых наций и за подъемом тоталитарных режимов действуют подлинно революционные силы, которым приходится не только считаться со старыми элементами порядка, но и принимать их в свою среду? От понимания природы революции и от готовности принять ее плодотворные элементы зависит будущее и возможность установления великого мира.

Таким образом, мы не только должны спросить, как много из того, что поддалось явной революционизации, должно считаться окончательным и бесповоротным и что в дальнейшем можно отменить только ценой всеобщих лишений. Мы также должны спросить, как много из революционных тенденций, которые в большом количестве использовали для себя тоталитарные

режимы, соответствует измененной действительности и что, следовательно, должно быть принято в качестве положительных элементов, которые необходимо добавить к историческим традициям Запада? Нужно спросить, каким элементам революции следует содействовать как оказывающим благотворное влияние на подлинный прогресс и с чем нужно сражаться как с разрушительными тенденциями революционного нигилизма или как с доктринерским утопизмом?

Можно ли это с точностью определить сейчас? В этом смешении необходимых социальных, экономических и политических реформ с доктринерским утопизмом, который требует окончательного и вечного мирового порядка, кроется опережающая нас опасность. Выразить сопротивление идее рационально спланированного порядка означает тотчас же попасть под подозрение в реакционности. Доктринеры всех оттенков готовы согласиться даже с низким уровнем жизни масс и с всеобщей потерей свободы, только бы осуществлялся их план рационального планирования. Тогда как логичная и непредвзятая комиссия должна была бы ввести планирование только там, где оно необходимо для достижения желаемого уровня экономической надежности и социальной справедливости и только тогда, когда подобное планирование могло бы его гарантировать. Необходимы социальные реформы и ограничения особых привилегий или полная их отмена. Для этого требуется только законодательная реформа, а не новая система, созданная из рациональных элементов доктрины и иррациональных элементов социального мифа. В конце концов есть только два выхода из хаоса. Или мы доведем техническую революцию и подъем масс до их логического завершения, и в этом случае необходим рационализированный порядок, предполагающий принуждение, или же мы должны, руководствуясь великой западной традицией, из исторических элементов, до настоящего времени определяющих судьбу европейских наций, создать порядок, который будет гармонировать со старыми традициями. Существует ли третий путь? В добавление к радикальному и традиционному решениям есть ли еще социально-революционное? Единственно возможный ответ - "нет", такого пути не существует. Это третье решение неизбежно отбросило бы нас вниз, к радикальному и тоталитарному, и достигло бы такой же предельной стадии, как во всех прошлых вариантах, требующих принуждения. Общественные или социалистические идеи, с другой стороны, являются частью западной традиции и способны служить базой для ее возрождения, но при одном условии: они не должны претендовать на свою исключительность.

Есть опасение, что политический социализм сегодня не готов отказаться от своей претензии на установление исключительного порядка будущего, и что он не готов занять свое место в качестве одного из элементов западной традиции. Но и элементы, до сих пор характеризовавшиеся как традиционные, могут заявить права на свою исключительность. Необходимо новое, более широкое понятие западной традиции.

Во времена прошлых исторических кризисов Британия показала удивительную способность идти на компромисс с революционными силами, избегая тем самым конституционных или социальных потрясений. Большим достижением Британии было то, что она в нужный момент провела реформы и отвела течение революции в русло эволюции. Вне всякого сомнения, эта способность тесно ассоциируется с неослабевающей силой и здоровым духом британской общественной жизни. Похоже, что дар рассудительного допуска новых элементов еще не утерян. "Таймс" признает, что в нацистском режиме и в его экономической политике содержались элементы, которые должным образом оценивают обстановку в мире, в то время как старые ортодоксальные идеи доказывают свою несостоятельность. Газета сообщает о великих изменениях в экономической области. Такие изменения, пишет она, требуют подгонки устоявшихся идей к требованиям сегодняшнего дня, а также их модификации, которая, возможно, станет такой же радикальной, как и модификация военных концепций, вызванная появлением танков и самолетов. Упорное цепляние за методы и доктрины, которые были разумны 50 лет назад, может дорого нам стоить. "Таймс" пишет об экономических и социальных переменах, о принятии революционных методов по обеспечению занятости, о создании британской кооперативной торговой сети и о том, теперь уже очевидном, что капиталовложения будут служить национальным интересам, а не просто частному обогащению. Ограничения и жертвы должны быть поделены, как требует того социальная справедливость. В некоторых сферах конкуренция должна быть ликвидирована за счет образования монополий. Подобная готовность к компромиссу ни в косм случае не означает капитуляцию перед трудностями военного времени. Британская демократия, как пишет "Таймс", способна воздвигнуть новый порядок, основанный на обоюдной ответственности.

Господин Черчилль в своей отшлифованной манере дает определение этому, как примирению демократии с традицией, что уже произошло в Великобритании. Он тоже признает необходимость правильно организовать экономическую систему и социальный порядок, но только на основе свободы слова и мысли

и с гарантиями свободных выборов и независимого парламента. Это и есть готовность к синтезу новых элементов со старыми, которыми ни в коем случае не следует жертвовать.

Конгресс тред-юнионов заявил, что после войны обязательно нужно заново строить национальную жизнь. Общественные и экономические институты должны гарантировать удовлетворение элементарных нужд каждого человека. Пища, одежда и кров должны стать доступными для всех. Ясно, что это не что иное, как готовность к необходимым переменам, которые предотвратят катастрофический разрыв с существующими элементами общественного порядка. Существенно, чтобы мы также ясно осознали, что основные реформы не должны быть смешаны с незначительными в счет новой эры. Чем дольше продолжается открытая революция и чем дальше отстраняются силы старого политического и экономического порядка, тем яснее раскрывается весь масштаб революции, чьи положительные свойства будут включены в новый порядок.

Реформы будут касаться не только экономических и политических проблем, но затронут вопросы национальной и государственной политики. Актуальность политических проблем не может быть уменьшена экономическими средствами, а социальные не могут занять место политических преобразований.

Реформы, однако, не включают типичные средства революционизации, средства власти и средства влияния на массы. Если революция должна быть направлена в русло эволюции, если в революцию допущены положительные элементы, то необходимо сделать разграничение между тем, что принадлежит к средствам господства и к разрушительным тенденциям и тем, что является положительным. И что принадлежит к фатальным ошибкам и просчетам нашего времени. Не должно быть никакой маскировки и тайного экспорта революции, как это случилось в Германии, причем, без нашего понимания, не должно быть того, что я называю операцией по преждевременному прекращению революции, что также было предпринято в Германии реакционерами. Увидев подлинные революционные элементы, эти люди предложили не принимать их, а разрушать. Их метод преждевременного прекращения революции основывался на инсценировке искусственной революции, названной в Германии nationale Aufbruck — "национальным подъемом", и которая, как надеялись, истощит, уведет в сторону и дисциплинирует революционные элементы и затем положит конец всему движению благодаря реакции.

Что касается незаконного распространения радикальной

революции под видом первоначальной реформы, то это обычный способ, применяемый революционными силами для достижения ключевых позиций, чтобы позднее пройти то, что нацисты назвали второй фазой революции, и что в других революциях было типичным явлением радикализации лидеров, стоящих у власти.

Все еще остается опасность, что революция, которую держат за парадной дверью, благодаря реформам, может войти через черный ход. Опасность эта кроется не столько в революционных требованиях, сколько в методе их реализации. Это представляет опасность даже для здоровой политической жизни англосаксонской демократии. Все зависит от того, будут ли представители революционных сил настаивать на исключительной обоснованности своих целей и требований или же они готовы признать права других, права меньшинств, право оппозиции. Или, иными словами, будут ли они готовы уважать жизненный закон демократии, заключающийся в компромиссе и в переговорах. Все будет зависеть от того, пойдут ли они на это или будут придерживаться устаревшей концепции социальной революции и цепляться за утопическую картину идеального общества.

В области внешней политики возврат к системе небольших национальных государств с полным суверенитетом более невозможен. Национализм всегда присутствовал в европейской жизни. Но он уже не определяет форму государства. Не только экономическая жизнь, но и правовые формы жизни сообщества требуют больших территорий. Должны быть определены формы, как правовые, так и внутреннего устройства государства. Именно в этом заключается одна из задач подготовки мира, а не в демаркации границ новых национальных демократических государств путем мирных договоров.

Сейчас нацизм закладывает такой фундамент для Европы, в котором национализм не будет больше единолично определять форму сообществ. Здесь нацизм выступает в роли организатора истинной формы революционного обновления. Он выдвинул проблемы переустройства, но не нашел их решения. Всеобщий европейский порядок вырастет через свободное сотрудничество, а не через принуждение и подавление. Именно по этой причине Великобритании предназначена руководящая роль, потому что она — единственная из всех мировых держав, разработавшая для огромной империи новый метод управления, который заменил собой метод господства и подавления. Как сказал Черчилль, она объединила империю и свободу.

В некоторой степени нацизм выполнял функцию ликвидации

старого порядка. Но куда в большем масштабе он приводил ряд доктрин к явному абсурду. Было бы недоразумением постоянно осуществлять этот огромный эксперимент, считая его не более чем свержением старого порядка и разрушением общественных структур. Что-то в этом роде, без сомнения, является идеей о широкой исторической значимости нацизма. Я расцениваю историческую функцию нацизма, по крайней мере, в Германии, как освобождение западной формы человеческой цивилизации от деформаций, имевших место в ходе интеллектуальной технической революционизации. Это выясняется, если поразмышлять, куда неуклонно ведет этот процесс с его формированием масс, социальными переворотами, утопической системой планирования, а также национальным возбуждением и империалистическими амбициями. Нацизм должен был показать западному миру, что представляют собой эти перемены, и он должен был вернуть всем, кто способен иметь свое собственное суждение, решимость, необходимую для сохранения и поддержания своей индивидуальности.

Новый абсолютизм

Пытаясь понять подоплеку нашего исторического развития, поражаешься сходству нынешних проблем и путей их решения с проблемами XVII века. Это сходство куда большее, нежели с наполеоновскими войнами или борьбой с Французской революцией и ее последствиями. Все та же борьба с абсолютизмом, борьба против остатков сильного самоуправления, против недосягаемой власти, против того, что ставит себя, как и в эпоху барокко, превыше всего.

Эта борьба отмечена невероятной неразберихой. На переднем плане, с помощью всякого рода хитростей и самообмана идет ожесточеннейшее противоборство, которое покажет, кому обладать верховной властью, в чьи руки попадет эта абсолютная власть. Идет борьба внутри нового абсолютизма. Решается вопрос, какие политические силы, правые или левые, войдут в будущую несменяемую правительственную коалицию.

И кто бы ни одержал верх, существенным образом на характер нового абсолютизма это не повлияет, поскольку он следует своим собственным законам существования. Враждующие претенденты на корону едины в том, что абсолютизм необходим и неизбежен.

А на заднем плане идет другая борьба, борьба за избавление от всяких альтернатив, за выход из тупика, в который ведет абсолютизм. Это борьба против нового абсолютизма как такового. Но она ведется с недостаточной силой и до сих пор недостаточно осмысленна. Реакционные круги перемешали свое желание самим стать правителями в новом абсолютизме с борьбой против новой тирании. Либеральные круги, защитники демократической свободы, справедливости и гуманизма не могут понять, что их политика на практике направлена на поддержку левого крыла абсолютизма. Социалистические круги воображают, что их стремление к новому и справедливому порядку может достигнуть цели только посредством системы политического и экономического планирования, которая сможет функционировать только если сама примет форму нового абсолютизма. Помимо этого существуют религиозные круги, которые домогаются освобождения христианской теократии, бывшей в свое время весьма благотворной и эффективной. Но добиваясь этого, они будут вынуждены прибегнуть к помощи механизма управления, который представляет собой ни что иное, как новую форму абсолютизма. Многим романтикам хотелось бы реставрировать священную Римскую империю или же основать утопию любого

возможного типа. Но разве борьба против нового абсолютизма не является утопией уже сама по себе? Нельзя отрицать тот факт, что все, предпринимаемое в политической области, неизменно ведет к новому абсолютизму. Движение к абсолютизму идет бок о бок с непрекращающейся технократизацией нашей жизни. Государство само по себе есть технический механизм, а общество нуждается в механизме регулирования, который мог бы действовать через рациональное функционирование. Это развитие в то же время является реакцией на феномен масс. Необходимо сказать, что новый абсолютизм — это деспотическое изобретение честолюбивых монархов, каким оно было в XVII веке. Это неизбежный результат распада автономных элементов власти. Новая абсолютная власть возникает на месте вымирающих старых органических элементов управления.

Несмотря на то, что будущее, кажется, в социальной, политической и правовой сферах, как и везде, принадлежит техническому механизму, работающему с абсолютной точностью, из этого необязательно следует, что абсолютизм неизбежен. Напротив, именно в этом заключаются важнейшие задачи сегодняшнего дня: без ограничения правомочий правительственного аппарата и централизованного абсолютизма борьба за демократию и свободу личности — всего лишь словесная игра. Эта великая борьба станет впоследствии ни чем иным, как поединком между соперничающими группами государств. Это уже не борьба за свободу. Без подобного ограничения свободы Британское содружество и США — всего лишь первобытное любопытство, при благоприятных условиях приводящее в исправительную тюрьму. Они — как средневековый замок среди современных строений.

Но как можно бороться с пагубным влиянием технического прогресса и ростом крупных массовых организаций без рационального механизма и без абсолютистского порядка? На чем основывается новая правительственная гарантия свободы и самоуправления в эпоху, когда возбужденные массы требуют безопасности? Безопасность обеспечивается только новым абсолютистским обществом, новым тоталитарным режимом.

Таков сверхсоблазн нашего времени — принять предлагаемый в качестве выхода из всех нынешних трудностей путь в новый абсолютизм, представляющийся единственным средством, гарантирующим, по крайней мере, внешний порядок. Абсолютизм — не тоталитаризм. Аналогия современного абсолютизма с абсолютизмом XVII века не случайна. Современный абсолютизм — возрождение и продолжение идей XVII века. Решительный прогресс заключается не только в

эффективности современных технических средств власти, которые делают любое сопротивление просто невозможным. Он по большей части лежит в необходимости расширения сферы общественной власти над "внутренним миром", над верой, личным мнением и частной жизнью каждого человека. Важно понять, что устранение или сохранение личного внутреннего мира, свободы мысли и сознания не зависят от выбора будущих законодателей, но они связаны по необходимости с природой новой формы абсолютизма. История XIX столетия показала, что прошлое деление на две сферы — личную и общественную, которое сделало вполне сносным старый монархический абсолютизм XVII и XVIII веков, больше уже невозможно, поскольку это делает государство или абсолютный порядок общества иллюзорными. Именно благодаря такому делению в XIX веке появилось либеральное государство, из которого выросли все проблемы, завладевшие вниманием XIX и первой половины XX века, превратившие государство в игрушку в руках определенных групп и новых масс. Сейчас взят курс назад к абсолютизму, после того, как был сделан крюк через сферу, свободную от абсолютизма. Если ныне абсолютизм становится реальностью, и нам придется принять его, то только в форме тотального абсолютизма, в котором уже не будет места как для внутригосударственной, так и для частной сферы, а будет только тирания, характеризуемая подчинением, террором и коллективизацией всей жизни.

Мы сталкиваемся с соблазном нового абсолютизма на самых различных дорогах, как необходимостью для государственной системы, которая, если потребуется, будет работать в виде бюрократии, как идеей всеобщего контроля над экономической системой и социальным планированием. Это больше, чем просто насмешка, если вспомнить, что валютный контроль и концентрационные лагеря только постепенно становятся отличимы один от другого. Контроль государства над сферой потребления и планирования производства эффективен только в той системе, которая готова приступить к суровым репрессиям для того, чтобы заставить повиноваться ей. Правящие круги не имеют свободного выбора методов для поддержания своей системы правления. Каждая система имеет свои, свойственные ей методы осуществления и сохранения своей власти. А в системе централизованного всеобщего планирования нельзя обойтись без средств крайнего принуждения.

Чем дольше длилась война, тем хуже становилось здоровье Гитлера. По словам Вернера Мазера, под конец своей жизни он

сделался "стариком в физическом плане и полностью истощил себя психически; он представляет собой горестную и жуткую картину, которая не имеет ничего общего с Гитлером 1933 г. Он, как и его империя, при смерти".

Ощущается ли соблазн абсолютизма или нет, по крайней мере, неопровержимо, что многое сейчас должно быть предпринято в этом направлении, потому что другого пути нет. Ведение войны, главным требованием которой является подчинение всей жизни нации ее целям, невозможно без абсолютистских методов принуждения. Но и помимо войны экономический кризис и необходимость общественного обновления вызывают проблемы, решение которых немыслимо без помощи специальных сил и сильного механизма централизации. Эти проблемы неизбежно включают в себя тенденцию к синтезу в абсолютистском всеобъемлющем аппарате власти.

Внешняя сторона деятельности нацистов не должна вводить нас в заблуждение, что вся жизнь Германии контролируется массовой демагогией, что обычное состояние немцев — это состояние восторга иррациональным фактором. Во всех мероприятиях разработка планов и их выполнение определяются жесткими рациональными методами. Сегодня Германия представляет собой огромный централизованный механизм, ближайшей целью которого может быть ведение войны или безотлагательная всеобщая мобилизация, но в действительности — это всеобщее планирование, планирование политической, экономической и общественной жизни, и на практике более эффективное, чем даже достигнутое Советским Союзом.

Было бы ошибкой воспринимать всеобщую мобилизацию всех слоев населения согласно обычному плану как просто подготовку к войне. Важен не результат, а сам факт мобилизации всей скрытой энергии, подчинение каждого человека и всех сфер жизни общему плану. Даже если бы были устранены элементы демагогии и истерии, осталась бы система полной механистичности мира людей. Что выделило бы ее из политического планирования ради благосостояния общества? Только фикции субъективных побуждений. Действительность осталась бы такой же суровой и безжалостной.

Опасность, нависшая надо всем цивилизованным миром, в том, что ему придется мобилизовать все свои силы, чтобы выйти из мирового кризиса, а механизм этой мобилизации способен выйти из-под контроля и действовать в своих собственных целях, подчиняя жизнь своей власти. Административный аппарат имеет

тенденцию становиться для самого себя законом, действовать согласно своим собственным замыслам и, более того, наделять себя безграничной властью абсолютизма.

Ни один из этих вопросов, которыми мы так мало интересовались в Германии десять лет назад, и поныне не утратил своей важности. Эти вопросы попадают теперь в поле зрения великих западных демократий. Неужели, например, экономическая система, основанная на конкуренции, настолько расстроилась и скомпрометировала себя, что ничто не может занять ее место, кроме всеобщего планирования, контроля за выпуском и потреблением продукции, независимо от рыночного механизма? Неужели может выглядеть рациональной система, где происходит нормирование продуктов, основанное не на совокупности индивидуальных запросов миллионов людей, а на количестве, установленном согласно программе, определенной отнюдь не экономическими соображениями? Десять лет назад мы думали, что можно взять курс, в котором преимущества плановой экономики могли быть объединены с преимуществами системы свободной конкуренции. То, что случилось — было первым разоблачением слабости обеих сторон, а затем последовала победа тотального планирования.

Мы полагались на элементы самоуправления и вообразили, что сможем достичь порядка, в котором организации торговли и промышленности, а также социальные службы могут развиваться как независимые корпорации. Мы думали, что сможем распространить элементы автономии на институты интеллектуальной жизни и создать что-то вроде коллективного государства. Но разве могло существовать самоуправление в эпоху механизации? Разве это не одна из характернейших черт нашей новой действительности, что органы самоуправления становятся просто препятствием на пути?

Бюрократия в наши дни считается неизбежным следствием машинного века. Но самая наихудшая черта бюрократии — это устранение личной ответственности. Это парализует важные достижения, полученные за счет перенесения принципов работы машины на административную деятельность. Опасным элементом во всех административных органах является уклонение от ответственности. Тем самым освобождается место для соблазна совершать такие действия, за которые ни один человек не решился бы нести ответственность. Ведомство, благодаря своей безликости, готово одобрять самый аморальный поступок. Возможность найти защиту за административным забором позволила терроризму разрастись до огромных размеров во всех тоталитарных странах.

Таким образом, очень трудно избежать дороги, ведущей к абсолютизму и бюрократизации, как и путей экономического и социального планирования.

Разрушенное единство

Вернемся снова в Лондон, в сердце мира. Мы сразу окунаемся в привычную атмосферу. Только что была объявлена воздушная тревога. Не успели мы отъехать от аэродрома, как последовала новая. Некоторые летчики готовились к старту. Один самолет совершал посадку. Прошло новое массовое разрушение. Свернув на свою улицу я затаил дыхание: а стоит ли еще наш дом? Проезжая знакомые места, я был поражен большим объемом восстановительных работ среди новых разрушений. Несмотря на забитые досками окна, снова открывались магазины. Никто не сдавался.

Снова чувствовалось напряжение, ощущалось, что ты втянут в эту суровую жизнь, в это испытание, которое придавало значимость любым мелочам, измученной, но полной решимости и энергии, созидательности. Мы утратили понятие безопасности. Сегодня мы просто жертвы неопределенности, как это было в легендарном прошлом, где смерть всегда ходила рядом.

В Кенсингтонских садах жгут листья. Дым обволакивает почти что голые деревья, распространяя едкий здоровый запах. Кое-где еще можно посидеть на лавочках, погреться на солнце, но как только стемнеет, мы снова на борту "Мейфлауэра", среди знакомых лиц. Человечество в пути, оно совершает большой переход, как говорил Сматс.

Но как нашему кораблю проскочить между хаосом и тиранией, между этими Сциллой и Харибдой?

Тем, кто в пути, предстоит долгое и трудное путешествие. Они настолько слабы, что поддаются искушению сбросить свое снаряжение. Каждым, кто подвергается всем этим испытаниям, постепенно овладевает желание начать все заново. Я полагаю, что усталость и отвращение к цивилизации, которые лежат в основе нового варварства, могут быть охарактеризованы точнее, чем просто результат учения беспринципных демагогов. Не только доктринеры отвергли целый ряд традиций для того, чтобы плести сеть своих радикальных утопий, похожую на паутину над бездной. Целые нации начинают воспринимать цивилизацию как тяжелую обузу и отказываются нести дальше груз своей многовековой истории.

Одна из составляющих этого груза — демократия. Некоторые хотят избавиться от нее, потому что она препятствует началу их карьеры; другие, потому что она не предоставляет им необходимой защиты от обрушившегося на них хаоса. В среде обеих этих групп есть тс, кто открыто проявляет свое отвращение

к демократии и тс, кто считает, что лучше всего поддерживать, по крайней мере, видимость демократии для успокоения души.

В сущности, большинство сторонников демократии, которые действительно имеют дело с политической реальностью, а не просто выступают на собраниях или пишут статьи, не были убеждены в последней возможности сохранить целостность хрупких и грандиозных форм демократической жизни перед атаками масс и нового радикализма. Они ищут малейшую возможность заимствовать у своих противников политические идеи и методы. В душе они сами страстно желают избавиться от надоедливой обузы — трудностей демократизма, чтобы быть способными быстро, как того требуют обстоятельства, справиться с насущными политическими проблемами, не сковывая свои действия партийной борьбой.

Излюбленной позицией стало усваивать политическое учение циничного реализма. Тем более необходимо со всей решительностью заявить, что это не тот курс, который оправдает себя. Мы не должны отказываться от демократической формы нашей общественной и политической жизни. Это единственный способ существования нашей цивилизации. Выбор должен быть сделан в пользу одного из двух путей. К первому относится попытка вывести из принципов, развившихся в истории демократии, новые формы политического руководства и контроля, а также новые государственные гарантии свободы и справедливости. В этом случае всегда придется оказывать сопротивление соблазну прокладывать себе дорогу посредством демагогического влияния на массы, террористического запугивания их или с помощью каких-либо других методов абсолютистского государства. Что касается второго пути, являющегося единственной альтернативой, то следование ему привело бы к последовательному формированию фашистского или нацистского тоталитарного государства. Мне кажется, что важным поучительным опытом Германии является то, что его изучение — ото единственно возможный способ прийти к ясному пониманию условий восстановления и сохранения вечных ценностей демократии. Может быть, достигнув этого понимания, мы обнаружим, что некоторые из наиболее ярых ревнителей демократии и человеческого прогресса, как бы там ни было, вовсе не были подлинными их сторонниками.

Между хаосом и тиранией

"Могут ли они оставаться либеральными парламентскими демократами, если хотят успешно вести войну?" — пессимистически рассуждал Гелье в "Эпохе тираний".

Но для демократии существует вполне законный прием в случае крайней необходимости обеспечить себя высокой дееспособностью путем установления временной диктатуры.

Немного вещей причиняют такой вред, как смятение ума перед последней возможностью в рамках конституционного государства сосредоточить, временно, но неизбежно, всю ответственность в руках диктатуры — некой формы современной тирании и абсолютизма. Такая путаница понятий не только находит понимание, но за частую умышленно поощряется в демагогических целях, для того чтобы отвлечь внимание народа и отложить непопулярные меры. Осуществляемое таким образом уничтожение не только оттенков, но и различий, имеющих важное значение, поощряется политическим обскурантизмом, который поддерживается демагогией всех видов. Отождествление различных экспериментов, проведенных, например, в Португалии, Турции, Греции и в Австрии, с общеизвестным термином "фашизм", и их объединение с нацизмом, является примером схематичности мышления доктринеров, которые игнорируют реальность, потому что она не соответствует их представлениям.

Демократия, конечно, в состоянии сохранить существенные элементы демократической жизни, установив диктатуру. Когда временная критическая обстановка, вызвавшая это решение, пройдет, возвращение к нормальным формам демократии осуществится без труда. Но несмотря на внешние демократические формы, все же в демократической системе, неизбежно ведущей к современному абсолютизму и тирании, могут развиваться общественные институты, от которых трудно или вообще невозможно избавиться.

Я не утверждаю, что подобное замешательство всегда вызывается умышленно. Но поверхностные критерии, усвоенные, например, некоторыми эмигрантами из различных стран, сводят на нет ценные попытки восстановления демократии, в то время как они приобрели сторонников мер, фактически принадлежащих к арсеналу тирании.

Трудно составить верное представление о попытках приспособить демократию к новым условиям существования в таких странах, как Португалия, Австрия, Греция или Польша Пилсудского. Свидетельствуют ли они о начале революции? Или

же они являются примером важного и честного союза традиции и революции? И не содержат ли они элемент лицемерия? Не есть ли это пример откладывания реальных решений или результат искусственного прекращения революции?

Только тщательное исследование может дать ответ на этот вопрос. Но никто не вправе оспаривать тот факт, что в подобных случаях реальные усилия предпринимались ради того, чтобы справиться с критической проблемой нового порядка, который необходим для будущего. Было бы демагогией отказываться от предубеждений, чтобы согласиться, что восстановление демократии, по крайней мере, с некоторыми ограничениями, необходимо.

Рассматривая все эти пробные эксперименты, мы не в праве знать откуда берутся их методы или к какой школе политической философии они принадлежат; мы просто должны задать себе вопрос: будут ли они служить нашим интересам, и будут ли способствовать преодолению политических трудностей? В конце концов мы не должны принимать во внимание идеологическое происхождение этих идей и систему положений, к которой они принадлежат. Мы должны беспристрастно воспользоваться всем, что послужит практической помощью. Если мы будем и дальше идти в этом направлении, то при тщательном анализе обнаружим, что разнообразные приемы могут быть в равной степени приписаны как к неолиберализму, так и к неокорпоративизму или неосоциализму.

Перед нацистским переворотом, во время глубокого германского кризиса стало ясно, что различные доктринерские экономические и политические системы стали непригодными и не могут вывести страну из кризиса. Проблемы должны решаться не столь догматично и с большим пониманием реальности, а не так, как они решались предыдущим поколением в своих офисах. Кажется, пришло время выбросить за борт как ненужный груз все эти правила и принципы и искать практическое решение каждой проблемы по степени ее важности. Нужно отметить, что это неортодоксальное отношение к феномену кризиса таило в себе опасность. Остался ли компас или иное средство, способное указать направление к гавани? В любом случае нужно отметить, что отсутствие какой бы то ни было доктрины обернулось в Германии той благодатной почвой, на которой пустили корни нацистские лозунги, требующие решительных действий.

Эта позиция во всяком случае имела преимущества перед непоколебимой приверженностью старым доктринам и системам, и принятием только того, что находилось с ними в согласии. При этой политике никогда не будет реального выхода

революционных сил, которые по необходимости должны представлять собой переделку старой системы взглядов и объединение новых сдерживающих сил.

Как много из этих экспериментов, проведенных в Португалии, Греции, Польше, Австрии, Турции можно позаимствовать? Чего нельзя перенять, так это попыток, применяемых в государствах, ослабленных внутренними беспорядками, восстановить политическую стабильность с помощью армии. Это поощрялось в Польше и в Германии до тех пор, пока нацисты окончательно не лишили Рейхстаг власти. Суровая дисциплина и то, что только опираясь на армию государство существует в своем последнем воплощении как сила и как твердое ядро объединенной воли, — были элементами, заставившими государство соблазниться применить вооруженные силы в гражданской сфере. В Германии, помимо прочего, армия была оплотом определенной политической целостности, последним сохранившимся звеном почти что разрушенного традиционализма.

Несовершенство этой концепции лежит не только в соблазне использовать армию для превращения государства в нечто, напоминающее военный лагерь, и выдвинуть политику военного империализма на передний план, но, более того, — в установлении государственного контроля над всей жизнью общества, в централизации и стандартизации через полувоенную дисциплину, которая влечет за собой жертвование гражданскими свободами и демократическим характером государства.

Обратная попытка — создать моральную власть, утвердить социальный порядок, основанный на христианской вере и церкви, конечно затрагивает слабое место в современных государствах и сообществах. Но можно ли утраченную этическую базу восстановить законом? Можно ли придать значимость христианской жизни правительственными мерами. Не вызовет ли это соблазна использовать терроризм для духовных целей? Это могло бы означать полный провал в действительном намерении новой христианизации и восстановлении общей веры, исходящей из убеждений. В лучшем случае, результатом явилась бы новая форма клерикализма. Христианство по указанию, насильственная христианизация, если довести ее до крайнего предела, могла бы принести несколько больше пользы, чем давление на инакомыслящих в существующих тоталитарных режимах. Государство, построенное на системе гильдий, корпоративное государство, предлагает не лучший выход из нашего трудного положения. Автономные органы, пока они не превращаются в органы централизованного государства и, следовательно, в

инструмент господства в экономических и социальных сферах, оставаясь подлинными автономными старыми органами, могут неплохо способствовать развитию существующих демократических органов. Но корпоративная система в форме, в которой она до сих пор пребывала, является явной противоположностью системе, где происходит подчинение последних автономных сфер жизни общества государству с целью использования их на службе нового абсолютизма.

Ошибка всех этих экспериментов заключается в том, что они главным образом нацелены на учреждения центральной власти, вместо высшей власти, выполняющей простую функцию — примирить враждующие группы и различные автономные власти. Экспериментальные системы всех упомянутых стран не только передают полномочия государству, они постепенно делают его всемогущим и единственным органом управления. Это может привести только к новому абсолютизму и, в конечном счете, к новой форме современной тирании, хотя можно отметить, что некоторые из этих стран далеки от такого характера и преуспели в сохранении гибкого балансирования между самыми различными тенденциями.

Цель этих экспериментов — найти средний курс между хаосом и тиранией. Следовало бы создать более сильную власть, стоящую над партиями, для поддержания такого важного свойства демократии, как политический компромисс, для примирения противоположных интересов и предотвращения диктатуры большинства. Таким образом, эти эксперименты все же стоят в одном ряду с демократией. Но на практике они зачастую поддаются искушению использовать тоталитарные методы.

Несоразмерные средства

Мы ничего не добьемся, если будем видеть только обратную сторону политических экспериментов, которые в конце концов привели Германию к нацизму, а в упомянутых странах — к новым формам союза правительства с демократией. Наша судьба в настоящее время зависит не только от правительства или ошибочности наших целей, но все еще от правильности или ошибочности используемых средств для достижения этих целей. А мы ссоримся из-за целей и чуть ли не вызываем гражданскую войну из-за политической картины будущего. Но часто для этих различных целей мы используем одинаковые средства и методы. Мы удивляемся, обнаружив, что какой бы ни была отправная точка нашей политики, мы приходим к одному результату — дальнейшему разрушению существующего порядка, но взамен — никаких прочных элементов нового. Мы объясняем это фатальностью, которая всегда ведет нас в одном направлении. Нам всем не удалось добиться своих целей и в конце концов мы все оказываемся в одном и том же болоте, независимо от того, какой была наша отправная точка и цель.

Секрет половинчатых преобразований, проводившихся не одним лишь нацизмом, лежит в том, что методы, служащие для достижения наших целей не соответствуют нашим требованиям. В Германии консерваторы вообразили, что они могут использовать нацизм как средство достижения нового традиционного порядка. Но то, чего они в действительности добились, было полной противоположностью этому. Это не говорит о неизбежности нашей судьбы, навязанной новым массовым характером сообщества. Это просто результат неправильного пользования средствами.

Невозможно достичь большей свободы средствами тотального принуждения, невозможно оформить массы в новый традиционный порядок, организовав массовую революцию, и невозможно избавиться от массовой демократии, придав ей современную форму управления. И невозможно будет представить порядок, в котором справедливость достигается за счет совершения — в первую очередь — еще большей, вселенской несправедливости.

Цинизм и беспринципность в выборе средств губительны. Такое "средство", как "взять власть в свои руки", обретает независимое существование и кидается на ту стезю, которую предполагалось избежать. При этом появляется любопытный механизм развития, характерный для современной истории.

Таким образом, роковой ошибкой было бы полагать, что мы зависим от того, какими средствами пользуются наши враги, и что мы вынуждены перенять эти средства. Конечно, в этом состязании беспринципности первым будет задавать тон самый нещепетильный. Но есть и другое оружие, единственно значимое в борьбе против нещепетильности в выборе средств, оно относится к средствам, которые отвечают требованиям особой цели. Думаю, мы могли бы уберечь себя от многих бед с помощью того, что я называю — правильный выбор для достижения цели.

Ускорить решение проблемы материальными средствами, вместо того, чтобы терпеливо строить изнутри, использовать принуждение для достижения внешнего порядка, вместо того, чтобы следовать трудным путем постепенного преобразования — таковы были методы, которые использовали те, кто хотел что-то сделать, но терзался нетерпимостью из-за медлительности прогресса.

Наша эпоха имеет преимущества перед прежними временами в эффективности современных средств принуждения, а также в психологических приемах управления массами. Эффективность организованного механизма управления гарантирует почти что абсолютный успех. Тем, кто сейчас управляет, если они имеют власть в своих руках, больше нет необходимости считать массы непредвиденным неизвестным фактором. Массы больше не представляют опасности, они стали податливым материалом, который может принять любую желаемую форму в руках опытного ваятеля. Массы уже не могут выступать как неконтролируемая стихийная сила. Эту силу можно направить в нужное русло и использовать с выгодой. Она может стать действенным оружием для достижения любой цели, которую выдвинет управляющая группа. Это могущественная сила, которая, будь она правильно использована, продвигает любую политическую амбицию с удвоенной скоростью. Какое упрощение в сравнении со сложной манипуляцией общественным мнением в демократиях! Какое упрощение в сравнении с абсолютистскими режимами XVII и XVIII столетий! Одно необходимо — решимость использовать все средства, благодаря которым можно ввести массы в заблуждение. Эти средства хорошо известны. Они состоят не только из террора и жестокости, но и включают в себя методы возбуждения масс, внушения и растления, которым учит современная пропаганда и которые придали природе современного общества свой новый, коллективистский характер.

Разве мы фактически не вынуждены применять эти методы, как бы не были они опорочены? Разве современное государство масс в сущности не принуждает нас к этому? Разве это не тот

случай, когда, пытаясь сделать все возможное для нации и будущего общественного строя, но не применяя эти средства и методы, мы отдаем их в руки других? А как же люди, никогда не испытывавшие угрызений совести, гангстеры, люди, которых заботит лишь личная выгода? Разве мы не должны действовать настолько быстро, насколько можем, чтобы обогнать этих гангстеров? У нас мало времени. Мы в ужасной опасности, так как если мы ничего не предпримем, если массы еще раз будут приведены в подчинение, если новая правящая группа прочно займет свои позиции и будет обладать реальной властью, то больше уже не будет возможности для свободы действий и будет окончательно начертан путь, которым нам придется идти. Массы совершенно бессильны перед современными средствами подчинения. И любой противоборствующий им элемент также бессилен. То, что случилось, безвозвратно и не поддается изменению. Мы попали в страшную ситуацию. Механизм саморегуляции, который обеспечивается сменой большей части правительства в парламентской системе, больше не действует. Там, где он еще сохраняется, он основывается на обычном молчаливом соглашении не применять решительных средств действенной силы и контроля над массами. Как долго можно будет продолжать это самоотречение? Разве не ослабевает способность к моральному сопротивлению с каждым обострением кризиса, и не постоянно ли растет подозрение, что другие — противники парламента, вооруженные силы, индустриальные и иные группы — обретают полную и реальную возможность захвата абсолютной власти.

Люди задают себе вопрос — будет ли этот захват власти в интересах масс? Ошибочный элемент, скажут они, кроется только в злоупотреблении новыми методами контроля и психологического воздействия на массы; это злоупотребление направлено на то, чтобы привести массы в подчинение, невзирая на обычные цели, и только ради самой власти. Если же, наоборот, власть захвачена в интересах народа, для их же блага и защиты, откуда же тут взяться этому ошибочному элементу? Сохранение демократии, насколько это представляется возможным, по всей видимости, требует именно таких действий. Необходимо, сделают они вывод, во имя демократии и самосохранения набраться мужества и более или менее отстранить демократию от борьбы и установить новую структуру, которая, по крайней мере, будет способна использовать действенные элементы власти в интересах прогресса, а не варварства. Окончательно наступила эпоха масс. Любой, кто еще мечтает о возврате к старым формам политической и общественной жизни, просто романтик. Новая

действительность, созданная современным индустриальным обществом с его массовыми формациями, требует наличия методов пропаганды и средств контроля, которые тоталитарные государства должным образом выработали, но не в полной мере использовали.

Таким образом, люди могут спорить, что они и делают, и даже самые интеллигентные, но с однобоким пониманием характера новой эпохи, поступают таким же образом. Тем не менее, они ошибаются. Именно эта тема спора является началом смертельного курса, который должен привести к самоубийственному процессу того же типа, что и "национальный подъем" в Германии. Любому общественному подъему или аналогичным образом спланированному движению суждено пасть жертвой данного курса и использовать такие методы, которые взял на вооружение нацизм. Даже социалистическая революция не смогла бы без них обойтись. Их разрушительное свойство кроется в сущности новых методов контроля, а не в политических целях. Даже если бы массы не были приведены в подчинение в интересах экспансивных целей, достигаемых посредством войны, а только ради нового общественного порядка, то причиненный вред находился бы в самом подчинении и в методах удержания масс в этом подчинении.

Ответом на это будет то же самое, что мы сделали в Германии в нашей среде, когда принимали участие в нацистском эксперименте — ничего другого не оставалось. В оправдание будет сказано, что массы воспринимались такими, каковы они есть. Вещи нужно называть своими настоящими именами. И курс был выбран с чистой совестью, курс, который проницательные партийные демагоги уже давно тайно лелеяли с небольшими угрызениями совести. Вместо партийного механизма употребляется новый и более мощный механизм, против которого уже нельзя обратиться за помощью к другой власти.

Манипуляция общественным мнением становится безграничной, а для критики существуют определенные дозволенные пределы. Степень энтузиазма и возбуждения, довольства и развлечения, которые необходимы для масс, чтобы привести из в надлежащее состояние — это просто вопрос гигиены и диеты коллективной души. Ошибочно и губительно доводить все это до крайности и чрезмерно использовать средства, которые сами по себе необходимы и эффективны. Только благодаря этим средствам, массам еще раз можно дать простые, всеобщие и эффективные представления о том, что является ценным, и что необходимо делать. Только таким путем можно обеспечить надежный фундамент для будущего порядка,

на который смогут положиться и государство, и нация, и общество. Только так можно выдержать кризисы и испытания, как показал пример Франции, а не средствами разнообразного наследия наших политических соглашений.

Подобные размышления приведут нас в точности к тому же самому, что было в Германии восемь или девять лет назад, когда мы вступили на тропу разрушения. Не только правые реакционные элементы поддались этому искушению, но и тс, кто не смог должным образом противостоять аморальности Прусского государства из-за своих беспринципных домоганий единоличной абсолютной власти. Однако эти же лица выдвигали требования, когда поднимался вопрос об осуществлении их собственных целей, направленных на то, чтобы осчастливить человечество и установить окончательный и прочный общественный порядок.

Здесь еще раз сказывается взаимосвязь между Гегелем и Марксом. Ленин сам повторяет афоризм Гегеля, что в моральном отношении зло — это катализатор, способствующий новому созидательному развитию, которое и равносильно "созидающему отрицанию". Наша эпоха должна пройти через это "созидающее отрицание" перед тем, как будет

отстроена вновь. Подобными размышлениями люди успокаивают свою совесть. Но Фома Аквинский говорит: "для благородных целей мы должны следовать правильным путем, а не ложным".

Политические соблазны современности

Политические соблазны нашего времени заключаются не только в злоупотреблении средствами власти, в использовании масс и в их психологической слабости, и не только в коварстве политиков; существует соблазн следовать кратчайшей дорогой.

Типичной кратчайшей дорогой становится предотвращение революции путем принятия ее результатов. Это не совсем тот процесс, каким является направление ее в истинно эволюционное русло. Предотвращение путем допущения возможно только через меры принуждения. Перемены вызываются применением силы, которую можно вывести только если эти перемены являются результатом добровольных действий. Этим вынужденным решениям не достает именно того, что может выработать подлинно эволюционное решение, такое как компромисс, а именно, отказа от полного выполнения своих собственных желаний. Благородное намерение приостановить кризис и избежать дорогих и длительных методов сводится на нет разрушением, причиной которого является использование принуждения.

Невозможно только раз использовать такое принуждение, а затем обойтись без него, исходя из того, что народ нужно только посадить в седло, после чего он сможет ехать без посторонней помощи. Использование силы для достижения любой цели неизбежно влечет за собой ее дальнейшее применение для того, чтобы упрочить достигнутое. Одно из наиболее пагубных заблуждений в том, что к этим кратчайшим путям нужно прибегнуть только один раз и ненадолго.

Отсюда, обычно, следует второй соблазн. Это — легкость, с какой некоторые круги в самом начале добиваются успеха, соблазняет людей использовать силы, которые уже приведены в движение для дальнейшей инициативы действий, но которые никогда бы не были предприняты обычным политическим способом. Если люди освободились от оков конвенций, контроля и традиций, то слишком велик соблазн для них довести до конца первое применение силы, осуществляемое конструктивными усилиями и рациональным планированием.

Здесь вступает в действие деспотизм разума. Робеспьер изрек фразу, что свобода — это деспотизм разума. Но разум — это деспотизм в более доступном понимании. Это — деспотизм политического и экономического планирования и штата, который этим занимается и который намеревается достигнуть совершенно невозможного. Это — деспотизм министерств, чье отлаженное

функционирование вызывает самообман считать все это возможным и необходимым и, таким образом, соблазняет к злоупотреблению средствами власти, потому что эти министерства якобы выполняют продуктивную работу даже там, где в действительности они оказывают разрушительное действие.

Непреодолимый соблазн находится в подлинном обладании властью. Роковой ошибкой будет обвинить только тех, кто ею обладает, когда она скомпрометирована и полагать, что находись она в руках других, результат мог бы быть лучшим. Власть, находящаяся в исключительном обладании любой индивидуальной или несменяемой группы, подвергалась коррупции во все времена. Она производит такой же результат, как и в режимах, в которых с явным цинизмом заявляют, что власть — единственный регулирующий механизм в жизни общества.

Политический соблазн нашего времени, вобравший в себя все другие — это соблазн Левиафана.[35]

В старых изданиях "Левиафана" Гоббса встречается хорошо известный образ человека-бога, смертного божества, множественного человека. Левиафан — это человек, состоящий из бесчисленного количества людей. Не означало ли это просто государство, абсолютистское государство, бывшее тогда новшеством? Почему Гоббс заклинал старое магическое имя "Левиафан", имя зверя из бездны, который вернется в день Апокалипсиса?

Левиафан сделан из человеческой плоти, он антибог, деспотичный, полностью принадлежащий этому миру, рационалистический порядок. Это порядок Люцифера, конечная цель истории, будущее общество и будущее государство, претендующее быть окончательным мировым порядком. Соблазн Левиафана — это соблазн нового абсолютизма. Людей, говорил Прудон, неотвратимо приводят путем обычного осуществления идеи мирового порядка к заключению, что идеальное общество — есть абсолютизм. После этого уже нет смысла оговариваться, что этот абсолютизм — только переходная фаза.

Левиафан — это управление механизмом, ставшим абсолютным, механизмом, который, как сказал Эрнст Юнгер, не только самая значительная антихристианская сила, когда-либо появлявшаяся, но и механизмом, который выводит людей из их прошлых органических отношений со своим окружением и приводит к совершенно новому, искусственному образованию. Левиафан — это рациональное планирование, это Бог, удовлетворяющий наши желания действительной безопасности. Он предоставляет развлечения, суррогатное удовлетворение и

возбуждение, без которых беспокойство масс по поводу существования угрожает стать настолько сильном, что его уже невозможно будет вынести. Этот быт вызывает энтузиазм и уничтожает индивидуальность человека. Жертвы, приемлемые для него — это коллективное мышление, государственный контроль над всей жизнью, наслаждение, вызываемое подчинением. Таким образом, за развлечением в таких факторах ассимиляции, как радио, кино и машинное обслуживание появляется новая дисциплина, разрушающая человеческую личность. Левиафан — это всеобщий мировой механизм, которому прислуживают люди. Эти люди сами по себе не более, чем пригодный или же дефектный материал, такой же взаимозаменяемый как свечи зажигания.

Левиафан

Левиафан — это государство, которое, концентрируя власть, становится deus mortalis, смертным божеством, способным в одиночку обеспечить реальную безопасность для своих подданных. Но для Гоббса было совершенно ясно, что такое государство будет насаждать мир с помощью террора. Левиафан обеспечивает меры земной безопасности ценой подчинения; в зависимость попадает не только плоть или жизнь субъекта, но и его разум и душа.

Восстановление единства мирских и духовных сил в широком смысле слова — это непрекращающийся процесс исторического развития, в котором все страны континентальной Европы принимали участие еще со средних веков. Это был длительный процесс преодоления средневековой раздробленности, единение местных сил, автономных корпораций, сфер самоуправления и индивидуальных прав в центральный единообразный механизм управления. Это был процесс "Gleihschaltung"[36], приведший к единообразию. То, что вкладывал нацизм в это понятие — было крайней, наиболее логичной и последовательной формой стихийного стремления, пребывающего в развитии уже с XVII века. Государство вновь оказалось тем, чем было во времена язычества — обожествленным объединение всех человеческих отношений.

В словаре Брокгауза выпуска 1942 г. сказано: "Фюрер объединяет в себе всю полноту государственной власти; он Верховный Главнокомандующий вермахта. Верховный Законодатель, носитель исполнительной власти и Верховный судья своего народа. В своей речи в Рейхстаге 7 марта 1936 г. Адольф Гитлер охарактеризовал свой пост следующим образом: он никогда не был диктатором своего народа, но всегда был его уполномоченным. Исходя из этого. Германский рейх является фюрерским государством. В личности фюрера воплощено единство партии, государства и народа".

Такова была повсеместная тенденция развития — государство приобретало наиболее эффективную и логическую форму. Эта тенденция к последовательному завершению всеохватного и исчерпывающего механизма управления с тщательно разработанной техникой и методикой осуществления власти кроется в самой природе государства, истоки которой лежат в XVII столетии. Все, что осуществляют большевизм и нацизм,

исходя из собственной концепции государства, есть совершенствование абсолютного механизма власти новыми способами, с учетом новых условий, вызванных техническим прогрессом и подъемом масс. Для такого совершенствования необходимо, как бы не складывался современный аппарат власти, действуя в соответствии с общим планом, хотя и учитывая жизненные требования различных социальных групп, сформировать централизованный механизм управления. Отсюда следует, что любая форма всеобщей мобилизации, любая система подготовки к войне и любая система политического и экономического планирования в сколько-нибудь значительном масштабе вызывает риск образования нового абсолютистского государства илу сообщества или же частичного абсолютизма. Характерным и окончательным результатом подобного развития становится идентичность абсолютистского государства и тоталитарного общества.

Весь огромный централизованный механизм государства и общества, стоящий на службе всеобщей мобилизации средств для подготовки к войне, или служащий для любой другой цели, какими бы благовидными не были мотивы его контроля, должен привести к абсолютизму современного Левиафана. Опасность ситуации состоит в том, что глубоко организованные системы руководства, несмотря на все возможные выпады против них, далеко превосходят исторические традиционные порядки из-за своего ясного и рационального разделения и координации работы, что экономит время, труд, кадры. Результаты, которые могут быть достигнуты таким образом настолько важны, что ради них приходится допускать ограничения в личной сфере людей. Однако это приводит сферу индивидуальных прав в опасный конфликт со сферой общественных интересов.

Немало кругов современного общества возражают против того, чтобы в Германии государство наделялось особыми привилегиями и оправдывалось теорией неприменимости личной морали к государству. Что касается этого утверждения, то здесь очевиден один аргумент: почему аморальность, дозволенная государству, не может быть позволена другим общественным институтам? Такое разрешение, конечно, сделало бы иллюзорным любой вид общественной законности и доброй воли.

Но здесь мы снова сталкиваемся с логическим развитием, лежащим в природе самого этого процесса. Более того, Гоббс признает различия между "коллективным разумом" и "разумом индивидуума". Действительно опасное развитие — это развитие, в котором эти различия больше не существуют из-за того, что "индивидуальный разум" вообще отныне не допускается, и личная

сфера более нетерпима; другими словами, соображения государственной целесообразности должны регулировать личные, и уже нельзя допустить, чтобы личная мораль перевесила государственные интересы. Именно этим характеризуется сегодняшний день.

Современное государство и всеохватный абсолютизм по необходимости подавляют частную, внутреннюю сферу личной жизни. Возможно, это и не запрещает свободного высказывания мнений. Но фактически, эта свобода искореняется посредством новой техники пропаганды и массового внушения. Право индивидуума на личную жизнь не оспаривается, но отдельная личность поймана в такую сеть общественных обязанностей и требований, деятельности и развлечений, что на практике это право прекращает существовать.

Прошлое абсолютистское государство, по существу, было полицейским государством. Оно интересовалось только общественным спокойствием, безопасностью и поддержанием порядка внутри него. Новое абсолютистское государство хочет намного большего. Для того чтобы создать свой новый рациональный порядок, оно должно воспитать новый тип людей. Оно должно спроектировать новую бюрократию; в жизни этого государства и общества ни одна область не должна остаться без надзора. Частное право — продукт традиций. Таким образом, государство планирует традиции, а с ними и самого человека. Оно не только не создает личностей, оно просто не в состоянии их терпеть, то есть личность — всегда помеха движению и всегда изъян в отлаженном процессе. Следовательно, абсолютистское государство создает типы, оно отнимает у человека "бессмертную душу". Это государство по необходимости антихристианское, оно против Христа.

Стоит ли этих жертв безопасность, предоставленная смертным божеством Левиафаном? Стоит ли платить за нее ценой террора и несвободы? Именно эта необходимость коллективной безопасности, общественной и политической стабильности сегодня, как и триста лет тому назад, приводит к абсолютизму.

Обольщение Левиафаном

Люди не только подчиняются страху зла, они также нуждаются в надежде. Левиафан управляет посредством политического соблазна. Он обольщает гарантией безопасности, которая устраняет страх, а также обещаниями земного рая. Левиафан завлекает перспективой секуляризованного золотого века и картиной идеального общества или вечного мира и справедливого порядка. В строительстве нового абсолютизма важную роль играет фактор страха. Он проявляется через постоянное критическое состояние, в котором возрастают заботы и страхи за средства существования масс, которые уже больше не находят утешения в трансцендентном. Кондорсе[37] в своей работе "Esquisse d'un Tableau Historique" еще в 1793 году доказывал, что цель человека, включая все политические и социальные аспекты, сегодня преподносимая как мирная, но бывшая социалистическим переворотом задолго до захвата власти нацистами, эта цель существует и поныне, признается это или не признается, в виде "силы через радость", с девизом — "наслаждайся жизнью". Ради этой цели — гуманности, безопасности, долголетия и комфорта, здоровья, осушения подсознательного болота и уничтожения остатков первобытного страха мифических эпох, ради психоанализа вместо религии, ради управления инстинктами, демифологизации половой любви, ради сокрытия смерти как непристойности и, заканчивая уж совершенно мирским, — ради обольщения социализмом и рационализмом — наша цивилизация снова и снова оказывается в зоне действия Левиафана. Только абсолютистское государство, в котором общество и само государство составляют одно целое, в котором нет даже намека на свободу — даже свободу мысли и чувства — только такое государство в состоянии обеспечить действительную безопасность и земной рай на основе разума. Так ли это на самом деле, как задавались вопросом Кондорсе и Лей с их "силой через радость", или же, как с известными оговорками, конечно, утверждают "социальные службы", что надежда, уход от действительности и миф — по существу одно и то же? Соблазн апеллирует не только к прихотям масс, но и к разуму интеллектуалов. Левиафан подкупает логикой предлагаемого порядка, здравым смыслом и убедительностью своих аргументов.

Даже государство XVII столетия уже больше не являлось выражением извечного естественного порядка, присутствующего в большей или меньшей степени в каждой форме государства. Оно было искусственным изобретением человека. Форма государства

определяется элементом пригодности в союзе с первостепенным фактором власти. Оно уже больше не основывается на "контракте", но является выражением некоторого количества материальной власти, которой оно управляет посредством рациональной техники.

Государство, ведущее рациональное существование, благодаря этой рациональности обладает неоспоримым превосходством над традиционными формами исторического государства.

Современного "героического" человека Левиафан притягивает к себе совершенно иным способом. Для него это надежный механизм подчинения. Посредством этого механизма он держит массы в зависимости. Левиафан тоже нуждается в управляющей элите, преодолевшей как страхи, так и радости нашей жизни. Это выразительно показано у Достоевского в "Великом инквизиторе". Если все будут требовать одинакового счастья посреди земного рая, если все пожелают делать покупки в уютных магазинчиках, то никто не будет выполнять работу по управлению, без которой не может существовать государство Левиафана. Этот новый управляющий класс руководит массами, давая им все, чего они хотят — и безопасность, и земной рай. В этой щедрости по отношению к массам правое и левое крыло утопистов и сторонников современной тирании находятся заодно. Их разнит лишь то, что первые ставят цели, а последние создают средства их осуществления.

Если дать волю всем идеям рационального мирового порядка, тогда, несмотря ни на что, путь, избранный Гитлером, а не тот, что указал Маркс, окажется рациональным и правильным. Я полагаю, что критика национал-социализма должна зайти намного дальше, чем это было до сих пор. Она должна включать сотню лет существования марксизма и новое государство абсолютизма. Гитлер был прав, когда двинулся в обход марксизма и пришел к своему абсолютистскому государству. Лишить мир национальных государств, объединить их в гигантское коллективное государство в ходе революционных войн и затем, овладев неоспоримой властью, провести внутреннюю социальную и экономическую реконструкцию на основе общего рационального плана — это более эффективно и с большей вероятностью принесет успех, нежели обратный процесс, имеющий началом социальную революцию.

Ничто так не мешает составить ясное суждение относительно великого исторического кризиса, как лицемерие, причем умышленное, политических лидеров всех мастей, которые постоянно допускают только то, что отвечает их целям. Знак, под

которым начинаются революции, — это знак неясных позиций и самообмана относительно чьих-либо истинных целей. Без сомнения, подавляющее большинство тех, кто сегодня сражается против сил нигилистического разрушения, чувствуют себя правыми и жертвуют своими жизнями, ясно осознавая смертельную опасность, которая угрожает будущему человечества. Но достаточно ли этого? Даже неопровержимого здравомыслия такого народа как британский, его здравого смысла, его чувства меры и сознательного ограничения, — даже этого недостаточно для борьбы с соблазнами и помешательством разума.

Аталия

Случайно в мои руки попала драма "Аталия" Расина. Я читал эту книгу в бомбоубежище, среди спящих французских офицеров, со все возрастающим волнением. Она предлагает в некотором роде ключ к решению вопросов, которые не дают нам покоя. Через века чувствуется, как все взаимосвязано в нашей удивительной Европе. Пьеса представляет собой откровенное неприятие политического абсолютизма государства XVII столетия. Автор выносит приговор мировому порядку, который свой центр видит в себе самом. Весь человеческий порядок является множеством, в основе которого лежит мораль. Монизм уменьшает в человеке божественное и должен привести к тирании.

"Кто подобен зверю, и кто может сразиться с ним?"[38] Так говорится в Апокалипсисе. Ответ — "смешанное правительство" — звучал бы как насмешка. Но возможно это самый краткий и практичный ответ.

Существует некоторая справедливость в протестах, направленных против безответственного правления "местных властей". Критика, состоящая из коллективных форм государства, находит свое оправдание.

Где бы не чувствовалась необходимость сильного государства для того, чтобы найти выход из столкновения интересов и из трудностей кризиса и латентной революции масс, видно только одно средство восстановления общественной жизни; оно заключается в устранении местных властей. Мы сами зацепились за это заблуждение. Мы вообразили, что не будет никакого вреда поддерживать с одной стороны сильное монистское государство, а с другой — огромное свободное содружество наций, состоящее из автономных членов-сообществ, то есть новую "Священную империю".

Тенденция к новому абсолютизму имеет много общего с работой, связанной с основанием общественного государства и с хорошо продуманными усилиями увести политику и правительство с арены столкновения частных интересов и подчинить их беспристрастному контролю.

Такой ход мыслей также отбрасывает нас назад, в XVII век. Точно так, как этот век пытался избежать теологических споров в области, в которой могут быть обнаружены беспристрастные решения практических вопросов, так и мы пытаемся выйти из джунглей политических фикций в политику практической работы, которую можно проводить отдельно от всех доктрин с

определенной долей терпимости к самым различным решениям.

Партии, как и местные власти, не только осложнили процесс осуществления управления, но и помешали работе его усовершенствовавшегося механизма. Этот плюрализм партий вместе с социальным и экономическим плюрализмом был переплетен с устаревшим территориальным плюрализмом. Как при таких обстоятельствах государство могло продолжать существование и как можно было гарантировать справедливое разрешение общественных вопросов? Партии и другие побочные власти были препятствием на пути совершенствования механизма управления. В своих усилиях выполнить крайне необходимую работу они являлись источником опасности и, таким образом, внесли свой вклад в обострение кризиса. Гелье[39] в "Эпохе тираний" рассказывает, как супруги Вебб[40] поведали ему, что будущее великих наций будет в руках их администраторов, управление будет осуществляться гражданскими чиновниками, а порядок будет поддерживаться полицией. Перед лицом все возрастающего технического характера ведения политики и управления, когда правит "механизм", работа партий была не чем иным, как бесполезной тратой времени и энергии. Здесь мы снова приходим к "смертному божеству", к Левиафану. Он ничего не знает о косвенных силах, он знает только одну неделимую, власть и ответственность, управляемые великой недоступной иерархией. В попытке достигнуть этого целесообразного решения представители самых различных политических направлений оказываются в соглашении с бюрократией, которая планирует новый абсолютизм как "нейтральное государство".

Требование в каждом деле разбираться беспристрастно и по существу — понятно и справедливо. Для каждой проблемы существует свое оптимальное решение, которое должно быть найдено с помощью обстоятельств, а не в деятельности партийных политиков и не в примирении противоположных интересов. Это логично приводит нас к административному государству, к бюрократическому правлению, к государству технократии. Но там, где нежелательно заменять местные власти абсолютным государством полностью и одним махом, выбирается подходящее средство замены, по крайней мере, многопартийной системы одной единственной партией. Если запретить партиям агитацию и интриги в собственных интересах, то станет заметно, что сделан большой шаг к беспристрастному ведению политики.

Единичная партия выступает как сила, подготавливающая появление тотального абсолютизма. Она выполняет функцию вторичной надзирающей власти наряду с действительно решающей властью государства. Является ли эта единственная

партия представителем народа? Функция, которой наделил ее Гитлер, была не просто функцией, какую выполняет механизм надзора, эта функция предохранительного клапана от давления снизу, это поправка к авторитарному праву законодательной инициативы, инструмент неизменного плебисцита. Таким образом, в конце концов цезарианский плебисцит в некотором роде является демократической формой государства Левиафана, но не его логическим завершением.

Аталия — не злой тиран; она — абсолютный правитель, действующий из лучших побуждений, как она это понимает, с чувством ответственности за свой народ. В человеческом мирском понимании — она возвышенный пример сильной уверенной в себе личности, которая не нуждается в покровительстве богов. Она — не тиран предумышленно или из-за эгоистической страсти к власти. В человеческом и рационалистическом понимании она права в своем правлении.

Левиафан — благовидный искуситель, потому что его принципы рационально правильны и логичны, потому что они служат "огромному счастью огромного большинства".

Но разве государство не представляет собой образования, от которого нужно избавиться? Должны ли мы освободить себя от государства и создать новые формы совместной жизни? Разве это не главная задача будущего? В средние века существовала общественная система, отвечающая требованиям общественного порядка и не было никакого централистского, прочно организованного государства. Разве иллюзии государства эпохи барокко и националистическое государство якобинизма не являются первым условием, необходимым для решения задач по созданию порядка и основанию Европейского содружества наций? Понятие нации в любом случае нужно отделить от понятия государства и таким же образом поступить с организацией социальных служб. Великобритания давно вышла из ранга национального государства, если она вообще когда-либо была государством в континентальном понимании. Было бы губительным, если бы в ходе войны пришло запоздалое вступление на континентальную ступень и произошло приближение империи к типу национального государства.

Европейское или мировое государство не может быть супергосударством, гигантским Левиафаном. Нужно разработать другой тип союза национальных, социальных и экономических группировок, в то же время сохраняя культурную и общественную индивидуальность и административные обычаи каждой нации. Тщетно пытаться сохранить систему федеральной ассоциации суверенных государств, отличную от системы Лиги Наций, только

путем передачи определенных прав, которыми обладает каждое государство — член этой ассоциации, центральной власти. С другой стороны, было бы неудачей иметь центральное государство европейского уровня, так как оно по необходимости присвоило бы себе все разрушительные тенденции абсолютизма, даже если оно и приняло форму супергосударства социальных служб.

Государство социальных служб — замечательный лозунг, способный заменить идеи либерального государства, конституционного государства, нейтрального государства, административного государства. Но соответствуют ли социальные службы задачам централизованного государства? Централистская организация этих служб, их сведение до органов, управляемых центром, подвергло бы этот порядок, спланированный в общественном духе, не меньше чем другие централистские порядки, соблазну Левиафана. Эти службы стали бы средством дальнейшей концентрации власти центрального правительства. Они использовались бы как средства подчинения и выродились бы в учреждения центрального правительства для поддержания или расширения его власти.

В "Аталии" дуализм средневековой общественной жизни представлен как справедливый политический порядок, в противопоставлении монизму языческого абсолютистского государства. Этот дуализм уже нельзя больше возродить. На его место должно прийти равновесие нескольких элементов власти, которое по необходимости будет большего уровня, чем обычная политическая система.

Левиафан, зверь из бездны, это не просто Гитлер или просто нацизм, и не тоталитарный режим и современная тирания. Это — окончательный результат борьбы человека за свободу и создание им своей собственной системы, которая противостоит божественной разоблаченной системе. Это освобождение, оборачивающееся тотальным рабством. Это прогресс в союзе с варварством. Это земное бессмертие человека в форме коллективного человека, человека масс, человека-термита.

Все ли тщетно?

Я гулял по улицам Сити. Вязовый дворик Темпла[41] — уголок, где мы провели столько незабываемых часов — был разрушен. Уничтожена драгоценная библиотека, где еще совсем недавно мы любовались великолепным убранством зала уникальных собраний конституционных актов. Разрушены прекрасные залы Среднего Темпла, наполненные когда- то шекспировской атмосферой. Постепенно уничтожается древняя непрерываемая традиция — повсюду ужасающие картины разрушений. Вновь пробуждается память о прошлой войне. И все же! Мы устремляемся вперед — дух наш непоколебим.

G. снова пережил бомбардировку в своем собственном доме. Нигде не безопасно, судьба подстерегает за каждым углом. Уютный уголок Кенсингтона — маленькая Франция — напоминающий о французских эмигрантах времен Великой революции, тоже подвергся бомбардировке. Ch. чудом спасся, фасад его дома буквально снесло.

Воздушные тревоги следуют одна за одной. Весь день льет проливной дождь. Сегодня зенитный огонь начался очень рано и был куда сильнее, чем в предыдущие ночи. Когда я бродил по улицам, неожиданно две бомбы упали в неприятной близости от меня. Все поспешили в укрытие. Некоторое время мы пробыли в бомбоубежище с пассажирами такси и прервавшими свои покупки женщинами. Ни малейшего признака поникшего духа — только шутки и смех.

Каждый, кого я встречал, размышляет о том, сможет ли еще Гитлер решиться на вторжение. В июне я был твердо уверен, что он не отважится на десантирование. Бесконечные бомбардировки казались всего лишь демонстрацией силы, не более, или же они были связаны с блокадой. Главные действия, казалось, будут разворачиваться в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Тамошней целью, похоже, была нефть, а также разрушение Британской империи, занятие ключевых позиций; и конечная цель, но не крайняя — это Россия, стремление к которой никогда не покидало нацистов. Они хотели бы положить конец Советскому Союзу и включить его территорию в нацистскую империю.

Сегодня я не совсем в этом уверен. Может быть, эти действия, действительно, демонстрация силы в огромном масштабе, но возможно, что их целью является присутствие части военно-морского флота в Средиземном море, а части — в своих родных портах для того, чтобы послать все подводные лодки для

нанесения удара по Великобритании в наиболее уязвимое место дабы уничтожить ее военно-морской флот. В любом случае, то, что сейчас происходит, более не изолированные действия и не "блицкриг" против отдельного врага, а гигантское смешанное предприятие, истинное намерение которого — политическое крушение Великобритании. Это крушение так организовано, что сохраняется возможность для новых политических лидеров, а не для нынешних, заключить так называемый компромиссный мир. Компромиссный мир означал бы победу для Гитлера, победу революции.

В этом изложении несколько строк посвящено нашему глубокому кризису. Должен сказать, что я пытаюсь показать характер соблазнов настоящего времени и характер усилий по их преодолению, руководствуясь своим личным опытом. В такой ситуации, как наша, все является делом личного опыта и просто с ним я имею дело. В настоящее время нет возможности достигнуть психологического равновесия, необходимого для объективного суждения. Объективность также не в моих силах. Личный характер этих размышлений не просто прием, позволяющий прикрыть неадекватную реакцию. В такое время, когда непрерывность исторического процесса кажется нарушенной, восстановление порванных нитей может быть делом отдельных личностей. Долг в обмен на веру в высшее предназначение человека не одобряется в речах публичных ораторов, но это почти что одобрено благодаря личной борьбе каждого, кто всерьез заинтересован преодолеть в себе соблазны нашего времени.

Может быть, эта война станет бессмысленной войной — уничтожением с помощью оружия. Ее оправданием послужит только то, что она является борьбой идей и ценностей, борьбой между двумя мировыми порядками, как гигантская мировая гражданская война. Война, которая в один день закончится великим миром.

Эти две задачи: прояснение внутреннего мира идей и прояснение внешних элементов государства и общественного строя являются предметом нашего обсуждения. Решить обе эти задачи возможно только восстановив демократию. Давайте признаем падение старой демократии! Выявление причин этого крушения и его последствий, а также причин роста тоталитарных сил — первое условие выздоровления. Те, кто предлагал выкинуть за борт весь демократический порядок как ненужный груз, были не правы. Но также были не правы те, кто смешивал этот порядок со слабыми общественными институтами.

Один мой друг спросил меня: пишу ли я продолжение "Революции нигилизма" (или, если привести английский

заголовок, "Революции разрушения"). Мне бы хотелось выступить против революции Разрушения с помощью революции Восстановления. Это, конечно, проблема, но если в этом суть революции, не будет ли тут повторения той ошибки, которую мы, молодые консерваторы, допустили в Германии, когда связывали возрождение с революционными методами? Не избежал этой ошибки даже такой выдающийся человек, как австрийский писатель Гуго фон Гофмансталь[42], когда создал идею реакционной революции. Не может быть никакой революции восстановления. Может быть только упорное, утомительное обсуждение каждой отдельной проблемы.

Единственное, чего, в конце концов, нам всем надо желать, так это не победы одной или другой доктрины, той или иной системы мышления, но поддержки каждого полезного человека, каких бы взглядов он не придерживался — социалистических, корпоративных или либеральных в пределах индивидуалистической и либеральной социальной и экономической системы. Это многое запутывает. Также должны быть установлены законодательные ограничения для этой, по существу, либеральной экономической и социальной системы. Причем, их нужно определить не с помощью теоретических концепций, а просто используя два соображения. Первое — по поддержанию должного функционирования социальной и экономической системы. И второе — по улучшению обычных условий существования. Другими словами, многое из желаемого возможно придется решать практическим опытом.

Таким образом, конец этих трудностей и восстановление нашей здоровой политики требует довольно сложного рецепта. Время знахарства и простых средств лечения больше не существует. Нам придется учиться заново и перенимать кое-что у других. Обыкновенная клевета, которая в прошлом была направлена на все чужеродное, сейчас недопустимая роскошь. Снова и снова возникает один вопрос: не имеют ли особые меры того же характера, который мы уже приписали различным процессам, таким как развитие ужасающей автоматизации? Важные централистские внедрения дозволены, как правило, в здоровой работе по принятию реформ, и, таким образом, открывается путь, за которым необходимо будет очень тщательно наблюдать, не приведет ли он нас к тирании.

Среди существующих и необходимых элементов демократии определенное место занимает сфера личной, частной жизни, которую ни в коем случае не должны беспокоить общественные власти, должно быть разграничение внутреннего и внешнего миров. Может быть, нам придется между этими двумя мирами

установить более четкую границу, чем она была в прошлом. Это разграничение никогда не должно быть нарушено. Оно совершенно необходимо, если люди не хотят потерять своего характерного облика моральных существ. Также необходимо признать, что внутренняя жизнь стоит и должна стоять на порядок выше внешней жизни.

Старые демократии все еще в состоянии функционировать, потому что они существуют за счет окончательной сублимации внутренних ценностей, за счет превосходства внутреннего мира над внешним. Может быть, это можно выразить иными терминами, но демократии сейчас живут только за счет рутины. В любом случае, невозможно существовать, полагаясь на внешние соглашения, если за их спиной нет уверенности в их правоте и необходимости, и если нет этической базы, способствующей соблюдению этих соглашений с чувством морального долга. Человеческое общество можно поддерживать без принуждения так долго, покуда в его пределах существует общепринятый облик человека. Но возможен ли такой облик человека без божественного указания?

Все, кто принимал активное участие в политической жизни, или те, кто состоял на государственной службе, осознают, что покуда человек занят решением своих практических вопросов, у него нет времени подвергать их серьезным испытаниям, исходя из обычных принципов. Трагикомедия нашей политической жизни заключается в том, что бездна между теорией и практикой непреодолима. С одной стороны, политическая наука теряется в теориях. С другой стороны, практика остается незрелой и неясной, и редко освещается научным суждением или долгим и осторожным размышлением. Знатоки политической игры говорят, что чем больше хорошего для политики, тем больше плохого для общества, потому что мы никогда не поднимемся выше уровня грубого приближения к истине.

Еще более трагично то, что пока политические лидеры заняты задачами руководства, у них нет времени заняться прояснением политической и интеллектуальной ситуации, которая постоянно изменяется. Таким образом, они всегда осуществляют свою работу с интеллектуальным балансом того мира, который уже отстает от времени. Существует вечное разногласие между текущими проблемами, такими, как они есть, и тем, как их понимают политические лидеры. Ведущие государственные деятели и в будущем будут отставать от своего времени, покуда будут находиться у власти, и чем быстрее будет идти развитие критического периода. В конечном счете, они утратят способность к пониманию, тщетно поспешая за уходящим горизонтом

проблем. Они мыслят старыми категориями и понятиями. В наше время необходимо переосмыслить наши политические категории. Без этого мы рискуем оказаться в безвыходном положении.

Новые категории

Все мы изгнанники. Мы изгнаны из мира своих представлений и теорий, которые казались нам незыблемыми лишь потому, что мы привыкли к ним. Мы изгнаны из прочного мировоззрения, которому слепо следовали просто потому, что в прошлом оно удовлетворяло требованиям нашей жизни. Но теперь все это уже нам не подходит.

Нам необходима новая политическая терминология — язык политических нюансов. Мы вынуждены избегать старых ассоциаций и разногласий, былых различий между либералами и консерваторами, средним классом и рабочими, между традицией и революцией. Что еще привело политических лидеров правых к беде, как не тот факт, что они не видели необходимости возрождения, а хотели продолжать оставаться самими собой и пережить самих себя? Нужно признать, что консервативный якобинизм, о котором говорил Бернан, не видит в монархии и в церкви ничего, кроме двух дополнительных органов полиции. Мы не ссылаемся на такой союз противоположностей, как реакционный якобинизм, который объединяет общественную реакцию с методами революционного терроризма. Не имеем мы ввиду и революционную демократию. Потому что после этой последней и наиболее крайней из революций, любая революция уже ничего не значит!

Противодействуя централизму в государстве и абсолютизму в целом мы не хотим обменивать его на частичные абсолютизмы, на ошибочное большинство, которое только требует прав в государстве и в обществе и не несет ни за что ответственности. Не думаем мы и о доктринах или о чем-то вроде эклектизма в теориях.

Нюансы, а не широкие доктрины приобретают важное значение в выздоровлении страны. Мы должны избавиться от запаса фраз XIX столетия или в связи с борьбой между трудом и капиталом или в связи с борьбой между свободой и равенством. Нет окончательного решения наших проблем. То, что более скромно, в конце концов, станет более прочным. Если новое развитие событий принудит нас расторгнуть связь между демократическим порядком и национализмом и оставить идею о национальной демократии, тогда то, что придется поставить на ее место уже не будет союзом социализма с демократией, то есть идеей социал-демократии. Вместо этого мы должны создать идею корпоративной демократии, если только это не породит таких ассоциаций, которые вместо содействия новому синтезу сделают

его невозможным. Идея, которая должна быть выражена в такой формулировке является не антитезисом национальных и социальных концепций, а отказом от ассоциации их с конституционным государством. И национал-демократия, и социал-демократия стремятся оформиться в сильные центристские, однородные формы государства. Обе основаны на принципе "одна неделимая республика". Тогда как необходима новая система, которая бы до поры до времени упорядочила общественные сферы и включила бы их в общий коллективный порядок, как корпоративные элементы.

Но язык, который исчерпан и избит в борьбе, ведущейся без нашего ведома, вводит в заблуждение. Нельзя использовать прямые выражения. Сначала мы должны попытаться сделать наши идеи понятными для того, чтобы найти новый способ их выражения, который был бы доступен всем. И одно следует уяснить — будущее развитие будет проходить вне тенденций, ведущих к образованию как государственного социализма, так и государственного национализма. Очевидно, нельзя позволить увести себя вместо этого в государственный корпоративизм. Дело осложняет тот факт, что монистское государство, которое мы по привычке принимаем за явную базу общественного порядка, в то время как на самом деле оно является просто продуктом исторического развития, судя по всему, приближается к своему концу.

Если это так, тогда, прежде всего, главный элемент восстановления демократии не следует искать там, где его искала сама демократия — в централистском однородном монистском государстве, благодаря которому она и стала в некотором роде государственной демократией. Эта же идея демократии полностью противоположна идее государства. Демократия никогда не сможет предугадать своих отношений с любой формой государства, предугадать, какую она в нем примет форму, — что угодно, только не компромисс. Корни западной демократии лежат в средневековых союзах, в органах самоуправления, в корпорациях, существующих согласно своему уставу. Современная демократия, начиная с XVIII века была компромиссом между демократическими элементами и силами абсолютизма, появившимися столетием раньше. Этот абсолютизм создал неделимое, всемогущее, однородное государство, наделенное исключительными привилегиями и централизованным управлением.

Абсурдно предлагать вернуться к условиям или формам прошлого. Это не предмет обсуждения. Мы заинтересованы выяснить одно: многое ли в нынешней демократии соответствует

ее истинной природе, и многое ли в ходе истории сформировалось в союзе с другими факторами; не только, например, с абсолютистским государством, но и с хаотическим распадающимся обществом.

Демократия, как форма сообщества, существовала задолго до освобождения среднего класса. Но в своей исключительно ранней ассоциации с этим классом и со своим поздним отождествлением с обществом, находившимся в постоянном движении, она приобрела однобокий характер, который совершенно не соответствует ее природе. Демократия выросла из сложившегося общества, а по своей природе — из гармонии с абсолютистским централистским государством, а также из гармонии с бесформенным, бесструктурным обществом эпохи масс. Поэтому фактически невозможно интегрировать массы прямо в демократическую форму. Массы и демократия — полная противоположность. Они взаимно исключают друг друга. Коррелятив масс — это тирания и абсолютистское государство. Если желательно сохранить демократию, массы должны быть по-новому объединены.

Легко пасть жертвой оптического обмана, из-за которого исторические условия того временного периода, в котором демократия стала ведущим принципом общественной нации, воспринимаются как истинная природа демократии. Фактически эти условия содержали столько же чужеродных идей, противоположных демократии, как и сама демократия.

Таким образом, демократию нельзя отождествлять с формами и принципами государства, склоняющегося к абсолютизму как через воплощение нации, так и через воплощение общественного класса. Демократия должна быть восстановлена не как централистское государство, но посредством образования новых областей с автономной жизнью, которые в будущем смогут стать членами нового содружества наций.

Но подобное дело нельзя осуществить приказами. Движение к демократии возможно только в ходе решения практических проблем, которые можно ускорить лишь путем развития идей. Но разве мы уже не имеем элементов нового порядка, сфер автономной жизни? Мы должны помочь им осознать свое предназначение и не допустить возрождения демократии там, где она никогда не сможет процветать — в централистском, бюрократическом государстве.

Новые дополнительные формы демократической жизни должны быть найдены среди крупных корпораций нового времени, тред-юнионов, торговых и промышленных корпораций, социальных служб, институтов интеллектуальной жизни и,

конечно, все еще в парламенте, в институте политических партий.

В нынешнем кризисе необходимо использовать элементы, придающие жизни консервативный характер, а также элементы нового консерватизма. Либерализм и социализм сегодня консервативны не только формально, в том смысле, что оба способны защитить себя от мирового нигилизма, но и в положительном смысле; эти политические принципы неразрывно связаны с сохранением западной цивилизации и выступают как идеи, регулирующие ее. Здесь находится центр нового синтеза наших политических сил. Такой синтез станет возможным, если ни одна из этих сил не оформится в "частный абсолютизм" или не будет требовать своей исключительности. То есть, как только каждый из этих элементов будет действовать в общественном порядке как вспомогательный механизм, а не как механизм управления, доктринерский по своему характеру.

Ни идея революции, будь то революция созидания или революция социальной справедливости, ни идея мирового порядка не являются каким-либо новым политическим или интеллектуальным вымыслом. Эти идеи являются частью западной традиции. Эта традиция охватывает всю жизнь, а не только экономику или социальную сферу. Такая всеобъемлемость невозможна без признания ценности жизни, которая ведет к трансцендентному. Такова задача конструктивных сил Запада. Она охватывает также иррациональные силы, силы исторической целостности, силы традиций, в узком смысле — тенденцию к стабилизации.

Также в нее входят элементы частной жизни и действительно частной собственности.

Мы оставляем привычное содержание наших политических определений и суждений. Не многие способны понять, как много нам придется оставить. Большинство вещей, доводы за и против, которые обсуждаются в наше время, находятся по эту сторону границы, которую нам придется пересечь. Они принадлежат тому, что уже отжило свой век. У меня нет иллюзий относительно того, что излагаемое здесь еще не то, что хочется услышать и что ожидает нас на новых берегах.

Величие и тяготы изгнания

Трудно быть изгнанником. Но и изгнание не настолько уж лишено величия. Не так уж много в нем теряется доброты и привычного тепла. Кто-то становится сдержаннее, кто-то приобретает новые знакомства, а кто-то избавляется от устоявшихся взглядов, отказывается от однобокого мнения. Возможно кто-то способен выразить более здравые суждения, а кто-то упрочит свои позиции или откажется быть более справедливым. Возможно в этом изгнании кто-то ослабнет духовно без поддержки и привычных декораций театра жизни и будет вынужден играть партию соло. К чему тратить слова на описание невзгод изгнания. Они всегда одни и тс же. Одна деревенская пословица гласит: стойла пусты — лошади кусают друг друга. Многие неприятности, которые случаются среди всех изгнанников, объясняются их нищетой и потерей своего общественного положения. Но одного у них не отнять: их считают пионерами в духовном преображении мира.

Действительно ли у них такая миссия? Они будут ее иметь, когда откажутся от успокаивающей обманчивой идеи скорого победоносного возвращения в свою родную страну и от претензии, что именно они призваны управлять будущим порядком и восстанавливать свою страну, опираясь на опыт, полученный в изгнании. Не в этом заключается миссия эмигрантов, она намного скромнее и в то же время более полезна. Она состоит в том, что эмигранты должны способствовать будущему примирению и прояснению устаревших идей, а также они должны помочь восстановить разорванные нити и исправить ошибочные суждения. Люди, которым в такое время пришлось покинуть свою страну, находятся между нациями и государствами, между враждующими взглядами и доктринами. Или, по крайней мере, им следует занять такую позицию.

Если они правильно понимают свою миссию, то они призваны быть посредниками. Они способны оказать неоценимую услугу при условии, что они ограничат свои личные желания.

Люди, которые в прошлой войне сформировали новые национальные государства, ушли в изгнание. Они все, в большей или меньшей степени, находились под влиянием романтизма националистических тайных организаций XIX столетия. Образование масс велось в духе старых битв за свободу и независимость, когда Польша, например, везде сражалась на баррикадах за свободу против абсолютистского угнетения. Этот романтизм оправдывает политическую борьбу эмигрантов в

глазах масс, которые во время прошлой войны вынесли тяжесть оккупации, а то и военных действий на их территории. В настоящее время все изменилось. Сегодня эти массы не рассчитывают на эмигрантов, а обращаются к тем, кто перенес действительную тяжесть угнетения этих лет. Кто был в действительной опасности, кто принес величайшие личные жертвы ради освобождения.

Так будет сказано и не только в Германии, и я полагаю, есть доля правды, по крайней мере, еще в одном высказывании — что те из нас, кто в это время был за пределами своей страны, уже никогда не смогут представлять эту страну снова. Но если нам не суждено вернуться в нашу страну в запломбированном вагоне для того, чтобы подготовить там революцию и благодаря ей прийти к власти, то у нас есть важная задача: поддерживать в равновесии друг с другом необходимое и возможное, а также действовать в качестве представителей нашей нации, устранять препятствия на нашем пути к новой жизни. Это задача найти для этой новой жизни, для этой готовности пересмотреть границы нашего существования и для нашей силы, новый порядок, который не сковал бы все, это, а наделил бы крыльями.

В этом месте я должен восполнить пробел. Обсуждая вещи, которые необходимо изменить, я не высказался о вещах, которые должны остаться без изменения и которые требуют постоянного упоминания о них, что необходимо для того, чтобы избежать непонимания. В этой либеральной стране губительно стать одним из тех, кто игнорирует неизменные элементы либерализма и не верит в его важность для будущего развития.

Просвещение, прояснение идей, критика, благотворный скептицизм и освобождение всегда будут необходимы по той причине, что не существует конечного устраивающего всех неизменного статического порядка человеческой жизни, а только непрекращающееся приближение к идеальному состоянию. В политическом отношении либерализм превращается из благотворного элемента во вредоносный только тогда, когда он становится началом разрыва всех связей и разрушения всех традиций, когда, другими словами, он требует своей исключительности и не соглашается на то, чтобы быть одним из традиционных элементов, одним из нескольких. Только либерализм духовно разлагающийся, который заменяет собой религию, и только экономически разрушающий, который не готов признать пределы своей эффективности, пределы, которые внешне установлены ограниченными ресурсами все еще неразвитой технизации, а внутренне — личной ответственностью за общество.

Другой пробел относится к парламентаризму. Устарел ли он как политический инструмент демократии? Как раз наоборот. Чем больше углубляется мировой кризис, тем более насущной становится задача по усилению работы Парламента, который нечем заменить. Пройдя все возможные изменения во внешней и внутренней форме сообщества, парламентарная конституция сохранит такую форму выражения демократии, которая будет признана во всем мире. Этой формой является неизменный компромисс, который будет необходим более чем когда-либо прежде, если централистские государства достигнут более свободной коллективной формы.

Понятие традиции и исторического континуума здесь поставлено, как суть возрождения. Это сделано в убеждении, что самую радикальную революцию за всю историю человечества нельзя преодолеть с помощью еще более радикальной. Это можно сделать, только возродив плодотворные и неизменные элементы нашей цивилизации, и пока еще желателен полный переход из нашей цивилизации в цивилизацию нового типа. Тс, кто желает этого, на самом деле прислушиваются к другим голосам. Они утописты — так как новую цивилизацию нельзя создать по желанию. Она должна быть результатом развития. Ее невозможно ускорить или спланировать.

К западной традиции принадлежат как либерализм, так и социализм. Не следует нам слишком часто на это ссылаться, так как социализм из каждой революции прошлого столетия сделал нечто вроде театрального представления. Тем более, это не новое явление. Социализм, как часть европейской и западной традиции, исходит из глубочайших корней нашей цивилизации. "Разве только не будет у тебя нищего", — сказал Моисей (Второзаконие XV.4).

Социализм всегда был одним из сильнейших элементов в западном обществе. Есть ли еще необходимость в революции для того, чтобы придать западной традиции более сильную и более жизненную форму? Разве то, что нужно — это не спокойное, собранное и упорное продвижение вперед?

Одну задачу эмигранты уже точно перед собой не ставят. Эта идея принадлежит войне 1914-18 гг., но не войне 1939 года. Задача эмигрантов — обеспечить упорную и важную работу интеллектуальной базой, от которой будет зависеть плодотворность этой работы в будущем. Конечно, это не столь захватывающее занятие, но это намного лучше соответствует нашему положению, чем претензия на то, чтобы представлять будущее правительство.

Ничто так не к месту здесь, как древняя вражда и устаревшие

предрассудки. Нашей целью должно быть соединение идей как компонентов единственно новой традиции, общей и великой, и не упрекать друг друга в прошлых ошибках — как будто мы не все виновны в них и не все несем ответственность за них.

Традиция — это не просто феодальный реквизит, доведенный до наших дней. Это и все то, что составляет жизненно важные силы — например, рабочее движение. Постоянно появляются и становятся частью общественной жизни новые элементы, даже если они недавно и считались революционными. Это и есть новый консерватизм, как я его понимаю. Прошло то время, когда рабочие могли разумно говорить на революционном жаргоне, их язык сейчас бы был языком ответственных участников в государстве. Демократия — это равновесие различных сил: это децентрализация, а не просто формальное разделение властей. Помимо этого, демократия — это неуклонное развитие традиции. Отождествление демократии с радикализмом относится к прошлому.

Тайна беззакония

"Ибо тайна беззакония уже в действии", — пишет апостол. В самом деле существует какая-то тайна этого беззакония и его воздействия "со всякой силой и знамениями и чудесами ложными и со всяким обольщением неправедным"[43]. Люди, которых нельзя назвать как добрыми, так и злыми, внезапно изменились. Мы думали, что знаем их, знаем все их слабости и положительные стороны. Хотя эти люди во многом противоречивы, но, быть может, они были хорошими товарищами, добродушными и полезными. И вдруг они начали изменяться. Они стали безразличными, как будто нацепили на лицо маску, что-то чуждое шевелится в них и говорит из них. Их голос становится резким, а глаза неподвижными. Кажется, им ни до чего нет дела. Мы узнаем их только по старым костюмам или же их выдаст определенный жест или, может быть, то, как они стряхивают пепел с сигареты.

Ничто так сильно не ужаснуло меня, как ощутимая перемена, происшедшая с моими знакомыми и друзьями. Я думал, что всех их хорошо знал, когда они были очарованы нацистской политикой. Эти добропорядочные люди, такие, какими на самом деле должны быть люди, казалось, были охвачены новой страстью. Мои коллеги по профессии, фермеры, честные и благочестивые, богобоязненные, если так можно выразиться, люди, которые никогда бы не уронили свое достоинство бесчестным поступком, вдруг оказываются беспринципными, бесчестными, извлекающими выгоду из слабости других. Они приобрели новые привычки, завели позорящие их знакомства, стали властными. Они играли в азартные игры, жили не по средствам, постоянно деградировали и в конце концов сделались низкими, отвратительными существами, которые ни о чем больше не думают, как о пытках, грабеже и убийстве тех, кто слабее их.

Подобное я замечал у некоторых знакомых, о которых можно сказать, что они могли быть кем угодно, но только не слабохарактерными людьми. Эти люди присоединились к нацистскому движению, руководствуясь приличными соображениями или же, колеблясь и с оговорками, потому что некоторые элементы в этом движении их отталкивали. Эту перемену я наблюдал и у бывших социалистов и националистов, либералов и консерваторов, та же перемена, то же разложение. Эти люди производят одно впечатление — ненормальных одержимых. Они больше не были самими собой. Их перемена в характере граничит с раздвоением личности, с шизофренией. Я

не знаю, можно ли с медицинской точки зрения предположить такую вещь, как инфекционная и коллективная форма шизофрении. Я более склонен видеть за спиной этой перемены, которая, кажется, воздействовала на весь немецкий народ, тайну беззакония, работу "абсолютного зла", метафизического по своему происхождению.

В деятельности нацизма присутствует то, что не так четко представлено в других тоталитарных режимах. Именно в нацизме мы видим истинный характер зверя из бездны, характер, который так ясно смог увидеть Гоббс, и на который он пытался указать, когда давал своему абсолютистскому государству имя Левиафана. Современные эксперименты в систематическом абсолютизме частично являются средством по удержанию общества от раскола. Для нацизма порядок Левиафана не средство, а сама цель. Нацизм принуждает людей к повиновению не посредством предоставления им нового конституционного порядка, а путем господства над ними.

У нацизма нет другой цели кроме как власть и господство. У него нет других богов, кроме земного бога Левиафана. Нацизм не намерен объяснять доктрины и устанавливать утопический порядок. В нем истинная природа Левиафана раскрывает себя как тайна беззакония.

В нацизме раскрывается антигуманный и антихристианский характер всего предприятия по созданию нового мирового порядка, основанного внешне на принуждении и рациональном планировании, который таким образом, обеспечивает человечество безопасностью и здравым, прочным рационально спланированным порядком, но в действительности вовлекает людей в такое существование, в котором они находятся во власти соблазна беззакония.

Розенберг называет нацистское движение "революцией инстинкта". Лучше охарактеризовать это движение невозможно. Инстинкт сделался революционным, а запреты цивилизации были отодвинуты в сторону. Первобытный инстинкт животного человека, пробив толщу цивилизации, проник в сознание человека. Облагораживание жизни души, достижения тысячелетнего развития человеческой расы — все было сведено на нет. Эта революция напоминала людям о "чувствах, дающих силу" — жестокости, грубости, безжалостности, страсти к господству, жажде власти, животной похоти — все это уже больше не литература, как было 30 лет назад, а реальность; то, о чем 10 лет назад Гитлер говорил в беседах, сейчас осуществляется на практике. Растет поколение, которое можно охарактеризовать только как дьявольское, поколение, для которого чуждо все

человеческое. Это люди — спроектированные согласно рациональной системе, спроектированые, как машины. Эти люди воспитывались так, что их воспитание уничтожило в них чувство морали и совести. Для них идея трансцендентной власти абсурдна. Это животные, живущие без будущего и надежды, живущие одним днем, они и спланированы для этого, как мускулы и нервы.

Такое воспитание сводит тайну беззакония к глубоким корням человеческой природы. Эти люди соблазнены прегрешениями, извращенным поведением, нарушением закона, обманом, воровством и насилием. Это делается для того, чтобы шантажировать и толкать их на путь аморальности, по которому их затем будут вести без всякой щепетильности. Их обучают повелевать и поощряют распутство. Им предоставляется право играть роль "хозяев" и потворствовать своим инстинктам, таким как жестокость, жажда власти и право потакать своему невежеству.

Нет никаких корректив этому обучению молодежи. Семья, самая сильная единица в привязанности человека, систематически разрушается. С искусным расчетом подвергается нападкам то место, в котором человеческая природа жизненно важна, уязвима и наиболее чувствительна. Эти ячейки общественной жизни разрушаются из политических соображений, и не только из-за них. Эта атака направлена против цивилизации, против первобытной по происхождению любви к дому, против кирпичиков власти — порядка, самоконтроля, подавления похоти, против элементов воспитания в гуманистическом духе. Люди должны разорвать все связи друг с другом. Они должны стать массами, и как массы должны управляться все вместе. Они не должны нести ответственность за кого-либо. Это предоставлено только правящей власти. Они должны контролировать свои импульсы только тогда, когда это устраивает правящую власть.

Если их вожделением является кровосмесительная связь или отцеубийство — тем лучше; они свободны потворствовать этим своим желаниям. Они свободны от бремени цивилизации.

Освобождение всех низких инстинктов человека, сексуальная свобода, полный разлад с чистой совестью — это вознаграждение за суровое воспитание на службе у Левиафана, за тотальную несвободу в области, которая обычно относится к политической жизни. Это прямая противоположность дисциплине. Это конец сдерживанию инстинктов. Гитлер отвергает любое подавление и, таким образом, удовлетворяет тайное желание большинства нынешнего поколения, которое в цивилизации себя чувствует

неловко и которое отправляется в новую миграцию, назад в пустыню, мнящую себя новой землей обетованной.

Разоблачение Левиафана

Отказ от сдерживания является закономерным результатом "процесса духовного освобождения". Это вполне логично. Что теперь может удержать человека? Социализм, в его общепринятой форме, сводит все духовные ценности к материальным условиям и движениям. Но он, по крайней мере, требует альтруистического отношения. Но почему? Разве не более закономерно выкинуть все за борт, и разве не в этом заключается успех Гитлера, особенно в глазах молодежи? Он говорил девочкам и мальчикам: "наслаждайтесь своей молодостью", но в то же время посылал молодых убивать объявленных вне закона противников, грабить и жечь, и он же угнетал беззащитных евреев.

Ну хорошо, пусть это не обобщает отношения, проповедуемого частью пролетариата, под влиянием все тех же интеллектуалов, что призывали на безжалостный бой с буржуазией. Но разве Гитлер не довел все это до логического завершения? Человек, признающий рабство, заслуживает его. Раз нет таких понятий, как живая душа, то почему бы не расстрелять и не подавить неугодных? Много лет назад Ницше говорил: если что-то падает — нужно подтолкнуть.

Откажись от сдерживаний и стань свободным человеком! Человеком ли? Быть человеком — значит обязательно воздвигать барьеры. Будь человеком, и все тут! Гитлер и его последователи отказались от сдерживаний, отсюда их скорость, их сюрпризы и невероятные успехи. Народ называет его политику игрой в индейцев, политикой дикого Запада. Но народ не прав. Это — полное отсутствие сдерживаний, угрызений совести и лояльности. Человек — неандерталец, с треском пробивший тонкий слой гуманизма, — как кто-то метко выразился недавно. Если думать категориями расы, то это принесет много пользы. Цивилизация, созданная высшими существами, навязана неандертальцу, а он ненавидит подобную чушь.

Чем все это отличается от линии поведения, которой в тайне уже долгое время следуют образованные, способные люди? Эти люди в своей частной жизни делали все для личных целей, исходя не из принципа или права каждого, а из привилегий для избранных, духовно освобожденных, Но, как и все прочее, такая позиция опиралась на закон остаточной прибыли. Она стала банальностью, профанацией и выплеснулась на улицу.

Неужели мы не замечаем отвращения и покуда скрываемой симпатии всех этих "духовно освобожденных" к Гитлеру? Что это? Тайное восхищение? Гитлер достиг удивительного, он —

"великий человек". Разве не поразительно, как много скрытой симпатии, как много любящей ненависти к Гитлеру в этом особом виде вольнодумства, которое свободно проявилось задолго до Геббельса в идее "нескончаемой опасности", в людях, воображавших себя представителями Ренессанса, когда изменяли своим женам с официантками?

Нацизм представляет собой наиболее искусную и самую последовательную в истории человечества попытку извлечь политическую выгоду из заложенного в человеке зла. Во всех странах существуют люди, которые находят наслаждение в пытках и получают удовольствие от жестокости, которые готовы совершить любой звериный поступок. Эти люди до последнего времени придерживались границ дозволенного благодаря силам порядка, благодаря страху перед наказанием, выносимым гражданским судом или уголовным кодексом; таким образом им препятствовали дать волю своим инстинктам. Сейчас их выманило из притонов новое евангелие силы, стремление к власти и распутству. Их соблазняют наградами, продвижением по службе и возможностью удовлетворить любое свое специфическое вожделение.

Таким образом, в человеке поднимается что-то вроде скрытого мира всех его преступных инстинктов. Гангстеры, лица с дурной репутацией и преступники легко узнают друг друга. Сегодня существует Интернационал преступного мира, причем все они замешаны в политике. Возможно, это только начало чудовищного развития. К чему оно может привести, какую угрозу представляет цивилизованному миру, никто не в состоянии предсказать.

Из всех тоталитарных режимов, нацизм единственный, действительно опасный враг общества. Пытаясь осуществить коммунизм на практике, используют средства абсолютной власти. Но само по себе стремление европейских идей к человеческому прогрессу и освобождающему Просвещению все еще находится в духе западной традиции. Благодаря распространению доктрины социализма, коммунизм является законным и, может быть, завершающим этапом процесса секуляризации и революционизации за последние четыреста лет. Благодаря западному развитию из этого процесса может выйти коммунизм, он может видоизмениться, он находится среди созидательных импульсов нашей цивилизации, в которой еще так много возможностей для возрождения и адаптации. Нацизм же — чуждое движение по отношению к западной цивилизации. Это совершенно чуждый ей процесс, полное ничто, абсолютное ее отрицание.

Нацизм так опасен еще и потому, что он обращается не только к тем, кому он предоставляет шанс добиться потрясающего успеха в обществе — людям, лишенным корней, безработным, неимущим, неудачникам, завистникам и недовольным, закономерно пришедшим к потере всех ограничений, к потере морали и приличий. Нацизм также обращается и к тем, кто хочет безопасности любой ценой, кто тревожится за достигнутое положение в обществе, кто боится еще раз оказаться ввергнутым в нужду и социальный упадок, потеряв работу. Мир полон людей, принадлежащих всем слоям общества, которые готовы заплатить любую цену за то, чтобы сохранить свое положение в обществе, предоставляющее им богатство и изобилие. Нацизм, верный книге своего лидера, апеллирует к низшим инстинктам человека. В начале он поступал так в своей борьбе за власть в малом масштабе, сейчас же он это использует весьма широко. Осуществляя этот процесс, он полностью разрушает старый порядок. Из масс, сформированных разрушением этого порядка, он создает новый порядок, в котором самые низкие инстинкты будут выступать в роли цемента, скрепляющего общество, будут его связующим элементом. Неужели подобное выдержит испытание временем?

Создание нового порядка содержит опасность вечного грехопадения человека. Новая форма человечества пробивает себе жизнь, это — человек-термит. Это Поистине метафизический заговор зла против человечества, которое уже однажды предстало в образе божества. Термитное государство — вот истинное предназначение Левиафана. Из-за него Бог лишился своего творения. Из-за этого гаснет любой проблеск человеческой индивидуальности.

Но разве нас самих не толкают на этот путь все эти утописты, готовые пожертвовать личностью ради коллектива, свободой ради утопического равенства и созидательной энергией ради единообразия? Но можно пойти и дальше. Термитное государство появляется из-за уничтожения сексуальности масс. За просвещенной сексуальной моралью, за демистификацией секса в здоровую потребность так, как это долгое время пропагандировалось рациональным социализмом всех типов и затем было перенято нацизмом, лежит что-то близкое к уничтожению сексуальности. Сексуальность лишается природных свойств, упорядочивается, становится менее важной и прекращает быть буйной движущей силой. По мнению социалистов, многое из иррационального рационализировано; по мнению же нацистов, люди созданы так, что готовы уступить и в этой области, подвергаясь давлению с разных сторон. Это же относится и к

другому инстинкту — инстинкту собственности, личной наживы. Представленный в таком свете, является ли общераспространенный социализм лучшим противником нацизма? Не тайный ли это союзник? Представленный в таком свете! И разве он также не ведет к гибели человечества?

Именно нацизм вскрыл истинный характер Левиафана. Сможет ли в таком случае Левиафан и далее служить средством достижения цели, только уже для других политических элементов? Сможет ли он, надев на себя маску, стать идеалом будущего порядка, государством социальных служб? Неодемократией или авторитарным государством?

Принудительное обучение, "планирование" молодого поколения, тенденции к механистичности жизни, тщательный контроль за каждым человеком, комплекс единообразия, подавления индивидуальности, принуждение и регулирование всей жизни общества — разве все это не развалится на обломки с разоблачением Левиафана как псевдопорядка, основанного исключительно на силе принуждения и покорности и в котором человека лишают своего истинного воплощения? "Проектировать" разряды людей — возможно ли это после разоблачения рационализма с его "деспотизмом разума"? Великий процесс разоблачения всех идеологий, который был сущностью интеллектуальной истории XIX столетия, находит свое завершение и диалектическое изменение в открытии того факта, что невозможен рациональный, полностью потусторонний человеческий порядок, который если и может существовать, то только как порядок, основанный на принуждении, и его пути ведут к абсолютизму, к тотальному отрицанию человека и его цивилизации.

Подводя этому итог на языке мифа, мы можем сказать, что это тайна беззакония наделила нацизм своим феноменом силы. Именно эта тайна составляет сущность порядка Левиафана. Левиафан остается deus mortalis, смертным божеством. Он поддерживает свой порядок, лишая человека его сущности, назовем ли мы ее бессмертной основой или же душой, или личностью, или чем-то еще на наше усмотрение.

Я вижу, как поднимается поток безысходности и отчаяния, в бессилии доброй воли я вижу противоположность безграничному старому либерализму. Нет, конечно же, разум не побежден. Но является ли это поводом для разумных людей, чтобы тотчас же обратиться в нигилистов? Мы никогда не преодолеем нигилизм. Возможно, он просто — новое воплощение зла. Во всяком случае, мы вынуждены проронить: "это — организатор всего мира". Его форма — Левиафан, форма правящего нигилизма.

Всемирный закон нигилизма

В прошлом Гитлер говорил о своем "коперниковском" достижении. Он наделил Вселенную новым центром. Что же это за неподвижный центр и что находится в движении, покоится? Что это за "коперниковское" достижение? Может быть, это — власть вместо свободы, раса вместо равенства? Только ограниченный человек или слепец станет отрицать, что в планах и концепциях Гитлера есть что-то грандиозное. Если бы кругозор Гитлера не был свободен от узости европейских концепций, вряд ли такое огромное количество интеллигенции попало бы под его влияние. Несмотря на все, в предпринятых Гитлером мерах в определенной степени наблюдается почти что игнорирование всех предусмотренных заранее идей. Свобода Гитлера от сдерживаний и от признания общепринятых понятий и суждений поставила его в положение человека способного рассматривать пограничные явления нашей жизни более непредвзято, чем способны на это те из нас, кого принято называть образованными людьми. Есть доля правды в утверждении, что Гитлер имеет дар видения сквозь псевдовеликое и способность довести его до своих истинных пропорций. Подобным образом он понял подлинную картину новой реальности еще до того, как многие из нас были готовы к этому.

Если дар видеть суть вещей и сводить сложное к его простой сущности является признаком несомненного величия, то Гитлеру нельзя отказать в этом величии. Нельзя отрицать и другое качество Гитлера, которое также считается признаком политической значимости. Это — способность вдохновить других одаренных людей своей интуицией и склонить их работать на свои цели. Очевидно, от этого человека исходит поток силы и вдохновения. И даже такой проницательный скептик, как господин Шахт, президент Рейхсбанка, не раз заявлял, что после встреч с Гитлером, он уходил нервным и возбужденным. Это не просто фразеология нового византийства. О подобном воздействии мне говорили многие. Сам я этого никогда не испытывал, но и не могу отмахиваться от впечатлений других. Такое воздействие оказывает широкий кругозор Гитлера. Гитлер для всех нас расширил пределы нашего представления о мире и показал нам "все царства мира и их величие".

Я умышленно ссылаюсь на библейский текст. Именно демонические возможности этого человека, его дар видеть проблемы в новом свете, а горизонты в ином измерении сформировали его. Мы сумеем преодолеть этот демонический

дар, обладающий силой соблазна и убеждения, только если беспристрастно исследуем эту силу и решим, что же делает ее столь труднопреодолимой.

Существует веская причина опасаться, что Гитлер в ходе политической борьбы сможет вскоре поставить демократов в трудное положение. Они могут оказаться втянутыми в открытую пропаганду устаревших идей, противоречащих здравому смыслу и прогрессу. Например, пропаганду той старой Европы, возвращения которой уже никто не хочет. Никто больше не желает той Европы, какой она была между двумя войнами и до революции, когда континент поделили национальные границы, когда разгорелась национальная борьба, когда мы столкнулись с экономическим протекционизмом и всевозможными "препятствиями на пути". Никто не хочет устаревшей внутренней политики, исключая, быть может, небольшую по численности элиту. Для масс, которых мало заботят принципы и политические дебаты, она утратила всю свою привлекательность. Никто не желает старого общественного порядка, где, с одной стороны, проповедуется война, уже не имеющая важного значения для рабочих, а с другой стороны, осуществляется защита социальных и экономических привилегий, которые уже не находят своего оправдания. И никто не хочет старой экономической системы, давно лишенной своих существенных черт, но все еще усердно защищающей собственные границы, внутри которых находятся ортодоксальная валютная система, устаревшая организация торговли, отмирающая финансовая политика и так далее.

Что случится, если Гитлер станет управлять Европой с помощью умеренной и сдержанной власти вместо деспотического правления? Если в конце концов он станет более терпимым и определит для своего мира такие условия, которые обеспечат членов федерации или Европейской лиги разумно установленными свободами и выгодами, таящимися в столь огромной экономической и административной единице? Если впоследствии под нацистским руководством европейский континент приобретет форму, к которой в своем историческом развитии он давно прокладывал себе дорогу — форму экономического и политического единства, при которой не будет растрачиваться энергия на преодоление трудностей и ограничений, постоянно возникавших? Может быть, это будет союз, в котором многочисленные национальные и расовые различия между жителями сохранятся, по достоинству оценятся и разовьются дальше, везде, где бы они не нуждались в территориальном самоуправлении и в сохранении национальной культуры, обычаев и самобытности?

Что случится, если благодаря Гитлеру появится нечто типа восхваляемых Соединенных Штатов Америки? Не в механическом, рационалистическом и схематичном виде, который отстаивают все паневропейцы, а в форме, характерной для Европы, индивидуально приспособленной к действительности, традициям и историческому опыту? Такой порядок, детально разработанный для каждого случая, будет отличаться в Голландии или Норвегии, от Швейцарии или Польши и т.д. Это не порядок, оформленный по последнему образцу, и не рационализированная схема, восхищавшая радикальных плановиков. Если в Европе возникнет союз, сумеющий сберечь все богатство исторического развития рас и сообществ с различным культурным уровнем, то что произойдет дальше?

Что тогда скажут демократы, в частности, в Британии, сохранившей западную цивилизацию в ее чистой форме, заявят ли они о своей готовности сражаться за реставрацию старой Европы и всех национальных демократий с их протекционизмом и амбициями за счет своих собственных меньшинств, не оформленных в национальные государства? Будут ли они вести борьбу за установление новых окончательных границ, которые на этот раз будут справедливыми, несмотря на то, что в Центральной и Восточной Европе такие границы совершенно невозможны? Или же за Лигу Наций, которая и в будущем будет бессильна, или за разоружение, которое будут продолжать саботировать, или за коллективную безопасность, которая так и останется призраком? Или же они выступят "Il faut en finir"[44] за всеобщую месть, за окончательное искоренение пангерманского великопрусского милитаризма, фактически прекратившего свое существование после объединения с куда более опасной агрессивностью нового якобинизма?

Прокламации, программы, мирные или военные цели — обсуждение всего этого стало пустой тратой времени. Они сбили с толку людей, поверивших утверждениям, будто с их помощью можно чего-то достичь, тогда как действительное развитие идет в другом направлении. Новая реальность уже существует и оказывает свое влияние; она направлена против этих программ и планов. Эта реальность вводит в заблуждение не только массы, но и интеллектуалов, не только немецкий народ, но и порабощенные нации. Она приводит их к покорности, к молчаливому наблюдению за деятельностью политических авантюристов, которые ясно понимают, какую они могут извлечь для себя пользу из этой ситуации. Апатичность и беспомощность начинают распространяться по всей Германии и на оккупированных

территориях. Несмотря на все лишения и унижения, насаждается идея, будто при нынешнем немецком режиме люди хотя бы знают, где они находятся, в то время как никто не возьмется утверждать, будет ли другой режим лучше. Мы начинаем сознавать, что, по крайней мере, в одном мы должны отдать должное нацизму: он придаст Европе новую форму, представляющую объединенную экономическую структуру. Раз война окончена, говорят друг другу люди, то действительно начнется восстановление мирной жизни на благо всех, кто в ней заинтересован и даже на благо тех, кто сейчас находится под политическим гнетом. Точно так же Бисмарк на свой манер огнем и мечом в 1848 году осуществил мечту народа о германском единстве и демократии. И разве не должен ли теперь Гитлер огнем и мечом осуществлять мечту паневропейцев на свой манер?

Но что еще, как не псевдорешение, помещающее принять истинный курс, скомпрометирует его сторонников и их поддержку и даже сделает ее невозможной и из разумных доводов удовлетворить свои потребности, воздвигнет нечто, что станет труднопреодолимым препятствием на пути развития будущей жизни Запада?

Ни на секунду не следует верить искренности любого мирного предложения Гитлера, каким бы разумным оно не казалось и как бы не было оно насыщено европейскими националистическими и социалистически — революционными тенденциями XIX столетия. Как реальность надо принимать тот факт, что демократии, и не только массы в них, можно заставить поверить в такой исход событий, как заключение мира с нацистской Германией. Это объясняется тем, что массы, и не только они, хотят увидеть конец периода национальных революций XIX столетия. Они не меньше устали от нескончаемых национальных разногласий, чем от конфликта, возведенного теоретиками социализма в миф, — классовой борьбы. Закрывая глаза на этот факт, нынешние политики лишают себя важных преимуществ.

Европейский порядок Гитлера — это временный проект для временных целей. Он рассчитан на то, чтобы политическими средствами добиться прекращения военных действий. Это соблазн, против которого нужно выработать иммунитет.

Важно постоянно обращать внимание на идею, которая глубоко укоренилась в нацистских кругах, что, по всей вероятности, Германия не может сразу достигнуть мировой гегемонии и необходима третья попытка. Короткое перемирие между 1918 и 1933 годами не причинило Германии вреда, оно позволило ей дисциплинировать целую нацию и установить

совершенно новый баланс сил в международных отношениях. Нацистская элита надеялась получить подобный результат от квазиперемирия, приходящегося на второй промежуточный период. На эти идеи повлияла память о блестяще задуманном Бисмарком процессе по национальной унификации в XIX столетии, рассчитанном на три последующие войны. Нацистские лидеры идут куда дальше, но — назад. Они говорят о второй Пунической войне, в которой Карфаген — Британия — будет полностью разрушен. Некоторое усилие памяти и можно показать, что прекращение военных действий с целью заключения мирного компромисса для Гитлера будет означать неизбежную победу. Новый период подготовки к войне дал бы ему возможность уничтожить по очереди Россию и Британию, и позволил бы ему изучить опыт этой войны и заполнить пробел в своем вооружении. Можно предвосхитить и то, что Гитлер воспользуется временной передышкой как козырем в этой опасной игре, и то, какую он извлечет из этого пользу. Если ему и не удастся заключить мир, а только предотвратить одновременное ведение войны на два фронта на западе и на востоке, то прояснится истинная цель его притязаний на Европейское государство, и станут ясными черты его мирового режима. Он не может останавливаться на полпути. Абсолютная концентрация власти и господство являются условием его пребывания у власти в Европе и даже в Германии. Гитлер может сообщать миру о своем намерении в будущем быть сдержанным, говорить о своем желании исправить действия, которые он признает ошибочными. Но никто уже не поверит в его искренность. Его проницательная теория, очевидно, заключается в том, чтобы политическими приемами добиться того, чего нельзя получить военными действиями. Давайте вспомним ситуацию, когда он пришел к власти в Германии. Судя по всему, его движение раскалывалось, его положение было отчаянным и именно по этой причине в Германии нашлись люди, которые посчитали, что настал час для переговоров с национал-социализмом. Они полагали, что из-за своей слабости национал-социализм будет достаточно податлив для них, чтобы извлечь из этого пользу для своих целей. Здесь я еще раз повторяю то, что уже говорил. Но, я думаю, нельзя слишком часто полагаться на то, что изменение ситуации, в самый кризисный момент карьеры Гитлера приведшее его к власти, оказывает непрекращающееся влияние на его взгляды и дает ему идею новой ужасной игры, которая на этот раз будет осуществляться на арене мировой политики.

Все, что до сих пор было известно как новый гитлеровский

европейский порядок — всего лишь прием в политической борьбе. Это показывает простое соображение, что европейский порядок не может существовать независимо от других образований. Даже если бы и можно было на континенте основать объединенный экономический и политический порядок, даже если бы он не состоял из уже упомянутой концентрации всех элементов власти в огромных монополиях, контролируемых только Германией, то все равно такого европейского порядка был бы недостаточно для выработки нового мирного положения. Нацистский порядок в лучшем случае привел бы только к перемещению соперничества между национальными государствами, которое ограничивается пределами континента, на интерконтинентальный уровень и, таким образом, это привело бы к новым осложнениям в мировом масштабе. Это случилось бы, будь Европа даже экономически самодостаточной, каковой она не является. Таким образом, дальнейшие планы неизбежно продолжали бы осуществляться и дальше. Существование обширных соперничающих друг с другом территорий не может внести вклад в защиту мира. Оно может только дать новые возможности для ведения окончательной борьбы за мировую гегемонию.

Новый баланс сил на мировом уровне, гарантированный Гитлером и Муссолини, или, может быть, Японией и Сталиным, является фантасмагорией. Он не стал бы более реальным, даже если бы Великобритания и Соединенные Штаты присоединились к нему. Британская империя, гитлеровская Европа, Россия, паназиатский и панамериканский союз — между всеми ними никогда не будет реального равновесия. Они будут просто отправным пунктом для борьбы за мировое господство. Необходимость концентрации средств власти очень скоро приведет не только к угасанию в пределах больших территорий всех амбиций второстепенных стран (например, таких как Италия), но и к устранению враждующих сил. Если согласиться с требованием необходимости концентрации и централизации средств власти, то вследствие этого будет невозможно следовать политике в противоположном направлении, то есть политике уважения других сил, существования ряда центров власти и принципа мирного соперничества.

Баланс сил — фраза, принадлежащая совершенно отличному политическому порядку — британскому и англосаксонскому. Этот порядок, в который включены государства, выросшие в результате исторического развития из европейских наций, невозможно поддерживать на принципе принуждения некоторых из этих наций. Он может существовать только на принципе

сообщества, которое бы отвечало интересам всех входящих в него членов. Только Европа, упорядоченная согласно этому принципу, подходит для того, чтобы вступить в подобное сообщество на интерконтинентальном уровне. Порядок, в котором огромные централистские и тоталитарные государства противостоят огромным демократическим государствам, является не концом великой Революции, а ее началом.

Tristitiasaeculi

В конце процесса разрушения, который начался как высокомерное освобождение человеческого общества от хаотического прошлого и основ его детства, находится абсолютное ничто, чистое сознание индивидуума, его страх принадлежности только к этому миру и его намерение получить максимум удовольствия и власть от этой единственной жизни, до того как он хладнокровно и цинично или же в истерии уйдет из этого мира. Человеческая жизнь потеряла всякую ценность.

Tristitia saeculi — это меланхолия мира по сравнению с "божественной меланхолией". Это отказ от отцовства Бога. Люди больше не желает слышать о необходимости соблюдения требований высшего гуманизма и праведной жизни. Они хотят окунуться в жизнь развлечений, в которой ложная безопасность обеспечивается отсутствием страха и надеждой на лучшее. Но как в эпоху, в которой любая вера стала невозможной и смехотворной, политическое сообщество может вынести отсутствие общепринятого стандарта праведной жизни? Разве страстный патриот, который пытается освободить свою страну, не желает власти столь же сильно, как и нещепетильный охотник, с тем, чтобы ухватиться за одно оставшееся средство, средство, предложенное любой формой общинной жизни, — за принуждение, за принудительную веру?

Самый насущный вопрос: как в эти дни возможна хоть какая-то вера? Для большинства людей этот вопрос означает не более чем поиск того, что можно поставить на место утраченной веры, что могло бы вывести нас из хаоса? Этот вопрос не только для Германии но, и может быть, для Франции и остальной Европы. Британия и англосаксонский мир существует за счет последней сублимации уже давно умирающей христианской веры. Даже если эта вера все еще сохраняется как обычай, она может исчезнуть в новом поколении, среди нынешних молодых людей. Также полностью, как это случилось в Германии. Процесс разоблачения идеологии здесь, на континенте, не достиг своей цели. Но можно ли его остановить? В нем кроется глубочайший источник сомнения в возможности возродить наш западный мир.

В некоторых оргиях французской революции, по крайней мере, присутствовала богиня разума, которую возвели на престол, хотя бы и в форме обнаженной женщины. Деспотизм был все еще в стиле Робеспьера. Это — деспотизм разума. Но в Германии на престол возвели — калибана.

А церковь? Я полагаю, что даже люди доброй воли больше не

способны сказать, что значит церковь или что она должна значить — не могут, во всяком случае, в континентальном протестантстве. Многие приходят к неизбежному заключению, что христианство не вопрос чувства, а вопрос вероисповедания, не отдельные молитвы, а соборное служение. Нам пришлось идти долгим путем и мы нуждались в этом споре о предназначении христианской церкви, чтобы еще раз осознать, что христианство есть таинство исповеди. Сам по себе термин исповедальная церковь имеет новое звучание, и разве он не создал конструктивный элемент для будущего, во всяком случае, в пределах германской евангелической церкви.

Но это внутренние изменения, на которые мы больше не можем влиять. С какой стороны не пытайся разрешить проблемы нашего глубокого кризиса, в конечном счете приходишь все к той же центральной проблеме. Это проблема твердости веры. Основной вопрос в нашем кризисе, это вопрос о том, возможно ли достичь духовной и моральной опоры, на которую сможет опереться вся наша жизнь. Важная проблема еще в том, возможно ли повергнуть вспять исторический процесс секуляризации, длящийся уже пять столетий. Это явно невозможно. То, что нужно сделать для этой цели, выходящей за пределы чисто религиозной сферы, несколько больше чем ограничение политических и социальных требований. Это признание ограниченной сферы нашего человеческого космического порядка, который является предметом споров. Вероятно, можно сделать нечто большее, но в любом случае не следует. Деятельность человеческого общества должна определяться извне, а не в себе.

Мы нуждаемся в ewigungen,[45] или, как это окончательно выразил, Якоб Буркхардт — в обращении к высшим ценностям. Должно быть что-то, "что установлено как абсолют, раз и навсегда". Но Буркхардт не отвергает обращения к христианству как к "утопической реакции". Все, говорит он, способствует интерпретации христианства, как независимой силы. Христианство сейчас имеет смысл только как оппозиция властям и частному капиталу, оно "не согласуется с государством и миром". Тщетно пытаться "искусственно навязать христианство с целью сделать людей более доброжелательными".

Без сомнения, все обдуманные попытки, направленные на возрождение христианства, подчинены одному безжалостному закону: одной доброй воли и желания верить недостаточно. "Спланированная" христианская деятельность, такая, как нам кажется, необходима для возрождения Запада, наиболее абсурдна и разрушительна из всего того, что многие наши современники планируют. Она могла бы плохо кончиться на основании того

факта, что все, находящееся само по себе вне веры, например, поддержание общественного порядка, восстановление нормального функционирования государства, этическая база, служащая опорой цивилизации, — не ведут к самой вере, а только к осознанию ее необходимости. "Люди часто попадают под власть воображения, — говорит Паскаль, — и веруют в изменения, покуда надеются на них". Осознание необходимости обращения в веру — не христианство.

Трудность рехристианизации объясняется не только отчуждением человека от всего, что трансцендентально, но и вечным парадоксом веры, заключающимся в недостаточности желания и доброй воли самих по себе. Менее всего желание верить, потому что это элемент порядка в светских делах.

Без того основного смысла, которым наделил Гоббс свое "смертное божество", с его соблазном посюстороннего, чисто земного человеческого порядка, его не назвали бы "зверем из Апокалипсиса". Он хорошо осознал "тщеславие" в религиозном смысле. Он знал, что устанавливает логическую противоположность христианскому порядку. Это был антихристианский порядок. Он также ясно представлял себе, что против этого порядка нужно сражаться, только полагаясь на христианский духовный порядок, что в своей собственной области этот порядок был неуязвимым, логичным и соблазнительным. Таким образом, если кто-нибудь позволит его богу появится возле себя, то он станет его жертвой, как уже раз опрометчивая душа стала его, заключив договор с дьяволом.

Если господство Левиафана можно преодолеть только силой религии, то сегодня он кажется непоколебимым и, вполне вероятно, день окончательного пришествия и правление Антихриста уже наступил. Как мог христианский порядок, слабый и колеблющийся в своей связи со светским миром найти силы, чтобы преодолеть антихриста, который оказался вне своей духовной сферы?

Возможно, в течение этих лет мы соприкоснулись с чем-то новым. Оно новое только для нас, на самом деле оно бесконечно старо. Мы познали реальность существования зла, метафизическое воздействие и силу зла. Левиафан — это дух зла. Он в евангельском смысле — Искуситель, который обещал все царства мира и их величие тому, кто падет ниц и будет служить ему. Он вышел из силы и, должно быть, из духа зла, который мы уже ощутили в истощении и агонии этих лет. Не из человеческого зла, обычных мелких подлостей, но из силы, которая в самом деле должна внушать восхищение, величественного зла, которое во все времена очаровывало намного сильнее, чем безгрешность

великих поэтов. Левиафан — это демонический дух зла, воздействующий на интеллект и являющийся одной из сил, созданных творцом.

Из познания этого зла может открыться путь к познанию веры, в которой может быть преодолено зло.

Призыв к Синаю

Дух зла в наши дни нашел глубокое, символическое воплощение в антисемитизме. Но нам необходимо избавиться от соблазна отождествлять его только с Германией, ведь он распространился по всему миру. И в любой стране это некий эталон нигилистической революции.

Не стоит исследовать истоки антисемитизма, исходя только из политических и социальных причин. У него — метафизическая основа. "Война с евреями", по мнению великого немецкого историка Моммзена[46], — "недоразвитое чувство национализма"; этот феномен распространен повсеместно: еще вчера — в Польше, а сегодня — во Франции. И так — по всей планете, в каждой националистической группировке. Однако, это никак не означает, что этим и заканчивается национализм. Вовсе нет. Такой национализм древнее, чем любая из форм европейского национализма. Его не искоренить, рассматривая только как отжившую избыточную форму, поскольку он пустил корни гораздо более глубокие, чем мы думаем, в основу нашей западной цивилизации. От него так просто не отделаться, с презрением, словно это признак грубости и варварства. Чтобы преодолеть антисемитизм, необходимо осознать всю степень ужаса, когда пытаются соблазнить пороком. И несмотря на это, борьба с антисемитизмом — почва для духовного возрождения нашей цивилизации. Антисемитизм — центральная, а не побочная проблема, являющаяся частью всеобщего кризиса, один из его симптомов. Важность этой проблемы заключается в том, что антисемитизм — ключевой элемент нацистской доктрины.

Нацизм со своим дьявольским инстинктом, неспособностью контролировать эмоции, эффектом коллективного стада жаждет, чтобы в человеческое подсознание проникло зло в конкретном образе. Вот так его олицетворением стали евреи, что удовлетворило человеческую потребность в видимом образе зла. Евреи стали не только козлами отпущения, их обвинили в бедах и просчетах прошлого и настоящего. Такой имидж стал дешевым, легким и эффективным средством, породив множество толков. Почему же такой прием хорошо сработал, даже без видимой нужды воплощения в образе зла? Почему этот образ означал зло, когда не было особых условий, благоприятствовавших этому? Замена религии на просвещенный атеизм требует не только смертного божества, но и злого духа — и смертного, и земного.

Не так уж трудно докопаться до корней массового антисемитизма в Германии. Они тянутся из тех далеких времен,

когда успешно создавался миф о Зле. В сознании народных масс он персонифицировался в образе капиталиста. Распространенные в то время идеи социализма всколыхнули народ и подняли волну ненависти. В принципе, социализм имел ту же основу, что и нацизм. Его последователи тоже стремятся получить сатисфакцию в ненависти к евреям. Функция антисемитизма в политической системе и массовой пропаганде нацизма совершенно ясна. Евреев подставили вместо буржуазии, то есть расово сознательный националист заменяет классово сознательного пролетария. При двух разных политических системах возникает конфликт интересов. Обе системы нуждаются в корреляции, в поисках центра спасения в видимой форме злого духа. Но это только одна сторона антисемитизма. Его успехи, как суррогата марксистского социализма, показывают, что система мышления народного марксизма была неким знамением, указывающим на нигилизм, и антисемитизм лучше, нежели миф о классовой войне, соответствует инстинктам, присутствующим в подсознании. Ниже педагогических целей — попытка поупражняться в аморальности; ниже мотива политической пропаганды — революционные волнения и бунты; и ниже биологического, расового элемента находятся истинные корни антисемитизма: в людской ненависти к Израилю, к избранному народу, которому доверился Бог.

Эта ненависть работает на элементарные человеческие потребности, в этом — что-то извечное. Ведь антисемитизм так же стар, как и вся западная цивилизация, даже еще старее. Все неординарное, чего общество не приемлет, подсознательно обращается во зло. Так создастся миф о зле, так же, как рождается и живет наивная ненависть к чужакам в душах примитивных народов. Но антисемитизм — нечто большее, чем атавизм подобного рода, большее, чем только неприязнь к иногородцам. В ненависти к евреям заключено инстинктивное начало, указывающее на реакцию неприятия автора тех десяти библейских заповедей, в которых зло было отделено от добра, и разделение это приписывалось воле Божьей.

Здесь — еще один признак "дискомфорта в цивилизации", апатия или всемирная меланхолия. Отсюда следует, что антисемитизм ярче проявляется во времена духовного кризиса, нестабильности в обществе, но не только из-за того, что в такие периоды человечество чувствует необходимость в разного рода провокациях, а потому, что люди устают от навалившегося бремени, оставленного в наследство светским обществом.

Ратенау, министр иностранных дел Германии, еврей, 20 февраля 1919 года написал в своем известном письме о

значимости еврейской нации: "Знаете ли вы, для чего мы рождены? Чтобы собрать всех и каждого у горы Синай. Если они не придут — я позову их. А если не позову — это сделает Маркс. Если Маркс не позовет — за него это сделает Спиноза. А если Спиноза не позовет евреев — их покличет Христос". Но Маркс нас больше не зовет, и голос Спинозы ослабел. Тем не менее, мы соберемся у подножия Синая, как когда-то, и это будет моментом зарождения некоего метафизического звена в антисемитизме. Скрытая инстинктивная ненависть к автору этого призыва и вера в то, что с уничтожением пророка можно будет стереть и надоевшие различия между добром и злом. Антисемитизм — это соблазн видеть зло не в себе, а в других, бегство от собственных моральных и духовных обязанностей к чужому материальному достатку, к благополучию тех, кто мог бы понести ответственность за чьи-нибудь слабости и промахи. Но это еще и искушение напакостить другому вместо того, чтобы самому совершенствоваться. Озлобленность на собственное безволие всячески стремится воплотиться в реальном образе. И люди так и поступают, когда неспособны искоренить зло в себе.

Подобный антисемитизм включает в себя массу составных частей. Это может быть ненависть к какой-либо социальной группе с высоким уровнем интеллекта, которую из-за этого обходят стороной. А люди эти, благодаря своему высокому умственному потенциалу и предприимчивости, обрели особый статус в обществе. Также это может быть чувство зависти за будущее Европы: то, что она упадет им в руки, словно полностью созревший фрукт, как предрекал Ницше. Естественно, здесь и самое что ни есть примитивное чувство зависти с практичным уклоном, общественное негодование, ненависть к иной национальности. Но не стоит поспешно клеймить евреев зачинщиками поджогов и подрывов, теми, кто разлагает общество и в то же время, выступая против всяких подрывов, самому поучаствовать в бунтах и погрязнуть в коррупции.

Еврейский интеллект сыграл огромную роль в процессе освобождения человеческого духа, приложил все усилия, чтобы этот процесс развивался в дальнейшем и чтобы, не дай Бог, прогресс и варварство когда-нибудь соединились, о чем предостерегал Зигмунд Фрейд. Интеллект евреев посредством своей исторической миссии участвовал в грандиозных кампаниях XIX и XX веков, когда на глазах у всех разрушались традиционные представления об окружающем. Этот разум, абстрагируясь от всего, что связывало его с духовным началом, традициями, восходящими к древности, проник во все жизненные сферы и искоренил себя духовно ради гражданского освобождения, став

образцом для подражания и отрицая всякую власть, на которую полагался человек. Во все времена, когда мы осознанно обращаемся к возрождению духовных связей и власти, мы полностью ратуем за их реставрацию, за новую власть, которая бы враждебно относилась к той ранней кампании по освобождению, особенно к ее достойнейшим представителям. Когда процесс идеологического обличения достиг логического завершения и перешел затем в крайнюю стадию, никто иной, как еврейская верхушка, требовала громче всех поворота от свободы к новому абсолютизму. "Не освобождение и не открытие собственного "я" являются тайной господствующей идеей того времени. Террор — вот в чем нуждаются, требуют и производят для себя". Это были слова, которые еще до первой мировой войны Томас Манн вложил в уста революционера Нафты. Сказано это было писателем-пророком, верящим в перемены в душе человека. "Жестокая ошибка молодости — думать, что дух раскрывается в свободе, — нет, он расцветает в покорности". То была безвыходная ситуация, в которую мы, молодое поколение периода первой мировой войны, были втянуты диалектикой западного духа; писатель-романист показал всю ее безнадежность в своем романс "Волшебная гора". Он предрекал грядущие события: острый диалектический склад ума евреев, способный спрогнозировать ситуацию. Он располагал свободой, дающей ему политическое и социальное освобождение. Ей писатель противопоставлял рабство и террор. Парадоксально, что сами евреи сделали все возможное, чтобы призыв к Синаю не был услышан.

Все, связанное с антисемитизмом парадоксально. И не только потому, что это феномен политической и общественной жизни или особая историческая ситуация. А потому, что корни его — в трансцендентальном. Расселение евреев в Германии представляет собой пример метафизической ситуации преследования Израиля, гонения на евреев, как на избранный Богом народ. Это не гражданская война, где большинство выступает против меньшинства, а потому это не только "национальное бедствие", как его называет Моммзен. Покончить с антисемитизмом нужно простым восстановлением равных прав и их защитой, защитой "от открытого беззакония и административной софистики". Но для этого нужно приложить гораздо больше усилий. Для христианства нет ничего существеннее антисемитизма. Сейчас для него еврейский народ — народ-избранник, который положит конец своим страданиям и скитаниям, полностью воскресив свою миссию быть избранным. Это всегда служило началом разрушения христианской веры, когда делались попытки

отделить Ветхий Завет от Нового, как сделал это Маркион. Ну а в чем в наши дни заключена важность такого отношения христиан? Не было ли это верой, которая более девятнадцати столетий преследовала евреев, заключала их в гетто? Не было ли это великой гуманистической революцией, защищавшей вначале гражданскую эмансипацию евреев и покончившей с гетто? Не равносильно ли это реставрации гетто — когда революция возникает вновь, но уже по христианским мотивам? Разве не логично, что сейчас антисемитизм становится политическим требованием?

По этим причинам миссия евреев всегда должна идти рука об руку с революцией, освобождением и распадом государства, пусть даже в конфликте с их истинной духовной миссией, которая находится в рамках законности, самосохранения, традиций и тернистого исторического пути к высшему человеческому обществу. В этой трагической сумятице евреи без особых трудностей, в отличие от других человеческих рас, несут на себе бремя бесконечной борьбы. Это извечный парадокс между революцией и традицией, освобождением и долгом. Обе — человеческие миссии, хотя и неоднородные. Быть может, потому, что евреи более, чем кто-либо отягощены неразрешимыми противоречиями, они рискуют стать ответственными за все. Их неразрешимая проблема — стать гуманными, но основа гуманности заключается в неприятии антисемитизма. Иудаизм, однако, вместе с эллинизмом и христианством является неотъемлемым компонентом христианской западной цивилизации, вечный "зов к Синаю", против которого человечество опять и опять восстает.

"Их роковой час"

Не счесть дней и недель бомбардировок. Мы привыкли к этой новой жизни, ее приливам и отливам, пульсу и дыханию, тяжелым атакам и вялым налетам. Многих людей, которых я знал и встречал буквально несколько дней тому назад, сегодня уже нет в живых. Дома, в которых так привычно кипела жизнь, сейчас в руинах. Вот там был наш молочный магазинчик. Молоденькая молочница, развозившая молоко, тоже стала жертвой. Жена зеленщика в больнице, она тяжело ранена. Бомба упала в парикмахерскую, в которой жили четверо хорошеньких монашек. Они убиты. Всего их было шестеро. Тс две, что оказались на ночном дежурстве, избежали смерти. А что общего имеют эта небольшая улица, и эти маленькие магазинчики, разрушенные в тот самый час, когда люди чаще всего совершают покупки, с амбициями Гитлера править миром? Ночи становятся длиннее, а днем раньше темнеет и тотчас бомбы сыплются с неба. В такси, автобусе, магазине, в доме, у стола, откуда ни возьмись, появляется гул самолетов, близкий или далекий. Но жизнь продолжается в этом густонаселенном городе. Служащие, как всегда, в своих офисах, а рабочие ведут невидимую борьбу в тылу войны. Устраняются повреждения, расчищаются обломки, и люди снова готовы оказаться там, где наследила война. Никто не теряет самообладания, все остаются уравновешенными и терпеливыми. Вот люди появляются из укрытий — и начинается новая, более изнурительная работа — мирная. Все больше и больше проявляется особая значимость этих недель. Победа. Бои стихают без предупреждения. И вот последний, решительный бой, который, очень может быть, поставил крест на этой войне. Может, эта фраза "их роковой час" — не только фраза, а величие подвига, совершенного крошечной группой людей, отчего значение его не преуменьшается. Быть может, миссия страны и состоит в том, чтобы примирить между собой традицию и революцию на долгие времена и шагать рука об руку?

С Трафальгарской площади, где сейчас две глубоких воронки, я наблюдаю за захватывающим воздушным боем, который идет высоко над головой. Видны белые следы дыма немецкой эскадрильи, летящей плотным строем в воздухе. Три английских истребителя кружатся вокруг них. Замысловатые спирали и фигуры оставляют следы в небе. Но вот облака спрятали от нашего взгляда это зрелище, и бой продолжается, скрытый от наших глаз. Словно бой духов.

Этот бой ждет своего рокового часа, как и борьба за будущее

Европы. Но кто способен вести войну с Тварями? — так стоит вопрос в Апокалипсисе. "Прежде, сэр, разрешите заметить, что использование одной лишь силы — не более чем вопрос времени. Она может ослабнуть на мгновение и это не избавляет ее от возможных нежелательных повторений. Так нельзя управлять нацией. Это должно быть полностью искоренено". Слова Берка произносились в один из самых критических периодов в британской истории, произносились со ссылкой на Соединенные Штаты. Однажды уже абсолютизм, завоевав материк, остановился перед англосаксонским миром. Гоббс, построивший теорию Левиафана в этой стране, обнаружил, что она введена в практику во Франции и Пруссии. Это спасло Англию от повторения пути, по которому развивался континент. Однако те же самые мысли сегодня призывают ее бороться с новым абсолютизмом.

Существует стойкое убеждение, что традицию не расчленишь на части. Существуют исторические силы, которые сплотились, чтобы противостоять соблазну доктринерского обучения.

Существует духовная независимость, противостоящая любого рода политическому и интеллектуальному абсолютизму. Имеются не только теоретически обоснованные разграничения общественной и личной жизни, но и постоянная корректировка практических абсолютистских тенденций, которая постоянно пытается контролировать общественную жизнь. Существует и неподдельный демократизм, исходящий из корпораций и личного стремления к независимости и отличный от других форм демократизма по своей природе. Существует иррациональность этой демократической жизни, дающая ей свою силу. Эта иррациональность лежит в чувстве независимости, присущем индивидууму, в религиозных корнях, коими является личное чувство ответственности.

Именно из этих элементов в Соединенных Штатах выросло сообщество, которое, несмотря на явные признаки сверхрационализации сохранило и донесло до сегодняшнего дня принципы своей свободы. В британском колониальном государстве среди многообразных ложных взлетов и падений установилась некая форма либеральных принципов и справедливого управления большими территориями и различными народностями, какой еще никогда прежде не было в мировой практике.

Таким образом, появилась правящая верхушка, настоящие руководители по призванию, приверженные политическим традициям и либеральным взглядам и, казалось, созданные для того, чтобы распространять принципы справедливого управления за пределы своих сфер влияния, чтобы формировать разумный

мировой порядок.

Но такое развитие событий нельзя заранее спрограммировать, оно может быть испробовано только на практике. В этом смысле организация нового порядка — победа над современным Левиафаном — зависит от исторических процессов, не программируемых, а возникающих из современных исторических условий. Всякий рациональный план европейского или всемирного объединения, замедляющий развитие центра власти возрождающегося нового порядка, обречен остаться политической теорией на бумаге. Наряду с реальным развитием событий навязчивое экономическое и политическое планирование, основанное исключительно на рациональных суждениях, кроет в себе опасность неразберихи и переключает внимание с современных возможностей на утопические эксперименты, обреченные на провал. Новый порядок нельзя сотворить, он придет к нам сам, рождаясь в муках и борьбе. Поэтому невозможно предопределить его заблаговременно. Приход его в целом и в деталях будет зависеть от современных условий, в которых он появится. Это, можно сказать, действительность существования империи и американского сообщества. Его приход зависит и от развязки событий в других регионах.

Следуя великим политическим традициям этой страны, политическое совершенствование необходимо для того, чтобы противостоять соблазну нового абсолютизма, которого в наши дни не избежать, если начинание абстрактно, а рациональные и доктринерские идеи будут преобладать над исторической действительностью. Нет иного пути, как работать, опираясь на существующие условия, и руководствоваться принципами, испытанными в практическом управлении империей, представляющими собой составляющие еще более великого, более универсального порядка. Ни Европейский союз, ни структура Соединенных Штатов Европы не могут подменить зарождающуюся мощь и развитие, которое сегодня набирает ход, а завтра возмужает в результате тесного сотрудничества империи с Соединенными Штатами.

Но это сотрудничество, если таковое произойдет, не должно привести к подобию утопического супергосударства, как представляется многим. Оно будут сосуществовать наряду с другими формами в атмосфере особых прав. Дальнейшее развитие централизма и единообразия не в национальном государстве, а в какой-то международной суперструктуре не может довольствоваться жизненными традициями двух англосаксонских сообществ, которые сами же успешно

сопротивлялись любому проявлению современного абсолютизма. И как любой распространенный порядок, создающийся вокруг атлантического стержня, он должен будет учитывать различия в народностях и их нужды. Нельзя, чтобы это происходило по единой схеме, которая разрушала бы исторические формы в угоду логическому удовлетворению.

Тиранию тоталитарных государств нельзя победить, превратив современный абсолютизм из инструмента национального империализма в инструмент международного социализма или рационалистической плановой системы. Трудность уйти от искушения шаблонного начала состоит в том, что в сравнении с популярной и в некотором отношении заманчивой целью политического и экономического планирования, причины, которые могли повлечь базовые принципы такого мирового сообщества, какое могло бы произойти вокруг Британской империи и Соединенных Штатов, оказываются, как правило, неясными, многовариантными, логически незавершенными.

Всякое рациональное планирование сопровождается рядом традиций и исторически обусловленных требований. Как и во французской трагедии, здесь напрашивается триединство времени, места и действия. Это требует концентрации правящей власти и централизации исполнительной. Современные намерения избежать такой концентрации и централизации едва ли можно считать вытекающими из незрелого мнения и посредственного легкомысленного интеллекта.

Еще одна уникальная миссия англосаксонского мира заключается в том, что вместо "деспотизма разума", пользуясь словами революционера Робеспьера, решающую роль в ней играет исторический процесс, избавляющий от концентрации власти и централизации, а на их месте будет поддерживаться многоликое сообщество с настоящим, а не только лишь формальным разделением властей. Это — единственно возможная форма любого мирового союза или федерации.

Это могло бы означать, что вместе со сверхнациональным экономическим порядком и сверхнациональной координацией социальных служб должны развиваться особые конституционные формы самоуправления. Важно гарантировать им экономическое и социальное планирование, какое необходимо для обеспечения работой и жильем, чтобы это не стало функцией централизованного супергосударственного управления и, тем самым, началом возникновения сверхвласти. Кроме этого, важно сопротивляться существующим политическим тенденциям централизации, стимулируя местные структуры управления в

регионах. Во всех вопросах, выходящих за рамки внешней политики, обороны и законодательства о политической децентрализации не может быть и речи.

Британская империя и Соединенные Штаты — зачинатели и наследники порядка такого рода, поскольку они выполнили два важных условия: не сосредоточились на теории, а адаптировали свою систему к современным требованиям и были способны рисковать, ошибаясь и исправляя ошибки, если таковые допущены и, во-вторых, они развили идеи либерализма в системе управления, где до этого они не распространялись, а сейчас неплохо используются. Это придает им воли и повышает ответственность.

И другие нации ранее имели подобную миссию власти. Были возможны разные формы свободных федеративных сообществ. Немцы тоже подбирались к власти и, может быть, были к ней ближе всех остальных наций, населяющих материк. Но опыт, вынесенный из первой мировой войны, определенно ограничил нас в стремлении доминировать и это, вероятно, заставило нас следовать по единственному пути. Благодаря выбранной стезе мы восстановились и даже преуспели. Но мы опять пошли по тропе, которая однажды уже привела нас к опасности. Доля, которую мы вложили в переустройство Европы была велика и о ней знала группа молодых консерваторов. Они поняли причины "Europa irredenta"[47] и видели только один путь к европейскому выходу из национально-демократического дробления. Миссия Германии виделась им в руководящей роли, а не во владычестве над народами Центральной и Восточной Европы, которые были объединены одной тревогой за соседские границы, за границы вообще, искусственно ограничивающие территории. Но все это было политически невозможно. Нацизм захватил и извратил идеи, уничтожил последователей. Так, Германия ради иллюзии мирового господства и из-за своей мании величия лишилась благоприятнейшей исторической возможности.

Ни одна нация не может занять место другой или же взять на себя что-либо из ее миссии. Так, вначале для Германии было невозможно участвовать в мирных переделах из-за наших ошибочных действий. Черчилль незадолго до крушения Франции предложил решение, направленное на создание союза между Великобританией и Францией, как ядра будущего порядка. Оно ни к чему не привело. Будущее обустройство мира должно решаться нашими и их лидерами, а не политическими схемами и учеными-теоретиками.

Впрочем, одно ясно. Концепция "Запада" как Европы и Европы как части целого — вряд ли логична. Изменяющаяся

действительность потребовала не только тесной экономической интеграции, но и всеобщей универсальности. Но это болезненный процесс, процесс перестройки, который положит конец притязаниям Европы на политическое, культурное и экономическое господство.

Цыпленок вылупляется из скорлупы

Безусловно, что вторая мировая война вынесла приговор Европе. Материк перестал быть интеллектуальным и политическим центром, коим слыл долгое время. Центр тяжести переместился на Запад. Подобие новой империи сейчас может возникнуть в Атлантике. Ядро власти нового обустройства концентрируется в среде англосаксов. Европа становится тылом. Нацизм, со своим "Мене, мене, текел, упарсин"[48], пророчит кончину Европы, что может оказаться явью, а не только предсказанием. Как великие государства малой Азии, империи древнего мира своими могучими реками Евфратом, Тигром и Нилом дали жизнь средиземноморскому "Орбису", так, кажется, и нам уготовано судьбой снова стать людьми второго или третьего сорта.

Но в этом нет фатальности. События могли развиваться и по-другому. Нам дали еще один шанс; мы им не воспользовались, а упустили. Никакая система европейского переустройства, даже рациональная, не может избежать новых реалий возникновения Атлантического центра мира, появления иерархии власти. И никто, ни одна теория не возьмется переделать ее.

Если же новому порядку суждено будет появиться из пучины революции, он будет развиваться из условий, диктуемых в наше время крайней необходимостью, а не преамбулой и статейками какой-нибудь декларации, как бы они не внушали, что обладают большим количеством доброй воли и высоким интеллектом.

"Мы медленно ехали по городам и селам Германии, сопровождаемые ливнем цветов, — пишет о популярности Гитлера Альберт Шпеер в своих мемуарах. — Молодежь перекрывала въезд в город, дети висли на подножках автомобилей. Гитлеру приходилось раздавать автографы. Только после этого они освобождали дорогу, они смеялись, и Гитлер смеялся вместе с ними. Во время поездки Гитлер наклонился ко мне и прокричал: "Только одного человека приветствовала Германия таким образом — это был Лютер! Когда он ехал по стране, люди сходились издалека, чтобы чествовать его. Так же. как и меня сегодня". Я никогда не забуду этого прилива ликования, этого головокружения. Меня потрясала таинственная сила, исходившая оттуда".

Этот новый порядок может стать самой стойкой традицией в стране, единственным средством, позволяющим избежать соблазнов и смятения ума, присущих нашему времени.

Правда о внешнеполитическом устройстве — есть правда и об общественно-экономическом, внутреннем порядке. Стоит ли детально планировать на чертежной доске основу будущего порядка, когда велика вероятность повторно зайти в тупик, в дебри концепций и доктрин с бесплодными спорами политических фанатов. Словно кто-то остался здесь, чтобы потом спокойно, с полной независимостью суждений отыскать возможный способ спасения и место, откуда может прийти помощь. Цыпленок ищет выход из яйца. Всякое возникновение новой жизни требует физического напряжения и рождения в муках. Существует отчетливая разница между уклончивой природой теоретического решения и суровой ответственностью в практическом плане. Ничего нельзя предусмотреть с помощью чистой теории. Вмешательство практики неизбежно. Так, мы платим за нашу двойственную природу, в которой дух приобретает телесные очертания, а тело превращается в духовное.

Ощущение опасности и гибели должно быть в нас. То, что мы мысленно планируем — малоэффективно. Недели и месяцы, проведенные в этом городе, изменили нас. А тот, кто не испытал этого, — понятия не имеет о расстоянии, пройденном от наших устоявшихся идей. Доктрина нигилизма, — тоже доктрина и ее не побороть одним неприятием. Нет смысла указывать на все недостатки в ней. Также бесполезно критиковать наших оппонентов, считать их бандитами. Этому может противостоять наше собственное видение альтернативного устройства, нам не укрыться, используя призывы и дюжину статей. Самым убедительным является окружающая действительность. Ростки нового обустройства должны взойти сегодня, сейчас, за время войны. И только это может войну предрешить.

Нужен подходящий момент для установления нового порядка. Появится центр, притягивающий к себе составные части этого порядка. Но это со временем. Нужно, однако, учесть, что такой великий сдвиг концепций, прав, идей гуманизма приводит людей в состояние глубокого скепсиса.

Общие фразы, красивые идеи потеряют своих доброхотов. Каждый, сохранивший здравый рассудок, почувствует, что первостепенным является — побороть хаос шаг за шагом, но не для того, чтобы разработать пяти-, двенадцати или двадцатилетний план. Возвращение (на бумаге) демократии и коллективной безопасности не удовлетворит даже тех, кто все еще слушает небылицы и верит, что счастье снова улыбнется нашему материку, если не заупрямится Великобритания.

Маневрировать между хаосом и тиранией — по-прежнему

задача политики. Эта вечная гуманистическая задача следовать за порядком. В борьбе с хаосом мы бросаемся в тиранию и, выбравшись из нее, — лицом к лицу встречаемся с хаосом. Где же середина? Понятно, что каждый период должен отражать что-то, и нет более надежного средства, как избежать сразу обоих соблазнов.

Свобода и демократия сегодня пробивают себе путь наружу, из яичной оболочки доктрины. Все мы живем мыслями в прошлом, окруженные атмосферой прошлых учений, что тяжким бременем лежит на наших плечах. Мы видели войну между практикой и теорией, начавшуюся двадцать лет назад. Сегодня два любых народа найдут общий язык за исключением дюжины ученых или ученого и прагматичного политика. В будущем, как и в прошлом, грубейшие и самые невероятные ошибки будут сделаны на теоретической почве. Между трудом, стремящимся разрешить проблему практически и найти деловой подход, и усилиями, разрешающими только определенные проблемы, не будет компромисса. Прогресс, который сегодня неизбежен, и который так и не ужился с варварством, представляет собой освобождение от услуг доктринеров.

Политический нигилизм отдал должное радикализму и устаревшему революционизму. Будущее, в котором нам жить, не порвало с политическими и интеллектуальными принципами прошлого, с элементами нашей истории, и всякий новый порядок, виднеющийся на горизонте, который мы хотим постепенно распространить, может быть только длительным и должен быть совершеннее существующего и обязан сохранить значительную часть исторического и традиционного. Все новое, истинное, освободившись от предрассудков, должно принимать участие в этом длительном процессе. Нет ничего лучше, чем подключение к уже существующим звеньям элементов новизны, способных совершенствоваться. Это не вопрос о праве какой-то группы создавать элиту и не вопрос о строгой приверженности к разделу собственности. Это вопрос о том, что нужно придерживаться любого достояния, особенно интеллектуального потенциала. Большая часть ответственных лиц или общественности или на стороне утопии, или придерживается великих традиций цивилизации.

Как все сформулировать — зависит от теперешнего поворота событий. Конкретного плана действий нет. Землю, к которой мы стремимся, назовем "организованным равновесием". Эта задача — не более, чем автоматическая и самообуславливающаяся, но не европейский политический баланс власти. И в этом должно быть единство многообразия, должна быть такая же необходимость

сохранения компромисса. Но должен быть и отказ от претензий на исключительность нации, класса, расы, веры и учения.

Наследие пилигримов

Опять эти пушки, грохот! Чья-то реакция на это оживила в памяти старую фразу, сказанную Песталоцци, великим швейцарским просветителем: "образование — для того, чтобы обрести в себе покой". Мы нуждаемся в иных ценностях: вместо культа нетерпимости — этическом прославлении труда. Революция нигилизма — это нетерпимость, возведенная до теории. Это — "творческое беспокойство". В чем мы нуждаемся, так это в творческом покое, хладнокровии, а не рассеянности. Нужно ограничить бизнес. Война имеет дело с внутренними ограничениями, а не с внешнеполитическим расточительством.

Немецкий государственный деятель и крупный ученый Вильгельм фон Гумбольдт 150 лет тому назад верил в старомодный либерализм, в сознательное ограничение государственной мощи. Сейчас важно уяснить пределы эффективности каждого политического строя. Порочность заключена в наше время в возвышении государства до абсолютной авторитарности, в убежденности в среде либералов и социалистов, что существует определенное, единственно правильное обустройство мира. Если мы попробуем создать такое обустройство, то потерпим неудачу. Не существует окончательно установившегося политического порядка.

Мы ведем религиозную войну, ту же, что и триста лет назад. Два определения гуманности противопоставляются друг другу. Во времена тридцатилетней войны существовали две идеи: с одной стороны — это принципы протестантизма, индивидуализма и территориального государства, а с другой — законы католицизма, иерархии и универсализма. Тем не менее, все это была общая основа христианства. Сегодня нет общей христианской базы, которая бы объединяла западный демократический традиционный порядок вместе с абсолютистской мировой революцией. Они взаимно исключают друг друга. Компромисс невозможен, невозможен Вестфальский мир.

Следовательно, существует опасение, что эта война может закончиться фатально. Есть и соблазн, что война эта может просто перерасти в гигантскую стычку двух имперских интересов: борьбу между правительством, насаждающим власть, и подъемом, уничтожающим всякую безопасность. Но не только пропаганда нигилизма запутывает проблемы в такой интерпретации и сковывает волю к сопротивлению. Везде существуют реалии. Кого-то не удовлетворяют красивые фразы и утопические теории,

которые отклоняют все то, что поднимает эту войну над уровнем войны империалистической. Едва ли тот, кто не принимает участия в этой войне, станет говорить, что более всего расхождений в этой войне, чем в Великобритании. Империя терпит поражение в войне будучи одна и никому, кроме лидеров империи не дано права определять цели и пределы войны. Но мы воспользуемся правом высказать свою озабоченность тем, чтобы этот последний приют свободы не пожертвовал единственной силой, способной оказать сопротивление, он напичкан континентальными идеями и у него оказалось достаточно силы, чтобы принять политическое решение из всей нашей западной традиции, решение противоположное континентальному. Опасение оказаться в безвыходном положении, которое так тревожит нас — самое естественное человеческое опасение и элементарное искушение постичь всю относительность достигнутых решений и благополучия, основанных на компромиссах.

Итак, мы на верном пути, плывем на новом "Мэйфлауэре", стоим на палубе с другими людьми, среди чужих и знакомых лиц, подвергая себя такой же смертельной опасности и так же надеясь на лучшее, как и все. Мы все еще никак не расстанемся с этой эпохой, плывем, пусть даже и не к новому континенту, а к новой эпохе. Дни старой эры сочтены, они мчатся позади нашего судна. Но достигнем ли мы причала? Не пострадаем ли в кораблекрушении? А что мы взяли с собой? Только ли идеи новой свободы и справедливости. Захватили ли мы с собой, как английские пилигримы, вечные книги о высшем предназначении человечества? Или мы забыли о них?

Давайте возродим дух старого порядка, но не для того, чтобы отправиться в душе на поиски далеких земель и эпох, безвозвратно канувших в лету. А чтобы сохранить этот дух, как основу выживания любого сообщества, даже еще до того, как оно будет построено. Ох, как ноет внутри! Пока наше убежище вздрагивает от взрывов бомб, словно корабль, раскачивающийся в шторм, мы уже знаем, что никогда более не увидим берегов, которые покидаем. Они исчезают из вида, и новые земли манят нас.

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЬБЕРТ ЕГАЗАРОВ

От
издателя…… 5

Герман Раушнинг
Говорит Гитлер*(перевод Дмитрия Гайдука)…… 17*
Зверь из бездны*(перевод Артура Егазарова)…….. 219*

Герман Раушнинг
ГОВОРИТ ГИТЛЕР
ЗВЕРЬ ИЗ БЕЗДНЫ
Подписано в печать 12.07.93 г. Формат 60x88/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 2. Объем 24,0 печ. л.
Тираж 25 000 экз. Заказ 855.

Издательство "МИФ", Москва, ул. Жолтовского, д. 16, к. 1.

Московская типография № 8 Министерства печати и информации РФ.
101898, Хохловский пер., 7.

1 Canetti, Ellas, "Hitler nach Speer", Munchen, 1972.

[2] Г.Г. Эверс "Ученик чародея, или изгоняющие дьявола", "Миф", Москва, 1993г.

[3] См. Артур Макен, "Великий Бог Пан", "Миф", Москва, 1993.

[4] Вирус "сверхчеловека", занесенный в западную культуру Ф.Ницше, конечно же, заразил не только и не столько вышеупомянутых авторов: в компании инфицированных мы найдем и таких выдающихся литераторов, как Г.Гессе, Р.Музиль, Б.Шоу, Р.Киплинг — список, разумеется, можно продолжить.

[5] Естественно, на Ницше историческая нить не обрывается, при внимательном рассмотрении она поведет нас к Штирнеру, Гегелю, Фихте и еще не скоро затеряется в лабиринте веков. Ее европейский отрезок с достаточной полнотой можно проследить в книге Паркинсона "Эволюция политической мысли" (Parkinson, C.Northcote, "The Evolution of political Thought").

[6] См. Oswald Spengler, "The Decline of the West, 2 vol., N.Y., 1947.

[7] Занимательная и поучительная работа Э.Фромма "Адольф Гитлер и классический случай некрофилии, (Моск. филос. фонд, "Высшая школа", 1992.) ничего, разумеется, не объяснив, играет тем не менее педагогическую и даже гигиеническую роль, вызывая стойкое отвращение к Гитлеру как к личности.

[8] Л.Повель, Ж.Бержье, "Утро магов", "Миф", Москва, 1992.

[9] См. например, M.Eliade, "Myth of eternal Return", London, 1955.

[10] Canetti, Elias, "Masse und macht", Hamburg, 1960.

[11] Цитируется по книге Л.Повеля, Ж.Бержье "Утро магов".

[12] В метаисторической поэме Д.Андреева "Роза мира" гаввах — тонкая пища, выделяемая при страдании. По мнению автора, гаввах потребляют планетарные демоны из нижних слоев Шаданакара.

[13] **См. Б.Пруссаков. "Оккультный мессия и его рейх". "Молодая гвардия", Москва, 1992 г.**

[14] Корабль, на котором в 1620 году первые колонисты отправились в Америку.

[15] Здесь: "все позади…" (фр.)

[16] Бомбоубежище Андерсона — семейные бомбоубежища во время 2-ой мировой воины; по имени Дж.Андерсона, министра внутренних дел Великобритании.

[17] Книга Пророка Иеремии. Гл.38:7-13.

[18] Серпантин (Serpentine) — узкое искусственное озеро в Гайд-Марке с лодочной станцией и пляжами (букв. — змеевик). Башня Виктории (Victoria Tower) — главная башня здания парламента, построена в 1840-52 гг. в неоготическом стиле.

[19] Граф Мальборо (Duke of Marlborough) — командующий британской армией в Европе в конце XVII — нач. XVIII века.

[20] Отто Людендорф — генерал, начальник германского Генерального штаба во время первой мировой войны.

[21]Народных (нем.).

[22] "Младшее партнерство" (англ.).

[23] Токвиль, Шарль Алексис Клерель де (1805-1859) — французский историк,

социолог, политический деятель, автор работ "О демократии в Америке" и "Старый режим и революция". Одни из основоположников политической социологии. Был министром иностранных дел Франции в 1849-1851 гг.

[24] Эдмунд Берк (1729-1797) — английский политический деятель, историк и публицист, представитель историко-романтического направлении, пытался реабилитировать средневековье, возрождая по существу теологическую концепцию истории. Предвосхитил критику эпохи Просвещения. Французскую революцию встретил крайне враждебно. Автор работ "Размышления о Французской революции" (1790), "Письма о цареубийственном мире" (1796).

[25] tabula rasa — чистый, нетронутый ум (лат.).

[26] Божество, вмещающее в себя Бога и Сатану,

гностический персонаж

[27] коровами (нем.).

[28] Калибан — грубый, злой человек (по имени персонажа "Бури" Шекспира).

[29] Буркхардт Якоб (1818-1897) — швейцарский историк и философ культуры. Главная работа "Культура Италии в эпоху возрождения" (1860, рус. пер. 1904-06)

[30] Парк в Лондоне, примыкающий к Гайд-Парку, заложен в 1728-31 гг.

[31] Франсуа Куперен (1668-1733) — французский композитор и органист.

[32] Великая нация (фр.).

[33] Ad hoc (лат.) — специальный, устроенный для данной цели.

[34] Здесь: расово обусловленный (нем.).

[35] Левиафан — (евр. liwyatan, от Iowa, "свертываться", "виться"), в библейской мифологии морское животное, описываемое как крокодил, гигантский змей или чудовищный дракон. В Библии упоминается либо как пример (наряду с бегемотом) непостижимости божественного творения (Иов 40, 21-41, 26; Пс. 103/104, 26), либо в качестве враждебного Богу могущественного существа, над которым он одерживает победу в начале времен (Пс. 73/74, 14; Ис. 27. 1).

Образ Левиафана использован в философско-политической литературе нового времени: Т.Гоббс уподобляет ему государство, которое рассматривает как гигантский живой организм.

В агаде и в апокрифах бегемот и Левиафан упоминаются обычно в связи с мессианскими и апокалиптическими мотивами.

Мифы о Левиафане восходят к представлениям об олицетворенном первобытном хаосе, враждебном Богу-творцу и некогда им покоренном, ныне же пребывающем в состоянии сна, однако могущем быть разбуженным (Иов 3,8).

[36] Одновременное включение (нем.).

[37] Кондорсе, Мари Жан Антуан Никола (1743-1794) — маркиз, французский философ-просветитель, математик, социолог, политический деятель. Сторонник деизма и сенсуализма. Основная работа "Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума" (1794, рус. пер. 1936).

[38] Откровение Иоанна, Гл. 13; 4.

[39] Людовик Гелье (1834-1908) — французский писатель.

[40] Супруги Вебб, Сидней (1859-1947) и Беатриса (1858-1943) —английские экономисты и общественные деятели, реформистские историки английского рабочего движения, теоретики тред-юнионизма и т.н. фабианского социализма. Одна

из основных работ промышленная демократия" (1897).

[41] Темпл (The Temple) — название двух из четырех лондонских "Судебных иннов" (Inns of Court) — "Внутреннего Темпла" (Inner Temple) и "Среднего Темпла" (Middle Temple). Построены на месте, где в XII-XIV вв. жили рыцари-тамплиеры и где был их храм.

[42] Гуго фон Гофмансталь (1874-1929) — австрийский писатель, эссеист.

[43] 2-е Послание к Фессалоникийцам; Гл. 2;7-10.

[44] Наконец (фр.).

[45] Здесь: увековечение (нем.).

[46] Теодор Моммзен (1817-1903) — немецкий историк, специалист по истории Древнего Рима и римского права, автор "Римской истории" и свыше 1500 других работ.

[47] Европы несвободной (лат.)

[48] Слова, возникшие на стене во время пира Валтасара, царя Халдейского, предрекшие его гибель. Книга Пророка Даниила, Гл. 5.